

68.51
4.51

ЧЕСТЬ И СЛАВА ПЕХОТЫ

ЕСТЬ
СТАТЬ
В СТРОЙ!

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ЧЕСТЬ И СЛАВА ПЕХОТЫ

**Пехотинцам, стрелкам, мотострелкам — славным защитникам нашей Родины посвящается
очередная книга
серии «Есть стать в строй!»**

**МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1986**

ЧЕСТЬ И СЛАВА ПЕХОТЫ

**Пехотинцам, стрелкам, мотострелкам — славным защитникам нашей Родины посвящается
очередная книга
серии «Есть стать в строй!»**

**МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1986**

В КНИГЕ ВЫСТУПАЮТ:

первый заместитель министра обороны СССР, Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза **Василий Иванович ПЕТРОВ**
член Военного совета — начальник Политического управления Сухопутных войск, генерал-полковник **Михаил Данилович ПОПКОВ**

Изобретатели военного оружия:

дважды Герой Социалистического Труда, доктор технических наук, полковник **Михаил Тимофеевич КАЛАШНИКОВ**
Герой Социалистического Труда **Сергей Гаврилович СИМОНОВ**

Герой Социалистического Труда **Николай Федорович МАКАРОВ**

Писатели:

Герой Советского Союза **Владимир КАРПОВ**, **Анатолий КУЗЬМИЧЕВ**, **Юрий СТРЕХНИН**, **Владимир ВОЗОВИКОВ**, **Юрий ТЕПЛОВ**

Поэты:

Николай СТАРШИНОВ, **Валерий ЧЕРКАШИН**, **Владимир ЛАРЧЕНКОВ**, **Алексей СУРКОВ**, **Евгений ВИНОКУРОВ**

Журналисты:

Александр КОНДРАШОВ, **Андрей ШОЛОХОВ**, **Александр ЕВСЕЕВ**, **Виктор СВЕТИКОВ**, **Иван ДЫНИН**, **Юрий ТРЕТЬЯКОВ**, **Александр КИРЮХИН**, **Виктор КУКЛЕНКО**, **Владимир ДАВЫДОВ**, **Анатолий КРИКУНЕНКО**

Автор-составитель Владимир ТИКИЧ

ДЕЛА СУТЬ— В ПЕХОТЕ!

Любит наш народ свою армию.

Поет о ней песни, слагает стихи, славит в музыке. Но как-то уж не по самой полной справедливости получается, что большая часть и стихов и песен приходилась, да и сейчас приходится, на долю кавалеристов, пограничников, летчиков, танкистов, моряков, ракетчиков. Там, дескать, скорость, простор, дерзание — романтика, одним словом. А в пехоте — марш-броски, трудные переходы, сапоги, гудящие от усталости ноги — сплошные будни и никакой приподнятости.

Хорошо подметил Александр Трифонович Твардовский, настойчиво говоривший о том, что необходимо изменить наше отношение к матушке-пехоте:

Пусть тот конник на коне, Летчик в самолете, И, однако, на войне — Первый ряд — пехоте. Пусть танкист красив собой И горяч в работе,	А ведешь машину в бой — Поклонись пехоте. Пусть форсист артиллерист В боевом расчете, Отстрелялся — не гордись, Дела суть — в пехоте.
---	--

В самую точку бил поэт, отличнейший знаток военной службы, давший, кстати сказать, жизнь выдающемуся солдату-пехотинцу всех времен Василию Теркину. В самую точку. Ибо как бы ни разворачивались сражение или бой, какие бы силы и средства в них ни принимали участие, победа будет достигнута, а противник считается поверженным тогда, когда его территория окажется занятой пехотинцами. Представители всех видов и родов войск ведут бой, как требуют уставы, в интересах пехотного, а по-нынешнему — общевойскового командира. И как здесь не согласиться со старой военной мудростью, утверждавшей, что победа всегда обути в сапоги пехотинца. Вот поэтому ему и «первый ряд»!

Нынче пехота — один из самых современных родов войск. Она стала несравненно мобильнее прежней. Ее вооружение позволяет смело вступать в бой с танками и побеждать. Она имеет надежную защиту от оружия массового поражения. У нее и название другое — мотострелковые войска. Это самый многочисленный род Сухопутных войск Советской Армии, составляющий их основу.

Солдатский труд очень тяжелый. Не боясь ошибиться, можно смело утверждать, что самый сгусток его приходится на долю «царицы полей». Но это не значит, что нет в нем романтики. Она есть. Она — в стремительном ударе, в смелом маневре, в дерзкой атаке, в умелом преследовании противника, в быстрой и решительной победе над врагом. Боевое мастерство, выучка, высокий моральный дух, чувство ответственности за судьбу страны, верность присяге, готовность к самопожертвованию — эти качества присущи мотострелкам в такой же высокой степени, как и всем защитникам нашей Родины.

Хотелось, чтобы каждый юный читатель этой книги, когда наступит его черед встать в ряды вооруженных защитников Отчизны, мог от души сказать:

— Прошу направить служить в мотострелковые войска!..

ОСНОВА СУХОПУТНЫХ ВОЙСК

Василий Иванович ПЕТРОВ в Советской Армии с 1939 года. В годы Великой Отечественной войны прошел путь от командира кавалерийского взвода до начальника оперативного отделения штаба стрелковой дивизии. После войны учился, служил на различных ответственных должностях в войсках, был командующим войсками Краснознаменного Дальневосточного округа, Главнокомандующим Сухопутными войсками — заместителем министра обороны СССР.

Ныне Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза В. И. Петров — первый заместитель министра обороны СССР.

Предлагаемая беседа была опубликована в книге «Родины верный страж».

— Скажите, пожалуйста, Василий Иванович, можно ли сравнить современные мотострелковые войска с прежней пехотой, «царицей полей»!

— Заглянем прежде всего немного в историю наших Вооруженных Сил. Сухопутным войскам, основу которых составляла пехота, в прежние годы принадлежала ведущая роль в решении важнейших задач, которые ставились Коммунистической партией и Советским правительством при организации вооруженной защиты завоеваний социализма и обеспечения интересов Советского государства. В годы гражданской войны пехота была главной ударной силой при разгроме белогвардейских армий и интервентов. В ходе борьбы за Советскую власть она покрыла свои красные боевые знамена немеркнувшей славой. В годы Великой Отечественной войны наши Сухопутные войска, приняв на себя основную тяжесть вооруженной борьбы, во взаимодействии с авиацией и флотом наголову разгромили немецко-фашистскую армию. По стойкости, мужеству, активности, выносливости и умению вести боевые действия они далеко превосходили сухопутные войска противника.

Справедливо говорят, что язык цифр сух. Однако и цифры многое

могут сказать о массовом ратном подвиге пехотинцев, танкистов, артиллеристов, саперов, связистов. Каждый восемь из десяти фронтовиков сражались с немецко-фашистскими захватчиками в составе Сухопутных войск. В числе участников Великой Отечественной войны, удостоенных звания Героя Советского Союза за проявленные мужество и стойкость в боях, более 8,5 тысячи — воины Сухопутных войск.

Ныне Сухопутные войска — самый многочисленный, разнообразный по вооружению и техническому оснащению вид Вооруженных Сил. По своему боевому составу и уровню подготовки они являются мощным боевым организмом и включают в себя современные рода войск: мотострелковые, танковые, ракетные войска и артиллерию, инженерные войска, войска связи и другие.

Конечно, с прежней пехотой, которую уважительно называли «царицей полей», нынешние мотострелковые войска сравнить нельзя. Мотострелковые войска, составляющие основу Сухопутных войск, обладают высокой боевой мощью, подвижностью, маневренностью и способны решать боевые задачи как во взаимодействии с другими родами войск, так и самостоятельно. Укрытые броней, мотострелки передвигаются со скоростью 50—60 километров в час на боевых машинах.

По своей подвижности, броневой мощи мотострелковые части и соединения вплотную приблизились к танковым частям, с которыми они тесно взаимодействуют. Огневая мощь мотострелковых частей и подразделений неизмеримо возросла и потому, что в их составе имеются артиллерийские орудия и системы залпового огня, новое мощное оружие для борьбы с танками — ПТУРы (противотанковые управляемые ракеты), оружие ближнего боя — ручные противотанковые гранатометы, средства противовоздушной обороны, способные уничтожать самолеты и вертолеты противника на различных высотах.

Марши на большие расстояния, гибкость маневрирования, быстрота перехода от одного вида боя к другому, форсирование с ходу водных преград, высокие темпы в наступлении и стойкость в обороне — таковы характерные особенности боевых действий мотострелков.

Опыт показывает, что служба в современных мотострелковых войсках, оснащенных сложной и разнообразной техникой, требует высокообразованных и физически подготовленных юношей, в совершенстве знающих свое оружие и умеющих мастерски его применять.

— **Василий Иванович, хотелось бы подробнее узнать о техническом оснащении Сухопутных войск.**

— Что можно сказать об ударной силе нынешних Сухопутных войск. Каждый, кто смотрел по телевидению передачу о военном параде войск Московского гарнизона на Красной площади, видел, конечно, как выглядят современные танки. Они придают Сухопутным войскам высокую боевую активность, маневренность, наступательный порыв, увеличивают глубину удара. Машины хорошие, с надежной броневой защитой, грозным оружием, с большим запасом хода. Современный танк более приземист по сравнению со своими предшественниками, а это значит, что он менее уязвим. Более прочной стала броня, мощнее вооружение. Из танка ведется прицельный огонь не только с места, но и с ходу: на машине установлено стабилизирующее устройство, обеспечивающее устойчивое положение орудия при любой тряске. Нынешние танки оснащены специальными прицелами и приборами ночного видения. Они могут двигаться и вести огонь ночью не хуже, чем

днем. Могут форсировать водные преграды под водой, а также использоваться в морском десанте. Танк особенно устойчив к поражающим факторам ядерного оружия.

Основу огневой мощи Сухопутных войск составляют Ракетные войска, оснащенные ракетами оперативного и тактического назначения. Наши ракеты способны поражать цели противника на удалении нескольких сотен километров и нескольких десятков километров. С ракетными войсками органически слилась артиллерия всех видов и предназначений. На ее вооружении есть различные пушки, гаубицы, минометы, противотанковые управляемые ракеты. Наша артиллерия обладает огромной мощностью огня, дальностью и меткостью стрельбы, живучестью и скорострельностью. Для подготовки данных для стрельбы и управления огнем артиллерии имеются современные средства оптической, звуковой, радиолокационной разведки — приборы ночного видения и средства топогеодезической привязки. В боевой состав общевойсковых соединений входят подразделения войсковой противовоздушной обороны, на вооружении которых состоят подвижные зенитные ракетные комплексы, многоствольная зенитная артиллерия, различные радиолокационные системы, предназначенные для обнаружения воздушных целей и автоматического управления огнем. Служба в этих войсках требует от молодежи особенно высокой технической подготовки, большого воинского мастерства, собранности и дисциплинированности.

По-современному оснащены и инженерные войска. Есть техника для наведения переправ, тралы для создания проходов в минных и иных заграждениях, средства для возведения в минимальные сроки надежных укрытий для живой силы и техники. Известно, что прежде воинам приходилось вкладывать огромный труд в отрывку окопов, траншей, блиндажей, котлованов под различные инженерные сооружения. Сколько нужно было затратить усилий, чтобы переместить вручную 350 миллионов кубометров земли, которые были вынуты только на оборонительных рубежах нашими войсками в годы войны при средней норме на человека 0,75 кубометра в час?! Теперь наши войска располагают высокопроизводительными машинами — траншеекопателями, экскаваторами, бульдозерами, которые заменяют труд десятков, а то и сотен людей. Понтонно-мостовые парки обеспечивают наводку мостов через реки в считанные минуты, что дает возможность войскам быстро преодолевать водные рубежи, не снижая темпов наступления. Большая насыщенность сложной техники требует от воинов инженерных войск высокой общей и технической подготовки, знания основ автоматики, гидравлики, пневматики, электротехники, пиротехники, умения водить колесные и гусеничные машины.

Быстродействующей и надежной техникой обеспечены войска связи. Они обладают радиорелейными и тропосферными станциями, телевизионной и фототелеграфной техникой, аппаратурой высокочастотного телефонирования и тонального телеграфирования, а также подвижными средствами связи. А это позволяет командирам и штабам непрерывно управлять войсками в условиях быстро меняющейся обстановки, характерной для современного боя.

— Расскажите, пожалуйста, о личном составе Сухопутных войск, о тех качествах, которые отличают воинов-мотострелков.

— Всех воинов отличают такие замечательные качества, как высокая идейная убежденность, беспредельная преданность Родине, Коммунистической партии, народу, готовность с честью выполнить свой патриотический и интер-

национальный долг. Наши воины достойные наследники своих дедов и отцов, героев Великой Отечественной войны.

Более пол. вины офицерского состава имеют высшее военное и военное специальное образование. Большинство солдат и сержантов со средним и средним техническим образованием.

Важную роль по подготовке юношей к службе в Вооруженных Силах, в том числе и в Сухопутных войсках, играет начальная военная подготовка, которую молодежь проходит до призыва в армию в школах, техникумах и училищах, на учебных пунктах предприятий, совхозов, а также учеба в организациях ДОСААФ. Можно с удовлетворением отметить, что молодые люди, прошедшие начальную военную подготовку, получившие военно-технические знания в ДОСААФ, быстрее включаются в общий ритм военной службы, успешнее овладевают техникой и вооружением, становятся отличниками боевой и политической подготовки, классными специалистами.

Воины Сухопутных войск свято хранят и приумножают боевые традиции Советских Вооруженных Сил, хорошо знают о подвигах пехотинцев, танкистов, артиллеристов, саперов, совершенных ими на полях сражений с врагом. Ежедневно на вечерних поверках в ротах и батареях первыми называются имена около двухсот Героев Советского Союза, павших смертью храбрых в боях за свободу и независимость нашей Родины и зачисленных приказами министра обороны СССР в списки подразделений навечно.

Наши командиры, политработники, партийные и комсомольские организации стремятся воспитывать у воинов самые лучшие человеческие качества. Это любовь к Родине, к партии, к своему народу, честность, храбрость. Это товарищеская спайка, трудолюбие, высокая дисциплинированность, исполнительность. Все наши воины постоянно заботятся о совершенствовании своих военных и политических знаний, чтобы и впредь надежно стоять на страже мирного, созидательного труда советского народа.

— Расскажите, пожалуйста, какие требования предъявляются сейчас к солдату вообще и к мотострелку в частности!

— В первую очередь он должен твердо сознавать всю полноту своей личной ответственности за защиту Родины. Не забывать о том, что опасность войны не перестала быть суровой реальностью наших дней.

Я уже говорил об оснащении Сухопутных войск современной техникой и вооружением. Использовать их возможности наши солдаты, как правило, учатся в поле, на полигонах и танкодромах, на тактических занятиях, проводимых в условиях, приближенных к боевым, в сложной, быстро меняющейся обстановке. Важно, чтобы воины умели быстро преодолевать возникающие на их пути препятствия, заграждения, искусно водили танки, боевые машины. Они обязаны также надежно и быстро поражать цели, проявлять сметку, находчивость при выполнении каждой поставленной задачи. Постоящему готов к бою тот, кто довел свои действия до автоматизма и с первого выстрела поразит противника.

Сила Сухопутных войск, как и других видов Вооруженных Сил, прежде всего в людях, в хорошей подготовленности каждого воина и высокой слаженности расчетов, экипажей, подразделений и частей. При этом нужно учитывать то обстоятельство, что задачи совершенствования воинского мастерства становятся все сложнее.

ШКОЛА МУЖЕСТВА

Свыше сорока лет служит в Советских Вооруженных Силах Михаил Данилович ПОПКОВ. Он участник Великой Отечественной войны. После ее окончания служил политическим работником на различных должностях. Был членом Военного совета — начальником политического управления Краснознаменного Среднеазиатского военного округа.

Сейчас генерал-полковник М. Д. Попков — член Военного совета — начальник Политического управления Сухопутных войск.

Беседа публиковалась
в еженедельнике «Неделя»

— Михаил Данилович, хотелось бы в этом интервью, посвященном нашей славной пехоте, мотострелковым войскам, несколько отойти от традиции и поговорить о наших Вооруженных Силах не только как о надежном защитнике Отечества, как о силе, которая бдительно стоит на страже завоеваний социализма, но и как о Школе. Большой Школе, которую прошли, проходят все воины Советской страны. Школе мужества, воинского мастерства, физической закалки...

— Согласен на такой поворот темы. Как я понимаю, он вовсе не лишает нас возможности поговорить и о сегодняшнем дне наших Вооруженных Сил, об их истории. Напротив, позволяет лучше понять, чем и как живут сейчас наша армия и флот. Причем, и на это хочу сразу обратить особое внимание, и XXVII съезд нашей партии, и последующие Пленумы ЦК КПСС подчеркивали в своих решениях необходимость дальнейшего повышения именно этой, воспитательной роли Вооруженных Сил. Почему такое особое внимание армии как школе воспитания? Потому что боевой потенциал наших Вооруженных Сил — это не только первоклассное оружие, которым они располагают. Это — прочный сплав высокой технической оснащенности, воинского мастерства и несокрушимого морального духа.

— Вы давно в армии!

— С весны сорок второго.

— Значит, уже более сорока лет «ходите» в эту Школу! Как она на-

чиналась для вас лично! Хотелось бы знать, как мужали в этой Школе ваши сверстники, довоенное поколение молодых людей!

— В начале сорок второго — мне было чуть больше семнадцати лет — отец ушел в московское ополчение. А потом и я за ним. Направили в запасной полк, в Кондрово, это недалеко от станции Полотняный завод, фронт был рядом. Но я бы сказал, что армейская школа началась для моего поколения несколько раньше — вспомните песни, фильмы тех лет — вам будет ясно, у кого мы учились, с кого брали пример. Тяга у нас была ко всему героическому, мужественному. Был тут и известный налет юношеской романтики, что, конечно, естественно. Все мы умели стрелять, бросать гранату, знали, что такое пеший переход... Словом, готовились к защите своей социалистической Родины.

Ну а в первые полтора месяца армейской жизни я, так же как и все молодые солдаты, постигал иную науку: привыкал к огромным физическим нагрузкам. Познавал великую жизненную ценность того, что армия называет чувством локтя, духом товарищества. Мы быстро усвоили: в бою нельзя без солдатской смекалки и солдатской дружбы. Делились, помню, всем, что у нас было. «Мое», «твое» — это куда-то ушло, пришло «наше». Общее. Кто-то не успевал выполнить задание — ему помогали. У тебя сегодня скверное настроение — товарищи тебя поддерживали, ободряли. Русские, украинцы, татары, уроженцы Кавказа и Средней Азии (помню, у меня был командир — старший сержант Аманбаев, туркмен, фронтовик, крепкий парень) — все мы были одна семья. Я бы хотел обратить ваше внимание на это — ведь речь идет о таком важном направлении партийно-политической работы в армии, как интернациональное воспитание. Ни одна армия капиталистических государств не знает ничего подобного. Да и не может там быть никакого интернационального воспитания, ведь оно отражает характер социалистического общества, олицетворяет его морально-политическое единство, социалистический патриотизм, интернационализм.

Было тут, в запасном полку, много фронтовиков. С них мы брали пример, на них равнялись. Если хотите, это были наши учителя... Юношеский романтизм быстро улетучивался, армия учила нас: война — дело серьезное. Враг опытен, коварен, жесток. Но тяга к подвигу, дух мужественности остался.

— Ну а потом был фронт!

— Да, через полтора месяца мы оказались на берегу Угры и поздним вечером на лодках, через крошево льда, под огнем противника переправились на занятый фашистами другой берег, чтобы закрепиться на крохотном плацдарме. Тут я понял, что не зря учили меня мои учителя, бывалые солдаты: никакого страха перед врагом, одно желание — устоять. Хоть зубами, но удержаться свой рубеж. На маленьком плацдарме и возникло чувство особой ответственности перед Родиной. Чувство, так сказать, собственной общественной значимости. Хотя, как понимаете, моя личная персона была не очень значительна: наводчик 50-миллиметрового миномета. Маленький такой миномет был, метров на восемьсот бил, не более. Наше оружие было оружием ближнего боя, непосредственной поддержки пехоты. Так что я хоть и начинал в минометчиках, в общем смысле жил жизнью стрелков. Вместе с ними в одной траншее, в одном окопе вел бой. Помню, 30 апреля 1942 года отбили мы пять психических атак — гитлеровцы шли на нас пьяные, в полный рост. Поливают из автоматов. Кругом пули

цокают. Треск, грохот. Кожа на руках обгорела — столько мин выпустил в тот день...

Позднее переучился я на командира минометного расчета. Теперь у меня миномет был посерьезнее — 82-миллиметровый. И перебросили нашу дивизию под Сухиничи, где гитлеровцы начали наступление. Жестокие были бои! Батальон наш, надо сказать, состоял в основном из солдат пожилых. Я был самый молодой — восемнадцать лет, мальчишка. И стали меня просить солдаты: сынок, почитай нам сводку Совинформбюро. Что делается на фронтах, в мире? И стал я в тихую минутку ходить по траншеям, читать сводку, газеты, хотя никаким политработником тогда не был. И понял: нести людям слово партии — важное, нужное дело. Ждут этого люди. И политрук, увидев, как я ему помогаю, представил меня на должность своего заместителя.

В овраге под Сухиничами, в трех километрах от передовой, приняли меня в партию. Тут же и вручили кандидатскую карточку. И снова — на передовую.

Один из уроков воинского мужества, высочайшего солдатского мужества, понимания своего долга перед Родиной, партией преподавал мне мой друг Евгений Никулин, командир стрелковой роты. Москвич. Было это в боях под Харьковом, и я уже был офицером, политработником. Гитлеровцы засели в кукурузе, и во что бы то ни стало надо было выбить их оттуда. Дважды водил свою роту Никулин, и дважды шел он первым, перед ротой. Спокойно так шел, а ведь знал: на верную смерть идет! И в пятнадцать метрах от врага, когда уже ясно было: рубеж наш, выбили гитлеровцев! — прошла его пулеметная очередь. Похоронил я друга своими руками на том самом кукурузном поле. В бою реляций не писали, некогда. И подвиг такой был как бы обычным делом. Нормой. Наверное, сегодня никто и не ведает, чего стоило нам это кукурузное поле... Тридцать лет спустя узнал, что за этот бой я был награжден медалью «За отвагу». Вручили мне ее, эту солдатскую медаль, когда был уже генералом. Для меня, между прочим, сегодня — самая дорогая награда... Вот так, с боями, прошагал я до Цербста на Эльбе — есть такой городок в Германии. Там и закончил войну.

— Что, по-вашему, больше всего влияет на формирование молодого человека в армии!

— Факторов тут много. Это и оказанное ему доверие служить в славных наших войсках, и предоставленное воину право пользоваться оружием и боевой техникой при решении поставленных перед ним задач. Немалое значение имеет и то, что воин всегда находится в коллективе, весь уклад его жизни носит коллективистский характер, а это способствует развитию гражданских качеств личности. Я ничего не сказал о стройной системе политического воспитания воинов, а ее значение в этой работе переоценить невозможно. Особенности в воспитании у них чувства внутренней убежденности, социальной ответственности за судьбу страны, ее безопасность, в выработке активной жизненной позиции.

Ныне, конечно, армия не та, что была в годы второй мировой войны. Она не та, что была и в первые послевоенные годы. Армия постоянно совершенствуется. Вот, к примеру, Сухопутные войска сегодня — это огневая мощь, ракетные средства тактического и оперативно-тактического назначения, способные поражать цели, расположенные и в десятках, и в сотнях километров от места стрельбы. Пехоты в прежнем смысле слова,

то есть воинских частей, передвигающихся пешком, нет. Она моторизована, укрыта броней. На вооружении современной мотострелковой дивизии сотни танков, боевых машин пехоты, бронетранспортеров, автомашин. Советские мотострелки располагают сейчас всем необходимым для форсирования водных преград. Они оснащены плавающей боевой техникой, различными инженерными средствами для паромных и мостовых переправ. Поэтому наступление с преодолением водных преград проводится теперь без снижения темпа общих наступлений.

В случае возникновения ядерной войны мотострелковые войска могут применять ядерные боеприпасы различной мощности для поражения ядерных средств противника, группировок его войск, других важных целей. Наши пусковые установки отличаются высокой мобильностью, обеспечивают подготовку и пуск ракет в предельно короткие сроки, высокую точность поражения.

Мотострелковые подразделения способны в короткие сроки использовать результаты ядерных ударов. Это позволяет упредить противника в выдвижении резервов для закрытия брешей в обороне, созданных ядерными ударами, и в высоких темпах развивать наступление в глубину.

Мотострелковые подразделения и части способны преодолевать обширные зоны радиоактивного заражения, а в случае необходимости и вести боевые действия в этих зонах.

Высокие маневренные возможности — важнейшее условие действий при нанесении мощного ядерного удара по противнику. Выдвижение из отдаленных районов или развертывание непосредственно с марша облегчают защите войск от ядерного оружия врага, обеспечивают внезапность наступления. То же и в обороне. Подвижность войск гарантирует быстрое маневрирование силами и средствами на угрожаемые направления, ускоряет разгром вклинившегося в оборону противника.

Об изменениях, происшедших в нашей армии, в частности в мотострелковых войсках, можно говорить много.

— А если б юноша вашего поколения пришел в сегодняшнюю армию, как бы он себя чувствовал?

— Думаю, ему пришлось бы нелегко. Современная армия требует глубоких знаний физики, химии, электроники, математики. Умения метко стрелять и метать гранату, одного энтузиазма теперь недостаточно. Надо много и много учиться, чтобы овладеть любой из современных армейских специальностей. Нелишне, наверное, тут напомнить и о том, что многие молодые люди овладели своей мирной профессией в армии, на флоте. Водители, радисты, электрики, прибористы, связисты — множеству специальностей учит современная армия.

Как мы уже говорили, в армии учатся все, и учатся постоянно. Высокая полетная, воздушная, морская выучка, мастерское владение оружием и боевой техникой достигаются только в напряженном труде.

В армии и на флоте в разгаре напряженная боевая учеба. Она идет в обстановке резко обострившегося по вине империалистических кругов международного положения. На тактических занятиях, стрельбах, на земле, в воздухе и на море советские воины неустанно крепят боевое мастерство и выучку, настойчиво овладевают грозным оружием. В повышении ратного мастерства воины равняются на коммунистов и комсомольцев. Воины глубоко сознают, что мир, счастливый завтрашний день Отчизны нужно умело защищать и отстаивать, проявлять постоянную заботу о повышении боевой готовности.

— **Время идет. В армии сейчас служат уже даже не дети тех, кто прошел Великую Отечественную, а их внуки. Что можно сказать о нынешнем поколении молодых людей, о тех, кому доверено выполнять почетную обязанность служения народу в его Вооруженных Силах!**

— Только одно: хорошее это поколение. Иногда мы, люди старшего возраста, поругиваем молодежь: одеваются не так, танцуют не так, увлекаются слишком шумной музыкой. А в главном — в отношении к своей стране, к великим идеям нашим — они те же, что и мы. И если молодые люди эти попадают в трудные условия, то ведут себя так же мужественно, героически, самоотверженно, как вело себя мое поколение в годы войны.

Посмотрите, как наши молодые воины выполняют свой интернациональный долг в Афганистане. Труднейшие условия высокогорья, резко континентальный горный климат, сложные задачи — и, заметьте, ни одного случая хныканья. Высокое мужество демонстрируют все: военные автомобилисты ведут машины по сложнейшим серпантинам обледеневших горных дорог, саперы разминируют дороги, ущелья, районы, прилегающие к кишлакам. Недавно был такой случай: солдат закрыл своим телом командира от автоматной бандитской очереди. Восемь пуль в него попало. Остался жив. Я навестил его в госпитале. Говорю ему: «Пора и на Родину!» — «Нет, — отвечает солдат. — Хочу к ребятам. Обратно в батальон». Орденом Красного Знамени награжден воин за свой подвиг.

— **А много ли сегодня в армии участников Великой Отечественной войны!**

— Очень, очень мало. Бывает, что в целом военном округе десять-пятнадцать человек. Не больше.

— **А как же боевые традиции! Те, что, в частности, напоминают нам о себе в названиях прославленных дивизий и полков!**

— Традиции живы. Ушли те, кто дал славные имена этим корпусам и дивизиям, а их дело, их стиль, их школа — все это осталось. Живет, развивается.

Армия свято бережет воинские традиции. И не случайно одно из главных направлений всей нашей работы — героико-патриотическое воспитание воинов. Оно приобрело особое значение в связи с 40-летием Великой Победы. Мы поставили задачу перед всеми офицерами военных комиссариатов: с помощью своего актива, студентов, школьников установить контакт со всеми участниками войны и записать их рассказ о прожитом и пережитом. Привлекаем к этой работе и советы ветеранов. Пусть для потомков сохранится этот бесценный рассказ рядовых участников войны — ее летопись, которую ведет сам народ.

Оглядываясь в прошлое

Свой рассказ о пехоте мы начинаем из глубин истории.

Причин тут много. Главная же заключается в том, что пехота — старейший род вооруженных сил. Первым воином был пеший воин. История возникновения, образования и развития армий — это во многом история боевого пути пехоты.

Есть и другая причина. Многие века пехота представляла собой основной и самый многочисленный род войск. Это отмечал Ф. Энгельс, перу которого принадлежит много замечательных статей по теории и истории военного искусства. Ф. Энгельс писал: «За исключением кочевых племен, у всех народов основная масса армии, если не вся армия, всегда состояла из пеших солдат».

И само собой разумеется, тот факт, что действия пехоты решали, как правило, не только исход боя, сражения, но и кампании, всей войны. А посему ее древняя история —

это история развития военного искусства, проявлений таланта полководцев различных эпох.

Путешествуя во времени, мы подробно расскажем о жизни и боевой деятельности русской и советской пехоты. Она прошла большой, героический путь и по праву считалась и считается лучшей в мире. Пехотинцы, стрелки, мотострелки нашей страны в тяжелый для Родины час всегда показывали храбрость, героизм, упорство и стойкость в борьбе с врагом. Помнить об их подвигах — наш долг. И не только помнить, а брать с них пример. «Доблесть родителей — наследство детей, завещал военный публицист прошлого века. — Дороже этого наследства нет на земле иных сокровищ... Каждый шаг, каждое деяние защитников Отечества запечатлевайте в памяти и сердцах детей ваших от самой их колыбели».

Итак, мы обращаемся к истории.

ПЕХОТА АНТИЧНОСТИ

Первые вооруженные столкновения в истории человечества происходили, надо полагать, еще при первобытнообщинном строе. Причины их вызывались естественными условиями жизни человека. Схватки в основном велись из-за земли, рыбных или охотничьих угодий. К ним прибегали как к способу выяснения

отношений между племенами. В качестве оружия сражавшиеся применяли все те же орудия охоты на зверей — лук, копье, палицу, пращу.

Вооруженные столкновения между общинами и племенами мы не можем назвать войнами, ибо они не вытекали из характера общественных отношений.

Итак, говоря о заре развития человеческого общества, мы еще не вправе вести речь о войнах и армиях.

Эти понятия мы вправе отнести к явлениям, которые начали возникать позже, в ходе разложения первобытнообщинного строя. Вместе с ростом производительности труда человека, с развитием производственных отношений шел бурный процесс возникновения частной собственности. Родовые отношения распадалась, образовывались союзы племен. Военный промысел стал, как писал Ф. Энгельс, «постоянным промыслом».

В истории человечества наступило время, которое классики марксизма-ленинизма охарактеризовали как время «военной демократии». Военной потому, что война как средство решения множества проблем становится теперь одним из характернейших атрибутов общественной жизни.

Поначалу войско формировалось так. Все мужчины имели оружие и в случае необходимости организовывались в отряды. Ими в ходе войны могли управлять народное собрание, совет вождей, военачальники. Именно на этом этапе развития истории произошло их выделение как должностных лиц.

После окончания военных действий недавние воины возвращались к мирному труду. Но очень быстро вокруг военачальников, вождей образовались небольшие постоянные отряды — дружина, свита. Они всегда находились при вожде, а на нем лежала забота об их обеспечении. Члены дружины целиком посвящали себя военной службе. Их нельзя было заставить «вспахивать землю и ожидать жатвы».

Эти постоянные отряды и были ядром войска. В дальнейшем, когда общество разделилось на классы, дружины стали политической и военной опорой складывающихся государств. Произошло отделение вооруженных сил от народа. Теперь военными были не все мужчины,

владеющие оружием, а особые группы людей, определяемые государственной властью. Дружины явились зародышами, из которых возникла армия. Особенно бурно процесс формирования армий протекал в рабовладельческом обществе.

Рассказывая о развитии армии той эпохи и пехоты как ее составляющей части, мы должны отметить, что вершин своего развития античная пехота достигла в армиях Древней Греции и Древнего Рима.

Но прежде чем начать говорить об этом периоде, необходимо остановиться еще на одном важном для познания истории пехоты отрезке развития вооруженных сил. Речь пойдет о Древнем Египте, Ассирии, Урарту, Персии, Древнем Китае. Каждое из этих государств имело особенности в своем развитии. Но были и общие черты. Рабовладение здесь развивалось очень медленно, сохранялись пережитки первобытнообщинного строя. Хозяйство велось на основе древнейшего примитивного рабства. Политической формой господства власть имущих был так называемый военный деспотизм, основывающийся на общинном землевладении.

История Древнего Египта, Ассирии, Урарту, Персии, Древнего Китая изобилует войнами. Карл Маркс и Фридрих Энгельс писали о восточных деспотиях: «Правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансы (грабеж внутри страны), война (грабеж внутри страны и грабеж чужих стран) и общественные работы (забота о воспроизводстве)». Такая направленность государств безусловно предполагала наличие сильной армии. Ее основой была пехота.

Итак, какова же была пехота древнейших государств?

Древний Египет. Его войско особенно привлекает наше внимание, потому что длительное время это

войско было пешим — результат позднего появления коневодства. Вооруженные силы комплектовались следующим образом. Ядром их был постоянный отряд приближенных к фараону рабовладельцев. Из них назначались начальники других войск. Костяк же армии составляло ополчение более мелких рабовладельцев — они были хорошо обучены и послушны воле царя. В Древнем Египте, главным образом на севере, были и военные поселения. Иногда в особых случаях в армию призывались свободные землевладельцы — члены сельских общин, мелкие крестьяне. Фараоны привлекали их вынужденно и с большой неохотой. Ибо простолюднн, донесли до нас папирусы текст поучения, с которым фараон обращался к наследнику, «наиболее опасный враг для государства». И он особенно опасен, когда становится воином. Допускались ли рабы в армию Древнего Египта? Да, но лишь в качестве гребцов на кораблях, где оставались по-прежнему бесправными, закованными в цепи, они могли лишь отдавать свою физическую силу, всю, безо всякой надежды изменить свое положение.

Мы отметили этот факт лишь для того, чтобы обратить внимание читателя на изначальное классовое назначение армии в эксплуататорском обществе — быть надежной опорой и защитой интересов власть имущих классов.

Важным источником пополнения войска в Древнем Египте были покоренные племена и иностранные наемники. Среди последних выделялись воины средиземноморского племени шардана. Это был привлеченный отряд, его воины были приближены к фараону, охраняли его. Интересно отметить, что среди наемников были и греческие формирования.

В последний период, период нового царства, войско делилось на четыре отряда, названных по имени

главных богов — Амона, Ра, Пта, Сутеха. Каждый отряд делился на более мелкие единицы.

Все набранные в войско воины обучались владеть оружием, единоборству, умению бегать, двигаться в строю. Одной из главных заповедей воина была: не поворачиваться спиной к врагу, беспрекословно повиноваться начальникам. Тех, кто отличался, награждали оружием, золотом, рабами, землей. Начальников — знаком «Золотой похвалы». Трусов жестоко наказывали.

Как уже отмечалось, долгое время пехота здесь была единственным родом войск. Она делилась на два вида — тяжелую и легкую. Тяжелая пехота была вооружена копьями, топорами, палицами, а позже короткими мечами. Наемники из племени шардана виртуозно владели длинными обоюдоострыми мечами. Оружие было бронзовым. Лишь в эпоху нового царства появилось железное оружие. Но его имели только фараон и важнейшие военачальники.

Воины-египтяне носили войлочную шапочку, имели щиты, обтянутые кожей.

Легкая пехота была вооружена луками, пращами, бумерангами. Лук являлся основным оружием. Длина стрел была самой различной — от 50 сантиметров до метра. Наконец стрел изготавливались из кости, камня, металла.

Говоря о военном искусстве Древнего Египта, можно отметить следующее: военачальники (а своими походами прославились Тутмос III и Рамзес II), как правило, разрабатывали план военных действий, стремились разбивать своих противников поодиночке, нападали внезапно, заботились о разведке.

Тактика сводилась главным образом к фронтальному удару. Войско шло не беспорядочной толпой, а было построено в уже выработанный боевой порядок. Вначале египтяне вели бой колоннами, а потом, стараясь добиться быстрее достига-

жения своих целей, стали использовать больше воинов, уменьшали глубину построения, а фронт увеличивали. Здесь, в Древнем Египте, а не в Древней Греции, как долгое время было принято считать, и родилась фаланга — тесно сомкнутое в 8—16, реже в 25 шеренг линейное построение пехоты. Сражение начинали лучники и метатели дротиков, а исход его решался рукопашной схваткой. С появлением колесниц тактика усложнилась. Теперь успех боя зависел от взаимодействия колесниц с пехотой. Колесницы первыми шли в атаку, стремясь расстроить боевые порядки противника, тяжелая пехота должна была завершить разгром. Обращенного в бегство врага преследовали на колесницах, брали в плен или уничтожали.

Ассирия. Для своего времени воинская организация Ассирии была самой передовой. Войско здесь более четко распределялось по типу оружия. Основу его по-прежнему составляла пехота, которая подразделялась на тяжелую и легкую. Тяжелая, в свою очередь, состояла из копейщиков и лучников. Они были вооружены луками, копьями, мечами. Копейщики имели металлические щиты, были с головы до ног закрыты пластинчатыми доспехами, кисти, изготовленными из железа. Легкие же пехотинцы защищались небольшими круглыми тростниковыми щитами, а противника поражали копьями.

Обычно они и начинали бой. Затем шли вперед отряды колесниц, за ними — конница. Завершала разгром тяжелая пехота.

(Обратите внимание: пехота начинает, пехота завершает!)

Особенность тактики ассирийцев заключалась в том, что бой велся с применением металлического оружия и приемов рукопашного боя. На рисунках той поры ассирийские

воины изображены парами: один держит копье и щит, другой ведет стрельбу из лука.

Стратегия ассирийских военачальников была также самой передовой. Они уделяли много внимания устройству дорог, применяли для их строительства камни, охраняли специальными отрядами. На врага нападали стремительно и внезапно, часто в ночное время. Походы совершали быстро. Для переправ использовали плоты и надувные мехи. На стоянках строили полевой лагерь, обносили его валом и рвом. Было развито искусство осады крепостей, для взятия которых применялись тараны и сложные подвижные башни.

Что касается государства Урарту, часть которого занимала территорию Армянской ССР, организация его войска также представляет для нас особый интерес. Известно, что основу его составляла пехота, соотношение ее и конницы было 3:1. Вооружена она была железными копьями, мечами, кинжалами, луками, защищалась с помощью щитов. Воины Урарту умело сражались в горных условиях. Большого искусства они достигли в строительстве и обороне крепостей.

О высоком уровне развития военного дела говорит тот факт, что Урарту вело успешные войны с Ассирией.

Персия имела самую большую армию среди этих государств. Комплектовалась она примерно так же, как египетская. Основой вооруженных сил был постоянный отряд. Он формировался главным образом из персов. При обучении царской гвардии внимание уделялось не только подготовке в целом, но и выучке каждого воина. Хорошо вооруженная и обученная царская

гвардия насчитывала десять тысяч отборных пехотинцев. Их количество оставалось неизменным, в случаях потерь отряд быстро пополнялся. Военачальники стремились создать впечатление о гвардейцах как о не ведающих страха смерти и поражений, отсюда и относившийся к ним эпитет «бессмертные». Помимо пехоты, в гвардию входили кавалеристы, алебардисты, боевые колесницы. Но каждый из этих отрядов по численности был лишь десятой частью пехотного. Это соотношение прежде всего и говорит нам о главенствующей роли пешего войска в персидской армии.

Персы часто воевали со своими соседями, отправлялись в дальние походы. В случае объявления войны формировалась более крупная по численности армия за счет ополчения, каждая сатрапия (область), а их в Персии насчитывалось двадцать, должна была присылать свое войско. Однако все вместе они, как отмечал Фридрих Энгельс, были настоящей восточной армией, состоящей из разнообразных частей, отличавшихся друг от друга как характером вооружения, так и приемами боя. Армию эту сопровождал громадный обоз, за нею следовало бесчисленное количество нестроевых людей, в боевых действиях участия не принимавших. Тем не менее во время сражений персидские войска выстраивались в определенный боевой порядок. Вперед шли боевые колесницы, одна-две линии пехоты. Иногда они строились попеременно с конницей. Конница же обеспечивала фланги. Особенностью тактики было широкое применение метательного оружия. Но персы не могли по-настоящему сражаться в сомкнутом строю. В столкновениях со сплошной греческой фалангой они терпели поражение.

У персов был еще один отряд, который выстраивался сзади войска. В его задачу входило уничтожение отступающих и паникеров. Он дол-

жен был стать для трусов «ужаснее самого неприятеля», говорил царь Кир.

В персидской армии мы видим и неожиданное применение пехоты — в десанте. Он предвигался на боевых слонах, обычно вместе с колесницами. Такие десанты были широко распространены в армии Индии, но их с успехом использовали и персы. Кроме того, в войске был отряд лучников, которые сражались на верблюдах.

Любопытно отметить, что в армиях античного мира — у кельтов, у греков, в римском войске — использовались и другие животные, в частности собаки. Сильные, мощные, закованные в тяжелые ошейники с шипами, псы врывались в ряды неприятеля и расстраивали его боевые порядки, калеча людей. История донесла до нас удивительный случай, происшедший в крепости Коринф, которую охраняло снаружи около 50 собак. Нападавшие решили уничтожить четвероногих сторожей и захватить крепость. Но один из псов, по кличке Сотер, раненый и окровавленный, сумел пробраться в цитадель и поднять тревогу. Сенат вскоре постановил — одарить собаку серебряным ошейником с надписью: «Сотеру, защитнику и спасителю Коринфа». У стен крепости был сооружен памятник псу...

Но вернемся в Древнюю Персию. Ее армия была одной из самых совершенных для своего времени. Владыки этой страны, а среди них выделялись своим полководческим талантом Кир и Дарий I, стремились превратить «все земли в одну», захватить и поработить как можно больше народов и стран. С этой целью вели они почти непрерывающиеся войны.

Остановимся на одном из походов Дария I — походе в Скифию (около 513 года до нашей эры). Многочисленное войско — как считал историк Геродот, оно насчитывало 700 тысяч человек — вторглось в

государство, располагавшееся в северном Причерноморье, на территории нынешней Украины. В то время здесь жили скифы. Их общественный строй соответствовал эпохе «военной демократии», и войско составлялось из народного ополчения. Хотя скифы прославились как наездники, они были не менее умелыми пехотинцами. Тактика их состояла в сочетании метательного оружия и оружия рукопашного боя. В начале боя они засыпали противника градом стрел, а потом разили его копьями. Скифы были отличными воинами. Их ратное умение высоко оценивалось противником. Любопытно отметить, что греки, если им удавалось, захватив в плен скифов, как правило, определяли их на государственную службу — в полицию. С обязанностями скифы справлялись четко, тем более что им было предоставлено право использовать хлысты против всех нарушавших законы.

Узнав о наступлении персов, скифские вожди собрали совет. На нем они решили не давать открытого сражения и отступить в глубь страны, а затем, измотав противника, нанести ему решающий удар. Свой план им удалось полностью осуществить. В итоге армия Дария оказалась разгромленной, а сам он едва успел спастись бегством.

Древний Китай. Основу войска Древнего Китая также составляла пехота. Но в отличие от других государств на ее вооружении, кроме обычных мечей, боевых топоров, палиц, луков, щитов, был самострел — лук, приспособленный к лож-

В Древнем Китае возникла военная теория. Автором одного из трактатов по этому предмету был полководец Сунь-цзы. «Цель всякой войны,— пишет он,— достижение победы. А чтобы победить, каждый полководец должен прежде всего

знать, предвидеть заранее, когда для него выгодно сражение, а когда нет. Полководец должен уметь побеждать как большими, так и малыми силами, быть хитрым и осмотрительным». Очень важным фактором достижения победы Сунь-цзы считал единство устремлений воинов и военачальников — «когда высшие и низшие имеют одни и те же желания». Искусство войны — это дуэль полководцев, «когда они сами осторожны и вынуждают к осторожности противника, побеждают те, у кого полководец талантливее».

Сунь-цзы, о котором мы можем говорить как об одном из первых военных теоретиков, рассматривал и другие вопросы стратегии и тактики.

В его трактате подчеркивалась необходимость вести постоянную разведку, уделять внимание снабжению войск. И уж совершенно необходимо, считает он, заранее изучать местность, на которой будет происходить сражение.

Интересны высказывания Сунь-цзы о том, что полководец должен заботиться о воинах, сплачивать их дух, уметь объединять их силы. Для воспитания их стойкости и преданности он считал целесообразным держать воинов в удаленных от людских поселений местах — в замках, на острове. Там проходило их обучение, оттуда выступали они в военные походы.

Интересны также сформулированные Сунь-цзы требования, которые предъявлялись к военачальнику. По представлению автора трактата, военачальник должен обладать пятью качествами — умом, беспристрастностью, быть гуманным, мужественным и строгим.

Древняя Греция более, чем все остальные государства древнего мира, была развита в экономическом отношении. Здесь была создана уникальная социально-политиче-

ская система, которая позволила достичь высочайших вершин культуры (при всем этом рабы в Древней Греции оставались рабами; они просто исключались из числа людей).

Стремясь к совершенству во всех видах своей деятельности, древние греки создали и самую совершенную в древнем мире армию.

Длительное время развитие военного искусства в Древней Греции определялось противоборством Спарты и Афин. Вооруженные силы Спарты долгое время считались лучшими в Греции. Их основу, как и в других армиях эллинского мира, составляла тяжелая пехота — гоплиты. В ходе сражений тяжелая пехота, построенная в фалангу, размещалась в центре.

«Боевое построение и способ борьбы,— пишет Энгельс,— были чрезвычайно просты; фаланга образовывала центр, причем воины выдвигали свои копья и прикрывали весь фронт рядом своих щитов. Они атаковывали вражескую фалангу параллельным фронтом. Если первому

натиску не удавалось расстроить боевой порядок противника, то борьба врукопашную решала битву...»

В тактике греческой фаланги выделяют следующие особенности. Она действовала как одно целое построение. Ее сила заключалась в том, что воины были обучены действовать в сомкнутом строю. Атака велась фронтом вперед. Если одно крыло оказывалось длиннее, им пытались охватить противника с фланга. Сближаясь с врагом, фаланга с обычного шага переходила на бег. Первыми в бой вступали воины первой шеренги, здесь всегда находились лучшие, испытанные в сражениях гоплиты.

Фаланга была непобедима, когда она действовала сплоченно. Но расчленение ее или необходимость передвижения по пересеченной местности уничтожали все эти достоинства.

Надо заметить, что развитие пехоты оказывало большое влияние не только на состояние армии, но и на другие сферы общественной жизни страны. Взяв, к примеру, воспита-

Построение египетских войск до появления боевых колесниц.

ние и обучение молодых воинов. Оно полностью было подчинено одной цели — подготовке воинов, способных вести бой в сомкнутом строю.

С самого рождения начинался отбор воинов. Если ребенок оказывался хилым, по решению специальной комиссии отец его убивал. С семи лет мальчиков отдавали в школы-гимназии. Все время они проводили в военных и физических упражнениях. Их учили даже воровать, считая, что это развивает ловкость и находчивость. Музыка и пение здесь также преподавались — считалось, что уметь петь и понимать музыку тоже необходимо для воина. Чтению и письму, свидетельствовал Плутарх, они тоже учились, но лишь постольку, поскольку остальное же воспитание преследовало достижение главной цели: послушание, выносливость и умение побеждать.

Представление о системе воспитания спартанцев дошло до наших дней во многом идеализированным. В литературе, в частности, подчеркивается способность спартанцев выражать свои мысли кратко и ясно — по-лаконски, им приписывают много афоризмов. В самом же деле эта лаконичность была вызвана тем, что воины, усвоив лишь азы письма и счета, просто не умели изъясняться сложными фразами.

Но тем не менее цель воспитания — вырастить физически крепкого и ловкого в рукопашном бою, не умеющего рассуждать и привыкшего повиноваться воина — успешно достигалась.

Армия имела очень четкую организацию. В подразделениях воинь-спартиаты объединялись в группы, которые даже в мирное время не распадалась. Большую часть его они проводили в лагере возле города, сообщая обедали, занимались тренировками. Такая жизнь обеспечивала необходимую военную сплоченность и готовность немедленно выступить с оружием в руках.

Главной обязанностью гоплитов в бою было не уйти с того места, на которое их поставил командир. Самовольное отступление приравнивалось к трусости. Тех же, кто был обвинен в трусости, ждала участь раба, настолько тяжелая, что обычно они кончали самоубийством.

Можно проследить еще один аспект влияния пехоты, в частности на развитие экономики. Речь пойдет о вооружении. Ему древние греки уделяли очень много внимания. Хорошее оружие было целым состоянием, средством существования. Об этом дает представление отрывок из песни воина того времени:

Есть у меня богатство — то копье и меч
И щит прекрасный, легкий, чтоб тело
защитить.

Пашу я землю ими или жну
И добываю сладкое вино из лоз.
Владыкою рабов зовут меня за это.
А те, что не смеют меч иметь с копьем
И щит прекрасный, легкий, чтобы тело
защитить,

Перед моим коленом все склонившись ниц,
Пускай зовут владыкой и царем меня.

У спартанцев было отличное оружие — мечи, копья, пики, дротики, луки. Особое отношение у них было к щитам. Бросивших щит ждала кара и презрение. Отправившимся в поход говорили: «На щите или со щитом». Такое пристальное отношение древних спартанцев к этому средству защиты было не случайным. Ведь их фаланга представляла собой единое действие многих людей. Ну а если один воин бросал щит, в боевом порядке образовывалась щель, в которую мог врваться противник.

Часть оружия спартанцев изготавливалась из стали, лучшей в Древней Греции. Однако развитие ремесел в Спарте не шло дальше военных потребностей. Оружие изготавливалось только для себя, и все возможные меры принимались для того, чтобы оружие не продавалось в другие страны. Экономика во многом определялась потребностями пехоты как основного рода войск.

Но роль пехоты увидится во много раз яснее, если мы коснемся непосредственно военного дела. Пожалуй, не найти в древнегреческой истории сухопутной битвы, в которой она не была бы на первых ролях.

Показательным в этом плане является сражение у Фермопил (480 г. до н. э.). В этот год крупнейшее войско персидского царя Ксеркса начало войну с Грецией. Против него выступили спартанцы. Но они оказались в одиночестве — Афины и другие города по различным причинам не поддержали Спарту.

К месту сражения, а возглавлявший греческих воинов царь Леонид решил дать его в самом удобном для обороны месте — узком Фермопильском проходе, отделяющем Среднюю Грецию от Северной, — отряд подошел раньше персов. По пути к 300 спартанцам, составившим его основу, присоединились илоты (рабы Спарты) и некоторые союзники. Численность войска Леонида чуть превышала 7 тысяч человек.

По преданию, увидев малое число греков, царь Ксеркс прислал гонца и предложил Леониду сдать оружие. Тот ответил: «Приди и возьми!» Тогда гонец заметил, что персидское войско столь многочисленно, что, пустив стрелы, оно может закрыть солнце! Спартанец ответил: «Тем лучше! Мы будем биться в тени». Вскоре персы пошли на приступ.

Леонид разделил свой отряд на три группы. Пока две находились в резерве, первая вела бой. Потом она отходила назад, и в бой вступала новая группа воинов. Два дня шло сражение.

Ночью в лагерь Ксеркса пробрался изменник и показал персам одну из обходных троп. Персы вышли в тыл грекам. Узнав об этом, Леонид отпустил илотов, союзников, остались лишь спартанцы, для которых, мы уже об этом вели речь, позор отступления был страшнее смерти. 300 воинов продолжали бой с неисчислимой армией персов.

Леонид погиб в самом начале схватки. Вскоре и остальные спартанцы были буквально похоронены под градом стрел. Тем не менее задачу свою они выполнили — задержали продвижение персов в глубь страны. Позже, когда война закончилась, греки собрали останки защитников и похоронили их на месте битвы. На могиле поставили памятник — фигуры львов — и высекли надпись: «Путник, возвести Лакедемону, что мы лежим здесь верные закону».

Кроме гоплитов, в спартанском войске были и легкие пехотинцы — лучники, пращники, метатели дротиков. Но им, как и коннице, отводилась в бою вспомогательная роль.

Очень сильную армию в Древней Греции имело афинское государство. Она во многом была похожа на спартанскую — гоплиты составляли основу фаланги, бой начинала вспомогательная легковооруженная пехота. Но в то же время имелись и отличия. В основном они были вызваны различиями в хозяйственной и общественной жизни Спарты и Афин. В афинском государстве, самом развитом в экономическом отношении, существовала рабовладельческая демократия. Все граждане делились по имущественному цензу на четыре группы или разряда. Из каждой прослойки комплектовались различные роды войск. Граждане, принадлежащие к первым двум, в основном богатые рабовладельцы, воевали в коннице. Представители самой многочисленной, третьей, группы составляли тяжелую пехоту. Самые же бедные — четвертый разряд — шли служить в легковооруженную пехоту и во флот. Рабы людьми не считались и потому в армию Афин не допускались. Позже войско стало комплектоваться из наемников.

Военная власть принадлежала коллегии из десяти стратегов, которые избирались каждый год. Если в Спарте армией постоянно руководил

один из двух царей, то в Афинах командование ежедневно переходило от одного стратега к другому. Они несли ответственность за формирование войска, его состояние.

Подготовка афинских юношей к службе в пехоте тоже отличалась от спартанской системы. Если у спартанцев вырабатывали в первую очередь стойкость, упорство, то в афинских учебных отрядах, так называемых ефебах, наряду с этими качествами старались воспитать у молодых воинов ловкость. С семи лет они постоянно занимались физическими упражнениями, соперничали в гимнастике, беге, кулачном бою. Подобные состязания проводились в разных городах, но самую большую известность получали те, которые проходили в Олимпии. Вскоре в них начали принимать участие представители всех греческих городов. Так из соревнований воинов родились Олимпийские игры. Значение игр в жизни страны было настолько велико, что на время их проведения устанавливалось перемирие. И никто не смел его нарушать!

О физической подготовке древних пехотинцев можно судить по следующему факту. Победив огромное персидское войско у Марафона, стратег Мильтиад послал в Афины с этой радостной вестью гонца. Тот бегом, без остановок преодолел расстояние в 42 километра! Предание говорит, что, сообщив о победе, воин упал в изнеможении и умер. В память о его подвиге и сейчас проводятся соревнования по марафону, дистанция которого соответствует расстоянию, которое преодолел гонец.

Кроме отличной физической закалки, каждый воин Афин обладал достаточным запасом знаний, умений, мастерства, чтобы в случае необходимости он мог заменить командира.

В одной из многочисленных войн Греции с Персией произошел такой случай.

Персидский царь Артаксеркс II, не сумев победить своих противников в открытом бою, решил их уничтожить с помощью коварства. Заключив перемирие, он пригласил греческих полководцев на пир. А затем убил их всех. Он считал, что обезглавленное войско не сможет оказать организованного сопротивления в предстоящем сражении. Но, узнав о гибели своих предводителей, афиняне в ту же ночь избрали новых военачальников. И под их руководством успешно сражались с персами.

Афинской армии принадлежит приоритет в создании пельтастов — средней пехоты. Она была вооружена подобно легкой, но умела оборонять и захватывать позиции. Начальник наемного войска Ификрат реорганизовал этот род войск и умело использовал их. Изменилось и вооружение пельтастов — копье удлинилось наполовину, меч стал длиннее. Защитное вооружение их состояло из панциря и легкого кожаного щита.

Пельтасты могли сражаться подобно голптам в сомкнутом строю. Но, разомкнувшись, они успешно вели бой на пересеченной местности, в тылу, на флангах. Теперь боевой порядок усложнился — он состоял из фаланги голплитов, легкой и средней пехоты. Вместе с тем с появлением пельтастов значение фаланги начало уменьшаться — она уже не могла одна действовать в бою.

Коснувшись тактики пехоты Древней Греции, мы обязательно должны обратиться к сражению при Левктрах. Состоялось оно в 371 году до нашей эры между войсками Спарты и Союза беотийских городов, в который входили Фивы. Хотя с той поры прошло уже больше двух тысячелетий, но действия фиванского полководца Эпаминонда до сих пор разбираются во всех военных училищах и академиях.

...Спартанцы, возглавляемые Клеомбротом, имели 10 тысяч пехо-

тинцев и тысячу конников. Войско, возглавляемое Эпаминондом, насчитывало 6 тысяч пеших и 1,5 тысячи конных воинов. Сражение началось на равнине. Спартанцы построили фалангу не в 8 шеренг, как обычно, а в 12. Лучшие их войска размещались на правом фланге. Их фронт был длиннее беотийского. Эпаминонд построил свою армию по-иному. Древние полководцы всегда укрепляли правый фланг фаланги, он был менее защищен, так как гоплиты держали щит в левой руке. Фиванский полководец сосредоточил свои главные силы на левом крыле.

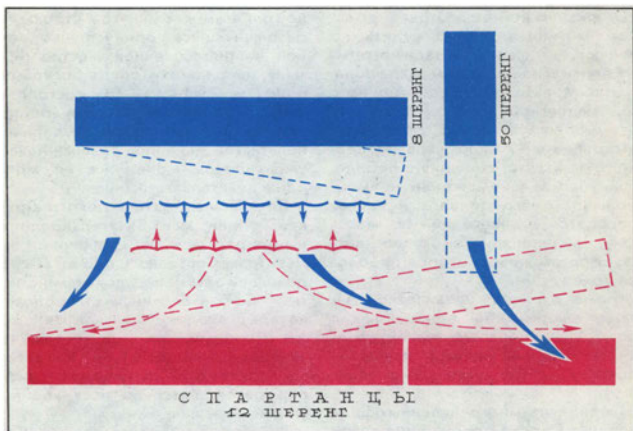
Глубина их построения была 50 шеренг. В ударную колонну, которую лично возглавил царь, входили лучшие войска. Спартанцы попытались охватить беотийцев более длинными флангами и взять их в окружение. Но эта попытка пошла прахом. Удар группировки левого крыла Эпаминонда, прорвав спартанскую фалангу на самом важном участке, решил исход сражения.

«Эпаминонд,— писал Ф. Энгельс,— первым открыл великий тактический принцип, который вплоть до наших дней определяет исход почти всех решающих сражений: неравномерное распределение войск по фронту в целях сосредоточения сил для главного удара на решающем участке».

Военные идеи Эпаминонда развили дальше полководцы Древней Македонии. Среди них выделяются своим искусством Филипп II Македонский и его сын Александр.

Филипп II учился военному искусству в Греции. Став царем, он создал большую армию, которая под его руководством одержала много побед.

Легендарный полководец древности Александр Македонский был сыном Филиппа II. Он вступил на престол в возрасте 20 лет, прожил 33 года и умер во время одного из своих военных походов в 323 году до н. э. Он был умен и образован, его учителем был выдающийся философ

Построение войск Эпаминондом. Сражение при Левктрах.

Аристотель. Не зная поражений, Александр Македонский завоевал огромнейшие территории, дошел со своим войском до реки Инд и создал крупнейшую мировую монархию древности. (Правда, лишенная прочных внутренних связей, монархия распалась после его смерти.)

Александр Македонский мечтал о мировом господстве. Своим войнам, которые испытывали усталость от непрекращавшихся походов и не хотели продолжать войну, он говорил с упреком: «Македоняне, товарищи трудов моих, вы не разделяете их уже с прежней ревностью!.. Ежели бы кто из вас желал конца их, то пусть знает он, что мы недалеко от Ганга и от Восточного океана, который соединяется с океаном Индийским, Персидским заливом, он окружает вселенную; от Персидского залива мы пойдем к столпам Геркулевым, покорив Африку, подобно Азии, положим границы мира рубежом нашему владычеству».

Александр Македонский, по словам Ф. Энгельса, был лучшим кавалерийским начальником античной эпохи. Благодаря ему она выделилась в самостоятельный род войск, стала маневренной силой боевого порядка, осуществляла главное нападение. Кроме того, он создал новый род войск — димахи. Это были конники, которые могли вести бой и в пешем строю.

Но, уделяя много внимания совершенствованию кавалерии, Македонский оставался и выдающимся пехотным военачальником. В его армии она была многочисленной и отличалась хорошей выучкой.

Тяжелая — была вооружена копьями с удлинненным до четырех метров древком. Весило оно немало. А если учесть, что каждый воин еще имел меч и защитное вооружение, можно представить, какую физическую нагрузку испытывали воины!

Оружие средней пехоты было таким же, но несколько облегченным.

Легкая пехота вела бой луком, пращей, дротиком.

Фаланга, состоявшая из тяжелой пехоты, была основной боевого порядка. Она насчитывала 1024 человека по фронту, 16 шеренг в глубину. Организационно она делилась на несколько более мелких подразделений. Но в бою фаланга действовала как единое целое.

Сильной стороной армии Александра Македонского было отличное взаимодействие пехоты и конницы, сочетание легких, средних и тяжелых войск.

Как правило, сражение она вела по следующей схеме. На одном из флангов наносился главный удар, здесь была сосредоточена основная группировка войск. Бой завязывали легкая пехота и легкая конница. Потом наносила удар тяжелая конница. Она старалась прорвать фронт противника и выйти к его тылам.

Средняя пехота расширяла прорыв. Затем шла в атаку фаланга. При этом воины первых шести шеренг выставляли копья вперед. Остальные держали их над собой. Ощетинившаяся копьями, защищенная стеной щитов, фаланга наносила сокрушительный удар. Легкая конница преследовала противника.

Древний Рим. Легионер (пехотинец Древнего Рима) — олицетворение его армии. Меч, которым вели бой легионеры, был военной эмблемой Рима. Легион — 4,5—7 тысяч человек — был основной организационной единицей армии и делился на центурии.

В истории этого государства выделяют три периода: царский, республиканский. На раннем этапе войско комплектовалось по подобию греческого. Только население Рима делилось не на четыре, а на пять имущественных разрядов. Каждая группа формировала определенное число войсковых единиц — центурий. Наиболее богатые шли в кавалерию.

лерию, самые бедные в легкую пехоту, а остальные выставляли тяжелооруженных воинов. Тех же, кто из-за бедности не попадал ни в один разряд — их называли пролетариями, — в армию брали лишь в случаях особой опасности. Такие воины содержались за счет государства.

Мужчины обязаны были служить с 17 до 46 лет. Более старшие по возрасту несли гарнизонную службу. От воинской повинности освобождались лишь те, кто уже провел в пехоте 16 или 20, а в кавалерии — 10 походов.

Подготовка к военной службе начиналась в раннем возрасте. Юношей собирали в специально отведенных местах и учили бегу, преодолению преград, сооружению лагерей и умению обороняться в них. В отличие от греков римляне очень много внимания уделяли строевой подготовке — умению двигаться в составе подразделений по ровной и пересеченной местности. Юноши приходили в армию хорошо подготовленными, приученные к беспрекословному повиновению своим командирам.

Много внимания уделялось обучению искусству владения оружием. В процессе обучения широко применялись деревянные чучела. На тренировках воины орудовали мечами, которые были вдвое тяжелее обычных. При этом особо следили за согласованностью действий мечом и щитом, чтобы при ударе воин не открывался, не подставлял себя под удар.

Римляне в отличие от греков носили не рубящий, а колющий удар — так было удобнее обеспечить собственную защиту.

В чучела учились бросать копья, в связки прутьев или соломы стреляли из лука и пращи.

Занятия в армии проводились регулярно. И занимались ими не только новички, но и старые легионеры, чтоб не утратить гибкость мышц. Римская армия отличалась

от других строжайшей дисциплиной. За малейшую небрежность провинившихся подвергали жестоким наказаниям.

В отдельных случаях для наведения порядка применялись особые средства наказания — децимации, когда по жребию казнили каждого десятого воина.

Отличившихся богато награждали. Их подвиги славил в легендах. До наших дней дошел рассказ о героическом поступке римлянина Муция. Он решил убить царя большого этрусского войска, осадившего вечный город. Но по ошибке ударил кинжалом другого военачальника. Царь стал допрашивать его, но Муций отказался отвечать на вопросы. Тогда царь распорядился сжечь юношу и приказал развести костер. Муций подошел к огню и положил правую руку на угли. Он даже не вздрогнул, когда его рука обуглилась. Все были поражены выдержкой юноши, его презрением к смерти. Изумленный царь отпустил юношу и даже снял осаду с города.

Благодарные римляне высоко оценили подвиг Муция, дали ему прозвище Сцевола (левша).

Имя Муция Сцеволы стало нарицательным, оно олицетворяет героя, жертвующего всем ради отечества.

Организационно центурии входили в легионы. Но позже римляне перешли от обычной фаланги к манипулярной. Легионы стали делиться на разряды и манипулы. Место воина в строю зависело от его общественного положения. Самые молодые и бедные становились велитами — легковооруженными воинами. Тяжеловооруженные делились на гастатов (младших) — они стояли в первой линии, принципов (средних) — вторая линия и находившихся в третьей линии триариев (старших). Велиты распределялись по манипу-

лам группами в 40 человек. В состав легиона входила конница — 10 турм, а также баллисты и катапульты.

Все мелкие и большие подразделения имели свои символы. Это были различные узоры на щитах — молнии, созвездия, венки и так далее. Знаком легиона долгое время была серебряная фигура орла, символом манипулы было изображение ладони — знак присяги.

Младший командный состав легиона составляли декурионы (десятники), подцентурионы (командиры 50 воинов), центурионы (сотники). Манипулой командовали два центуриона — один из них был старший. На этот пост ставились, как правило, самые мужественные и опытные воины. Центурионы имели отличительные знаки — носили посеребренные шлемы, на их доспехах была выбита виноградная гроздь. Они, как правило, всегда имели при себе трость для наказания виновных.

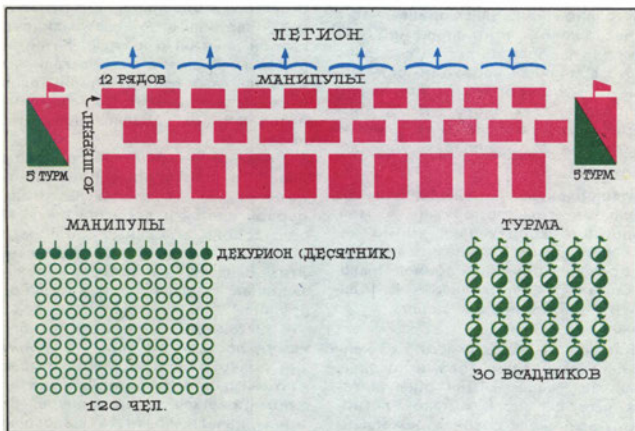
В легионе были и более высокие начальники — четыре трибуна, один

старший и три младших. Они, как и все воины, подчинялись командиру легиона — легату.

Высшими военачальниками римских вооруженных сил являлись консулы. Их число зависело от количества армий. Если войско действовало вместе, консулы руководили поочередно. В случаях особой опасности назначался диктатор, который был единоличным командиром. Его власть в военное время была неограниченной. И это подчеркивалось его пурпурным плащом и богатым вооружением.

Достаточно развитый в экономическом отношении, Древний Рим смог создать замечательное по тем временам вооружение. Вначале главным оружием легионеров было копье для рукопашного боя и подсобным — короткий меч. В дальнейшем полуметровый меч, которым можно было и колоть и рубить, стал не только основным, но и любимым оружием римлян, которые владели им безукоризненно.

Армия Древнего Рима располагала

Манипулярный боевой порядок.

ла и другим, уникальным для своего времени видом вооружения. Речь идет о пилуме — копье, которое изготовлялось из особо прочных пород дерева. На острие копья надевался острый железный наконечник. Этот наконечник, достигавший метра в длину, позволял использовать пилум особенно эффективно. Когда пилум застревал в щите противника, его невозможно было перерубить мечом, как обычное копье, приходилось отбрасывать вместе с пилумом и щит. Отсутствие щита наполвину обезоруживало противника. Особенно эффективным было использование этого оружия в начале сражения — оно вынуждало противника вступать в рукопашную схватку незащищенным.

«Римская армия представляет самую совершенную систему пехотной тактики, изобретенную в течение эпохи, не знавшей употребления пороха» — так оценивал Ф. Энгельс военное искусство легионеров. В чем оно заключалось? Как известно, Древнему Риму приходилось почти постоянно вести войны, причем часто с несколькими противниками. Войны длились десятки лет. И довольно часто возникала необходимость решения таких проблем, как выбор направления главного удара, бесперебойное обеспечение армии, создание гибкого аппарата управления.

Излюбленным оружием велитов было метательное оружие и меч. Защитного вооружения, кроме небольших щитов, они не носили.

Доспехи римских воинов изготавливались из железа. И только панцири иногда делались из кожи.

Военная необходимость положила начало созданию баз, в которых хранились запасы. Для обслуживания лагерей около стоянок легионеров возникали поселки ремесленников и торговцев, скупщиков добычи. Со временем эти поселения,

их называли канабы, включились в экономическую структуру страны. Историки считают, что многие современные европейские города, а среди них — Кёльн, Будапешт, Манчестер и другие, возникли именно таким образом.

Громадное значение для развития военного искусства Древнего Рима имело разделение легиона на манипулы. Армия стала более подвижной, менее зависимой от местности. У такого строя были и другие преимущества. Особенно отчетливо они проявлялись при встрече с фалангой. Между манипулами имелся определенный интервал. Казалось, это могло ослабить римлян перед ударом чужой фаланги, так как противник мог заполнить свободные пространства и поражать легионеров с флангов и тыла. Но как только враг пытался предпринять подобную попытку, его фаланга, сила которой была в единстве, в мощной атаке, теряла свои преимущества, попадала под встречные удары манипул. Моментально начинало ощущаться отсутствие резервов. Римляне же сразу вводили в бой свои манипулы второй линии. Но и это были не все резервы. Римляне располагали еще и манипулами третьей линии! Тесное взаимодействие всех подразделений позволяло им успешно добиваться победы.

Древние римляне часто использовали в бою особый прием — так называемую «черепаху». Воины первой шеренги держали щиты перед собой, остальные поднимали их над головой горизонтально. Этот панцирь из щитов надежно защищал римлян от метательного оружия.

В тактике римской пехоты многое изменилось после того, как римский полководец Гай Марий провел в армии свои реформы. Пехота стала формироваться из наемников. Все воины начали получать жалование, им выдавалось оружие и обмундирование. Отслужив свой срок, ле-

гионеры вознаграждались участком земли. Приток в армию новых людей, менее подготовленных и обученных, привел к ухудшению качественного состава войска. Потребовалась новая реорганизация.

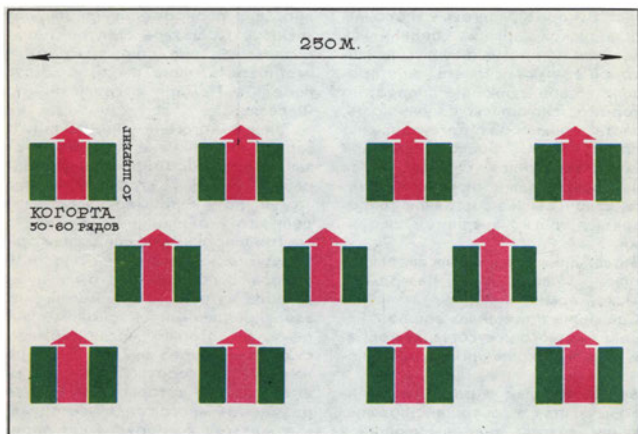
Гай Марий устранил деление на гастатов, принципов и триариев. Легкая пехота была выведена из состава легионов. Число манипул он не изменял, но ввел новое деление — на когорты, символом которых было небольшое знамя. Каждая когорта объединяла три манипулы. Это позволило более самостоятельно использовать крупные структурные единицы легионов. В случае необходимости когорты объединялись в фалангу.

Эпоха Древнего Рима выдвинула множество выдающихся военачальников. Но таков уж парадокс истории — на правом фланге этого ряда стоит не римский, а карфагенский полководец Ганнибал. Он прославился многими победами, но одна из них, одержанная в 216 году до

нашей эры при Каннах, до сих пор находится в центре внимания военных теоретиков. Под стенами этой небольшой крепости, превращенной римлянами в продовольственный склад, произошло сражение римских и карфагенских войск. Преимущество в силах было на стороне римлян. Их войско насчитывало 80 тысяч пехоты и 6 тысяч конницы. Из них в битве участвовали 55 тысяч тяжеловооруженных воинов, около 9 тысяч легкой пехоты и 6 тысяч конницы. Остальные войска находились в лагере и несли дозорную службу.

Карфагеняне выставили 40 тысяч пехоты (из них 8 тысяч легкой) и 10 тысяч конницы.

В день битвы римскую армию возглавлял полководец Варрон. На рассвете он вывел свои войска и построил их в боевой порядок. Варрон рассчитывал сокрушить противника ударом сомкнутых сил. И чем теснее они будут сомкнуты, тем эффективнее, по его мнению, будут отражать атаки конницы и прорывать боевой

Когортный боевой порядок.

порядок карфагенян. Поэтому на флангах Варрон поставил конницу, а в центре сосредоточил легионы. Легкая пехота находилась впереди фронта. Войска действовали как фланга.

Ганнибал построил свою армию следующим образом. На флангах разместил тяжелую отборную пехоту и конницу. В центре же довольно тонкой линией стояло несколько шеренг пехотинцев. Замысел карфагенского полководца был очевиден: сильными флангами нанести сокрушительный удар.

Бой начали легковооруженные воины. Затем Ганнибал атаковал римлян конницей на левом фланге. Атака оказалась успешной, и карфагенская армия стала угрожать тылам римлян. На правом фланге сложилась аналогичная ситуация. В это время многочисленная римская пехота нанесла сильный удар в центре и потеснила карфагенян. Боевые порядки Ганнибала выгнулись формой полумесяца, обращенного вперед рогами. Римляне втягивались в «мешок». Вскоре фланговые колонны карфагенской армии соединились и ударили по противнику с тыла. Некоторое время легионеры еще продолжали свое движение вперед, но вскоре остановились. Скудность, теснота мешали им организованно сопротивляться. Боевой порядок римлян нарушился. Они не могли использовать даже численное преимущество и были в состоянии сопротивляться только внешними шеренгами.

Битва, длившаяся 12 часов, завершилась невиданным разгромом римской армии.

Сражение при Каннах вошло в историю военного искусства, как образец полного окружения и уничтожения армии.

Большой вклад в развитие военного искусства, в совершенствование техники пехоты внес выдающийся римский полководец Юлий Цезарь. Человек, обладавший многими та-

лантами, он прославился и на военном поприще. Римская армия, возглавляемая Цезарем, показывала, в частности, образцы маневрирования на поле боя. В 49 году до н. э. в битве на реке Сикорис Цезарь сумел победить своего противника Помпея одним умелым передвижением войск на поле боя. Словно умелый шахматист, Цезарь сумел таким образом расположить свои войска, что легионеры Помпея оценили позиционное преимущество войск противника и пять легионов (около 25 тысяч человек) без боя сложили оружие. Часть войск во главе с Помпеем бежала. И здесь Цезарь снова применил новинку. Его воины преследовали бегущих, используя не только так называемое фронтальное преследование противника (след в след), но и параллельное. Они перемещались параллельно отступавшим, нападая и истребляя их с флангов.

Большое значение Юлий Цезарь придавал наличию резерва. Если раньше резервные силы использовались для парирования ударов противника, то Цезарь стал применять резерв как средство разгрома. В частности, именно так ему удалось победить Помпея в сражении при Фарсале.

Очень много внимания Юлий Цезарь уделял инженерному оборудованию позиций. Фортификационные работы велись быстро, силами всей армии. Вот, к примеру, как выглядели его укрепления у Алезии.

«Три широких рва следовали один за другим на расстоянии около 100 метров. В средний ров была пущена вода из реки. За рвами высились вал, укрепленный частоколом с зубцами, за которым могли скрываться стрелки. Через каждые 25 метров на валу были сооружены многоэтажные башни, в которых можно было разместить много солдат и специальные метательные орудия для перекрестного обстрела... Впереди рвов налево и направо по ровному полю

сплошными рядами торчали из земли целые стволы деревьев, заостренные сучья которых переплетались между собой. Пробриться через эту густую и колючую заросль было очень трудно. Стволы были глубоко закопаны в землю, чтобы их нельзя было выдернуть и оттащить в сторону. Пять рядов таких заграждений шли вплотную один за другим. Недаром их называли «могильными столбами». Во многом благодаря этим защитным сооружениям Цезарь сумел в битве за Алезию одержать победу над галлами.

Своих противников Цезарь старался истребить по частям, удары направлял на решающий участок, обеспечивал свой тыл и коммуникации. Легионы Цезаря совершали очень быстрые для своего времени переходы — до 30 километров в сутки и больше.

Свои легионы Цезарь применял и в морском десанте, дважды он высаживался в Британии.

К каждому сражению полководец готовился очень тщательно, использовал все средства, чтобы создать наиболее благоприятные условия своей армии. Показателен такой факт. Однажды его войску пришлось вести сражение с нумидийским царем Юба, в армии которого было 120 боевых слонов. Зная, что легионеры не имеют опыта борьбы с подобным противником, Цезарь приказал доставить в лагерь несколько слонов и оперативно обучить своих воинов действиям против них.

История античного мира хранит множество героических имен. Особое место в ней занимает имя выдающегося полководца Спартака, которого К. Маркс называл «самым великолепным парнем во всей античной истории».

Спартак был родом из Фракии. Он воевал с римлянами, но затем попал в плен. Его сделали гладиатором. Но вскоре отпустили на свободу — он стал рудиярием, свободноотпу-

щенным рабом. Когда же гладиаторы восстали, Спартак возглавил их. В течение короткого времени он создал из рабов хорошо обученную армию. Под его руководством она нанесла римским войскам чувствительные поражения.

«— Я надеюсь,— ответил рудиярий, сверкая глазами,— уничтожить этот развращенный римский мир и увидеть, как на его развалинах зарождается независимость народов. Я надеюсь сокрушить позорные законы, заставляющие человека склоняться перед человеком и изнемогать, работая не для себя, а для другого, пребывающего в лени и безделье. Я надеюсь потопить в крови угнетателей стоны угнетенных, разбить цепи несчастных, прикованных к колеснице римских побед. Я надеюсь перековать эти цепи в мечи, чтобы с помощью их всякий народ мог прогнать вас со своей земли в пределы Италии,— она сама великими богами, и границ ее вы никогда не должны были переступать. Я надеюсь предать огню все амфитеатры, где народ-зверь, забывающий нас варварами, упивается резней и бойней несчастных, рожденных тоже для духовных наслаждений, для счастья, для любви и вынужденных вместо этого убивать друг друга. Я надеюсь во имя всех молний всемогущего Юпитера увидеть уничтоженным на земле позор рабства. Свободы я ищущу, свободы жажду, свободы жду и призываю свободу и для отдельных людей, и для народов, великих и малых, для сильных и слабых, а вместе со свободой — мир, процветание, справедливость и все то высшее счастье, которым бессмертные боги дали человеку возможность наслаждаться на земле...»

Этот отрывок из книги Р. Джованьоли помогает нам полнее определить те цели и задачи, которые ставил перед собою этот борец за освобождение угнетенных.

В течение трех лет длилось вос-

стание рабов. В ходе его отчетливо проявился полководческий талант Спартака. Свою армию, которая достигала 100 тысяч воинов, он создавал и обучал в очень тяжелых условиях, в ходе войны. Войско восставших отличалось высокими моральными качествами — тон задавал сам вождь, который вел образ жизни простого воина.

Спартак всегда стремился взять инициативу в свои руки, действовал активно и наступательно, наносил упреждающие удары.

Проявленное им военное искусство было настолько велико, что даже классовые враги признали Спартака выдающимся и благородным полководцем.

Спартак погиб с оружием в руках. Его имя стало символом борьбы за свободу, оно вдохновило на подвиги многих лучших сынов человечества.

Военные походы, сражения играли очень большую роль в жизни древнеримского государства. Все успехи и поражения войска отражались на общественной жизни. Победы обогащали рынок, добывали новых рабов и в конечном счете активизировали экономическое развитие страны. А крупные поражения войска, такие, например, как в бою при Аллии 18 июня 390 года до н. э., объявлялись в Риме траурными днями.

Позже, в эпоху империй, значение легионов возросло еще больше. Историки выделяют в этот период так называемую эпоху «солдатских» императоров — 235—284 годы. В те

годы войска провозглашали императоров сами. Первым среди них был Максимин. Уроженец Фракии, горный пастух, человек гигантской силы, он прошел путь от рядового пехотинца до командующего армией... После него войска еще несколько раз провозглашало простых солдат императорами.

Естественно, изменения в составе армии страны сразу же сказывались на жизни всего общества. В составе наемного войска появилось много представителей нероманских народов. Происходило, как пишет Ф. Энгельс, ухудшение элементов, составляющих армию. Параллельно начинавшемуся упадку армии формировалось пренебрежительное отношение к тяжеловооруженной пехоте. Были предприняты попытки заменить ее заимствованными у варваров легкими войсками.

Это ослабленное, потерявшее выучку и мощь войска не смогло надежно защищать страну от нападения многочисленных врагов. В 476 году был низложен последний император, который по иронии судьбы носил имя мифического основателя вечного города Ромула. Знаки его власти были отосланы в Константинополь. 476 год считают традиционной датой падения Римской империи.

Этим завершается история древнего мира и начинается история средних веков. Человечество вступило в новую общественно-экономическую формацию — феодализм.

ЖИЗНЕННАЯ ОСНОВА ВОЙСКА

В средние века многие военные теоретики считали, что армия состоит из двух основ — пехоты и конницы. Причем именно пешим воинам был присвоен титул «жизненной основы всякого войска».

При таком отношении, казалось бы, процветание пехоты в эту эпоху не должно вызывать никаких сомне-

ний. Но так было далеко не всегда. В начале средних веков значение пехоты, ее роль в военных действиях стали падать. Это явление, в частности, характеризует армии Западной Европы в V—XIV веках.

Место пехоты как «жизненной основы войска» заняла рыцарская конница. Впервые она заявила о себе

в сражении при Пуатье в 732 году, когда франки одержали убедительную победу над арабами благодаря вводу в сражение своей тяжелой конницы. И уже «к концу X столетия», — пишет Ф. Энгельс, — кавалерия была единственным родом войск, который повсюду в Европе действительно решал участь сражения; пехота же, гораздо более многочисленная в каждой армии, чем кавалерия, являлась не чем иным, как плохо вооруженной толпой, организовывать которую почти не делалось никаких попыток. Пехотинец даже не считался воином; слово *miles* (воин) сделалось синонимом конного воина».

Служба в пехоте стала уделом челяди, крепостных крестьян.

Об организации рыцарского войска и положении пехотинцев, занимаемом в нем, можно судить по следующей схеме.

Во главе войска стоял король, при нем состоял совет знатных рыцарей, каждый из них имел свое ополчение, которое называлось «знамя». Вассалы этих рыцарей приводили с собою отряды, называвшиеся «копьями». В состав «копья» входил сам рыцарь, обслуживающие его конные и пешие воины.

«Знамя» обычно состояло из 25—80 коней.

Рыцари были вооружены мечами, копьями, боевыми топорами, булавами, щитами. Все они были закованы в тяжелую броню. С XII века боевые кони тоже покрывались броней.

Пешие же воины вооружались копьями, луками, арбалетами, позже — алебардами. Их одежда в отличие от красочных одеяний рыцарей была темного цвета.

Рыцарское войско не отличалось дисциплинированностью. Каждый феодал мнил себя стратегом и вел сражение по своему плану. Тем не менее рыцари знали несколько видов боевых построений — «частоколом» и «клином».

«Клин» они применяли, сражаясь с пехотой, а «частокол» — против рыцарского войска.

Но построения эти сохранялись недолго. С началом боя строй рассыпался, переходил в отдельные рукопашные схватки кавалеристов. Пехота в это время стрельбой из лука поддерживала рыцарей.

Сражения тогда были непродолжительными. В течение нескольких часов отношения, как правило, выяснялись. Схватки не отличались особым кровопролитием. Выгоднее было не убить рыцаря, а захватить его в плен и потребовать выкуп.

Но следует еще раз напомнить, что состояние упадка было характерно для пехоты стран Западной Европы.

Что касается армии наших предков — славян Киевской Руси, здесь картина совсем иная. Пешая часть войска была основой боевого порядка, играла решающую роль в сражениях.

Дружины славян в массе своей состояли из пеших воинов. Вооружение было обычным для тех времен: копья, щиты. Исход сражения славяне решали рукопашной схваткой. Наши предки славилась стойкостью, мужеством, воинской доблестью. Нередкими были случаи, когда византийские императоры отдавали свою армию под начало славянских военачальников. Как свидетельствуют историки, славяне умело вели бой не только в горах, лесах и болотах, но и быстро овладели искусством осады и штурма крепостей.

Славяне часто прибегали к военным хитростям, использовали засады. Удивительным было их умение маскироваться. Если враг заставлял их врасплох, они могли скрыться, погрузившись в воду и дыша через стебли камыша.

Историки отмечали, что славяне очень любили свою землю. Как только на их территорию вступал противник, на борьбу поднимался и стар и млад. Врагам ежечасно,

ежеминутно приходилось ждать ударов. Если не было возможности отступать в лес, славяне защищали свое поселение до последнего жителя. Их мужество и отвага наводили ужас на противников. Любопытен такой исторический факт. В 602 году в византийской армии вспыхнуло восстание под руководством солдата Фоки. Бунт был вызван тем, что император Маврикий приказал выступить войску против славян. Воины восстали и отказались выполнить приказ — таким грозным считали они своего противника.

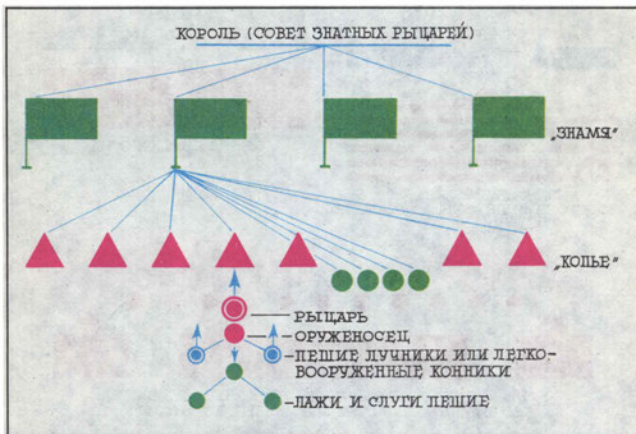
Имея отличное войско, славяне успешно воевали с многочисленными врагами, посягавшими на их земли. «Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который подчинил бы себе силу нашу?... Не обладать другим землей нашей... и в этом мы уверены, пока будет на свете война и мечи», — гордо отвечали славяне тем, кто хотел покорить их.

В конце прошлого тысячелетия могучим и несокрушимым государ-

ством вышла Русь на международную арену. В то время это было самое крупное государство Европы, которое называли Гардарик — «страна городов».

Древняя Русь была сильна в экономическом отношении, имела обширные связи с другими странами. Летописец Илларион, современник Ярослава Мудрого, вспоминая князей Игоря, Святослава и Владимира, писал: «Не в плохой стране и не в неведомой земле были они владыками, но в русской, которая ведома и слышима во всех концах земли».

Древнерусское государство имело многочисленное, отлично подготовленное войско, ядром которого являлась дружина киевского князя. Пользуясь современной терминологией, о ее воинах можно сказать, что они были профессиональными военными. Они жили на княжеском дворе, находились на содержании главы государства. Сама дружина делилась на группы по социальному признаку. «Старшая» дружина, ее называли еще «отцовской», состояла

Организация рыцарского войска.

из «княжих мужей», «бояр светлых». Это были опытные воины. Князья высоко ценили их, советовались с ними, из их среды назначались посадники, тысяцкие. «Молодшая» дружина включала в свой состав «отроков» — сюда поначалу вступали юноши. Была и еще одна дружина, состоящая из «мужей», — основная масса войска.

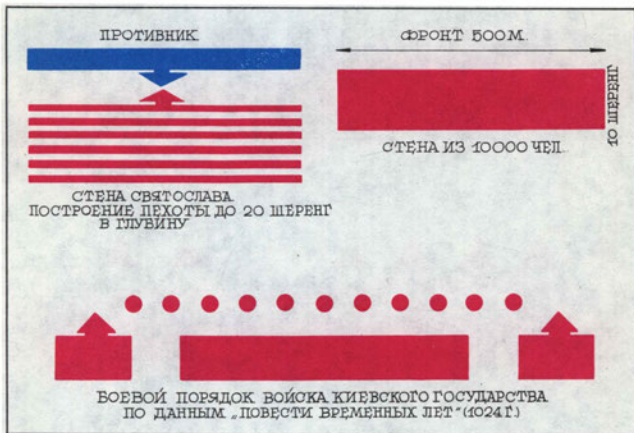
Войско в Киевской Руси было в основном пешим. По вооружению и по способу действий пехота делилась на тяжелую и легкую. Конница вначале была малочисленной и не играла большой роли.

Древнерусские воины были вооружены мечами, боевыми ножами и топорами, копьями метательными и для рукопашного боя, луками со стрелами, были одеты в кольчуги, шлемы-шишаки, защищены щитом.

Образцы оружия древнерусских дружинников дошли до наших дней, их можно увидеть в музеях. В Оружейной палате Московского Кремля самым древним предметом в зале оружия является шлем русского

князя Ярослава Всеволодовича — отца Александра Невского. Шлем выкован из железа, имеет серебряные накладки на верхней и надлобной частях. На них чеканены фигуры святых. В свое время эти изображения помогли определить, кому именно принадлежал шлем. С ним связана история соперничества сыновей владимирского князя Всеволода Большое Гнездо — Константина и Георгия. Ярослав встал на сторону Георгия. У реки Липицы состоялась битва, в которой Константин разбил своих противников. Ярослав, уходя от погони, снял доспехи и спрятал их... Шлем князя был найден крестьянами в 1808 году.

О защитном вооружении князя Шуйского можно судить по хранящейся в Оружейной палате кольчуге. Правда, она изготовлена в более позднее время, но от древнерусских существенно не отличается. Кольчуга имеет вид длинной рубахи с квадратным вырезом и короткими рукавами. Сделана она из 16 тысяч клепаных колец. Вес ее около 12 ки-

Боевые порядки войск Киевской Руси.

лограммов. Когда князь Шуйский был убит, кольчуга перешла в царскую казну. Позже царь пожаловал эту кольчугу казачьему атаману Ермаку Тимофеевичу, присоединившему к русским землям сибирские.

Древнерусское войско вело войны, которые были вызваны необходимостью защиты своего государства от сильных противников.

Походы обычно предпринимались князьями весной. Если путь был далек и шел вдоль рек, пеших воинов сажали на ладьи. Известно, что князь Олег в походе на Византию поставил самые легкие корабли на колеса и направил их по суше под парусами. Князья умели хорошо организовать разведку, нападать внезапно.

В бой наши предки шли глубокими сомкнутыми колоннами. Позже появляется новый боевой порядок — построение «стена», похожее на флангу.

Впереди «стены» и в ее интервалах располагалась легкая пехота — лучники. Они начинали сражение. Потом они отходили, и в бой вступала тяжелая пехота. Атака велась всем фронтом. При сближении с противником «стена» переходила на бег, усиливая этим свой удар.

В более позднее время боевой порядок начал углубляться — появилась вторая линия.

Сложное построение войска потребовало более четкого управления им. Возросло значение «стягов» — княжеских знамен, которые были не только воинскими символами, но и средством управления. Развешавшиеся впереди знамени звали войско на битву. По ним полки выстраивались в «полный ряд»; падение, потеря знамени, как правило, свидетельствовали о том, что схватка проиграна. Поэтому к знамени относились как к святыне, защищали его, сражались за него.

Кстати, в эпоху Киевской Руси впервые употребляется термин

«полк» как название отдельно действующего элемента войска.

Свою родину наши предки защищали не щадя жизни. «Сей народ,— писал о них византийский историк Лев Диакон,— отважен до безумия, храбр, силен».

Эпоха Киевской Руси выдвинула своих военачальников. Среди древнерусских полководцев особыми успехами прославился князь Святослав. Интересный факт. В холле Военной академии имени М.В.Фрунзе укреплены барельефы, рассказывающие о победах русского и советского оружия. Отсчет ратных достижений нашего народа открывают победы киевских князей, среди них и имя князя Святослава. Древние историки донесли до нас рассказ о делах и подвигах этого выдающегося полководца. Вот как рисует нам его образ летопись: «Святослав, возмужав, начал набирать воинов многих и храбрых, ходя легко, как барс, много воевал; идя в поход, воез с собою не возил, ни котлов, мяса в походе не варил, но, изрезав тонкими ломтями конину, или зверину, или говядину, пек на угольях; шатра у него не было, а спал он на конском потнике, положив седло под голову. Такими же были и все его воины».

Святослав был полководцем благородным, уверенным в своих дружинниках. Обычно перед началом боевых действий он посылал к противнику гонца с сообщением: «Хочу на вы идти».

Да, Святослав «много воевал». Но самых славных побед он достиг, сражаясь с Византией.

В историю военного искусства вошло сражение, которое состоялось в 971 году между армиями Святослава и императора Цимисхия у крепости Доростол. В ходе его русская дружина, состоявшая почти вся из пехоты, показала выдающиеся образцы упорства, мужества и стойкости в обороне. Ход войны сложился так, что Святослав вступил в сражение с меньшим войском, чем

его противник. Первая очень жестокая схватка между ними произошла 21 апреля. Она продолжалась до вечера и не принесла победы ни одной из сторон. 12 раз византийцы атаковали русских и вынуждены были отступить. Не принес им успеха и удар многочисленной конницы. Дружина, отбив все атаки, вечером отошла за крепостные стены.

Через три дня император повел свои войска на штурм. И опять русские воины вынудили их отступить. Святослав решил дать еще один бой в поле и вывел из Доростола дружинников. Несокрушимой стеной стали наши предки. И вновь византийцы не смогли достичь победы...

На этот раз князь не повел свое войско в крепость, а оставался на поле боя полтора суток. За это время дружинники вырыли вокруг Доростола глубокий ров...

Упорные бои продолжались до июля. Русские воины голодали, многие были ранены, болели. 21 июля Святослав собрал совет своих военачальников, чтобы решить, что же делать дальше. Одни предлагали ночью скрытно уйти из крепости в Киев, другие — помириться с противником, взять с него клятву верности...

Выслушав их, Святослав сказал, что «если постыдно уступить византийцам, то погибнет слава русского оружия».

«Повесть временных лет» донесла до нас слова, которые стали заветом Святослава своим потомкам, всем защитникам Родины: «Уже нам не камо ся дети, волею и неволею стати противу; да не посраим земле Русские, но ляжем костьми, мертвыи срама не имам, аще ли побегнем, срам имам; ни имам убежати, но станем крепко, аз же пред вами поиду: аще моя глава ляжет, то промыслите собою». «И реша вои: «Идеже глава твоя, ту и свои главы сложим».

Ранним утром следующего дня

вновь вывел Святослав своих воинов в чисто поле. Вновь встала у крепости несокрушимая русская «стена».

Когда подошло войско Цимисхия, дружина бросилась на византийскую фалангу. Ее удар был настолько яростным, что противник начал отступать. Спасая положение, ринулся в бой сам император со своим отборным отрядом конников. Подход свежих сил на какое-то время остановил продвижение дружины. Затем бой разгорелся с новой силой...

Неожиданно резервный отряд византийцев отрезал русских воинов от крепости. Казалось, исход сражения предрешен и только чудо может спасти попавших в окружение воинов Святослава. Но дружинников спасло не чудо, а их стойкость, мужество и воинское мастерство. Могучим ударом дружина разорвала кольцо и отступила в крепость.

Это был последний день боевых действий. Вскоре Святослав заключил мир на выгодных для себя условиях: византийцы дали русскому войску хлеб и не чинили препятствий, когда оно выходило из Доростола.

Если снова вспомнить о барельефах, укрепленных в холле Военной академии имени М. В. Фрунзе, мы прочтем там имя еще одного выдающегося русского полководца, Александра Невского.

Об этом военачальнике исторические хроники писали, что он, «побеждая везде, был непобедим». Войн же Александру Невскому пришлось вести немало. Как известно, прозвище свое Невский он получил за победу над шведскими захватчиками в 1240 году. До нас дошел рассказ летописца «О шести муж храбрых», которые участвовали в этой битве. Среди этих «шести муж», отмеченных самим Александром, были пешие воины. По их действиям можно судить о вкладе русской пехоты в разгром войска шведского воеводы Биргера. Новгородец Михаил, например, со своим неболь-

шим отрядом сумел потопить три шведских корабля, стоявших у берега. Другой «муж», Ратмир, сражался в этом бою особенно храбро и мужественно. Будучи несколько раз ранен, он продолжал наносить удары по шведам, пока сам не пал на поле боя.

Интересно отметить, что в войске Александра Ярославича сражался предок Александра Сергеевича Пушкина. Об этом поэт с гордостью писал:

Мой предок Рача
мышцей бранной
Святому Невскому
служил...

В историю нашей Родины Александр Невский вошел и как победитель немецких псов-рыцарей. Законная в железо орда крестоносцев огнем и мечом шла покорять славян.

Решающая битва между войском новгородского князя Александра и рыцарями произошла 5 апреля 1242 года на льду Чудского озера. Пехота была основной боевых порядков.

Немцы выстроились «клином» — глубокой и заостренной вперед колонной. Они намеревались быстро прорвать боевые порядки русских войск и уничтожить стоящую против них пехоту.

Александр Невский хорошо знал тактику рыцарей. Он противопоставил «клину», который русские летописцы называли «свиньей», боевой порядок с сильными флангами. Именно фланги должны были нанести удар по «клину», когда тот попытается врезаться в центр русского войска.

Бой начался ударом уверенной в победе рыцарской конницы. А дальше обратимся к летописи: «Немцы и чужь пробились клином через русские полки. И была тут страшная и большая сеча, был слышен треск ломающихся копий и звук от ударов мечей, так что и замерзшее озеро точно тронулось и не видно было

льда, потому что он был полит кровью».

План Александра Ярославича удался. Русские полки окружили рыцарей. Исход боя был предрешен. Когда часть крестоносцев вырвалась из окружения, русские воины бросились преследовать их — «сekli, гонясь за ними как по воздуху».

Победа была полной. Рыцари потеряли убитыми и пленными 550 человек. По тем временам это была исключительно большая цифра. Если, например, взять сражение между французами и немцами при Бувине (1214 г.), которое считается одним из крупнейших рыцарских сражений, то там погибло с обеих сторон только 73 человека.

Вскоре после поражения на Чудском озере крестоносцы прислали послов, просили мира. Александр Невский ответил: «Кто с мечом на придет, от меча и погибнет. На том стоит и стоять будет Русская земля».

Ледовое побоище — битва на Чудском озере — одно из выдающихся сражений того времени. Отметим, что это был первый разгром рыцарей в полевом сражении войсками, в основном состоящими из пехоты. Подобных побед — побед пехоты над тяжелой конницей — армии западноевропейских государств сумели достичь лишь через несколько десятков лет. Битва на Чудском озере — пример превосходства русского военного искусства над рыцарским.

Средние века — сложный период в истории нашей страны. В трудных войнах с многочисленными врагами отстаивал русский народ право на существование. Особенно длительной и кровопролитной была борьба за освобождение от татаро-монгольского ига. Апофеозом ее стала битва на Куликовом поле, шестивековой юбилей которой недавно отмечала вся наша страна.

В этом сражении в полной мере проявился талант Дмитрия Донского.

В конце августа 1380 года великому московскому князю Дмитрию Ивановичу стало известно, что хан Мамай с несчетной ордой идет походом на Русь. Князь объявил сбор ратных сил. Историки предполагают, что войско татар насчитывало 200 тысяч воинов, а русское — около 150 тысяч. Помимо княжеских дружин, в него входило большое народное ополчение, сражавшееся в основном в пешем строю.

Князь взял инициативу в свои руки — решил идти врагу навстречу, не дать Мамаю соединиться с союзником литовским князем Ягайло.

Оценивая действия Дмитрия Донского по летописям, мы должны отметить ряд присущих ему замечательных качеств: активность, смелость в принятии решений, личное мужество.

Возглавляемое им войско совершило небывало быстрый по тем временам марш. Огромная армия («От начала мира,— писал летописец,— не бывала такова сила русских князей») преодолела за 11 дней свыше 200 километров. Она двигалась в строго установленном порядке. Было организовано сильное сторожевое охранение, велась постоянная разведка.

6 августа русское войско подошло к Дону. Князь Дмитрий созвал военный совет. На нем обсуждался вопрос о месте предстоящего сражения. Заслушали сообщение о противнике «крепкого воеводы» Семена Мелика, руководившего сторожевым полком. Выяснилось, что татары и их союзники о местонахождении русских войск не знают, движутся медленно и на Дону могут быть только через три дня.

Воеводы разное советовали князю. Одни: «Ступай, князь, за Дон». Другие: «Не ходи, врагов много, не одни татары, но и литва и рязанцы». Те, кто настаивал на том, чтобы перейти Дон, выдвигали довод — сила войска не в его количественном превосходстве, а в его правде. Послед-

нее слово было за князем. Дмитрий решил перейти Дон. Он рассматривал предстоящее сражение как решительное средство для достижения победы над врагом. В ночь с 7 на 8 сентября началась переправа главных сил в «поле чисто», «на усть Непрядвы-реки». Под утро, в густом тумане, полки построились в боевой порядок на Куликовом поле. Фланги великий князь решил прикрыть естественными препятствиями — речками Дубиком и Смолкой, оврагами, дубравами. Их наличие затрудняло маневр татарской конницы. В центре боевого порядка стоял большой полк, справа — полк правой руки, слева — полк левой руки. Впереди — передовой и сторожевой полки. Позади большого полка, ближе к левому флангу, — запасной полк. В дубраве на левом фланге был укрыт засадный полк под начальством князя Владимира Андреевича Серпуховского и воеводы Дмитрия Михайловича Боброка. Когда князь Дмитрий поднялся на возвышенность, ему открылась величественная картина: «Знамена золотые шумят, простираются, как облака, тихо трепещут. Хоругви богатырей русских, как живые, колышутся. Доспехи русских воинов, словно вода, что при ветре, колеблются. Шлемы золоченые на их головах, как заря утренняя в ясную погоду, светятся. Еловцы шлемов их, как пламя огненное, развеваются».

Великий князь, хорошо зная тактику татар, их умение изматывать противника налетами небольших отрядов, усилил свой сторожевой полк. И не ошибся. Действия этого полка парировали удары авангарда ордынцев, заставили Мамаю раньше времени ввести в бой главные силы.

Около полудня 8 сентября битва началась поединком богатырей — бывшего брянского боярина, принявшего монашество, Александра Пересвета и татарина Челубея. Ударили они друг друга копьями и упали замертво. Грянула битва. Мамай

начал движение на передовой полк русских, кстати, состоящий из пехоты. Здесь сражался и сам князь Дмитрий, который был одет в доспехи простого воина. В отличие от Мамай, наблюдавшего за битвой со стороны, наш великий предок находился в гуще жестокой рукопашной схватки. О Дмитрии Ивановиче с гордостью пишет летописец: «А бился он с татарами лицом к лицу, став впереди в первой схватке. Об этом многие князья с воеводами много раз говорили: «Князь господин, не становись впереди битися, но сзади, или на крыле, или где-нибудь в укромном месте». А он отвечал им: «Как же я скажу: братья, двинемся все до единого, а сам начну скрывать лицо свое и прятаться сзади? Не могу я так, но хочу как словом, так и делом прежде всех и перед всеми голову свою положить за свою братию и за всех христиан, чтобы и прочие, видя это, с готовностью проявили смелость...» Справа и круг, как обильная вода по обе стороны; много ударов ударилось по голове его и плечам, и по животу, можно было видеть: все доспехи его избиты и пробиты...»

Грозными валами накатывалась золотоордынская конница на передовой полк. И вскоре он, выполнив свою задачу, почти весь был истреблен татарами, «пешая русская рать аки древеса сломишася и аки сено посечено лежаху».

Затем татары ударили по большому полку, основным силам великого князя, по лучшим его дружинам. Особенно жестокий бой разгорелся вокруг знамени Дмитрия Ивановича. Несколько раз врагам удавалось подрубить его, но каждый раз воины подхватывали знамя. Оно развевалось над полем боя как символ непобедимости русского сива.

Сражение становилось все более ожесточенным. «И покрыли полки поле на десять верст от множества воинов, и была сеча ожесточенная и великая и бой упорный... от начала

мира сечи такой не было у великих князей русских. Когда бились они, пролилась, как дождевая туча, кровь обоих — русских сыновей и поганых».

Однако выстоял большой полк. Передевший, он продолжал отбиваться. Мамай перенес удар на правый фланг. Но и здесь он не достиг успеха. А затем случилось то, на что и рассчитывал князь Дмитрий. Даже сейчас, шесть веков спустя, поражаешься умению выдающегося полководца правильно оценивать противника, местность и планировать сражение с учетом этих факторов. Великий князь предполагал, что татары все-таки главный удар обязательно нанесут по его левому флангу. Их не могла не соблазнить перспектива отрезать русских от переправы на Дону и прижать их к крутому обрывистому берегу Непрядвы. Орда снова пошла в атаку. Когда пал полк левой руки, когда, казалось, уже дрогнули русские воины, а осталось их совсем немного, когда был использован резервный полк и татары были готовы праздновать победу — тогда и сработала военная хитрость князя. Из дубравы прямо во фланг и тыл войску Мамай ударил засадный полк. Это стало переломным моментом битвы. Русские полки, получив подкрепление, перешли в наступление. Мамай со своими приближенными первым бежал с поля боя. Его войско было полностью разгромлено. «Трупам татарскими поля насыаны, и кровью потекли реки», — писал летописец.

О жестокости сражения и количестве потерь можно судить по тому, что восемь дней после битвы хоронили русские воины павших своих товарищей. Самого Дмитрия Ивановича тоже подобрали в поле тяжело раненным. Он был без сознания...

Куликовская битва вошла в историю нашей Родины как одна из крупнейших битв. «Кликнуло диво в Русской земле, велит слушать разным

землям, ударила слава к Железным воротам, к Риму и к Кафе по морю, и к Тырнову, и оттуда к Царьграду на похвалу: Русь великая одолела Мамаю на поле Куликовом».

Велико было значение этой победы, положившей начало полному освобождению от монгольского ига. В ней проявилась четкая слаженность русских войск, искусное взаимодействие отдельных полков, руководимых выдающимися полководцами, первым среди которых стоит Дмитрий Донской.

В дальнейшем на развитие военного дела в значительной степени воздействовали такие факторы, как рост городов, увеличение их численности и появление огнестрельного оружия.

Свободное от крепостной зависимости население городов объединялось и формировало ополчение для защиты от произвола феодалов. Новые условия вооруженной борьбы привели к преобразованиям в военном искусстве. Родился следующий боевой порядок — глубокие, вытя-

нутые в длину построения пехоты, окаймленные с флангов отрядами аркебузирова. Тонкая цепочка рыцарской кавалерии не могла устоять против удара этого войска. «Во фламандских городах, в те времена — главном промышленном районе мира, и среди швейцарских гор, — писал Ф. Энгельс, — впервые возникли войска, которые снова заслуживали названия пехоты после столетий ее упадка. Французское рыцарство не устояло против ткачей и сукновалов, золотых дел мастеров и кожевников бельгийских городов, а бургундское и австрийское дворянство — против крестьян и пастухов Швейцарии. Главную роль здесь сыграли хорошие оборонительные позиции и легкое вооружение, усиленное, как это было у фламандцев, многочисленным огнестрельным оружием».

С укреплением централизованных государств росло значение наемного войска. И это естественно, ибо короли в борьбе за власть не могли опираться на феодальное

ополчение. Они стремились создать собственную армию, вербуй солдат для нее где только было возможно. Широкое оснащение армии огнестрельным оружием позволило наемникам, в основном это была пехота, стать могущественной военной силой, уверенно побеждающей все еще закванную в железо неповоротливую конницу, по-прежнему вооруженную холодным оружием.

Формирование наемного войска начиналось с подбора командиров — полковников. Они, в свою очередь, подбирали офицеров и солдат. Наемники получали за службу деньги. Вооружение они должны были приобретать сами. В экипировку воина входили длинные пики, арбалеты, шпаги, аркебузы, мушкеты. На голову надевался шлем, тело защищалось латами.

Наемное войско было малодисциплинированным. Часто вспыхивали бунты, процветали грабежи населения. Если кто-то обещал большую плату, войско могло перейти на сторону противника. Наемников-ландскнехтов сопровождали огромные обозы, в которых ехали их жены и дети. Мало того что наемник должен был заботиться о собственном пропитании, но и о пропитании семьи. Можно только представить, насколько тяжелой была участь населения тех мест, через которые проходило это войско.

О правах, царящих в наемных армиях, об их классовой сути можно судить по отрывку из исторического романа В. Пикуля. Правда, в нем идет речь о более позднем периоде — XVIII веке, но жизнь ландскнехтов к тому времени мало изменилась.

«Франция имела тогда громадную армию, и не было в стране несчастнее людей, нежели люди из французской казармы. Они ели только хлеб из отрубей, на четырех солдат отводилось лишь одно ложе, мундир от убитого переходил по наследству к новобранцу. Их секли, клеймили,

вешали, топили, ссылали на галеры. Юридически во Франции считалось тогда, что солдат преступен по самой сути своего ремесла.

Зато как сверкал офицерский корпус! Что за лошади! Что за тонкие вина! Что за любовницы!.. В походе офицера Франции сопровождал обоз, а в нем — туалеты, сервизы, парфюмерия, мартышки, зеркала, театры и прочее».

Феодал, если у него вдруг появлялась необходимость в деньгах, мог запросто расстаться со своим войском, например взять и... продать. Так, ландграф Гессенский, оказавшись в долгах, свою 17-тысячную армию продал Англии за 2800 фунтов стерлингов. Комментарии, как говорится, излишни.

Широкое использование огнестрельного оружия породило несколько разновидностей построений пехоты в бою. Рассмотрим их.

Венгерский боевой порядок состоял из трех больших «баталий» — колонн пикинеров. В интервалах между ними размещалась кавалерия. Весь строй был окружен линией мушкетеров. Впереди размещалась артиллерия.

Испанский боевой порядок состоял из терций — квадратных колонн, построенных в боевой порядок. Мушкетеры располагались тонкими цепочками вокруг пикинеров. Конница находилась на флангах. Это построение обладало большей маневренностью, чем предыдущее.

Следующий боевой порядок родился в ходе освободительной борьбы нидерландского народа. В его построениях не было квадратных колонн. Войска строились линиями, чаще десятую, иногда шестую шеренгами в глубину. Нидерландский боевой порядок связан с появлением линейной тактики — прямого результата применения огнестрельного оружия. Но, несмотря на это, огневой бой — перестрелка — не являлся главным средством уничтожения противника.

Мы, говоря об улучшении бомбард, пищалей, аркебуз, мушкетов, должны понимать относительность этого процесса. Использование огнестрельного оружия той поры являлось очень трудоемким и мучительным делом. В XV и XVI веках аркебузы и мушкеты способны были производить всего-навсего один выстрел в час. Даже в XVII веке, во время Тридцатилетней войны, австрийский мушкетер перед выстрелом должен был выслушать 163 команды и выполнить 99 различных операций. Только после этого можно было вести огонь. Производя все эти манипуляции, мушкетеры становились практически беззащитными. Поэтому нередкими были случаи, когда они бросали огнестрельное и брались за холодное оружие. Александр Дюма познакомил нас с великолепными и благородными мушкетерами д'Артаньяном, Атосом, Портосом и Арамисом. В своих схватках они уверенно разили всех врагов. Но это книжные мушкетеры! Настоящим же требовалась поддержка и защита в бою, особенно в моменты перезарядки оружия. И тогда в бой вступали пикинеры... Судьба сражения все еще решалась рукопашным боем.

В Западной Европе шел активный процесс возрождения пехоты как рода войск. Что же происходит в это время в России?

В русской армии не было наемного войска. Основной военной силой стало служилое крестьянство. Было составлено особое правило — уложение, согласно которому от каждого 50 десятин земли должен был явиться на службу воин «на коне в доспехе в полном, а в дальний поход о двух конях». Служба дворян была пожизненной, и начиналась она с пятнадцатилетнего возраста.

В середине XVI века царь Иван Грозный провел реорганизацию армии. Его реформы интересны тем, что именно тогда была создана впервые постоянная русская пехота — стрельцы. Вначале это был

трехтысячный отряд, вооруженный пищальями. Стрельцы составляли гарнизоны городов. За службу они получали ежегодное жалованье и «хлебный запас». Стрельцы московского гарнизона, кстати, пользовались большими льготами по сравнению с другими.

Каждый стрелецкий полк имел свой цвет одежды, которая состояла из кафтана, шапки и сапог. Кроме огнестрельного оружия, у них были еще топоры на длинном древке, бердаши и сабли.

Наличие холодного оружия позволяло русским успешно отражать атаки конницы, не прибегая к помощи копейщиков. В этом одно из существенных отличий стрелецкого войска от пехоты Западной Европы, которая без пикинеров в подобных случаях становилась беспомощной.

Русское пехотное войско отличалось хорошей организованностью. Его стойкость в бою неоднократно засвидетельствована многими, в том числе и иностранными, наблюдателями.

Говоря о вкладе царя Ивана Грозного, которого, кстати, Петр I считал образцом государственного мужа, в развитие военного дела, мы должны отметить его деятельность, направленную на создание самого для того времени современного оружия. Именно его заслугами в России были отлиты впервые замечательные пушки, впервые использована полковая артиллерия.

Иван IV был талантливым полководцем. Некоторые историки не случайно сравнивают его деяния с подвигами Александра Македонского. Под руководством Ивана Грозного русские войска одержали много побед в Ливонии, завоевали Казанское и Астраханское ханства, вышли к Каспийскому морю.

В непрерывной борьбе с внешними врагами, в длительных войнах шлифовалась система организации русской армии и руководства ею. Общее руководство армией осу-

ществовал Разрядный приказ. Именно здесь составлялся стратегический план того или иного военного похода.

Большое внимание уделялось непосредственной подготовке к войне — укреплялись города, формировывалось войско, разрабатывался порядок марша. В поход выступали несколькими колоннами, которые двигались параллельными, отстоящими друг от друга путями. Это позволяло, с одной стороны, полнее обеспечить армию продовольствием, а с другой — в случае необходимости быстро приходить на помощь друг другу.

Походы совершались быстро и скрытно. Зимой войны, как правило, прекращались. С точки зрения тактики в русской армии можно выделить следующие закономерности. В центре боевого порядка — пехота. Она строилась не в колонны, а в ряды по четыре-шесть шеренг. Это позволяло давать залп из большего количества ружей. Создавались предпосылки перехода к линейной тактике.

А вскоре русские войска начали успешно применять это построение в ходе боевых действий. В этом плане особый интерес представляет сражение под Добрыничами в 1605 году. Произошло оно между русской армией, возглавляемой князем Мстиславским, и войском Лжедмитрия. Русская пехота, вооруженная пищальями, была построена в четыре-шесть шеренг. Огонь она вела следующим образом: две первые шеренги опускались на правое колено, в это время давали залп третья и четвертая шеренги и сразу же становились на правое колено, после чего давали залп пятая и шестая шеренги. Первая и вторая шеренги стреляли в конницу в упор.

Сражение проходило как бы в два этапа. Вначале был недолгий конный бой. Исход же сражения решался на втором этапе. И решен он был русской пехотой!

Пешие воины, подпустив конницу

Лжедмитрия поближе, дали залп из пушек и из многих тысяч пищалей. Конница отхлынула, отброшенная лавиной огня. Оставленная без конницы, пехота Самозванца была вскоре разгромлена...

Сражение под Добрыничами вошло в военную историю как образец умелого применения ружейного огня.

Очень большую роль сыграла пехота в освободительной борьбе русского народа против польской интервенции. Войско, возглавляемое великими патриотами Кузьмой Мининым и Дмитрием Пожарским, в основном состояло из ополченцев — крестьян, посадских людей и холопов. Необходимо отметить их высокий моральный дух, дисциплинированность, а с чисто военной точки зрения — умение вести бой в населенном пункте, использовать артиллерию. Один из участвовавших в этом сражении захватчиков писал в своих воспоминаниях: «Русские свезли с башен полевые орудия и, расставив их по улицам, обдавали нас огнем. Мы кинемся на них с копьями, а они тотчас загородят улицы столами, лавками, дровами; мы отступим, чтобы выманить их из-за ограды, они преследуют нас, неся в руках столы и лавки, и лишь только заметят, что мы намереваемся обратиться к бою, немедленно заваливают улицу и под защитой своих загородок стреляют из ружей, а другие, будучи в готовности, с кровель и заборов, из окон бьют по нас из самопалов, кидают камнями, дрекольем...

Жестоко поражали нас из пушек со всех сторон, ибо по тесноте улиц мы разделялись на 4 или 6 отрядов — каждому из нас было жарко».

XVII век отмечен для русской пехоты значительными военными реформами. Вызваны они были тем, что существовавшие к тому времени вооруженные силы уже не могли удовлетворять потребностям утвердившейся в стране монархии. В ре-

зультате мер, предпринятых царем Алексеем Михайловичем, создавались войска «нового строя», которые вместе со стрельцами были основной военной силой.

Войско «нового строя» набиралось вначале из «охочих» людей, впоследствии правительство перешло к комплектованию его путем принудительного набора на пожизненную службу «даточных людей». Из крестьянских семей в армию брались из трех братьев по одному, из четырех — по два, сто крестьянских дворов должны были поставить по одному солдату. Все офицеры принадлежали к дворянскому сословию. Часть войска была постоянной. С началом войны проводился новый отбор. Солдаты, служившие постоянно, жили в специальных слободах, имели земельные наделы для содержания семьи. Если солдат погибал, на его место брали кого-нибудь из его детей или родственников.

Пехотные полки «нового строя» состояли из мушкетеров и пикинеров. Вооружены они были мушкетами, шпагами или пиками. В полку также несколько человек умели метать гранаты.

По указу царя Алексея Михайловича в 1647 году был издан интересный документ «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Учение определяет ратную науку как «единую и прямую мудрость», «которая опричь богословия, паче и превыше всех иных мудростей». Учение было направлено против наемничества, клеймило его жадность, пристрастие к деньгам. От солдата требовалась «правдивая служба», умение обращаться с оружием, он должен был не жалеть в бою «тела своего». Очень высокие требования предъявлялись и к командирам.

Организация войска «нового строя», вооруженного передовой военной теорией, была прогрессивным началом для дальнейшего развития русской армии.

В Западной Европе в это время происходят значительные общественно-политические изменения. Формируются абсолютные монархии, а вместе с ними растет влияние ландскнехтов. Уже во второй половине XVI века войска некоторых государств полностью состояли из наемников.

Ф. Энгельс писал: «Тогдашняя пехота состояла из хорошо вымуштрованных, но совершенно ненадежных солдат, которых монархи вербовали из самых испорченных элементов общества и которых только палка держала в повиновении; часто эта пехота составлялась также из вражеских, насильно зачисленных в армию военнопленных; единственной формой боя, в которой эти солдаты могли применять новое оружие, была линейная тактика».

Суть ее состояла в том, чтобы с началом сражения обеспечить непрерывность и наивысшую плотность залпового огня. Но появление линейной тактики, почти век господствовавшей на полях боев, вызвано было не только качественными изменениями личного состава армий.

Рост численности армии, улучшение ее вооружения дали толчок дальнейшему развитию стратегии.

Своеобразие момента проявилось в том, что полководцы воюющих сторон стали довольно часто прибегать к такому приему, как маневрирование войск. Любопытно отметить, что сам маневр на театре военных действий редко предпринимался для разгрома противника. Возникло стремление выиграть ту или иную войну не открытым сражением, а блокадой или захватом крепостей, баз снабжения противника. Маневрирование же чаще всего происходило с единственной целью — истощить материальные ресурсы противника, ведь содержание наемных армий требовало больших средств. Противники размещали свои войска по отдельным укреп-

ленным районам — в крепостях, замках, в городах, расположенных вдоль границ. Эти гарнизоны были основой так называемой кордонной линии. И война, собственно говоря, велась за овладение этими укреплениями. Падение отдельной крепости влекло за собой потерю всей прилегающей местности.

Этот период отмечен появлением так называемой кабинетной стратегии. Суть ее в следующем. Военачальник, чтобы принять какое-то решение, приступить к действиям, должен был получить согласие короля. Обстановка же на театре военных действий менялась быстрее, чем добирался гонец, поэтому указания монарха часто устаревали. Лишенный инициативы полководец не всегда знал, что он может предпринять. Поэтому войны затягивались, велись нерешительно.

Высшего расцвета в этот период достигла армия Нидерландов, о боевом порядке которой мы уже вели речь. Она отличалась дисциплинированностью, высоким моральным духом. Объяснялось это тем, что комплектовалась она из добровольцев, защищавших свою родину от испанских завоевателей. В армии Нидерландов было много офицеров. В каждой роте, насчитывающей чуть больше 100 человек, было 20 различных начальников. Мориц Оранский, возглавлявший армию, считал, что «чем меньше солдат и больше командного состава, тем лучше войско будет обучено». К слову сказать, им же было введено единое обучение войск и принят первый строевой устав постоянной армии.

Окончательное оформление линейной тактики, как считают специалисты, произошло в шведской армии. В XVII веке это было самое совершенное войско Западной Европы. Замечательным было и его вооружение — легкая, маневренная артиллерия и легкие мушкетеры. Стрельба из них велась патро-

нами, которые были изготовлены не из железа, а из плотно прессованной бумаги. Благодаря этому шведский мушкетер успевал сделать в два-три раза больше выстрелов, чем его противник.

У линейной тактики были свои преимущества и недостатки. Положительное, как уже отмечалось, заключалось в возможности наибольшего использования огня. Главный недостаток выявлялся сразу же, как только войско начинало передвигаться по пересеченной местности, — оно сразу теряло боевой порядок. Исход сражения решался огневой схваткой мушкетеров. Рукопашный бой пикинеров становится редким явлением.

В середине XVII века в Англии формируется войско под командованием Оливера Кромвеля. Эта армия представляла для нас интерес уже потому, что она, появившаяся после английской буржуазной революции, являлась одним из первых военных формирований периода перехода от феодализма к капитализму. Состояла она из пехоты и конницы, отличалась строгой дисциплиной, хорошей обученностью.

Период перехода к капиталистическому способу производства историки ограничивают двумя буржуазными революциями — в Англии, о ней уже шла речь, и во Франции в конце XVIII века. Но новые условия общественной жизни вызвали большие изменения и в военном деле. Мы рассмотрим их в следующем разделе.

Пока же вновь обратимся к русской армии, к ее пехоте.

В первой четверти XVIII века Россия превращается в могучую державу. Экономическое развитие страны потребовало широких международных связей. Встал вопрос о выходе к Балтийскому морю. Но побережье было захвачено Швецией. Предстоял конфликт с самой лучшей в Европе армией — лучшей всех обученной и вооруженной.

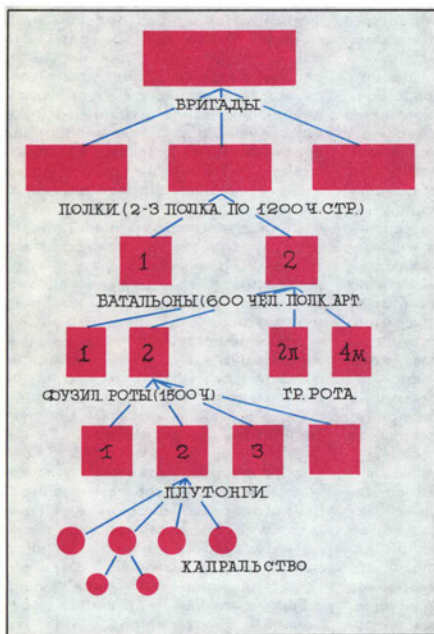
Началась длительная (1700—1721 гг.) и напряженная Северная война. В ходе ее происходила реорганизация русских вооруженных сил. Все эти преобразования связаны с деятельностью русского царя Петра Алексеевича, известного в истории как Петр I.

Петр I был деятелем мирового масштаба. Ф. Энгельс назвал его «действительно великим человеком». Как говорили в старину, он был отмечен печатью многих талантов. При нем в России вышла первая печатная газета, открылись первые военные и профессиональные школы, первый музей, публичная библиотека, был издан указ об образова-

нии Академии наук, о закладке первых парков, возникли первые типографии, печатавшие книги светского содержания.

Немало сил и способностей Петр I посвятил реорганизации вооруженных сил России. Историки порою говорят, что Петр отдавал предпочтение флоту, в строительстве и сражениях которого он принимал самое живое участие. Именно Петру принадлежит высказывание: «Имеющий одно только войско сухопутное одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет».

Армии сухопутной царь отдал свою первую любовь — вспомним потешные полки, а более позднюю

Организация пехотной дивизии при Петре I.

и зрелую — флоту и морю. Сам Петр неоднократно участвовал в сражениях как бомбардир-капитан. Артиллерийское дело, как и всякое, к которому царь прикладывал руки, он знал превосходно и владел им в совершенстве.

На основе вековых традиций русского военного искусства он поднял военное дело на новый уровень в соответствии с новыми историческими условиями. Он заложил основы военной школы, зафиксировав их в своих знаменитых уставах, из которых вышли Салтыков, Румянцев, Суворов, Кутузов, Багратион и многие другие выдающиеся полководцы.

Благодаря стараниям Петра Россия первой создает регулярную армию, которая формируется на основе воинской повинности населения. Почти каждый год проводились рекрутские наборы, от которых освобождалось лишь духовенство. Командные посты в армии находились в руках дворян, для которых военная служба стала государственной обязанностью и продолжалась пожизненно. Причем для получения офицерского звания молодому дворянину необходимо было служить рядовым в Преображенском или в Семеновском гвардейских полках.

Русская армия при Петре I стала национальной, по своим морально-боевым качествам она значительно превосходила западноевропейских наемников.

Русский солдат, говорил Петр, — «защитник отечества», поэтому в заботе «о целостности солдат все воинское дело состоит».

Система подготовки и обучения армии строилась по принципу «как в бою поступать». Занятия с новобранцами и опытными солдатами проходили по разным программам. Молодежь больше занималась строевой подготовкой, а ветераны обучались действиям в боевом строю по подразделениям и частям. Петр ввел двусторонние полевые занятия

войск, что стало новым словом в военном искусстве. Ежегодно с этой целью проводились лагерные сборы.

Пехотинцы были мастерами рукопашного боя, штыкового удара.

При Петре в оснащение русской пехоты были введены багинеты — металлические ножи с деревянными рукоятками, вставляемыми в канал ствола огнестрельного оружия. Впоследствии они были заменены трехгранным штыком, получившим название русского. Впервые в практике штыки начали применяться не как оружие обороны, а как средства атаки!

Уделяя огромное внимание обучению войска, Петр тем не менее был против бездумной муштры. Известно его пренебрежительное высказывание о французской гвардии: «Я видел нарядных кукол, а не солдат. Они ружьем финтуют, а в марше только танцуют».

Петр I считал, что «воинское дело первое из мирских дел, яко важнейшее для обороны своего отечества». Исходя из высокой идеи защиты Родины, он выдвинул знаменитый тезис: «Имя солдат просто содержит в себе всех людей, которые в войсках суть, от высшего генерала даже до последнего мушкетера, конного и пешего». При Петре этого высокого имени лишались те, кто поступался воинской честью и нарушал традиции.

«Кто знамя свое или штандарт до последнего часа своей жизни не оборонит, онный не достоин есть, чтобы имя солдат иметь». Со времен Петра первым русским солдатом принято считать Сергея Бухвостова, который явился в январе 1683 года к малолетнему царю с готовностью стать его воином. Бухвостов был зачислен в гвардию и впоследствии прославился многими подвигами. Для увековечения его памяти скульптор Растрелли по приказу Петра I изготовил бронзовый бюст Бухвостова.

Петр I требовал, чтобы солдаты «в исправности» содержали оружие,

чтобы были умелыми и находчивыми, стойкими и отважными в бою. В одном из своих приказов он писал: «Я приказываю вам стрелять во всякого, кто бежать будет, и даже убить меня самого, если я буду столь малодушен, что стану ретироваться от неприятеля».

В петровских уставах четко формируются обязанности офицеров. Им предписывалось действовать активно, энергично и решительно, проявлять инициативу.

Петр подчеркивал, что в воинских уставах порядки писаны, а времен и случаев нет, поэтому в бою не нужно держаться его «яко слепой стены», а «рассуждать» и действовать в соответствии с обстоятельствами. За «нерассуждение» — отсутствие инициативы — офицера подвергали суровым наказаниям. Известен случай, когда за ошибки в управлении войсками генерал Н. Репнин был разжалован в солдаты. Офицер, по мнению царя, должен был быть знато-

ком военного дела, образцом дисциплинированности и храбрости для солдат.

Кстати сказать, первым офицерский чин в русской армии получил Иван Бутурлин. В 1687 году, как «более ретивый и более принимаемый к сердцу занятия Петра», он был произведен сразу в майоры.

Указания Петра регламентировали также отношения между солдатами и офицерами. «Офицеры суть солдатам яко отцы детям,— писал Петр,— должны добрые дела их похвалить, за худые же накрепко и с усердием наказывать!»

Что же представляла собой пехота петровских времен?

Гвардейские полки были весьма значительны по численности, состояли из большого количества рот и батальонов. Перед Полтавской битвой в 1708 году были сформированы гренадерские полки, обладавшие повышенной огневой мощью. Гренадеры, кроме ружей, были воору-

жены еще и гранатами, а иногда даже ручными мортирами.

Калибр ружья был 0,78 дюйма, вес — 14 фунтов, оно было снабжено ударно-кремневым замком. Дальность огня была 300 шагов. Из ружья можно было сделать один-два выстрела в минуту.

Пехота была одета в длинные, до колен, мундиры, штаны, короткий плащ — епанчу, чулки и башмаки. На голове круглая шляпа. Одежда гвардейцев отличалась от пехотного обмундирования. Например, они носили чулки красного цвета. Появление их связано с героическим фактом в истории Семеновского и Преображенского полков. Как известно, в битве под Нарвой русские войска потерпели поражение. Отступая, в панике и беспорядке сгрудились они у единственного моста. Увидев это, шведский король Карл XII бросил сюда все свое войско, одним ударом он хотел уничтожить русскую армию. Но на пути шведов встали преобразенцы и семеновцы. Они отражали удары шведской армии. Русская армия, хотя и находилась в тяжелом положении, была спасена от разгрома. Шведский король вынужден был согласиться с тем, что русские войска отошли с оружием и знаменами, правда, оставив свою артиллерию. Отметив храбрость гвардейцев, Петр повелел им носить чулки красного цвета, дабы все помнили, что в битве под Нарвой они дрались по колено в крови.

Что касается стратегии и тактики армии Петра, и здесь видно его стремление использовать самые передовые достижения военной мысли. Петр был противником кордонной системы ведения войны, не распылял, а собирал свои войска в кулак, ставил им задачу: «Искать недруга в его земле», умело выбирал направление главного удара, группировал основные силы. Учитывая сложившиеся обстоятельства, Петр использовал такие стратегические приемы, как разгром противни-

ка по частям, высадка десантов на его побережье. Его сухопутная армия искусно взаимодействовала с флотом. Кстати, по приказу царя некоторые части пешего войска стали воевать на судах — так появилась морская пехота.

Стратегия армии определяет тактику, действия на поле боя. Войска выстраивались в линейный боевой порядок. Вначале он выглядел так: пехота стояла в две линии, каждая по четыре шеренги, артиллерия впереди — на высоких местах, конница — на флангах, сзади — резерв.

В связи с тем что слабой стороной линейного порядка были его фланги, их стали усиливать гренадерами. Гренадеров размещали между основными линиями.

Пехотный полк, отражавший атаку конницы, строился в каре, на углах которого располагались артиллерия и гренадеры.

Армия Петра создавалась и приобретала опыт в ходе войны с лучшей армией Европы — шведской. Перед ее полководцем — королем Карлом XII, своенравным, капризным и мстительным, — трепетали и заискивали правители таких могучих держав, как Англия и Франция.

Вначале русская армия терпела поражения. Особенно жестокий урок она получила под Нарвой — от хотя и меньших по количеству, но лучше вооруженных и обученных шведских войск.

Определив причины поражения — «искусство ниже вида было», — Петр энергично взялся за реорганизацию армии, совершенствование системы обучения и воспитания солдат. Большое внимание он уделил строительству новых промышленных предприятий, что позволило снабжать армию и флот самым современным оружием.

«Нарва, — писал Ф. Энгельс, — была первой большой неудачей подымающейся нации, умевшей даже поражения превращать в орудия победы».

В многочисленных схватках Северной войны росло и мужало Петрово войско. Кульминационной точкой противоборства шведов и русских стала Полтавская битва (1709 год).

Хорошо укрепив свой лагерь в инженерном отношении, Петр I решил истощить силы противника на передовой позиции, а затем разгромить его в главной баталии. И это ему удалось!

Начав сражение в 2 часа утра 27 июня (8 июля), Карл XII только к шести часам смог захватить передовую позицию русских войск. Но при этом шведы понесли тяжелые потери, многие подразделения были уничтожены.

Наступило время сражения главных сил. Готовясь к нему, Петр вывел пехотные полки из лагеря и выстроил их в две линии. Всей пехотой командовал фельдмаршал Б. Шереметев. На флангах разместились кавалерия, резерв находился в лагере. Впереди, по всему фронту, вела бой артиллерия.

В начале генерального сражения Петр I выступил перед пехотинцами с речью. Он сказал: «Воины! Вот пришел час, который решит судьбу отечества. Итак, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за отечество... Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ним неоднократно показывали. Имейте в сражении перед очами вашими правду... А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего».

Любовью к Родине, уважением к солдатам дышат эти слова. Ни в какое сравнение с ними, конечно же, не могут идти ни обращения Александра Македонского, мечтавшего о мировом господстве, ни обращение Карла XII, обещавшего своим подчиненным... пир в случае победы.

В девятом часу утра армии сблизились.

И грянул бой, Полтавский бой!
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падащим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся плеча.
Бросая груды тел на груду,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский — колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон
И смерть и ад со всех сторон.

Итак, в девятом часу утра армии сблизились. После непродолжительного ружейного огня началась рукопашная схватка. Между тем русская конница обошла фланги неприятеля. И после двухчасового боя шведы, по словам Петра, «хребет показали».

После битвы, в которой Карл XII потерял всю свою армию (вспомним выражение: «Погиб, как швед под Полтавой»), Петр пригласил в шатер своих и пленных генералов — на обещанный королем пир. И первый тост в шутиливой форме он произнес за шведов — своих учителей в ратном деле.

Да, сумев извлечь уроки из горьких поражений, русская армия одержала выдающуюся победу. И велик вклад в нее пешего войска, которое сумело отразить все атаки противника. Мастерство и сила его были настолько высокими, что бой в основном вела только первая линия. Вводить в бой вторую даже не оказалось необходимым. Победа была одержана не числом, а умением. Именно в этот день Петр сказал замечательные слова: «Больше побеждает разум и искусство, нежели множество». Он высоко оценил действия своих «чад». Все участники сражения были отмечены медалями: офицеры — золотыми, а сол-

даты — серебряными. На лицевой стороне медалей был отчеканен портрет царя, а на оборотной — сражение пехоты на фоне Полтавы и надпись: «За Полтавскую баталию».

Армию Петр использовал не только для ведения войны, борьбы с неприятелем. Она была одним из важных рычагов, с помощью которого Петр управлял страной, контролировал выполнение правительственных указов. По свидетельству французского дипломата, «царь неоднократно выражал гвардейским офицерам исключительное доверие и поручал комиссиям из них важнейшие государственные дела. Удивительно видеть, что члены Сената встают со своих мест перед поручиком и относятся к нему с подострастием». Француз если и преувеличивал, то ненамного. Ибо Петр указывал своим офицерам, дежурившим в сенате: «Ежели того чинить не будут, то три раза напомнать. А буде по третьем слове кто не будет чинить, тотчас итить к нам или писать...»

При Петре I русская пехота сделала огромный шаг в своем развитии и по праву стала считаться лучшей в мире. Это подтвердили последующие войны и сражения — те, которые Россия вела в более позднюю эпоху.

XVIII столетие, в первой четверти которого заканчивалась деятельность Петра, считается золотым веком русского оружия.

Развитие экономики потребовало активизации внешней политики России. Это, в свою очередь, вело к вооруженным конфликтам. Только во второй половине столетия Россия вынуждена была вести восемь войн: с Пруссией, Швецией, Францией, две с Турцией, три с Польшей. Об этом времени поэт писал:

О громкий век военных споров,
Свидетель славы россияни!

С какими же противниками приходилось сражаться нашим предкам?

Среди зарубежных полководцев того времени необходимо выделить прусского короля Фридриха II.

Его в Западной Европе считали лучшим полководцем, армию называли непобедимой. Беспринципный политик, хищник, мечтавший о мировом господстве, Фридрих огнем и мечом расширил Пруссию, покорил соседние немецкие государства. Для ведения своих захватнических войн он создал огромнейшую армию, насчитывавшую почти 200 тысяч человек. Комплектовалась она путем насильственной вербовки населения Германии, а также из наемников-иностранцев. Вербовки эти были страшным бичом для экономики страны. В армию брали всех мужчин, кроме тех, кто имел рост ниже пяти футов и шести дюймов. Фридрих II ввел закон, по которому хозяйство крестьянина переходило к самому малорослому сыну. Остальные же вынуждены были идти на военную службу. Понятно, при таких критериях отбора рекрутов в армии особыми привилегиями пользовались полки, которые состояли из высокорослых солдат.

О состоянии, моральных качествах солдат прусской армии можно судить по такому, например, факту: в нее в качестве наказания зачисляли осужденных. Прочетало дезертирство. Дело дошло до того, что инструкцией короля были запрещены ночные переходы, армии запрещалось располагаться вблизи леса. Если же пехоте приходилось идти лесом, специальные конные отряды охраняли ее, чтобы солдаты не разбежались. В армии нередко можно было встретить солдат с обрезанными ушами и носами — так их карали за дезертирство.

Человека в прусской армии рассматривали как слепое орудие войны.

Унтер-офицеры имели палки, которые были для них серьезным подспорьем в процессе обучения солдат. «От офицера до последнего рядового,— приказывал король,— никто не должен рассуждать, но лишь исполнять то, что приказано». Во главу угла ставилось слепое повиновение и механическое исполнение.

Армии тогдашней Западной Европы вели бой в линейном построении. Мы уже говорили о его преимуществе, позволявшем большому количеству людей быть задействованными в сражении. Но в целом это построение, писал Ф. Энгельс, связывало армию «как смиренная рубашка». Ибо войско должно было постоянно следить за тем, чтобы сохранить строй и двигаться как единое целое. И если на ровной местности это достигалось сравнительно легко, то при малейших изменениях ландшафта (овраги, например, или даже кусты по ходу движения) строй распадался.

Во времена линейных построений пехота обычно была вооружена кремневыми ружьями, которые стреляли на 300—400 шагов. Противника поражали залпами. Одиночной стрельбы избегали. Считалось важнее уничтожить одновременно, скажем, 50 солдат противника, чем 200 в разное время. Мгновенная гибель большого числа людей производила гнетущее впечатление, вынуждала противника к сдаче. Характерно, что бой очень редко доходил до рукопашной схватки. Психология боя была такова, что, если одни шли в штыки, другие отступали.

Фридрих II умело использовал основной недостаток линейного построения — уязвимость флангов. Против одного из них он группировал войска и наносил удар. Прикованные линейным построением к своему месту, войска противника не могли оказать помощи атакованым. Этот прием называется «косая

атака» и представлял собою не что иное, как приспособленный для новых условий, открытый еще Эпаминондом, принцип массирования сил на определенном участке.

Умело используя этот в общем-то несложный прием, Фридрих выиграл много сражений. Но столкновения с русскими войсками развевали уже сложившийся миф о его непобедимости. Несколько раз в ходе Семилетней войны король посылал своих наемников в «косую атаку», но русская пехота выдерживала эти удары. Сражения при Гросс-Егерсдорфе, Цорндорфе и в особенности при Кунерсдорфе показали превосходство русского военного искусства.

Вот отрывок из романа-хроники В. Пикуля, рассказывающий о том, как завершился бой при Кунерсдорфе. Русскими войсками здесь командовал талантливый полководец Петр Салтыков. За эту победу ему было присвоено звание генерал-фельдмаршала. Кстати, начиная он службу рядовым в гвардии Петра I. Итак, не выдержав штыкового удара русской пехоты, прусские войска бежали. Сам Фридрих чуть не попал в плен...

«Салтыкову принесли шляпу Фридриха Великого. Старик расправил ее мятые поля, хлопнул по колену, выбивая из шляпы перегар пороха и прах многих битв, многих побед короля...

— Хоть на стенку вешай! — сказал аншеф. — Это почище любых штандартов будет... Однако, — посмотрелся он к суконцу, — так себе шляпка. Простенькая. Зато она укрывала уж больно горячую голову, которую мы и остудили сегодня под Кунерсдорфом.

Адъютант доложил командующему, что обед давно стынет.

— Ну, ладно, — огляделся Салтыков. — Баталию я дал. Кажись, и конец всему... Митенька, подсоби подняться. Ноги что-то не идут. Ослаб я... Не пивши, не евши, с утра

раннего на ногах. Истоптался весь. Веди меня к столу...

За обедом старик поднял бокал с розовым вином, попросил собрание, чтоб не шумели — сейчас он говорить станет:

— Судари мои, победили мы, и победу нашу поясню. Фридрих нас «косой атакой» удавить хотел. Весь наш левый фланг он охватил. Но... сколько же можно «косить»? Я его на этом и поймал. Фридрих угодил в петлю, которую для нас уготовил. Нельзя хорошее применять неустанно, ибо хорошее от повторений частых худым становится... Надо новые пути изыскивать!..

Через несколько дней с возгласами: «Честь и слава, виват Россия!» — были брошены к ногам Елизаветы еще 28 знамен армии Фридриха...

А шляпу Фридриха и сейчас можно посмотреть. Она лежит на стенде под стеклом как реликвия Кунерсдорфа. Ее хранят в музее Суворова в Ленинграде.

Здесь же, в городе на Неве, в Казанском соборе, хранится еще

один экспонат той войны — ключ от Берлина. 9 октября 1760 года покоренная немецкая столица вручила его генералу Захару Чернышеву. Интересно, что почти через два столетия, в апреле 1945 года, на позиции 150-й дивизии генерала Василия Шатилова, наступавшей на Берлин, на парашюте был спущен метровый железный ключ. На нем было выбито «1760—1945 гг.». К ключу был прикреплен железный лист с надписью: «Друзья-гвардейцы! Вперед к победе! Посылаем ключ от ворот Берлина». Изготовили его рабочие Кировского завода. А оригиналом им послужил тот самый экспонат, свидетель ратной славы наших предков.

Новый ключ попал по назначению. Именно 150-й дивизии выпала высокая честь штурмовать рейхстаг, именно ее солдаты — Егоров и Кантария — водрузили на нем Знамя Победы!

В Семилетней войне окреп талант молодых военачальников Петра Румянцева и Александра Суворова.

Первый из них, Петр Александрович Румянцев, вошел в историю как выдающийся полководец и военный теоретик. Уже в 18 лет он стал командиром Воронежского пехотного полка. В 45 лет был произведен в генерал-фельдмаршалы. За успешное руководство войсками в русско-турецкой войне 1768 — 1774 годов получил почетную приставку к фамилии — Задунайский.

Петр Александрович, как и его предшественники, высоко ценил русского солдата, его мужество и верность долгу. Своих подчиненных он воспитывал в духе сознательности, стремился, чтобы они предпочитали «славу оружия перед всеми земными выгодами». Петр Румянцев был истинно русским полководцем. Он призывал строить армию прежде всего с учетом особенностей страны, по которым она «меньше всех сходствует с другими».

Упорно и настойчиво продолжал он укреплять начинания Петра I.

Обучение его войск всегда было подчинено требованиям войны. Оно велось дифференцированно, непрерывно и строго последовательно, с участием начальников всех рангов. Румянцев окончательно ввел в традиции русской армии проведение лагерных сборов в мирное время, что стало одной из форм обучения армии. В области стратегии полководец, тесно увязывая цели войны с политикой государства, стремился решить исход кампании решительным сражением, уничтожением живой силы противника, а не захватом крепостей, городов и складов. В ходе военных действий генерал-фельдмаршал был сторонником решительного наступления. В течение одного месяца он, имея меньшее войско, выиграл у турок три сражения — при урочище Рябая Могила, реке Ларге, Кагуле. «С малым числом разбить великие силы, — подчеркивал он, — тут есть искусство и сугубая слава».

Петр Алексеевич Румянцев был

новатором и в области военной тактики. Он первым расчленил большое армейское каре на несколько меньших — дивизионных, что сделало боевой порядок более подвижным. Именно он первым стал применять рассыпной строй для егерских батальонов, которые, кстати, были созданы им же...

В совершенствовании русской армии, в ее военных достижениях еще большие заслуги принадлежат ученику и соратнику П. Румянцева Александру Васильевичу Суворову.

С именем этого полководца связана целая эпоха в истории нашей Родины. Русская армия под его командованием провела более 60 сражений и боев и ни одного не проиграла. Весомость этого факта возрастет, если подчеркнуть то, что лишь в нескольких случаях она имела превосходство в силах.

Что же позволило А. Суворову достичь таких блистательных побед?

Александр Васильевич был выдающейся личностью своего времени, он обладал несгибаемой силой воли, глубоким умом, знаниями, широким кругозором политика.

Сын офицера, соратника Петра I, А. В. Суворов принадлежал к числу дворян, для которых честь России была превыше всего. «Доброе имя,— писал он,— есть принадлежность каждого честного человека; но я заключил доброе мое имя в славе моего отечества и все успехи относил к его благоденствию... Я забывал себя там, где надлежало мыслить о пользе общей».

Все свои способности, талант он положил на алтарь служения Родине, которую любил и которой гордился. Веря в силу нашего народа, он говорил: «Тщетно двинется на Россию вся Европа. Она найдет там Фермопилы, Леонида и свой гроб».

Четко осознавая, что главную силу армии составляют люди, Суворов уделял большое внимание воспитанию и обучению солдат. Герой Отечественной войны 1812 года

Денис Давыдов с восторгом писал, что Суворов «положил руку на сердце русского солдата и изучил его бытие».

Став в 14 лет мушкетером Семёновского гвардейского полка, познав все тайны военной службы, он многому научился у «нижних чинов». В их среде царили спокойное мужество и храбрость, добродушие, умение довольствоваться малым, с юмором, терпеливо выносить тяготы и лишения воинской службы, здравый смысл и естественность поступков.

Духовная связь Суворова с его подчиненными, простыми солдатами, умение понять человека, повлиять на него были такими огромными, что многие современники утверждали, что полководец обладает «магической силой». Но тайна «волшебства» заключалась в умении Суворова увлечь армию не только словом, но и делом. Бесстрашный человек, Суворов всегда находился в самом трудном и опасном месте боя, был шесть раз ранен.

Один такой момент из жизни полководца запечатлен на картине Василия Сурикова «Переход Суворова через Альпы». К этому полотну очень часто обращались и обращаются не только любители искусства, историки, но и... военные психологи, чтобы проиллюстрировать возможности влияния командира на подчиненных.

Остановим и мы взгляд на этой картине. Могучие горы, неприступные хребты. Русским солдатам предстоит страшный спуск с них. Здесь же Суворов. Поначалу кажется, что полководец находится как бы в стороне. Потом это ощущение исчезает. И видишь, что и в самом деле, наверное, наделен волшебной силой этот семидесятилетний человек, с которого не сводят преданных глаз солдаты и офицеры его армии... По его слову они пойдут на все, каждый из них...

«...Не забыть скатывающегося ба-

рабанщика...— писал художественный критик.— Взгляните на этого солдата — он и на Суворова ретиво косит, и в барабан еще ударяет, и страх пучины уже настагает его, и мужество в нем противостоит этому страху. А гора уже идет на склон, ноги сами собой подгибаются — вот-вот полетит, и все равно — равняясь на Суворова».

Да, вот так и шли они к великим победам, русские чудо-богатыри,— равняясь на своего полководца, а он — прислушиваясь к биению их сердца.

Свои взгляды на воспитание и подготовку войск А. Суворов изложил в знаменитой «Науке побеждать». К стати, десять положений из нее было включено в Книжку красноармейца, утвержденную в 1918 году Владимиром Ильичем Лениным и Яковом Михайловичем Свердловым.

Основное содержание этой «Науки побеждать», написанной простым и образным языком, составляют три важнейших тактических принципа: глазомер, быстрота и натиск. Главное в первом — расчет, трезвый учет обстановки, умение использовать местность: «...как в лагерь стать, как итти, где атаковать, гнать и бить». Быстрота, маневр должны сочетаться с внезапностью действий: «...неприятель нас не чаёт, считает нас за сто верст, а коли издалека, то в двух и трехстах и больше. Вдруг мы на него, как снег на голову! Закружится у него голова. Атакуй, чем бог послал!..» Третий принцип определяется так: натиск — сила, то есть в самый важный момент сражения напряжение сил должно быть наивысшим.

Эти три принципа отражены и в гербе А. В. Суворова, который он сам и нарисовал.

«Наука побеждать» — выдающийся военно-теоретический труд, правильно положения которого неоднократно подтверждалась практикой. Не случайно в трудные минуты

военных столкновений к ней обращались полководцы за помощью и советом. Достаточно упомянуть, что только в 1806 — 1811 годах, когда Россия вела тяжелые войны с Турцией и Наполеоном, «Наука побеждать» издавалась восемь раз!

Александр Васильевич Суворов очень большое внимание уделял моральной подготовке войск, воспитанию у солдат и офицеров храбрости, мужества, стойкости, находчивости и сообразительности. Он не любил «немогузнаек», требовал, чтобы каждый был «бодр, смел, мужествен и на себя надежен». «Смерть бежит от сабли и штыка храброго», — любил повторять полководец. Но не слепой храбрости требовал он, а действий, основанных на отличном знании законов военного дела. Отмечал при этом значение обученности. Ему принадлежат всем известные слова: «Учение — свет, неучение — тьма... Дело мастера боится... За ученого трех неученых дают».

А. В. Суворов не жалел времени на обучение армии. Он учил ее воевать в условиях любой местности, в любое время года и суток, в обстановке, максимально приближенной к боевой. Перед штурмом Измаила он приказал соорудить такие же укрепления, какие были вокруг города, и проводил на них тренировочные штурмы. Суворов придавал особенно большое значение оперативному и организованному проведению маршей, требовал от них стремительности. «...Легко в учении, — говорил он, — тяжело в походе, тяжело в учении — легко в походе».

Правота этих слов не раз подтверждалась в ходе боевых действий, когда «чудо-богатыри» проходили за сутки 40 километров. Однажды в Северной Италии они за 36 часов преодолели 80 километров! Ни одна армия мира не могла тогда и мечтать о таких скоростях, да еще двигаясь по болотам, лесам. «Где про-

ходит олень, там пройдет и русский солдат» — одно из высказываний Суворова на этот счет. Недаром иностранные военные специалисты называли его «генерал Вперед»!

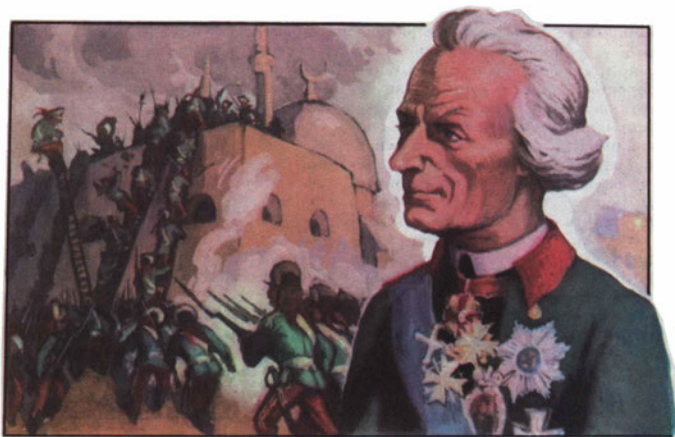
Подготовка войск проходила в соответствии с их задачами в бою. Пехота, к примеру, училась быстро заряжать оружие, стрелять по мишеням, перестроению. Она училась вступать в схватки с конницей, отражать нападения всех родов войск.

Особое внимание уделялось умению сражаться штыком. «Пуля — дура, да штык — молодец», — любил говорить Суворов. Эта фраза не должна создавать впечатления о том, что «генерал Вперед» не уделял внимания огневому поражению противника, ибо всегда твердо знал, что любое одностороннее увлечение влечет за собою поражение. В качестве примера можно вспомнить сражение при Журте между турецкими и австрийскими войсками. Большой поклонник таланта Суворова принц Кобургский, слепо следуя суворовскому правилу, при-

казал не выдавать своим солдатам патронов, вести бой только штыками. И хотя турок было в шесть раз меньше, они смяли австрийцев.

Так что фраза Суворова говорит о гармоническом сочетании холодного оружия и огня. А кажущееся впечатление о выпячивании штыка вызвано тем, что в западноевропейских армиях его почти вовсе не применяли...

Гениальный военный стратег, Александр Васильевич Суворов всегда видел главную задачу в полном разгроме противника. Умелый выбор направления главного удара, правильная оценка противника, отказ от «кабинетного» способа ведения войны — важнейшие правила русского полководца. Первым в мировой военной практике А. В. Суворов отверг принцип пассивности военных действий в горах. Важнейшая особенность Суворова-стратега заключалась в умении творчески решать вставшие перед ним проблемы, в полном отказе от шаблонов.

Что касается развития тактики в отечественном военном деле, то и здесь сказал свое слово гений Суворова. Для него был характерным отказ от линейного построения, равномерного распределения войск на поле боя. Он широко применял колонны каре, рассыпной строй егерей в сочетании с колоннами и каре, а также развернутый строй глубинной в три шеренги.

Суворов впервые проводит наступление небольшими каре — рот, батальонов, сочетая их с рассыпным строем. Он применял также и построение войск колоннами. Это позволяло, как писал Фридрих Энгельс, «прорывать неповоротливые формы старого линейного строя, сражаться в любой местности... группировать войска любым, соответствующим обстановке образом и, в сочетании с действиями рассыпанных стрелков, сдерживать, отвлекать, утомлять неприятельские линии, — пока не наступит момент, когда их можно будет прорвать в решающем пункте позиции при помощи сохраняемых в резерве масс».

Сражения и победы Суворова считаются классическими. Фокшаны, Рымник, Измаил — вехи в становлении и утверждении его гения. Особенно трудным был штурм Измаила. Крепость, укрепленную французами и немецкими инженерами, обороняло 35 тысяч человек. По сложившимся канонам военного искусства, ее должно было атаковать войско, превышавшее число защитников минимум в три раза. У Суворова же насчитывалось в армии всего 31 тысяча человек. Времени для подготовки к штурму было мало, но это не повлияло на его решение. В течение девяти дней полководец со свойственной ему энергией мобилизовал все силы и средства на штурм...

9 декабря 1790 года Суворов созвал военный совет — 13 ближайших своих помощников. На заседании он сказал следующее: «Два раза рус-

ские подходили к Измаилу и два раза отступали от него; теперь в третий раз остается нам только взять город или умереть. Правда, что затруднения велики: крепость сильна, гарнизон — целая армия, но ничто не устоит против российского оружия. Мы сильны и уверены в себе... Я решился овладеть этой крепостью либо погибнуть под ее стенами». Все члены военного совета высказались: «Штурм!»

Он начался 11 декабря. Колонны пошли на приступ. Впереди двигались стрелки, за ними саперы, потом пехотинцы. Сзади стояли каре резервов. Бой начался в 5 часов 30 минут и продолжался почти 12 часов. В жестокой схватке турки были сломлены. Кстати, одной из пехотных колонн тогда руководил генерал-майор М. И. Кутузов. Он показал пример личной отваги и после взятия Измаила был назначен комендантом крепости. Турки потеряли всю армию, 42 судна, 265 пушек. Потери наших войск — 4 тысячи убитых и 6 тысяч раненых.

Но вершиной военных достижений Александра Васильевича Суворова по праву считаются его итальянский и швейцарский походы. Здесь Суворову пришлось столкнуться с войсками лучшей тогда в Западной Европе, прекрасно экипированной и обученной французской армии. И снова Суворов вышел победителем!

Но победа эта далась очень трудно. И не только потому, что силен был противник. Полководцу пришлось бороться с устаревшими взглядами на войну своих союзников — австрийцев, преодолевать настоячивые попытки царя Павла I перестроить армию на прусский манер.

Тем не менее, как Суворов говорил, «русский штык прорвался сквозь Альпы». С тяжелыми боями русская армия прошла Северную Италию и Швейцарию. В этом созвездии героических побед даже трудно выделить более или менее

важные — все они достойны восхищения. Судите сами об условиях перехода. «Войска,— писал военный исследователь,— должны были взбираться поодиночке, то по голым камням, то по скользкой глине; в иных местах приходилось карабкаться как бы по ступеням, на которых не умещалась и подошва; в других мелкие шиферные камешки осыпались от каждого шага; далее приходилось вязнуть в рыхлом снегу, которым одета вершина хребта». Это испытали русские солдаты, преодолевая хребет Росшток. Еще ни одна армия в мире не шла таким трудным путем. Суворовские же чудо-богатыри покорили и Росшток, и многие другие вершины.

В самые напряженные минуты похода, окруженный лживыми союзниками, постоянно предававшими его, полководец не терял веры в своих солдат: «Теперь мы среди гор, окружены неприятелем, превосходным в силах. Что предпринять нам? Идти назад — постыдно; никогда еще не отступал я. Идти вперед к Швицу — невозможно: у Массена свыше 60 тысяч; у нас нет и двадцати. К тому же мы без провианта, без патронов, без артиллерии... Помощи нам ждать не от кого... Мы на краю гибели... Теперь одна остается надежда... на храбрость и самоотвержение моих войск! Мы русские...»

Суворов подошел к солдату,
Взглянул на кивер, на мундир,
Взглянул и на ноги босые...

И, рукавом содрав слезу,—

От ветра, что ль, она в глазу?—

Спросил солдата: «Где Россия?»

Когда тебя спросил Суворов,

Не отвечать — помилуй бог!

И гренадер без разговоров

Махнул рукою на восток.

Суворов смерил долгим взором

Отроги, пики, ледники.

По направлению руки

На сотни верст тянулись горы;

Чтоб через них пробиться трудно,

Придется многим лечь, жесток
Путь через Альпы на восток,
Вздыхая на горбу орудья,
Влезать под снегом, под дождем
На стосаженные обрывы...
«И все-таки ты прав, служивый,
Как показал, так и пойдем!»

Представители всех родов войск, волею судьбы ставшие в горах пехотинцами, сумели разгромить противника. «Орлы русские облетели орлов римских!»— с гордостью говорил полководец. Швейцарский поход, по определению Ф. Энгельса, «был самым выдающимся из всех современных альпийских переходов».

Национальный русский герой, «русский Марс» горячо любим нашим народом. Еще при жизни имя его стало легендой. Где бы ни появлялся генералиссимус, везде его окружала восхищенная толпа. И такое отношение к себе испытывал он не только в России. Вот как, например, описал очевидец появление Суворова на спектакле в Праге: «Театр был иллюминирован, за билеты платили тройную цену. Когда Суворов появился в ложе эрцгерцога Карла, театр разразился громом рукоплесканий, криками: «Ура! Виват Суворов!», и вообще публику охватил необычайный энтузиазм». Выдающийся флотоводец Нельсон, преисполненный уважения, писал: «Меня осыпают наградами, но сегодня удостоился я высочайшей награды; мне сказали, что я похож на вас». В Европе вошли в моду суворовские пироги, его прическа...

Но по-настоящему заслуги А. В. Суворова были оценены лишь при Советской власти. В честь великого полководца учрежден военный орден, организованы суворовские училища, ему воздвигнуты памятники, именем Суворова названы улицы городов, населенные пункты.

АРМИИ СТАНОВЯТСЯ МАССОВЫМИ

В процессе перехода от феодализма к капитализму в ряде стран Западной Европы победили новые производственные отношения, что повлекло за собой огромные изменения в военном деле. Особенно отчетливо это можно проследить на примере французской армии, которая была создана в ходе буржуаз-

ной революции 1789—1794 годов. Формирование армии революционной Франции шло в ходе тяжелой войны с агрессивными монархиями Пруссии и Австрии и завершилось в период диктатуры буржуазных революционеров-якобинцев, пользовавшихся поддержкой большинства населения страны. Именно тогда во

французской армии был введен закон о всеобщей воинской повинности. Согласно этому закону все мужчины от 18 до 40 лет становились военнообязанными. «С настоящего момента,— гласит декрет,— и до тех пор, пока враги не будут изгнаны из пределов республики, все французы объявляются обязанными состоять на военной службе. Молодые люди пойдут сражаться на фронт; женатые должны ковать оружие и подвозить продовольствие; женщины будут шить палатки, одежду и служить в госпиталях».

Переход к новому способу комплектования вооруженных сил позволял обеспечить революционную Францию необходимым количеством солдат и офицеров.

«Эта мера,— писал генерал Журдан,— спасла Францию». Основой армии стало крестьянство, которое защищало свои права и свободы, полученные от якобинцев.

Комитет общественного спасения следил за тем, чтобы в армии постоянно поддерживался высокий моральный дух.

Имена всех геройски погибших воинов независимо от чина записывались в Пантеоне. Отличившиеся части упоминались в особых декретах, свершившим подвиги солдатам и офицерам раздавались почетные сабли.

Организационно войско состояло из нескольких армий. Каждая из них насчитывала четыре-пять дивизий.

Дивизии включали в себя подразделения трех родов войск — кавалерии, артиллерии и самого многочисленного — пехоты. Она делилась на линейную, которая действовала сомкнутой массой, и легкую, предназначенную для рассыпного строя.

Моральный дух армии революционного народа Франции был очень высок. Весь народ и в особенности массы, т. е. угнетенные классы, были охвачены безграничным революционным энтузиазмом; войну все считали справедливой, оборонитель-

ной, и она была на деле таковой. Воодушевленная идеями революции, новая армия сражалась самоотверженно, шла в бой под лозунгом: «Победа или смерть!»

Все в республике было подчинено идеям борьбы с врагом. Когда армия начала испытывать трудности с оружием, якобинцы предприняли самые решительные меры для увеличения его производства. За 9 месяцев было открыто 39 новых оружейных заводов и 18 мануфактур по производству холодного оружия. Подобно великому реформатору России Петру I, якобинцы начали отливать пушки из церковных колоколов. Когда же возникли трудности с изготовлением пороха (селитру приходилось ввозить из-за границы), французские инженеры начали добывать ее новым способом — выщелачивая почву в погребках, конюшнях, хлевах. За 11 месяцев было изготовлено 22 миллиона фунтов селитры. Якобинский Конвент стремился привлечь для нужд армии все технические новинки того времени. В частности, для проведения разведки и как средство связи использовались воздушные шары, применялся оптический семафорный телеграф.

Много внимания уделялось подбору командных кадров. На эти посты назначались теперь не по признаку родовитости, а те, кто отличился при защите родины. Чаще всего это были простолюдины, выходцы из народа. Так, командующий Мозельской армией Гош был сыном смотрителя королевской псарни. Вехи его военной биографии знаменательны. В 16 лет — солдат, в 24 — лейтенант, в 25 — генерал. Один из первых генералов революции, Журдан до прихода в армию был мелким торговцем, прославленный военачальник республики Марсо вышел из писарей, а генерал Клебер — из семьи каменщика.

В отличие от утопавшего в роскоши командного состава монархических армий офицеры революцион-

ной Франции, как правило, вели спартанский образ жизни. В походах за ними не следовали повозки с добром, все свое имущество офицер носил с собой и практически ничем — ни внешним видом, ни образом жизни — не отличался от простого солдата.

Якобинцы усилили влияние в армии комиссаров — представителей Конвента. Вместе с командирами комиссары стояли во главе войска. Их действия отличались решительностью, самоотверженностью и преданностью делу революции.

В одном из приказов комиссара Сен-Жюста муниципалитету Страсбурга говорилось, в частности: «В армии 10 000 босых солдат. Разуйте всех страсбургских аристократов и позаботьтесь о том, чтобы завтра в 10 часов утра 10 000 пар башмаков были на пути в главную квартиру».

Беззаветно преданные революции генералы, офицеры и комиссары революционной армии показывали чудеса храбрости и отваги. История сохранила нам эпизод — яркое описание наступления французов и взятия ими крепости Мобеж, когда генерал Журдан и два представителя народа — комиссары Карно и Дюкенуа — шли во главе республиканской колонны, увлекая за собой солдат. Охваченные революционным порывом, Журдан, Карно и Дюкенуа вели людей, не склоняя головы, под ожесточенным огнем австрийцев, опоясанные трехцветными шарфами, и несли шляпы на кончиках своих сабель...

Якобинцы пришли к власти в тяжелое для Франции время, когда $\frac{2}{3}$ территории страны были захвачены врагами революции. Но в короткий срок противник был разгромлен, революционные войска одержали 27 больших и 120 менее значительных побед.

В ходе этих сражений формировалась новая революционная стратегия войны, тесно связанная с политическими целями революционного класса. Лозунгом этой новой антифео-

дальной армии стали слова: «Мир хижинам, война дворцам!» Отказавшись от практики распыления войск, республиканские военачальники стали применять метод массирования сил на основных направлениях. Решая исход той или иной кампании, они стремились дать противнику генеральное сражение и нанесли удары крупными массами войск, используя штыковые атаки. Совершенствуя свою организацию, революционная армия отказалась от старой, магазинной, системы снабжения войск, что значительно повысило их мобильность.

Неприемлемой для революционной войны оказалась и старая линейная тактика. В сражении при Жемаппе французские войска продемонстрировали новый способ ведения боя, когда использовалось гармоничное сочетание ударов огнем, штыковых атак, действий колоннами и рассыпным строем. Австрийцы имели очень сильные позиции, занимали лесистую гору, на которой в виде амфитеатра возвышались в три яруса редуты, установленные двадцатью орудиями тяжелой артиллерии, таким же числом гаубиц и полевыми орудиями — по три на каждый батальон.

Но революционную армию не остановил ни ожесточенный огонь австрийцев, ни их контратаки. С пением «Марсельезы» — революционного гимна, сочиненного офицером Руже де Лилем, — республиканская пехота колоннами пошла в атаку. Падая под огнем противника, они, как отмечал Ф. Энгельс, «стихийно распадались, образуя группы стрелков, ищущих защиты от огня в каждой складке местности... Колонна служила резервуаром, из которого выходили и куда возвращались отряды стрелков...». Так в практике боя рождались новые тактические приемы. В ходе военных действий они совершенствовались.

На развитие этого процесса оказали большое влияние два техни-

ческих открытия: появление легких лафетов у полевых орудий — это сделало их маневреннее — и введение в армии фигурного оружейного приклада, позволявшего поражать противника не только залпом на месте, но и одиночными выстрелами в рассыпном строю.

Дальнейшее совершенствование французской армии связано с именем императора Наполеона Бонапарта. Уроженец острова Корсики, он начал службу в чине младшего лейтенанта артиллерии и выдвинулся в период Великой французской революции, достигнув чина бригадного генерала, затем командующего армией. В 1799 году совершил государственный переворот, в результате которого стал первым консулом. В 1804 году был провозглашен императором. Одаренный полководец, он провел серию победоносных, но, к сожалению, уже захватнических войн, в результате чего значительно расширил территорию империи и поставил в зависимость от Франции большинство государств Западной и Центральной Европы.

Забывая о повышении боевых качеств своей армии, Наполеон провел ряд реформ.

Во-первых, был установлен пятилетний срок воинской службы. (Буржуазия тем не менее получила возможность откупаться от воинской обязанности.) Бонапарт высоко ценил ветеранов, опытных воинов, и тех, кто ростом был не ниже пяти футов. Именно из них он комплектовал свою гвардию. В нее принимались солдаты, прослужившие не менее пяти лет и участвовавшие не менее чем в двух кампаниях. Попасть в гвардию, обладавшую многими привилегиями, считалось большой честью. Достаточно сказать, что из десяти кандидатов от каждого полка отбирался только один.

Именно эти особо доверенные войска Наполеон использовал в качестве своего резерва и вводил в

бой для проведения последнего, завершающего удара.

Надо отметить, что гвардейцы Наполеона были храбрыми и преданными солдатами. Свой долг они выполняли до конца. Когда в битве при Ватерлоо окруженному со всех сторон гренадерскому каре противники предложили сложить оружие, они услышали в ответ: «Гвардия умирает, но не сдается!»

Эти слова и в наши дни остаются девизом гвардейцев.

Организация пехоты в наполеоновской армии была приспособлена для действий в колоннах и рассыпным строем. Отборную пехоту гренадеров, которые раньше составляли одну из рот батальона, теперь свели в отдельные дивизии. Из малолетних призывников формировалась легкая пехота — вольтижерские роты.

В своей армии Наполеон добивался высокой дисциплины, старался пробудить стремление к славе, наградам. Солдатам, которые отличались в бою, нередко присваивал офицерское звание. Некоторые из бывших солдат — Ней, Ланн — достигли самых высоких постов в армии. Своей судьбой они как бы подтверждали истинность выражения: «Каждый солдат носит в своем ранце маршальский жезл».

Стратегические идеи Наполеона можно вкратце сформулировать следующим образом. Концентрация сил и средств на направлении главного удара; решение кампании генеральным сражением. Наполеон настолько основательно отказался от кордонной стратегии, что в ходе проведенных войн он только дважды прибегал к осаде крепостей. Использование тайной разведки, контрразведки, подкупов, провокаций тоже было одним из важнейших сторон полководческой и дипломатической деятельности императора Наполеона Бонапарта.

Наполеон был сторонником решительных действий всех родов войск,

уделяя большое внимание организации их взаимодействия. В то же время военные теоретики отмечают его пристрастие, особую любовь к «богу войны» — артиллерии. Это, конечно, легко объяснимо, ведь Наполеон был сам отличным артиллеристом. Свой генеральский чин он получил за блистательное командование батареями при взятии Тулона. Став императором, Наполеон, по свидетельству специалистов, довел до совершенства действия своей артиллерии.

Как и многие другие завоеватели, Наполеон стремился к мировому господству. На осуществление этих планов был нацелен весь военный талант этого человека. Им были покорены народы Пруссии, Австрии, Польши, Италии, других стран. Вся Европа лежала у ног завоевателя. Лишь одно мешало осуществить ему свои планы — могучая Россия. И Наполеон отважился на войну с нею. Кого, какие войска и, в частности, какую пехоту он встретил здесь?

В русской армии к 1812 году еще прочно жили суворовские традиции. Их уверенно проводили в жизнь лучшие ученики Суворова генералы М. Кутузов, П. Багратион, М. Милорадович, Д. Неверовский.

Невзирая на все попытки царя, его окружения внедрить в вооруженные силы различные иностранные заимствования, они твердо стояли на своих позициях.

Русская армия, предназначавшаяся согласно императорскому приказу «для внешней обороны и сохранения внутренней тишины», по-прежнему комплектовалась за счет набора рекрутов, срок службы которых длился 25 лет. Кроме рекрутов, на службу зачислялись кантонисты — солдатские дети, закончившие гарнизонные школы. Ими впоследствии замещалось значительное число унтер-офицерских должностей. Офицерами в армии были дворяне, которые проходили подготовку в специальных военных заведениях.

К началу войны вооруженные силы страны состояли из четырех разбросанных на огромных пространствах армий. В каждую из них входило несколько корпусов, формирование которых началось в 1810 году.

Было создано новое военное учреждение — военное министерство, заменившее существовавшую еще при Петре I коллегию. Военное министерство много занималось совершенствованием вооружения войск, в том числе и наиболее многочисленной его части — пехоты. За каждым пехотинцем были закреплены ружье и тесак. Ружье того времени могло поражать противника на расстоянии 200 метров, стреляло с частотой один выстрел в минуту. Лучшие из стрелков и младшие командиры имели в своем распоряжении штуцера — ружья с нарезным стволом.

Вооружение егерей-пехотинцев, назначением которых было действовать в рассыпном строю, несколько отличалось от вооружения простых пехотинцев. Их ружья по сравнению с пехотными имели более короткий ствол, что вызывалось особенностями действий данного рода войск.

На вооружении армии находились ружья самых разнообразных калибров — в одной пехоте число калибров доходило до 28. И это было большим недостатком армии, так как усложняло обучение солдат, снабжение боевым запасом, нарушало четкость, необходимую в ходе боевых действий.

Преодолевая это явление, в России, правда, уже после войны 1812 года был издан указ о том, чтобы иметь в пехоте оружие всего лишь... пяти калибров. Каждый полк должен был иметь оружие только одного калибра.

Незадолго перед войной в русской армии был введен Воинский устав о пехотной службе. Он требовал обу-

чать войска в соответствии с самыми передовыми по тому времени взглядами.

17 июля 1812 года командующий 2-й армией ученик Суворова, любитель войск П. Багратион издал «Наставление господам пехотным офицерам в день сражения». Это был выдающийся теоретический труд. Согласно его положениям от войск требовалось умение вести прицельный огонь, широко применять цепь, учитывать маскировочные свойства местности. Командиры должны были правильно пользоваться резервом, вводя его в бой в самое нужное время и в самом нужном месте. Большое внимание уделялось моральному фактору, воспитанию у солдат твердости и непоколебимости.

Генерал П. Багратион писал в наставлении: «Надобно стараться видеть неприятеля, как он есть, хотя он и силен, хотя он был бы проворен и смел, но русские всегда были и будут гораздо храбрее, новозаведенная наша картечь в близкой дистанции тысячу раз лучше его пули, про штыки же и не говорю, никто еще никогда против русских штыков не удержался...

Храбрые люди никогда отрезаны быть не могут; куда бы ни зашел неприятель, туда и поворотись грудью, иди на него и разбей. Коли неприятель был силен, то ежели он частью заходит к нам во фланг, он разделит свои силы и тем делает себя слабее; коли же он и прежде был слаб и хочет только испугать захождением, то он пропал, как скоро на него пойдут в штыки.

Теперь по уложению тот, кто причинит смятение во фронте, наказан будет как изменник.

Офицера, который громко скажет «нас отрезают», в тот же день по крайней мере надобно выгнать из полка. Вообще к духу смелости и отваги надобно непременно прибавить твердость в продолжительных опасностях».

Боевая мощь русской армии особенно возросла, когда ее возглавил Михаил Илларионович Кутузов.

Сподвижник Суворова, замечательный патриот, он не жалел сил для службы Родине. «Нет чести выше, чем носить русский мундир», — с гордостью говорил полководец. Начав службу в качестве артиллериста, он продолжил ее в пехотных частях. Командовал ротой Астраханского полка, командиром которого был тогда полковник Суворов. Михаил Кутузов был храбрым и инициативным офицером. «Напрашивается на самые трудные случаи», — гласит запись в его характеристике. В 1774 году под Алуштой он со знаменем в руках вел солдат на штурм крепости. Там же был тяжело ранен, потерял глаз. В сражении за Очаков получил еще одно тяжелое ранение в голову, но не оставил армии. Вместе с Суворовым он штурмует Измаил. Прославленный военачальник сказал тогда о генерал-майоре Кутузове: «Он командовал левой колонной, но был моей правой рукой». Наряду с личной храбростью Кутузов отличался осторожностью, осмотрительностью. Как полководец, он умел рассчитывать, вовремя наносить удар. Как талантливый дипломат, он умел лавировать в море придворных интриг, соблюдая единственный свой интерес — честь и достоинство русской армии, славу русского оружия.

Назначение Кутузова командующим армией было с радостью встречено солдатскими массами. «Едет Кутузов бить французов», — говорили они.

Уставшая от тяжелых, вынужденных отступлений армия горела желанием встретиться с врагом в открытом сражении. Оно состоялось у села Бородино. Здесь, на этой небольшой равнине, ставшей полем русской славы, наша армия заняла позицию. Длина ее по фронту достигала восьми километров, проходила по возвышенности, обеспечи-

вала хороший обзор, была отлично подготовлена в инженерном отношении. Это позволило создать глубокий и устойчивый боевой порядок русской армии. Первую линию его составляли пехотные корпуса, которые и приняли на себя первые удары французов. На второй линии расположилась кавалерия, на третьей — резерв. Впереди пехоты цепью развернулись егеря.

23 августа (4 сентября) Кутузов писал царю: «Позиция, в которой я остановился, при деревне Бородино в 12-ти верстах вперед Можайска, одна из наилучших, которую только на плоских местах найти можно».

Историки считают, что силы противников были приблизительно равны. Русская армия насчитывала 120 тысяч человек, у нее было 640 орудий, французская — свыше 130 тысяч человек и 587 орудий.

Генеральному сражению предшествовал бой за Шевардинский редут. В ходе боя русские продемонстрировали высокий моральный дух и военное мастерство. На протяжении целого дня 8 тысяч пехотинцев, 4 тысячи кавалеристов при 36 орудиях отражали удары французских войск — 30 тысяч пехоты, кавалерия и 186 орудий. Героическое сопротивление защитников Шевардинского редута позволило не только укрепить основные позиции, но и полнее выявить планы противника. Поздно вечером, выполнив свою задачу, русские войска оставили редут.

На рассвете 26 августа (7 сентября) артиллерийской дуэлью началось Бородинское сражение. Главные его события развернулись у Багратионовых флешей — полевых укреплений, расположенных на левом фланге, и в центре — у батареи, которой командовал генерал Раевский.

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И все на наш редут.
Уланы с пестрыми знаками,

Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди;
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Колонны французов одна за другой шли в атаку. Только на флешы было совершенно восемь атак! Русские героически защищали свои позиции. Лишь тяжелое ранение, которое вывело из строя генерала Багратиона, и огромное преимущество в живой силе — французы бросили все, чтобы преодолеть сопротивление русских! — позволили противнику занять позицию. К 16 часам они овладели и батареей Раевского.

Но в ходе боев французы понесли такие тяжелые потери, что их наступление приостановилось. Наполеон отвел свои войска.

В те времена победителем считался тот, кто сохранял за собой поле брани. Кутузов доносил царю: «Баталия, 26-го числа бывшая, была самая кровопролитнейшая из всех тех, которые в новейших временах известны. Место баталии нами одержано совершенно, и неприятель ретировался тогда в ту позицию, в которую пришел нас атаковать».

Велик вклад пехоты в победу на Бородинском поле. Стойко отражали атаки французов 27-я пехотная и 2-я гренадерская дивизии, 2-й, 5-й и другие пехотные корпуса. Известны случаи, когда в запале боя конница Наполеона, видя неприступные пехотные каре русских, останавливалась и поворачивала обратно!

Славный род войск, о котором идет речь в этой книге, вынес ос-

новную тяжесть сражения. Пехота не подвела!

Как, впрочем, не подвели на Бородинском поле и кавалеристы, артиллеристы, ополченцы. «Сей день, — писал в донесении М. И. Кутузов, — пребудет вечным памятником мужества и отличной храбрости российских воинов, где вся пехота, кавалерия и артиллерия дрались отчаянно. Желанием всякого было умереть на месте и не уступить неприятелю. Французская армия под предводительством самого Наполеона, будучи в превосходнейших силах, не превозмогла твердость духа российского солдата, жертвовавшего с бодростью жизнью за свое отечество».

Потрясенный исходом сражения, с которым он связывал свои далеко идущие захватнические планы, Наполеон впоследствии признавал: «Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвою. Французы показали себя в нем достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми!»

Весь наш народ поднялся против захватчиков. Удары армии, многочисленных партизан уничтожили войско Бонапарта. Бородинское сражение было началом катастрофы «великой армии». Его значение в нашей истории можно сравнить со значением битв на поле Куликовом или Чудском озере...

Из войны 1812 года русская армия вышла победительницей. На многочисленных полях брани она доказала превосходство отечественного военного искусства. Несмотря на это, вскоре после возвращения из заграничного похода царизм стал внедрять в армию прусскую систему обучения.

В армии стала насаждаться жестокая муштра. Наиболее характерным ее проявлением было стремление превратить солдат в нерассуждающие «живые механизмы». В ряде губерний России были созданы так на-

зываемые военные поселения, обитатели которых, солдаты, должны были сочетать нелегкую солдатскую службу с крестьянским трудом.

Жизнь военных поселенцев была исключительно тяжела.

В архивах находим свидетельство того, что военные поселения представляли собой «самое несчастнейшее зрелище: коренные жители из зажиточных крестьян сделались убогими; действующие солдаты, из которых многие проливали кровь свою за отечество, суть работники (батраки) хозяев, без же, без собственности. Они несут все бремя строевой службы и сверх сего изнуряются без всякой платы различными работами. Рабочие батальоны замучены, и начальники их не стыдятся удерживать у них часть заработанных кровавым потом денег для приращения поселенных капиталов...».

Чуждые духу нашей армии нововведения вызвали протест в вооруженных силах. Патриоты противились этим влияниям.

Муштра, жестокий режим и строящаяся регламентация жизни вызвали восстания в армии.

Вот один факт из жизни тогдашних солдат. Однажды командир Семёновского полка полковник Шварц, заметив какое-то несущественное упущение со стороны рядового Бойченко, плюнул ему в лицо, потом приказал провести вдоль строя солдат, чтобы каждый сделал то же самое. Шварц позволял себе поднимать руку на солдат, избил даже нескольких георгиевских кавалеров, которые по статусу своих высоких наград даже официально не подлежали такого рода наказаниям. Это стало каплей, переполнившей чашу солдатского терпения. Так называемая «государева первая рота», вечером построившись на вечернюю поверку, попросила у своего командира роты заступничества. Начальство, узнав о «бунте», заточило все подразделение — 167 человек — в Петропавловскую крепость.

Утром следующего дня остальные гвардейцы вышли на плац толпой. Прибывшему командиру гвардейского корпуса солдаты заявили, что готовы перенести любые наказания, но терпеть Шварца больше не в силах. А вышли и не строем, потому что первой роты нет — не к кому пристроиться. Общая ненависть к Шварцу была такова, что полк со всеми офицерами пошел в крепость, желая находиться там же, где первая рота.

Военная комиссия присудила «лишить живота» Шварца, но царь помиловал его. А все участники бунта были жестоко наказаны.

Недаром пели тогда солдаты:

Зла злодеюшка,
Нужда крайняя,
Нужда крайняя —
Служба царская.

Один из славных эпизодов истории русской армии, русской пехоты связан с движением декабристов, с их восстанием против царизма в декабре 1825 года. Дворяне-революционеры, мечтавшие совершить революцию «для народа», но без его участия, декабристы намеревались сделать армию основной силой переворота. Почти все основатели и многие активные члены движения декабристов были участниками Отечественной войны 1812 года, отмечены военными наградами, занимали высокие посты в армии. Это были, по словам Герцена, «богатыри, кованные из чистой стали». На шпагах многих из них было выгравировано «За храбрость». С благоговением относились они к чести русского оружия, к русской славе. В тайной своей переписке даже слово «оружие» они обозначали знаком, являвшим собой стилизованное изображение штыка.

Связывая свои планы с вооруженным восстанием, декабристы большое внимание уделяли перестройке армии. Интересны их взгляды на пехотное войско.

Полковник Пестель, автор «Русской правды», считал необходимым ликвидировать деление пехоты на действующую в сомкнутом строю и егерскую. Пехота, по мнению Пестеля, должна быть единой, «должна быть выучена всем движениям не только сомкнутого строя, но равным образом и рассыпного». Он выступал против бездумной муштры, за сокращение двадцатипятилетнего срока службы, предлагал ввести в армии твердый паек, включая в него все необходимые для питания продукты. Пестель считал необходимым содержать войска в казармах, был противником размещения их на постое у населения.

После разгрома восстания декабристов, казни пяти его руководителей и жесточайшего наказания остальных участников реакция в стране ужесточилась по всем линиям.

Воцарившийся на престоле Николай I, этот «посредственный человек с кругозором взводного командира,— как писал о нем Ф. Энгельс,— превратил страну в казарму, а службу в армии — в каторгу». Не случайно многим осужденным в то время каторга заменялась солдатчиной. Там их ждала тяжелая участь бесправного существа. Мордобой, розги, жестокость — все это продолжало процветать.

Были преданы забвению традиции Петра, Суворова, Кутузова. Если раньше весь процесс обучения и воспитания солдат был направлен на то, чтобы подготовить их к военным действиям, то теперь положение резко изменилось. Процветала бессмысленная муштра и шагистика, изнурявшая и доводившая до оупения солдат. «Каждое утро,— писал об этом С. Н. Сергеев-Ценский,— барабанички и горнисты на передних линейках выбивали и трубили зорю; затем роты маршировали под барабан, благо места для этого было вполне довольно, делали сложные построения и ружейные приемы,

ходили учебным шагом, на прямой поднятой ноге, вытягивали носок и, продержав ее так с минуту, топали ею о землю что было силы, для того чтобы тут же поднять и вытянуть другую ногу, и под тягучую команду «два-а-а» с минуту дожидаться благодатной команды «три!». Часами ходили так, как никто и никогда не подумает ходить в жизни, но это называлось «учением» солдат, но этого только и требовало начальство на смотрах».

Некогда могучая, единая, прекрасная обученная армия теряла свои лучшие качества. И дело было не только в чуждых ее духу нововведениях — задыхавшаяся в узах крепостничества, Россия все больше отставала экономическом развитии от стран Западной Европы. Армии этих стран оснащались новым оружием, которым еще не располагала русская армия. Военная и экономическая отсталость феодальной России обусловила ее поражение в Крымской войне (1853—1856 гг.), когда одной стране пришлось вести боевые действия против союза Франции, Англии, Турции и Сардинии.

Боевые действия развернулись на Черном, Балтийском и Белом морях, на Кавказе и Дальнем Востоке. Но главные события происходили в Крыму. Здесь союзники направили свои усилия на то, чтобы лишить Россию господства на море. Союзные войска высадились в Крым, и после упорных сражений русские войска вынуждены были отойти в Севастополь. Над городом нависла серьезная опасность. Началась осада города, длившаяся более одиннадцати месяцев.

Как порт Севастополь был вполне подготовлен к отражению противника с моря, но был беззащитен со стороны суши. Поэтому командование гарнизона бросило все силы на возведение защитных сооружений. Героическими усилиями солдат, моряков, гражданского населения в

короткий срок Севастополь был превращен и в сухопутную крепость!

Не добившись успеха, союзники 5 (17) октября 1854 года приступили к бомбардировке города. Они были намерены артиллерией разрушить укрепления и штурмом взять крепость. Но ворваться в Севастополь они смогли лишь почти год спустя — 27 августа (8 сентября) 1855 года, после упорных кровопролитных боев, когда исчерпались все резервы защитников города, а крепостные сооружения были практически полностью разрушены.

Пехотинцы, саперы, артиллеристы, моряки и кавалеристы, вынужденные драться в пешем строю, показывали чудеса храбрости и стойкости, мужества и выдержки. В историю нашей армии золотыми буквами вписаны имена защитников Севастополя — адмиралов В. Корнилова, П. Нахимова, В. Истомина, военного инженера Э. Тотлебена, смелого разведчика матроса П. Кошки, талантливого медика, основоположника военно-полевой хирургии Н. И. Пирогова, спасшего тысячи

жизней защитников Севастополя, медицинской сестры Даши Севастопольской и многих других...

Известна реляция генерала Гродекова о воинской доблести двух сибирских стрелков: «Считаю долгом отметить удивительное самоотвержение и взаимную выручку раненых нижних чинов — Шериглазова, у которого оторвало четыре пальца правой руки, и Крымского, раненного в левую руку с раздроблением кости.

Они продолжали стрелять сообща из одной винтовки, причем Шериглазов держал винтовку и целился, а Крымский заряжал и спускал курок. Ходатайствую о награждении Шериглазова и Крымского знаками отличия военного ордена четвертой степени».

Но экономическая, политическая и военная отсталость крепостнической империи привела страну к поражению. Героизм и отвага русских солдат и офицеров не могли компенсировать отставания в технической оснащённости русской армии.

Пример тому — эпизод из книги С. Н. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда», где описано сражение на Альме (река в Крыму) — одно из первых столкновений русской пехоты с солдатами французских колониальных войск, зуавами дивизии генерала Боске:

«Раздался первый русский залп, но гладкоствольные ружья русских солдат, в которые круглые, как орехи, пули забивались при заряджении шомполами с дула, не стреляли далеко.

Зуавы, мгновенно присев, видели, как эти пули, ударившись в землю, подняли пыль и подскочили довольно далеко от них. Они переглянулись в недоумении. Но вот другие взводы роты выдвинулись вперед по команде, дали новый залп, очень старательный, как на ученье, отнюдь не сорванный ни одним из солдат; однако пули подняли полосу пыли опять на том же месте — на предельной дистанции их полета, в трех-четырех шагах от стрелявших.

Тогда зуавы захохотали, неудержимо, отнюдь не стесняясь своего начальства. Они готовы были кататься по земле от хохота.

У них у всех, по всей дивизии Боске, были дальнобойные нарезные штуцеры, стрелявшие ровно вчетверо дальше, и когда улегся взрыв их непринужденной веселости, они открыли пальбу из своих штуцеров, очень оживленную, хотя и далеко не образцовую в смысле залпов. Они знали — им говорили это, — что у русских принято ставить в строю офицеров на фланге колонн, и они прежде всего обстреляли фланги, и там усаженно начали падать раненые и убитые».

Поражение в Крымской войне остро поставило вопрос о необходимости сокращения сроков солдатской службы, создания обученных резервов, перевооружения армии, изменения тактики. Война показала, что исход боевых действий все больше становится зависимым от количества и качества железных дорог, пароходов, использования электрического телеграфа и других достижений науки и техники.

Прямую взаимосвязь между уровнем развития военного дела и состоянием экономики демонстрировали многие другие вооруженные столкновения.

Наряду со стремлением использовать для нужд армии все новое, передовое развивалась военная теория, изучался и обобщался опыт лучших полководцев. Вместе с тем наиболее целесообразные приемы ведения военных действий нередко рождались стихийно, в результате творчества самих солдатских масс.

В сражении у Сен-Прива (18 августа 1870 г.) между французскими и прусскими войсками прусская гвардия, имея менее совершенные, чем ее противник, ружья, атаковала его позиции в сомкнутом строю. Подвергаясь сильному обстрелу, она несла тяжелые потери в людях. Попытки солдат рассыпаться по полю, чтобы использовать естественные укрытия, пресекались офицерами. Колонны маршировали под огнем под команду «левой-правой», под бой барабанов и игру горнистов. Подойдя на дальность выстрела уже своего оружия, они открыли огонь

и кинулись перебежками, но опять же в составе колонн и цепей в атаку. Гвардейцы захватили деревню Сен-Прива, но понесли ужасные потери. Это была пиррова победа...

Роль и место сражения у Сен-Прива в истории военного искусства опеределил Ф. Энгельс. Он писал: «...С тех пор ротная колонна как боевая форма была осуждена, так же как и применение батальонных колонн и линейного строя. Всякие попытки подставлять впредь под неприятельский ружейный огонь какие-либо сомкнутые отряды были оставлены, и в дальнейшем бой со стороны немцев велся только теми густыми стрелковыми цепями, на которые уже и прежде колонна обыкновенно сама рассыпалась под градом неприятельских пуль, несмотря на то, что высший командный состав боролся с этим как с нарушением порядка. Точно так же в сфере действия неприятельского ружейного огня единственной формой передвижения сделалась перебежка. Солдат опять-таки оказался толковее офицера: именно он, солдат, инстинктивно нашел единственную боевую форму, которая до сих пор оправдывает себя под огнем ружей, заряжаемых с казенной части, и он с успехом отстоял ее вопреки противодействию начальства».

В России передовые люди того времени не только понимали необходимость изменений в военном деле, но и, преодолевая множество трудностей, стремились к их проведению. Буржуазные реформы в нашей армии связывают с именем Д. Милютина, в течение двадцати лет занимавшего пост военного министра. Преодолевая сопротивление титулованных ретроградов, Милютин, кстати, еще и первый исследователь деятельности Суворова, внедрял в армию передовые достижения военной теории, науки и техники.

В 1864 году страна была разделена на пятнадцать округов, во главе каждого поставлен командующий. Это

улучшило систему управления армией.

Изменения произошли и в подготовке офицеров. Кадетские корпуса, за исключением Пажеского и Финляндского, были упразднены. Появились юнкерские училища, выпускники которых в большей степени, чем выпускники кадетских корпусов, были сориентированы на офицерскую службу в войсках.

В армию поступило новое оружие, в том числе винтовки. Но большее количество их продолжало находиться на складах. Начальство не торопилось и боялось доверить солдатам неизвестное для них оружие.

Была изменена система комплектования вооруженных сил. В 1874 году, через 13 лет после отмены крепостного права, в России была введена всеобщая воинская повинность. В уставе было записано, что «защита престола и отечества есть священная обязанность каждого русского подданного». Однако призывать на службу каждого необходимости не было. Поэтому призыв решался жребием, тянуть который приходилось только раз в жизни. В этой процедуре ежегодно участвовали молодые люди, которым к началу января исполнялось двадцать лет. Те, кто не попадал под призыв в свой год, зачислялись в ополчение. Оно же создавалось при чрезвычайных обстоятельствах. Чаще всего это было с началом очередных военных действий.

В пехоте теперь служили по шесть лет. Старые николаевские солдаты, четверть века находившиеся в строю, были уволены из армии. «Старики ветераны,— описывает это событие военный писатель,— получили на руки белые билеты, в коих им наказывалось «бороду брить, а по миру не ходить» (иначе — не побираться). Тысячные толпы людей, вислоусых и беззубых, с нашими из желтой тесьмы «за беспорочную службу», плелись по дорогам в свои губернии, дабы успокоить кости на

родине. Но солдата дома никто не ждал, ибо у него давно не было дома. Взятый на службу (безграмотный и потому не имевший связи с сородичами, тоже безграмотными), он являлся в деревню, где повымерли помнившие его, а те, что сидели теперь за столом, в суровом порядке хлебали щи деревянными ложками, видели в нем лишнего едока. Вот и пошли они, солнцем палимы, по белу свету, а свет велик, и брили они бороды, как велено им от начальства премудрого. Одинокие люди устраивались хожальными в полицию, будочниками у застав в провинции, в ночные сторожа при купеческих лавках, нанимались в швейцары, шли в банщики или... просто спивались! Бряцая крестами и медалями, гневно стуча клюками в заплеванные полы трактиров, ветераны требовали дармовой водки, уважения к себе и почитания, — ей-ей, читатель, они того стоили...»

Своевременность реформ, проведенных в армии, подтвердила война с Турцией. Поддержав освободительную борьбу балканских народов, русские войска, ведомые талантливыми военачальниками Драгомировым, Скобелевым, Гурко, нанесли туркам несколько сокрушительных поражений. В январе 1878 года отряды русских войск вышли к Константинополю. В сражениях на Кавказе турки также потерпели поражение...

Несмотря на все усовершенствования и новые выдающиеся победы русского оружия, в царской армии продолжали процветать все та же муштра, рукоприкладство. Даже среди офицеров образованный че-

ловек был редкостью, солдаты в массе своей были безграмотными. Служба солдата была нисколько не легче той, которая была во времена Николая I.

Среди «способов принуждения» появился печально известный прогон провинившегося сквозь строй. Вплоть до Февральской революции 1917 года он использовался для наказания солдат.

Лев Толстой в рассказе «После бала» подробно описал этот «воспитательный метод»:

«Солдаты в черных мундирах стояли двумя рядами друг против друга, держа ружья к ноге, и не двигались. Позади их стояли барабанщики и флейтчик и не переставая повторяли все ту же неприятную, визгливую мелодию... Я... увидел посреди рядов что-то страшное, приближающееся ко мне. Приближающееся ко мне был оголенный по пояс человек, привязанный к ружьям двух солдат, которые вели его... Дергаясь всем телом, шлепая ногами по талому снегу, наказываемый, под сыпавшимися с обеих сторон на него ударами, подвигался ко мне, то опрокидываясь назад — и тогда унтер-офицеры, ведшие его за ружья, толкали его вперед, то падая наперед — и тогда унтер-офицеры, удерживая его от падения, тянули его назад... При каждом ударе наказываемый... всхлипывал: «Братцы, помилосердствуйте. Братцы, помилосердствуйте». Но братцы не милосердствовали...»

С горечью необходимо признать, что подобные экзекуции были не таким уж редким явлением в жизни войска.

В ЭПОХУ МИРОВЫХ ВОЙН

На рубеже XIX и XX веков капитализм вступил в последнюю фазу своего развития — империализм. Период этот характеризовался особенно бурным ростом производительных сил. Активно осваивались и внедрялись в промышленность новые источники энергии — электричество и двигатели внутреннего сго-

рания, возводились промышленные предприятия невиданной до того мощности, стремительно развивался транспорт, механизировались производственные процессы. Все более широкое применение и использование находили новые средства связи — телефон, телеграф, радио. Империализм до крайности обострил

противоречия между трудом и капиталом, метрополиями и колониями, между самими капиталистическими государствами, боровшимися за сферы влияния. Он породил тяжёлые экономические кризисы, рост реакции, милитаризма и самые опустошительные войны.

Скачкообразность развития экономики отдельных стран стала одним из объективных законов эпохи империализма, что вело к изменению соотношения сил на международной арене, вело к созданию коалиций, порождало борьбу за передел мира.

Социально-экономические условия, сложившиеся в эпоху империализма, оказали большое влияние на развитие военного дела. Анализ этого процесса много внимания уделял В. И. Ленин. В своих трудах он указал на характерные черты и особенности империалистических войн.

В этом плане для нас особый интерес представляет его работа «Падение Порт-Артура».

Во время русско-японской войны 1904—1905 годов Порт-Артур был осажден японцами. Русские войска под руководством генерала Р. И. Кондратенко героически обороняли крепость, выдержав четыре штурма. Однако после гибели Кондратенко крепость была сдана противнику генералом Стесселем.

Анализируя это событие, В. И. Ленин рассматривает «военный крах, понесенный самодержавием» в этой войне, «как признак крушения всей нашей политической системы» того времени, когда в очередной раз была выявлена экономическая и политическая отсталость России, по-прежнему вязнувшей в путах пережитков крепостничества и оказавшейся не в состоянии противостоять напору активно развивавшейся по буржуазному пути Японии.

Особенности первых вооружённых конфликтов эпохи империализма можно проследить не только на

примере русско-японской войны, но и на примере англо-бурской, испано-американской войн. В чем они проявляются?

Резко возросла численность армий. Во время войн в ряды вооружённых сил мобилизовалось 10—20 процентов населения страны. Это было в три-пять раз больше, чем при капитализме. Армии стали многомиллионными. Возросло и количество жертв.

В этих условиях большое значение приобрела связь фронта и тыла, необходимость подготовки резервов. Возросло количество и качество боевой техники.

Широко стали применяться пулеметы современного типа. Создание автоматического оружия стало возможным в связи с изобретением унитарного патрона, бездымного пороха, металлической гильзы и пули с твердой оболочкой из мельхиора. В русско-японской войне впервые были применены и ручные пулеметы. Еще в 1891 году в России была принята на вооружение малокалиберная скорострельная винтовка калибра 7,62, которая по своим показателям намного превосходила все другие образцы. Претерпев небольшие изменения, винтовка образца 1891 года оставалась на вооружении нашей армии и в годы Великой Отечественной войны. В борьбе с самым современным оружием эта «старушка» выходила победителем. Невозможно даже подсчитать, сколько раз в ходе боя от меткой пули, пущенной бойцом из этой винтовки, падали на землю хваленые фашистские воздушные асы или останавливались танки — врагов уничтожали через смотровые щели. А сколько отбиток, говорящих о числе уничтоженных гитлеровцев, хранят ложи этих винтовок, использовавшихся как снайперские.

Удивительная судьба винтовки образца 1891 года, говорящая о ее совершенстве и универсальности, заставляет задуматься о тех услови-

ях, в которых трудились русские военные изобретатели, и в частности Сергей Иванович Мосин. В нелегких условиях творил он — преодолевал неверие власть имущих в талант отечественных изобретателей, боролся с засильем иностранных специалистов, ставящих свои интересы выше интересов русской армии.

Но при всех сложностях Сергей Иванович Мосин оставался патриотом России. С гневом он, совсем небогатый человек, отверг предложение французской фирмы «Рикте», предложившей ему за 600 тысяч франков продать право на использование реечно-прикладного магазина винтовки.

В советское время уже обезличенной трехлинейной винтовке образца 1891 года была возвращена фамилия автора — выдающегося тульского оружейника С. И. Мосина.

Вернемся, однако, к событиям русско-японской войны 1905 года. В ходе ее были впервые применены многие виды новой техники. Так, при обороне Порт-Артура впервые были произведены минометные залпы. Хочется напомнить и о том, что на полях Маньчжурии значительно раньше, чем в армиях других стран, были использованы походные кухни.

Изобрел их полковник русской армии Антон Федорович Турчанович. Не самая главная деталь военного быта, походные кухни стали, по выражению участников той войны, истинными друзьями русского солдата. Кстати, патент на свое изобретение полковник Турчанович получил в возрасте 55 лет. Он не был стариком еще, конечно, но прав был поэт, тепло написавший о нем много лет спустя в «Василии Теркине»:

Дельный, что и говорить,
Был старик тот самый,
Что придумал суп варить
На колесах прямо.
Суп — во-первых. Во-вторых,
Кашу в норме прочной.
Нет, старик он был старик
Чуткий — это точно.

В эпоху империализма значительно возросли размах, боевое напряжение и разрушительная сила военных столкновений. Раньше вооруженные силы состояли из двух видов — флота и сухопутных войск, которые включали в себя «классические» рода войск — пехоту, артиллерию и кавалерию. Теперь появились новые войска — танковые, химические, военно-воздушные. Иное содержание приобрел труд связистов и саперов. Успех сражения стал зависеть от усилий всех родов

и видов войск. Бой начал приобретать черты современного, общевойскового.

Тогда же в теории военного дела родилась новая отрасль — оперативное искусство, занявшее промежуточное положение между стратегией и тактикой. Его содержанием стала подготовка операций в масштабе фронтов и армий. Появление этой отрасли военного искусства связано с увеличением протяженности фронта боевых действий, с расчленением его на отдельные очаги борьбы, не связанный друг с другом тактически. Теперь исход войны решался не одним, как в прежних войнах, а рядом сражений и боев. Война потребовала значительно больших пространств, длительного времени, она стала протекать в полевых условиях. Если раньше оборонительные действия войск сводились к удержанию важных опорных пунктов (крепостей, городов), то уже в ходе русско-японской войны была широко применена полевая оборона — позиции вытягивались на многие десятки километров, чтобы перекрыть возможные пути наступления противника, избежать обходов и охватов, ударов со стороны флангов и т. д.

Какова же была русская пехота начала века?

Высшим войсковым соединением тогда был корпус, состоявший из двух-трех пехотных и одной кавалерийской дивизии.

Руководством для войск были «Устав строевой пехотной службы» 1900 года, «Наставление для действия в бою отрядов из всех родов оружия» 1904 года и другие документы. Эти документы требовали от войск наступать стремительно и безостановочно, до начала поражения их ружейным огнем. Затем стрелки должны были развернуться в цепи и продолжать наступление перебежками. В удобных позициях им предписывалось самим вести огонь. В наставлениях и уставах того време-

ни преувеличенно большое внимание уделялось штыку, что мешало правильному использованию возможностей огневого боя.

В основном тактические взгляды русских военных теоретиков соответствовали духу времени. Они учитывали опыт более ранних войн, влияние нового оружия.

В ходе русско-японской войны русская пехота, как и другие рода войск, показала высокие боевые качества. «Солдат наш,— вспоминал один из участников войны,— упрека не заслуживал: он с неподражаемой энергией переносил все тяготы похода в свисте чем сорокаградусной жары, по непролазной грязи; он систематически недосыпал, по 10—12 дней не выходил из огня и не терял способности драться». Героизм и стойкость солдат, офицеров младшего звена проявились в ходе Мукденского сражения у реки Шахэ, обороны Порт-Артура. В целом же русская армия, возглавляемая бездарными генералами, оказалась не подготовленной к войне с Японией. Нисколько не была учтена специфика условий, армии не доставало самого необходимого. Молодой офицер, генерал в советское время, А. А. Игнатьев описывает свой отъезд в Маньчжурию в действующую армию следующим образом:

«...Когда к отходящему на юг поезду я явился в белом кителе и в белой фуражке, с шашкой на серебряной портупее, с револьвером и биноклем через плечо, мне казалось, что у меня вполне боевой вид. Но некий уже побывавший на фронте полковник сразу расхолил меня и остальных офицеров, которые тоже были в белом.

— Не забывайте снимать фуражки, когда придется высовывать голову из окопа,— советовал полковник.— Лучшей мишени, чем белая фуражка, не сыскать. А японцы — отменные стрелки!

Он объяснил нам далее, что белое

обмундирование и особенно белые фуражки служат одной из немаловажных причин наших потерь в людском составе...

Впрочем, все перекрасились. Но как! Проснувшись утром, я увидел вместо русской пехоты толпу в каких-то желто-зеленых, голубоватых и зеленоватых тряпках. Не лучший вид имело и большинство офицеров. В результате кустарной, спешной и неумелой покраски обмундирования все наше воинство сразу приобрело жалкий вид. Мне вспомнилось, что английские и американские военные атташе носили форму хаки, у японцев тоже хаки. Значит, секрет защитного цвета уже был известен. Почему же его не использовало русское военное министерство, посылая сотни тысяч солдат на фронт?

Потом стала раздражать шашка. Зачем нужен пехотному офицеру этот тяжелый предмет? В мирное время шашку даже было запрещено оттачивать,— вероятно, во избежание несчастных случаев при пьянках,— а в военное время никто в пехоте за всю войну не зарубил ни одного японца. Шашка болталась между ног: при карабкании на сопки и при перебежках ее надо было придерживать рукой! Но и десять лет спустя после русско-японской войны русские офицеры не смели расстаться с ней.

Через короткое время пришлось снова разочароваться в наших фуражках с их маленькими козырьками. Маньчжурское солнце ослепляло нас. Большие козырьки по традиции прошлого века носили только старые генералы, а вся армия ходила с незащищенными глазами.

При первой необходимости вскарабкаться на сопку я убедился, что и сапоги мои не соответствуют назначению.

Российские булгиги оказывались для подошв гораздо более терпимыми, чем маньчжурские острые камни или замерзшая глина. Я не

знал тогда, что вся иностранная пехота, а во Франции даже школьники, подбивают подошвы гвоздями, чтобы они не скользили. А по сопкам, бывало, сделаешь два шага вперед и соскользнешь на шаг назад. Поэтому самые лихие пехотные разведчики после лазания в горах навсегда расстались с сапогами, тем более что уже к этому времени в передовых отрядах сапог попросту не хватало. Их заменили китайские «улы» — мягкие туфли на толстой подошве и обмотки вместо голенщ.

Даже в отношении обмундирования русская армия оказалась столь плачевно подготовленной, что через шесть месяцев войны солдаты обратились в толпу оборванцев...

Война принесла тяжелое поражение России. Огромную страну победила страна небольшая, но значительно более развитая в экономическом отношении.

Апофеозом всех конфликтов и противоречий начала века стал первая мировая война. Государства Европы прибегли к ней как к последнему средству, чтобы разрубить клубок проблем нового, XX века, ставшего началом и новой эпохи. Помимо стремления решить с помощью войны проблемы экономические и политические, имущие классы стремились с ее помощью задушить нарастающее революционное и национально-освободительное движение.

Первая мировая война длилась четыре года и три месяца. В ней участвовали 38 государств. Под ружье было поставлено свыше 70 миллионов человек. Для их вооружения было произведено 27,6 миллиона винтовок, 1075 тысяч пулеметов, около 152 тысяч орудий, около 182 тысяч самолетов, 9200 танков. Первая мировая война была чрезвычайно тяжелой и кровопролитной. На ее фронтах погибло 10 миллионов человек, 20 миллионов было ранено.

В ходе этой войны выделяют не-

сколько отдельных кампаний — 1914, 1915, 1916, 1917 и 1918 годов. Первая из них характеризовалась маневренными действиями, стремительным наступлением немцев в Северной Франции, а русских — в Пруссии. Но ни те, ни другие не смогли достичь переломных успехов. Воспользовавшись плохим взаимодействием русских армий, германцы разгромили их и отбросили на исходные позиции. В свою очередь, они сами потерпели поражение от французов на Марне и отступили. Затем произошли события, которые военные историки называли «бег к морю». Стремясь обойти друга друга с фланга, противники начали движение к северу. Все это вело к увеличению протяженности фронта, удлинению позиций. «Бег к морю» завершился, когда воюющие стороны достигли побережья...

Сделаем небольшое отступление и несколько позже расскажем о том, как развивались события в ходе других кампаний. Проследим эволюцию, которые происходили в это время с пехотой и другими родами войск...

Вооруженные силы большинства стран — участниц конфликта состояли из флота и сухопутной армии. Ее основу составляла пехота — главный род войск. Но необходимо отметить: к концу войны ее численность уменьшилась и была равна лишь 50 процентам от сухопутных сил. Но, сократившись количественно, пехота значительно выиграла в качественном отношении, ее огневая мощь возросла в несколько раз. В состав пехотных частей стала организованно входить артиллерия; пехота располагала минометами, большим количеством пулеметов.

Но такой пехота стала к концу войны. В начале же пехотный полк имел только восемь пулеметов, артиллерия состояла из пушек малого калибра. Бронеавтомобили также исчислялись единицами. Не «работала» на пехоту и авиация — самолеты тогда не были вооружены и исполь-

зовались лишь как средство разведки и связи.

Войска воюющих государств были объединены в армии, состоявшие из корпусов и дивизий. Пехотная дивизия, как правило, включала в себя две пехотные бригады (по два пехотных полка каждая), артиллерию, конницу, саперов и подразделения тыла.

Все эти рода оружия должны были поддерживать наступления пехоты, ибо главная роль в бою, как определял, например, «Устав полевой службы русской армии», принадлежит пехоте. Прочие рода должны всеми мерами содействовать ей в достижении боевых целей и самоотверженно выручать в трудную минуту. Пехота же должна жертвовать собой для выручки других, особенно артиллерии. К слову сказать, значение «бога войны» в эту эпоху неизмеримо возросло. Если, например, потери от ее огня в русско-японской войне исчислялись 14 процентами от общего количества, то в первую мировую войну эта цифра возросла до 75 процентов.

Несмотря на все разумные требования и регламентации устава полевой службы, военная теория того времени не смогла учесть всех проблем, выдвигавшихся жизнью.

На практике получалось следующее: конница, например, легко поражалась пулеметами, залпами из ружей, а полевая артиллерия не могла эффективно подавлять укрывшуюся в окопах пехоту. Нередко складывалась обстановка, когда обороняющиеся превосходили в огне наступающих, так как условия для ведения наступления были очень неблагоприятными. А если учесть, что пехота шла в атаку, построенная в густую цепь — интервал между бойцами был один шаг, то потери несла она тяжелейшие. Вскоре даже самым ярым приверженцам уставных требований стала видна необходимость применения новых тактических приемов.

Военные теоретики называли эту ситуацию позиционным тупиком. Война шла, а движения фронтов не было. Началось «великое сидение» враждующих армий.

Строго говоря, никто в тот момент — ни теоретики, ни практики — не знал, что делать. Позиционная оборона как явление вооруженной борьбы уже была известна по событиям в Маньчжурии. К нему отнеслись тогда как к случайности. Но сейчас это стало реальностью вновь. Выход из позиционного тупика в разных армиях пытались искать по-своему. Инерция мышления была особенно заметна в действиях германского пехотного начальства.

Замученные муштрой, слепо повинаясь требованиям уже устаревших уставов, они гнали подчиненных в атаку сомкнутыми строями.

«Эту колонну косят пулеметы,— описывал очевидец,— ужасающие пулеметы, вырывающие буквально целый строй — первая шеренга падает, выступает вторая и, отбывая такт кованным альпийскими гвоздями сапогом по лицам, по телам павших, наступает, как первая, и погибает! За ней идет третья, четвертая, а пулеметы трещат, особый, с характерным сухим звуком немецкий барабан рокошет в опьянении, и рожки, коротенькие медные германские рожки, пронзительно завывают — и люди падают горой трупов. Из тел образуется вал — настоящий вал в рост человека, — но и это не останавливает упорного наступления; пьяные немецкие солдаты карабкаются по трупам, пулемет русских поднимает свой смертоносный хобот, и влезшие на трупы павших раньше венчают их своими трупами». Эта жуткая картина напоминает атаку гвардейцев-пруссиков у Сен-Прива. Но ведь с той поры прошло уже почти полвека! Для прорыва обороны противника применяли самые разнообразные достижения военно-технической мысли. Все это сказывалось на развитии пехоты.

Германская армия делала упор на превосходство в тяжелой артиллерии. Используя большую дальность стрельбы своих тяжелых пушек, по количеству которых они превосходили всех, немцы громили позиции русских, а затем их занимала пехота.

«Немцы вспахивают поля сражений градом металла и ровняют с землей окопы и сооружения, заваливая их защитников землей. Они трахают металл, мы — человеческую жизнь!..» — доносил военному министру командир одного из русских корпусов.

В то же время необходимо подчеркнуть, что артиллерия русских тоже оказывала очень большое влияние на действие пехоты, которая именovala ее своей «спасительницей». По выучке, взаимодействию с пехотой ей не было равных. И это не раз подтверждали разворачивавшиеся в ходе боев артиллерийские дуэли. Но отсутствие должного количества пушек большого калибра здорово ощущалось в ходе боев.

Что касается обороны, здесь появилась тенденция к ее упрочению. Вначале очаговая, она к концу первого года войны состояла из системы траншей, протянувшихся по всей длине фронта. Оборона была сильной, глубоко эшелонированной, могла противостоять ударам пехоты, артиллерии, танков, авиации, атакам с использованием отравляющих веществ.

В 1917—1918 годах войска стали распределяться по фронту неравномерно: они группировались в сильных, «одетых» в бетон узлах сопротивления, находящихся на важных участках.

Кроме артиллерии, важным фактором дальнейшего совершенствования пехоты стало использование в военных действиях отравляющих веществ и появление химических войск.

22 апреля 1915 года немцы, нарушив конвенцию, запрещавшую применение отравляющих веществ, осу-

щесвили первую газобаллонную атаку. Баллоны были установлены на участке длиною в шесть километров. Газ выпускался в течение пяти минут. Образовалось облако высотой в человеческий рост, которое распространилось на глубину шестьсот-восемьсот метров. Французские солдаты, описывая это событие очевидец, увидели, «что огромное облако зеленовато-желтого газа поднимается из-под земли и медленно движется по ветру по направлению к ним, что газ стелется по земле, заполняя каждую ямку, каждое углубление, и затопляет траншеи и воронки. Сначала удивление, потом ужас и, наконец, паника охватила войска, когда первые облака дыма окутали всю местность и заставили людей, задыхаясь, биться в агонии. Те, кто мог двигаться, бежали, пытаясь, большей частью напрасно, обогнать облако хлора, которое немолимо преследовало их». Атаке было подвергнуто 15 тысяч солдат, из которых треть погибла. В дальнейшем химическое оружие было применено и другими странами.

Но и это не смогло эффективно нарушить позиционное стояние. Тем более что вскоре на фронт поступили противогазы, а защита от пулеметного огня — стальные шлемы и даже панцири. Но от последних пришлось отказаться из-за их громоздкости. Шлемы, кстати, тогда были изогнуты под разными углами и надевались на лицо, как маски. Все это защищало пехоту, делало оборону еще прочнее.

Но попытки прорвать ее не прекращались. То на одном участке обороны, то на другом противники, сконцентрировав большие силы, пытались перейти в атаку. Но оборонявшиеся также концентрировали силы в районе намечавшегося прорыва и уверенно удерживали свои позиции. Вот почему попытки активизировать военные действия, прорвать оборону привели в ходе войны к ряду гигантских по своим раз-

махам сражений. Одним из них была Верденская операция, когда 5-я германская армия пыталась прорвать фронт французских войск в районе Вердена. Операция длилась с 21 февраля по 18 декабря 1916 года. Верденская крепость находилась в 300 километрах от Парижа. Захватив ее, германцы открывали себе путь к французской столице. В районе Вердена немцы сосредоточили огромную массу войск и тяжелой артиллерии. Наступление велось на узком участке фронта — пятнадцать километров. 21 февраля в 7.15 началась немецкая артподготовка, которая длилась девять часов. Огромные, калибра 420 миллиметров, снаряды, доходящие весом до 930 килограммов, оставляющие воронки диаметром в тринадцать метров и глубиной шесть метров, густым градом падали на позиции французов.

В 16.15 поднялась в атаку пехота. Завязался упорный и жестокий бой. Наступающие начали медленно теснить обороняющихся, вводили в бой новые и новые дивизии. Французы, в свою очередь, снимали войска с других участков фронта, усиливая защиту крепости. Заработала «верденская мясорубка». В длительных, ожесточенных боях обе стороны понесли огромные потери. «Верденская мясорубка» «перемолола» 600 тысяч германских и свыше 350 тысяч французских солдат. Несмотря на такие потери, оборона на всю глубину так и не была прорвана. В июле французы отбросили немцев на исходные позиции, взяли инициативу в свои руки... В декабре 1916 года французские войска в основном выровняли положение.

Неудачное наступление под Верденом не остановило стремления перейти к маневренной войне. Попытку прорыва теперь предприняли французы. На реке Сомме с 1 июля по 18 ноября 1916 года они наносили удары по прочной германской обороне. Результаты их наступления были ничтожными. За четыре с по-

ловиной месяца англо-французские войска в полосе сорока километров оттеснили противника всего на... десять километров. Потери же обеих сторон были еще больше, чем под Верденом.

В битве на реке Сомме англичане впервые применили танки. В атаке участвовало 32 машины: девять двигались впереди пехоты, еще девять действовали самостоятельно, у девяти отказали моторы, пять застряли. Танки разрушали укрепления, подавляли пулеметные гнезда, сметали заграждения из колючей проволоки. Шум моторов, огонь пушек и пулеметов поначалу рождали панику противника. «Все стояли пораженные, как будто потеряв возможность двигаться», — сообщала об этом событии немецкая газета. — Огромные чудовища медленно приближались к нам, гремя, прихрамывая и качаясь, но все время продвигаясь вперед. Ничто их не задерживало. Кто-то в первой линии окопов сказал, что явился дьявол — и это слово разнеслось по окопам с огромной быстротой».

Применение танков принесло англичанам определенный успех. Но это был успех местного значения. Машины оказались несовершенными, их натиск вскоре ослаб.

Прорвать позиционную оборону в первой мировой войне удалось лишь русским войскам в мае 1916 года на Юго-Западном фронте. Они сумели избежать недостатков, которые были присущи наступлениям под Верденом и Сомме.

Виднейший русский военачальник генерал А. А. Брусилов выдвинул идею — наступать всем фронтом. Но при этом Брусилов считал необходимым выделить небольшие ударные участки шириной по 15—20 километров. Пехоте предписывалось наступать четырьмя волнами, «перекатами», с таким расчетом, что, пока первые волны ведут бой в передовых укреплениях противника, другие идут в глубину обороны. А впе-

реди всех «катился» огневой вал меткого огня артиллерии. Широкий фронт соприкосновения не позволял противнику определить, где именно будет нанесен основной удар, чтобы подтянуть к этому месту резервы и организовать сопротивление.

Атака русской пехоты удалась. Уже за первые сутки наступления в плен было взято 900 офицеров и свыше 40 тысяч солдат. В ходе всего наступления австро-германские войска потеряли около полутора миллионов человек, была занята территория в 25 тысяч квадратных километров. Результаты прорыва не шли ни в какое сравнение с итогами битв у Вердена и на Сомме.

Да, это был, как писали историки, пьянящий и победный май брусиловских полков!

Брусиловский прорыв — одна из славных для русской армии страниц первой мировой войны. Помимо тактического замысла, генерал Брусилов располагал свежими, прекрасно обученными и экипированными войсками.

В целом же на долгие годы брошенная в траншеи мировой войны русская армия была слабо оснащена и подготовлена для участия в такой войне, какой стала первая мировая. Военачальники типа Брусилова были не правилом, а исключением. Деловые качества высшего командного состава оставляли желать лучшего. На самые ответственные должности часто назначались лица, не имевшие никакого опыта боевой работы, а то и просто непригодные к военной службе. Постоянно сказывалась слабая выучка войск.

Участник первой мировой войны Маршал Советского Союза Борис Михайлович Шапошников с иронией вспоминал о том, как в русской армии «учитывался» опыт боевых действий в Маньчжурии.

Когда в бою под Яньтайскими копьями одна из наших дивизий, попав в высокие заросли травы, рассыпа-

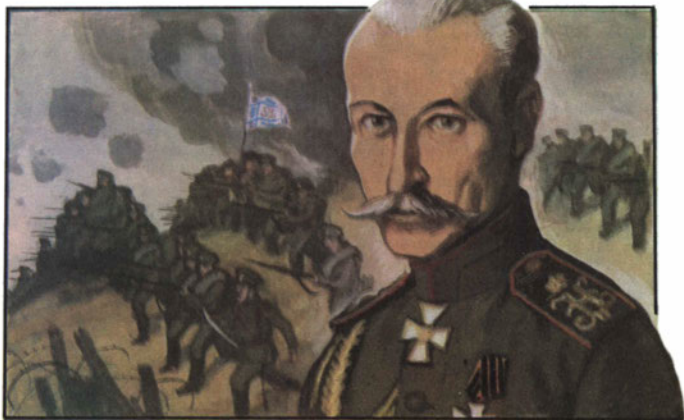
лась — управление ею было потеряно, так как начальника дивизии генерала Орлова ранило, а начальника штаба Глобачева конь занес в тыл — подполковник не мог справиться с ним. Тогда-то было и решение: чтоб впредь верховые лошади не заносили офицеров, вменить в обязанность офицеров генерального штаба научиться хорошо управлять лошадью.

Неподготовленность русской армии стала особенно заметной к концу первого года войны, когда выяснилось, что вооруженный конфликт с Германией продлится не шесть-семь месяцев, как планировали царские стратеги, а неизвестно сколько времени. Армия задыхалась от нехватки винтовок.

«Трудно на словах передать всю драматичность того положения, в котором оказалась русская армия в кампании 1915 года,— писал один из участников кампании.— Только часть бойцов, находящихся на фронте, была вооружена, а остальные

ждали смерти своего товарища, чтобы взять, в свою очередь, в руки винтовку. Высшие штабы изошрались в изобретениях, подчас очень неудачных, только бы как-нибудь выкрутиться из катастрофы. Так, например, в бытность мою генерал-квартирмейстером 9-й армии я помню полученную в августе 1915 года телеграмму штаба Юго-Западного фронта о вооружении части пехотных рот топорами, насаженными на длинные рукоятки. Предполагалось, что эти роты могут быть употребляемы как прикрытия для артиллерии. Фантастичность этого распоряжения, данного из глубокого тыла, была настолько очевидна, что мой командующий, генерал Лечицкий, глубокий знаток солдата, запретил давать дальнейший ход этому распоряжению, считая, что оно лишь подорвет авторитет начальства...»

Винтовки приобретали за границей — в Японии, Италии, Франции, использовали и трофейные, добытые в боях. В результате на вооружении

русской армии оказалось около двух миллионов винтовок разных образцов. Японское оружие сосредотачивалось на Северном фронте, австрийское — на Юго-Западном, французское — на Кавказском, итальянское выдавалось одной из армий Западного фронта и части запасных батальонов.

Болезненной была и нехватка снарядов. Русская артиллерия, которая должна была поддерживать пехоту, по несколько дней подряд не открывала огня.

Страшна была судьба русских пехотинцев, оказавшихся без поддержки артиллерии. Начальник 4-й дивизии вспоминал: «Помню сражение под Перемышлем в середине мая. Одиннадцать дней жестокого боя... Одиннадцать дней страшного гула немецкой тяжелой артиллерии, буквально срывающей целые ряды окопов вместе с защитниками их. Мы почти не отвечали — нечем. Полки, истощенные до последней степени, отбивали одну атаку за другой — штыками или стрельбой в упор, лилась кровь, ряды редели, росли могильные холмы...

Два полка почти уничтожены одним огнем...

Когда, после трехдневного молчания нашей единственной шестидюймовой батареи, ей подвезли пятьдесят снарядов, об этом сообщено было по телефону немедленно всем полкам, всем ротам, и все стрелки вздохнули с радостью и облегчением».

Мы постарались познакомить тебя, читатель, с жизнью пехоты разных армий и времен. Нигде и никогда не была она легкой, а была она исполнена тягот и лишений. Но, пожалуй, самой, если так можно выразиться, несладкой оказалась участь пехоты в первой мировой войне. Миллионы насильно одетых в серые солдатские шинели, забитых царизмом и преданных союзниками

русских крестьян, оглохших от взрывов и очумевших от ядовитых газов, погибали, не имея даже представления об истинных целях этой ужасной войны. Прямо из эшелонов, не усвоив даже азов воинской службы, попадали они в ад сражений.

Почему же это происходило?

В войну, считают историки, русская армия вступила «с хорошими полками, посредственными дивизиями и плохими армиями». Речь идет о том, что при общей слабости высшего командования наша армия имела корпус отлично подготовленных офицеров младшего и среднего звена. В первые дни сражений, направляемый неумелыми стратегами, этот цвет армии, ее краса и гордость был выбит в ходе пограничных сражений. В полки пришли другие офицеры, наспех подготовленные. Этим «скороस्पелым» прапорщикам и поручикам предстояло вести солдат в бой, заботиться об их быте. Они сами имели минимальные военные познания и мало чему могли научить подчиненных. А насколько они были в состоянии позаботиться о фронтовом быте солдат, могли обеспечить их всем необходимым, можно судить по приказу командующего 8-й армией генерала Брусилова. Ситуация, изложенная в нем, была далеко не единичной.

«3 декабря в 14-й роте прапорщика Захарова 45-го Сибирского полка до вечера люди не имели горячей пищи якобы на том основании, что ко времени большого привала пища не была готова. При опросе моем нижних чинов выяснилось, что рота эта и накануне не имела горячей пищи, равно не имела ни хлеба, ни сухарей, в то время как соседние роты пищу получали. Вижу в этом не только бездеятельность командира роты, но и отсутствие какого бы то ни было надзора и распорядительности со стороны командира батальона и командира полка. Мы требуем от солдата громадного напряжения, и солдат это дает, но необходимо, чтобы

он был сыт. Ставлю заботу, чтобы солдат имел ежедневно горячую пищу, первейшею обязанностью всех начальствующих лиц, несмотря ни на какие препятствия. Те начальники, у которых солдат голоден, должны быть немедленно отрешены от занимаемых ими должностей».

Несмотря на всю строгость формулировок приведенного выше приказа, положение в армии не менялось. Тем удивительнее и величественнее проявления самоотверженности солдатского героизма, которыми изобилует история первой мировой войны.

«За веру, царя и отечество» — таков был лозунг официальной пропаганды, толкавшей солдат в бой. Взяв для себя дорогие и понятные им слова — Отечество, Родина, Россия, — шли они в атаки, громили вооруженного до зубов врага.

Русская пехота, как и вся армия, проявляла героизм, мужество и отвагу. Оказываясь в самых тяжелых ситуациях, солдаты не складывали оружие, а дрались до последнего патрона, до последнего дыхания.

Командир корпуса генерал Ключев писал: «Прикрывавший тыл 143-й пехотный Дорогобужский полк во главе с доблестным командиром полка полковником Кабановым имел славный бой с немецкой бригадой в 10 верстах к югу от Алленштейна. Целый день сдерживал он атаки немцев, три раза отбрасывая их штыками. Командир полка был убит, и остатки полка присоединились к корпусу лишь к ночи. На месте боя было похоронено 600 немцев, как значилось на надгробном памятнике».

А вот свидетельство врага — корреспонденция в немецкой газете о действиях русского корпуса, окруженного в Восточной Пруссии. «Часть XX корпуса была спасена, и

цена этого спасения — 7000 убитых, которые пали в атаке в один день битвы на пространстве двух километров, найдя здесь геройскую смерть! Попытка прорваться была полнейшее безумие, но святое безумие — героизм, которое показало русского воина в полном его свете, которого мы знаем со времен Скобелева, времен штурма Плевны... Русский солдат умеет сражаться очень хорошо, он переносит всякие лишения и способен быть стойким, даже если неминуема при этом и верная смерть!»

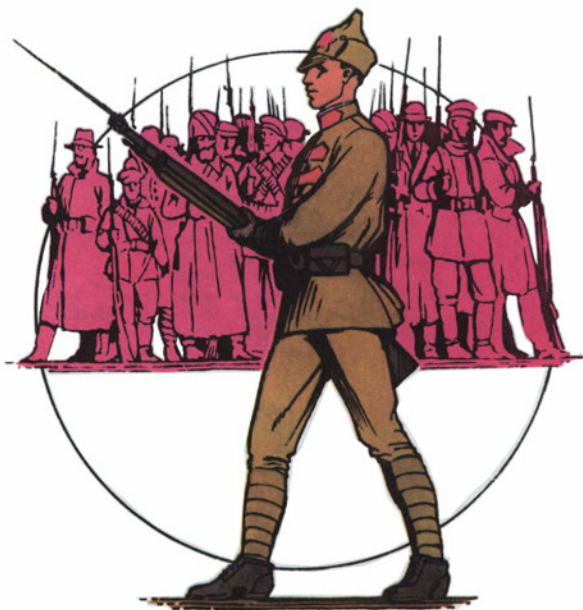
Даже попадая в плен, они не мирились со своей судьбой — искали способ вырваться из-за колючей проволоки. По германским данным, бежало 260 тысяч русских, то есть каждый десятый, попавший в плен. Из них 60 295 человек сумели ускользнуть от преследования и выйти к своим.

Вчитываясь в эти сухие, но такие красноречивые цифры военных донесений, понимаешь правоту А. Толстого, писавшего: «Наш народ прежде поднимался на борьбу, хорошо понимая, что и спасибо ему за это не скажут ни царь, ни псарь, ни боярин. Но горяча была любовь народа к своей земле... неугасимо в уме горела вера в то, что настанет день справедливости... земля русская будет его землей...»

И такой день наступил. В разгар длившейся уже три года ненавистой войны грянула Великая Октябрьская социалистическая революция. Она открыла новую эпоху в истории человечества, родила новые, революционные Вооруженные Силы.

Первая мировая война завершилась полным поражением Германии и ее союзников. 11 ноября французский маршал Фош в Компьенском лесу принял капитуляцию Германии.

«ТАК ПУСТЬ ЖЕ
КРАСНАЯ...»

Итак, в октябре 1917 года в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции в России была свергнута власть буржуазии и помещиков, установлена диктатура пролетариата, создано государство нового типа.

Когда победила революция, еще шла мировая война. Строить новую

жизнь можно было только в условиях мира. Вот почему первым устремлением партии коммунистов, Советского правительства было вывести страну из вооруженного конфликта. Первым актом новой власти был Декрет о мире! Страна Советов обратилась ко всем воюющим странам с призывом о прекращении военных

действий и предложила заключить мир без аннексий и контрибуций.

Но империалисты отвергли этот призыв. Молодая республика оказалась в окружении враждебных государств, стремившихся любым способом задуть ее. Необходимо было организовать защиту социалистического Отечества, создать армию, способную отстоять завоевания революции.

Первым законодательным актом Советской Республики, в котором отразились идеи создания новой армии, была Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. На основе выработанных принципов 15 (28) января 1918 года был принят Декрет о создании Красной Армии.

«Вопрос о строении Красной Армии был совершенно новым, он совершенно не ставился даже теоретически... Мы должны были сплошь и рядом идти ощупью», — писал В. И. Ленин.

Декрет этот принимался на заседании Совнаркома. И получилось так, что многие из присутствовавших растерялись — они даже не представляли себе, о чем должна идти речь. Тогда за дело взялся сам Ленин. Он читал предложенный декрет, вносил изменения, вычеркивал, дописывал. После обсуждения документ был принят единогласно.

В нем, в частности, говорилось: «Совет Народных Комиссаров постановляет: организовать новую армию под названием «Рабоче-Крестьянская Красная Армия» на следующих основаниях:

I

- 1) Рабоче-Крестьянская Красная Армия создается из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся классов.
- 2) Доступ в ее ряды открыт для всех граждан Российской Республики не моложе 18 лет. В Красную Армию поступает каждый, кто готов отдать свои силы,

свою жизнь для защиты завоеваний Октябрьской революции, власти Советов и социализма. Для вступления в ряды Красной Армии необходимы рекомендации войсковых комитетов или общественных демократических организаций, стоящих на платформе Советской власти, партийных или профессиональных организаций или, по крайней мере, двух членов этих организаций. При вступлении целыми частями требуется круговая порука всех и поименное голосование.

II

- 1) Воины Рабоче-Крестьянской Красной Армии состоят на полном государственном довольствии и сверх сего получают 50 рублей в месяц.
- 2) Нетрудоспособные члены семей Красной Армии, находившиеся ранее на их иждивении, обеспечиваются всем необходимым по местам потребительным нормам, согласно постановления местных органов Советской власти.

III

Верховным руководящим органом Рабоче-Крестьянской Красной Армии является Совет Народных Комиссаров. Непосредственное руководство и управление сосредоточено в комиссариате по военным делам, в создании при нем особой Всероссийской коллегии».

Уже на следующий день после принятия Декрета по Петроградскому военному округу был издан приказ о формировании 1-го корпуса Красной Армии. А еще через некоторое время солдаты 110-й пехотной и 3-й Сибирской стрелковой дивизий бывшей царской армии вступили в ряды революционного войска. Из

них и были созданы 1-й и 2-й полки Красной Армии.

По всему фронту шел набор добровольцев в новую армию. Вскоре были открыты ускоренные курсы, в том числе и пехотные для подготовки командиров.

Создание Красной Армии проходило в трудных условиях. Сосредоточив огромные силы, германское командование предприняло наступление на Петроград.

Остатки старой русской армии с трудом сдерживали этот натиск.

21 февраля Совет Народных Комиссаров принял написанный Лениным декрет «Социалистическое Отечество в опасности!». В нем были сформулированы важнейшие положения революционной отечественной войны: предоставление всех сил и средств на оборону страны; защита каждой позиции до последней капли крови; вывоз в глубь страны или уничтожение всех материальных ценностей, которыми может воспользоваться противник; привлечение населения для строительства

оборонительных рубежей; высокая революционная бдительность.

Исходя из этого важного документа, была объявлена революционная мобилизация и приостановлено увольнение солдат старой армии.

Вскоре исполком Петроградского Совета рабоче-крестьянских и солдатских депутатов объявил 23 февраля «Днем защиты социалистического Отечества». Революционное войско пополнялось все новыми и новыми бойцами. Тысячи рабочих формировались в отряды и полки. Первыми частями Красной Армии были стрелковые. Вскоре Красная Армия вступила в бой с кайзеровскими войсками. Несмотря на малочисленность и плохое оснащение, она сумела остановить продвижение сильного врага. Самые ощутимые удары были нанесены немцам в районе Пскова и Нарвы. Достигнутые победы позволили Советскому государству приступить к переговорам о заключении мира. 3 марта 1918 года был заключен Брестский мир. Военные действия с Германией были пре-

кращены. Но до настоящего мира было еще далеко.

Империалисты и контрреволюция не собирались мириться с существованием социалистического государства в России. Со всех сторон надвинулась на Республику Советов иностранная военная интервенция. В дополнение к ней запыхали сражения гражданской войны.

Партия и правительство предприняли срочные меры для перехода к обязательной военной службе, к созданию сильной кадровой армии. Все коренные вопросы ее роста решались съездами партии, Центральным Комитетом.

Огромную политическую работу в войсках вели партийные работники Ф. Э. Дзержинский, М. И. Калинин, С. М. Киров, Я. М. Свердлов, В. В. Куйбышев, К. Е. Ворошилов, Г. К. Орджоникидзе и другие.

Были выработаны основы и организационные принципы строительства Красной Армии: руководящая роль партии, верность марксистско-ленинским идеям, классовый подход при комплектовании и в процессе воспитания войск, неразрывное единство с трудовым народом, пролетарский интернационализм, четкая структура, сознательная дисциплина и централизованное управление.

Коммунисты составили ядро Красной Армии. Они стали примером стойкости и преданности делу. Свыше 300 тысяч коммунистов, почти половина состава партии, находились в рядах армии.

В одном из документов гражданской войны написано: «Будущий историк с изумлением отметит, что, стараясь предусмотреть шансы победы, ответственные лица иной раз считали более тщательно количество имеющихся налицо коммунистов, чем количество пушек и пулеметов».

Словом и делом коммунисты вели красноармейцев к победе. О задачах, выполняемых ими, можно су-

дить, ознакомившись с текстом «Памятки коммунисту на фронте». «Товарищ коммунист,— говорилось в ней,— знаешь ли ты, для чего наша Коммунистическая партия посылает тебя на фронт? Для того, чтобы обеспечить за нашей армией победу... Дело не в сотнях или тысячах винтовок, которые коммунисты принесли с собою на фронт, коммунисты несут на фронт свое коммунистическое сознание, свою выдержку, дисциплинированность, революционный порядок, железную спайку. А это всего нужнее сейчас нашей Красной Армии...

Товарищ коммунист! Всюду, во всяком ответственном деле ты дол-

жен быть на самом видном месте. Ты должен в бой вступать первым, а выходить из боя последним.

Ты призван на фронте воспитывать красноармейскую массу. Но во всякую минуту ты должен уметь взять в руки винтовку и личным примером показать, что коммунист умеет не только благородно жить, но и достойно умереть».

Коммунисты поступали так, как требовала партия, трудовой народ. «Две недели назад, — докладывал 21 декабря 1918 года начальник политотдела РВС Южного фронта И. И. Ходоровский в ЦК ВКП(б), —

когда под Новохоперском создалось тяжелое положение, нами направлена была туда группа коммунистов, 14 человек, влившихся в качестве рядовых красноармейцев в 4-й Сердобский полк.

По единодушному свидетельству командиров и комиссаров, доблестные действия Сердобского полка обязаны больше всего стойкости, храбрости, выдержанности коммунистов. Последние три дня при новом наступлении врага Сердобский полк выдержал натиск вдесятеро превосходящих сил противника, коммунисты умирали первыми на своих постах. Политком Сердобского полка Поляков доносит, что из 14 ко-

мандированных нами коммунистов девять погибло в бою под Красненькой...»

От своих старших товарищей не отставала и пролетарская молодежь. Нередко на забытых крест-накрест дверях райкомов можно было увидеть надпись: «Райком закрыт. Все ушли на фронт».

Вот что говорил о подвигах молодежи Сергей Миронович Киров: «... Те из нас, которые тогда были на фронте, те помнят, какую громадную, я бы сказал, исключительную роль сыграл тогда комсомол. Надо, товарищи, прямо сказать, что мы, большевики, вообще говоря, народ, который умеет бороться, не щадя своей жизни, и то иной раз с завистью смотрели на героев, которых давал тогда комсомол».

Годы гражданской войны, а точнее в марте — апреле 1918 года, сложилась система политических органов Красной Армии, представителями которых в войсках были комиссары. Верность этих людей пролетарскому делу, смелость, беззаветная храбрость вошли в легенды.

Среди едкого дыма и пыли
По горячим дорогам страны
Боевые отряды водили
Комиссары гражданской войны...
Там, где трудно, где тяжело бывало,
Отправлялся на главный удар
Под убийственным огненным шквалом
Опаленный в боях комиссар.
И на подвиги снова и снова
Вдохновлял, устремлял храбрецов,
И живое партийное слово
Поднимало в атаку бойцов.
И гудела земля фронтовая,
И алел за восходом восход.
И в палатках, от ран умирая,
Комиссары шептали:
— Вперед!

Глубокий знаток военного дела, Ленин развил марксистское учение о войне и армии. Он разработал учение о защите социалистического Отечества, начертал конкретные пути претворения его в жизнь, непосредственно участвовал в разработке и осуществлении принципов

строительства новой, пролетарской армии. В годы гражданской войны, находясь во главе обороны Советского государства, он показал себя выдающимся стратегом новой, революционной формации. Показателен такой случай.

Летом 1919 года Советская Республика оказалась в очень тяжелом положении. Армия Деникина подошла к Москве. Встал вопрос: какой фронт является главным и куда необходимо направлять основные силы Красной Армии? Видные стратеги старой армии, в частности генерал М. Д. Бонч-Бруевич, не сумев правильно оценить обстановку, предложили основные силы направить на Западный фронт. В. И. Ленин счел такой вывод ошибочным и настоял на его исправлении.

«Все силы рабочих и крестьян, все силы Советской республики должны быть напряжены, чтобы отразить нашествие Деникина и победить его, не останавливая победного наступления Красной Армии на Урал и на Сибирь. В этом состоит **ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА МОМЕНТА**», — подчеркивал он. Благодаря срочным мерам Южный фронт был усилен. К концу года деникинская армия была разгромлена...

Ленинское руководство явилось одним из источников побед Советского государства в гражданской войне.

В. И. Ленин повседневно и неустанно заботился о строительстве Красной Армии, руководил действиями на фронтах, ее борьбой с интервентами и белогвардейцами.

В. И. Ленин часто бывал среди красноармейцев, интересовался их жизнью, заботился об улучшении быта. Пожалуй, не было в жизни молодой армии такого события, которое не было бы связано с именем вождя.

11 мая 1918 года на военном заводе Михельсона красноармейцы Замоскворецкого района готовились к принятию только что утвержденной

военной присяги. Вдруг в гранатный цех, где они были построены, вошел В. И. Ленин. «Буря оваций и могучее красноармейское «ура» раздалось в цехе», — вспоминает один из участников этого события.

«— Товарищи, — обратился к нам один из сопровождавших Ленина военных, — 22 апреля ВЦИК утвердил текст торжественного обещания, и сейчас красноармейцы-добровольцы Красной Армии будут приносить военную клятву на верность революции».

Наступила торжественная тишина. Мы первыми принимаем присягу. Председательствующий предложил нам снять головные уборы, поднять вверх правую руку, затем развернул текст торжественного обещания и начал громко читать:

— Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина Рабочей и Крестьянской армии...

После первых же слов присяги Владимир Ильич сошел с трибуны, встал в первую шеренгу бойцов и вместе с ними продолжал повторять клятву. Когда чтение присяги закончилось, председательствующий объявил, что слово имеет Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич Ленин».

Затаив дыхание, слушали они Владимира Ильича. Он говорил о том, что нужно сделать, чтобы защитить революцию от посягательств врагов Советской власти. О том, что спасти страну и революцию может только железный революционный порядок, строжайшая дисциплина, высокая революционная бдительность, самоотверженная борьба рабочих и крестьян. Просто и ясно рассказывал Ильич о разнице между старой, царской армией и новой, рабоче-крестьянской. Глубокой убежденностью были проникнуты его слова о том, что Красная Армия вместе с трудовым народом разгромит силы интервентов, внутренней контрреволюции и отстоит Советскую власть в России.

От имени Советского правительства В. И. Ленин поздравил красноармейцев с принятием присяги на верность социалистической Родине и пожелал им успехов в борьбе с врагами республики.

В ответ грянуло «ура!», раздалось бурные аплодисменты.

1918 год — очень важный этап создания нашей армии.

Руководство военными операциями Совет Народных Комиссаров возложил на учрежденный в марте Высший Военный Совет. Для управления формированием, устройством войск был образован Всероссийский Главный штаб.

Когда Советской Республике, отражая интервенцию, пришлось вести бои на многих фронтах, возникла необходимость создания единого высшего военного органа. 2 сентября ВЦИК образовал Революционный военный совет Республики. Была учреждена должность главнокомандующего вооруженными силами республики. Первым главнокомандующим был И. И. Вацетис. Оперативное руководство армией осуществлял Полевой штаб.

Вскоре вместо Всероссийского бюро военных комиссаров в составе Реввоенсовета создается Политический отдел, позже преобразованный в Политическое управление.

Создание стройной системы военного руководства и управления завершилось созданием Совета Рабочей и Крестьянской Обороны. Ему предоставлялась вся полнота прав в сфере защиты республики. Постановления Совета были обязательными для всех ведомств, учреждений для всех граждан. Совет Обороны возглавил В. И. Ленин.

Красная Армия строилась на классовых принципах. Первая Конституция нашего государства провозгласила: «Почетное право защищать революцию с оружием в руках представляется только трудящимся». Од-

нако ведущими принципами строительства были и остаются равенство, нерушимая дружба народов.

В составе стрелковых частей грюмили врагов представители всех народов и народностей России. Не были редкостью в то время и национальные формирования.

Уже с лета 1918 года и до конца гражданской войны комплектование армии стало осуществляться путем мобилизации. Армия стремительно увеличивала свои ряды. В 1920 году ее численность составляла 5,5 миллиона человек. Вооруженные силы состояли из флота и сухопутных войск, которые включали в себя пехоту, кавалерию, артиллерию, части саперов и связистов, бронесилы, а также тыловые службы. По-прежнему пехота — главный и самый многочисленный род войск. Кстати, с октября 1918 года она получила официальное наименование «стрелковые войска», хотя ее по-старому с любовью продолжали называть пехотой.

Итак, стрелковые войска. Они состояли из 42 дивизий. Приказ Реввоенсовета республики № 220 от 13 ноября 1918 года определял штат дивизий. Каждая из них должна была включать в себя три стрелковые бригады, по три полка в каждой, восемь артиллерийских дивизионов, отдельную конную батарею, противосамолетный артиллерийский дивизион, отдельный кавалерийский дивизион, инженерный батальон, батальон связи, броневой и авиационный отряд. В дивизии согласно тому же приказу должно насчитываться около 60 тысяч человек.

К сожалению, ограниченные ресурсы свергнутой в войну страны не позволили довести состав дивизий до штатного расписания. В годы гражданской войны они, как правило, имели по семь-десять тысяч бойцов и тридцать-сорок орудий. Вооружение бойцов было самым разнообразным. В частях имелись винтовки Мосина (пехотная, драгунская,

казачья), карабины образца 1907 года, пулеметы «максим», гранаты. Были пулеметы и винтовки иностранных образцов.

Вооружение это, конечно же, уступало новейшим системам, которые уже имели армии интервентов и белогвардейцев. Но рабочие оружейных заводов трудились день и ночь, чтобы Красная Армия не испытывала недостатка ни в чем.

Вначале у пехоты, как и у всей Красной Армии, не было своей формы. Отличали красноармейцы друг друга по знаку, введенному еще 15 декабря 1917 года. Носили его на груди, и представлял он собой красную звезду с изображением плуга и молота посередине, их обрамлял венок дубовых и лавровых листьев.

Проблема одежды стояла очень остро. Босые, плохо одетые бойцы не были редкостью. В армейских книжках тех лет говорилось: «Берешь одежду и обувь. Рвется — чини немедленно. Если у тебя две пары сапог, это значит, что у твоего товарища нет ни одной пары. Не обменивай свою одежду на продовольствие. Помни, что только когда Советская Республика избавится от всех своих врагов, у тебя не будет недостатка ни в продовольствии, ни в одежде, ни в обуви».

Несмотря на ограниченные материальные возможности, на разруху и голод, страна стремилась обеспечить своих защитников всем необходимым. 7 мая 1918 года был, например, объявлен конкурс на лучшую форму одежды для Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Даже в моменты наибольшей опасности республика продолжала строить свою армию. В положении о конкурсе было записано:

«Предмет конкурса: Предметом конкурса является проектирование обмундирования Рабоче-Крестьянской Красной Армии, заключающего в себе — одетие, снаряжение (для пехотинцев и кавалеристов) и головной убор.

Требования, которые должны учитывать проекты: Формы обмундирования, вполне отличаясь от старых, должны быть спортивно-строгими, но изящными в своей демократической простоте и отвечающими постигнутому народному творчеству....»

На конкурс было представлено много предложений. В декабре газеты опубликовали решение о том, что принят предложенный головной убор, похожий на шлем древних воинов. Изготовили сразу четыре тысячи штук таких уборов. Первые «богатырки», как называли новые головные уборы красноармейцы, надели пехотинцы — бойцы Иваново-Вознесенского отряда, которым командовал М. В. Фрунзе. Потом они воевали на Восточном фронте в составе 25-й дивизии, которой командовал В. И. Чапаев. Впоследствии этот головной убор назывался «фрунзевкой», а нам он известен как «буденовка».

В разгар гражданской войны Реввоенсоветом республики были введены нарукавные знаки различия для командного состава и петлицы с расцветкой по родам войск. Пехота стала носить петлицы малинового цвета, кавалерия — синего, артиллерия — черного. Что касается нарукавных знаков, то старший состав стали различать по ромбам, средний — по квадратам, а младший — по треугольникам. Так создавалась форма Красной Армии.

С ростом рядов армии возникла необходимость в подготовке командных кадров. Для этого создавались специальные учебные заведения. По инициативе В. И. Ленина в 1918 году была открыта Академия Генерального штаба — ныне Военная академия имени М. В. Фрунзе. В академиях проходили подготовку командиры Красной Армии.

В создании РККА большую роль сыграли специалисты старой армии. Их опыт, военные знания широко использовались при подготовке военных кадров, разработке планов операций и боев. «Если бы мы их не

взяли на службу и не заставили служить нам,— говорил В. И. Ленин,— мы не могли бы создать армии». Военные специалисты работали под контролем комиссаров. К концу войны Красная Армия насчитывала в своих рядах 48 400 бывших генералов и офицеров, 10 300 военных чиновников, 14 000 военных врачей, 26 800 лекарей и фельдшеров.

Нелегко было порою Советской власти преодолеть недоверие к этим людям. В. И. Ленин много занимался этим вопросом. По свидетельству С. И. Аралова, в разговоре о М. Н. Тухачевском В. И. Ленин заметил, что «военные специалисты — это интеллигенция, вышедшая преимущественно из буржуазной и мелкобуржуазной среды... Они не белогвардейцы от рождения, особенно пехотинцы, армейцы». Из этих людей вышла плеяда выдающихся полководцев новой формации, таких, как И. И. Вацетис, С. С. Каменев, М. Д. Бонч-Бруевич, А. И. Егоров, М. Н. Тухачевский, Б. М. Шапошников, В. И. Шорин, Ф. Ф. Новицкий, Р. П. Эйдеман и многие другие.

Их переход на сторону революции вызвал бешенство в стане белогвардейцев. Они много раз подсылали своих агентов, посулами и обещаниями пытались перетянуть в свой лагерь. Но встречали отказ. В 1919 году одна из белогвардейских газет опубликовала список бывших генералов, находящихся на службе в Красной Армии. Открывали его фамилии Брусилова и Бонч-Бруевича. Все перечисленные в списке объявлялись вне закона и приговаривались к смерти.

Белогвардейцы жестоко мстили этим людям, ими был убит сын А. А. Брусилова — Алеша. Но, несмотря на все зверства и провокации, военные специалисты, признавшие Советскую власть, защищали Республику Советов, не щадя жизни.

На Красной площади у Кремлевской стены покоится прах бывшего царского генерала Антона Владими-

ровича Станкевича. За плечами его было около четырех десятков лет пребывания в старой армии, командование пехотным полком, бригадой, дивизией. В 1918 году он начал служить народу. Станкевич командовал 42-й стрелковой дивизией. Своим мастерством и храбростью он завоевал любовь и уважение подчиненных. Вскоре его назначили помощником командующего 13-й армией. Из-за предательства Антон Владимирович попал в плен. Деникинцы сулили золотые горы, предлагая ему перейти на их сторону. Однако генерал остался верен своему слову — служить революции. Ни угрозы, ни пытки не сломили его. Стоя с выжженной на груди звездой, он сказал: «Я служил честно Красной Армии, где мне доверяли, и теперь, умирая, я оправдываю это доверие. Красная Армия молода, но не радуйтесь слишком рано. Она уничтожит ваши кровавые банды. Да здравствует революция! Да здравствует Красная Армия!»

Большинство военных специалистов преданно служили Советской власти. А она окружила их уважением и заботой. В 1924 году газета «Известия» сообщила: «Союзный Совнарком постановил назначить вследствие преклонного возраста и ввиду особых заслуг перед Союзом ССР персональную пенсию бывшему инспектору кавалерии Красной Армии А. А. Брусилову».

В ходе гражданской войны из народных масс выдвинулись талантливые полководцы — М. В. Фрунзе, В. К. Блюхер, С. С. Вострицев, Е. И. Ковтюх, И. Ф. Федько, В. И. Чапаев и много других. За каждым из этих имен — жизнь, наполненная горением, служением своей Отчизне.

Обычно в нашем представлении Василий Иванович Чапаев видится в развевающейся на ветру бурке. Но легендарный герой был не кавалерийским начальником, а пехотным, командовал 25-й стрелковой дивизией.

Еще до первой мировой войны он был призван в 138-й пехотный полк. Но служба у него, как говорится, не пошла. Вскоре он был уволен по болезни. С началом войны Чапаев был снова призван. Вскоре попал на фронт, стал георгиевским кавалером.

Когда же грянула революция, Василий Иванович Чапаев вступил в Красную Армию. Воины, которыми он руководил, били отборные офицерские белогвардейские части.

Вот один эпизод из боевой биографии Чапаевскими крестами, отразившей «психическую» атаку врага.

«...С винтовками наперевес, молча, не стреляя, шли ударные батальоны генерала Каппеля. В темном английском обмундировании со значками скрещенных костей и черепа на фуражках, рукавах и погонах, все с Георгиевскими крестами, они производили жуткое впечатление... Чапаевцы без выстрела подпустили их ближе. Мало патронов. В пулеметы закладывались последние ленты. И когда первые ряды каппелевцев были совсем близко, треск пулеметов нарушил напряженную тишину. Но сбить строй атакующих не удалось. На место «срезанных» каппелевцев вставали новые... Навстречу им поднялись чапаевцы. Это историческое сражение продолжалось почти три часа. То отступали чапаевцы, то офицерские батальоны Каппеля. Обе стороны дрались с непревзойденным упорством и смелостью. Тут на выручку к чапаевцам подоспел свежий полк. Сила «гвардии Колчака» была сломлена. Противник оставил на ржаном поле более трех тысяч убитых».

В жестоких боях гражданской войны бойцы и командиры молодой Красной Армии проявляли невиданный до этого массовый героизм, воинское мастерство. Отличившиеся части награждались Почетными революционными Красными знаменами. Первым этой высокой награды 20 августа 1918 года удостоился

5-й латышский Земгольский стрелковый полк.

Среди дивизий первым Почетное революционное Красное знамя получила 1-я сводная Симбирская пехотная Железная дивизия — за героизм и мужество при взятии города Симбирска.

Героизм бойцов и командиров Красной Армии в годы гражданской войны отмечен 300 Почетными революционными Красными знаменами. В молодой армии широко распространялся прекрасный обычай присваивать войскам почетные наименования за боевые заслуги. Так, 2-й Советский полк был назван Волочаевским за взятие этого населенного пункта. Штурмовые ночи и дни Волочаевска вошли в историю как величайший подвиг Красной Армии.

Традиция почетных наименований была продолжена и в годы Великой Отечественной войны. На знаменах прославленных полков появились названия городов, свидетельства новых побед Советских Вооруженных Сил.

В сентябре 1918 года был учрежден орден Красного Знамени.

Первым кавалером ордена Красного Знамени был выдающийся полководец В. К. Блюхер. Под его командованием отряд рабочих Южного Урала прошел с боями по территории, занятой противником, свыше 1500 километров, прорвал фронт и соединился с Красной Армией...

Интересно отметить, что вначале, когда еще не были учреждены ордена и медали, красноармейцев награждали оружием и одеждой.

Пройдя через все испытания, Красная Армия разгромила всех своих врагов. В этих жестоких сражениях рождалось новое военное искусство. Говоря об этом, необходимо отметить следующее. Стратегия, родившаяся на фронтах гражданской войны, характеризовалась решительностью, стремлением к полному разгрому врага. Главным

видом боевых действий Красной Армии стало наступление, ибо только оно позволяло быстро достичь разгрома противника. Широко применялся принцип массирования сил на направлении главного удара. Важное значение имело правильное определение главного, решающего фронта, ведь силы и средства страны были крайне ограничены.

В отличие от первой мировой гражданская война была маневренной, операции проводились на громадных пространствах.

В области тактики Красная Армия также доказала свое превосходство над противником.

...Гражданская война завершилась полным разгромом врага — внутреннего и внешнего. Все рода войск нашей армии, в том числе и пехота, вышли из войны окрепшими и закаленными. Боевой опыт и принципы военного дела, сложившиеся в ходе гражданской войны при личном участии В. И. Ленина, получили свое дальнейшее развитие в тридцатые и сороковые годы. Они стали составной частью могущества армии, которая разгромила фашизм в годы Великой Отечественной войны.

Совершенствование Вооруженных Сил продолжалось.

«Мы рассчитываем, — писал В. И. Ленин, — что громадный опыт, который за время войны приобрела Красная Армия и ее руководители, поможет нам улучшить теперь ее качества. И мы добьемся того, что при сокращении армии мы сохраним такое основное ядро ее, которое не будет возлагать непомерной тяжести на республику в смысле содержания, и в то же время при уменьшенном количестве армии мы лучше, чем прежде, обеспечим возможность в случае нужды снова поставить на ноги и мобилизовать еще большую военную силу».

В 1924—1925 годах была проведена военная реформа. Были укреплены руководящие органы Вооруженных Сил, реорганизованы органы

управления, введено единоначалие, улучшена структура войск, система их воспитания и обучения. Народным комиссаром по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета был назначен талантливый полководец, военный теоретик, выдающийся партийный деятель Михаил Васильевич Фрунзе.

В ходе военной реформы в составе стрелковых войск, как и во всех Вооруженных Силах, были созданы территориальные формирования. Они включали в себя постоянный состав (командиры, административно-хозяйственный аппарат, медики) и переменный состав (рядовые), который раз в пять лет проходил переподготовку. Это было вызвано экономическими затруднениями молодой республики, необходимостью сократить расходы на содержание армии.

В 1925 году был принят закон об обязательной военной службе, он закреплял классовый принцип комплектования армии, устанавливались сроки службы. В кадровых частях сухопутных войск этот срок был равен двум, в авиации — трем, в ВМФ — четырем годам.

Основным тактическим соединением самых крупных по численности сухопутных войск была стрелковая дивизия. Она, в свою очередь, имела три стрелковых и один артиллерийский полк, кавалерийский эскадрон и другие подразделения. Численность дивизии достигла 12 800 человек, на ее вооружении имелось 54 орудия, 189 станковых и 81 ручной пулемет.

Экономические достижения нашей страны позволили в 30-х годах еще более укрепить оборону, произвести техническую реконструкцию армии. Стрелковые войска развивались по пути увеличения ударной силы и огневой мощи. В дивизии те-

перь вместо одного стало два артиллерийских полка, противотанковый и зенитный дивизионы, разведывательный, саперный батальоны, батальон связи и специальные подразделения.

Интенсивно развивалось советское военное искусство — теория и практика подготовки и ведения военных действий. К началу войны оно достигло высокого уровня. Наша стратегия правильно определяла задачи видов Вооруженных Сил и родов войск. Большим достижением явилась разработка глубокой наступательной операции. Сущность ее заключалась в одновременном поражении противника на всю оперативную глубину его обороны, для чего использовались артиллерия, танки, авиация, механизированные и военно-воздушные войска. В предвоенные годы совершенствовалась тактика Красной Армии.

Правильность военно-теоретических взглядов советских специалистов была подтверждена в ходе маневров, в боях у озера Хасан (1938 г.), на реке Халхин-Гол (1939 г.), во время войны с белофиннами.

Видя приближение войны, партия и правительство проводили огромную работу по укреплению оборонной мощи СССР. В 1939 году был принят новый закон об обязательной военной службе. Срок службы рядового состава в технических войсках и младшего командного состава увеличился до трех лет. Территориальные формирования были переведены в положение кадровых. Открывались новые военные училища. Перестраивалась боевая подготовка войск, она стала проводится по принципу: делать все так, как на войне.

Перестройка Вооруженных Сил шла энергично, но завершить ее не удалось...

«ВСТАВАЙ,
СТРАНА ОГРОМНАЯ...»

На рассвете 22 июня 1941 года фа-
шистская Германия без объявле-
ния войны напала на Советский Со-
юз.

Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года.

Она такой вдавила след
И столько наземь положила,
Что двадцать лет,
и тридцать лет
Живым не верится, что живы.

...Самая сильная и самая крупная
в капиталистическом мире армия
вторглась в пределы нашей страны.
Фашисты планировали внезапны-

ми, сверхмощными ударами уничтожить Красную Армию и выходом на линию Архангельск — Волга закончить «восточный поход» в течение нескольких месяцев.

В основе стратегии фашистской Германии лежала теория молниеносной и тотальной войны.

Директива № 21 (план «Барбаросса») предусматривала уничтожение нашей армии в одной быстротечной кампании — блицкриге.

Основными формами операций, которые применялись немецкими войсками, являлись «клещи» и «клин». «Клеши» представляли собой массированные удары пехоты, танков и авиации по сходящимся направлениям. «Клин» — этот термин возвращает нас к недоброй памяти времен рыцарских агрессий, — клин, как и тогда, представлял мощный фронтальный удар с развитием в глубину обороны. Впереди наступали танки, мотопехота, уступами вправо и влево — пехота. Для достижения стремительности продвижения гитлеровцев широко применяли десанты.

Руководимые опытными генералами, опытные завоеватели Европы, фашистские войска, подобно своим кровавым предшественникам — рыцарям, начали «поход на Восток».

История не знала такого массового варварства и бесчеловечности, какие творили на нашей земле фашистские оккупанты. Гитлеровским солдатам согласно памятке, найденной у убитого лейтенанта Густава Цигеля, бесконечно твердили:

«...Помни и выполняй:

1) Утром, днем и ночью всегда думай о фюрере, пусть другие мысли не тревожат тебя, знай — он думает и делает за тебя. Ты должен только действовать, ничего не бояться, ты, немецкий солдат, неуязвим. Ни одна пуля, ни один штык не коснется тебя. Нет нервов, сердца, жалости — ты сделан из немецкого железа... Действуй без колебаний.

2) Германец не может быть трусом. Когда тебе станет тяжело, думай о фюрере... Думай о фюрере и действуй решительно. Они все погибнут от твоих ударов. Помни о величии, о победе Германии. Для твоей личной славы ты должен убить ровно 100 русских, это справедливейшее соотношение — один немец равен 100 русским. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девушка или мальчик. Убивай, этим самым спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее семьи и прославишься навеки.

3) Ни одна мировая сила не устоит перед германским напором. Мы поставим на колени весь мир. Германец — абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки... Уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоём пути, думай всегда о фюрере — ты победишь. Тебя не возьмет ни пуля, ни штык. Завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир».

Совсем с другими идеями и мыслями шли в бой советские солдаты.

«Не листай, мама, закапанные воском листы древних книг, — писал с фронта комсомолец рядовой Казьмин, — не ходи к деду Архипу Найденову, не ищи вместе с ним святого чуда в наших удивительных делах. Послушай меня: мы побеждаем смерть не потому, что мы неуязвимы, мы побеждаем ее потому, что деремся не только за свою жизнь, мы думаем в бою о жизни мальчика-узбека, грузинской женщины, русского старика. Мы выходим на поле сражения, чтобы отстоять Родину. И когда я произношу это слово, мне хочется стать на колени».

Планы фашистов были сорваны героизмом и мужеством защитников нашей Родины. На борьбу с врагом поднялся весь советский народ. ЦК партии принял решение о мобилизации коммунистов и комсомольцев. Только за первые три месяца

войны около 100 тысяч членов ВКП(б) и ВЛКСМ ушли на фронт.

Большое значение в мобилизации всех сил на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками сыграла Директива партийным и советским организациям прифронтовых областей, принятая СНК и ЦК ВКП(б) 29 июня 1941 года, а также выступление 3 июля по радио Председателя Государственного Комитета Оборона И. В. Сталина.

Проводились мероприятия по совершенствованию структуры командования — была образована Ставка Верховного Главнокомандования, в армии введен институт военных комиссаров*.

Велась огромная работа по разрыванию стратегических резервов.

...Тяжелое испытание выпало на долю советского народа, его защитницы — Красной Армии. Наши армии перешли к стратегической обороне. Немногочисленные войска прикрытия государственной границы вступили в неравный бой с врагом. Уже в первый день войны отличились 87-я и 124-я стрелковые дивизии, которые вели упорные оборонительные бои в районе Устилуг, Владимир-Волынский. Попав в окружение, они, прорвав кольцо, пробивались к своим.

В историю Великой Отечественной войны яркую страницу вписали защитники Брестской крепости. Из семи тысяч человек, стоявших тут на смерть, в живых осталось немногим больше трехсот. Они до последнего дыхания вели бой. Через три года советские воины, освобождавшие крепость, прочли в одном из казематов слова, выцарапанные на стене: «Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина. 20. VII-41».

С каждым днем нарастало сопро-

тивление фашистам. Враги почувствовали силу ударов Красной Армии, отлаженная фашистская машина забуксовала. Вот что, к примеру, вынужден был констатировать гитлеровский генерал Курт Типпельскирх: «Русские держались с неожиданной твердостью и упорством, даже когда их обходили и окружали. Этим они выигрывали время и оттягивали для контрударов из глубины страны все новые резервы, которые к тому же были сильнее, чем это предполагалось...»

Противник показал совершенно невероятную способность к сопротивлению...»

Для боевых действий пехоты, как и всех родов войск, в начальном периоде войны характерны определенные черты. Важнейшая из них — активность. Она проявилась в нанесении частями Красной Армии многочисленных контрударов и контратак. В тяжелых условиях, когда немецкие войска располагали значительным преимуществом в силах и средствах, наше командование, проявляя мужество, волю, высокие организаторские способности, стремилось переломить ход борьбы, вырвать инициативу из рук противника. Применяя контрудары, Красная Армия нанесла гитлеровцам потери и, задержав противника на определенных участках продвижения, выиграла время для организации обороны.

Другой важной чертой боевых действий стало невиданное упорство в обороне. Стрелковые части оказывали такое сопротивление фашистам, которого они не встречали нигде.

Даже попадая в окружение, наши части продолжали действовать активно, сковывая крупные силы противника, распыляя его группировки.

«...Глубоко заблуждаются те, — пишет в своих воспоминаниях Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, — кто видит в событиях начального периода войны только неудачи

* Институт военных комиссаров был отменен указом от 9 октября 1942 года. Этот указ ввел в Советских Вооруженных Силах единоначалие.

«ИДЕТ ВОЙНА

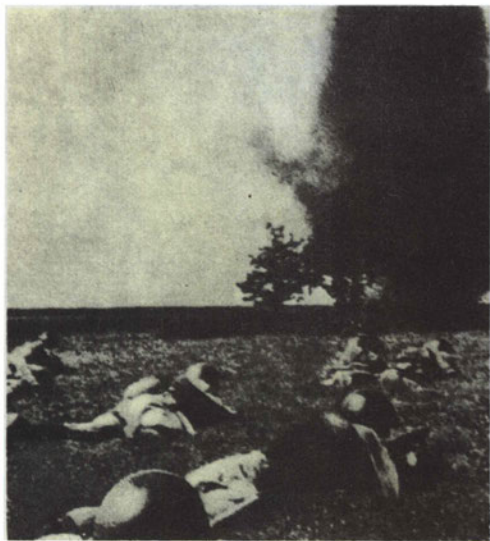

НАРОДНАЯ...»

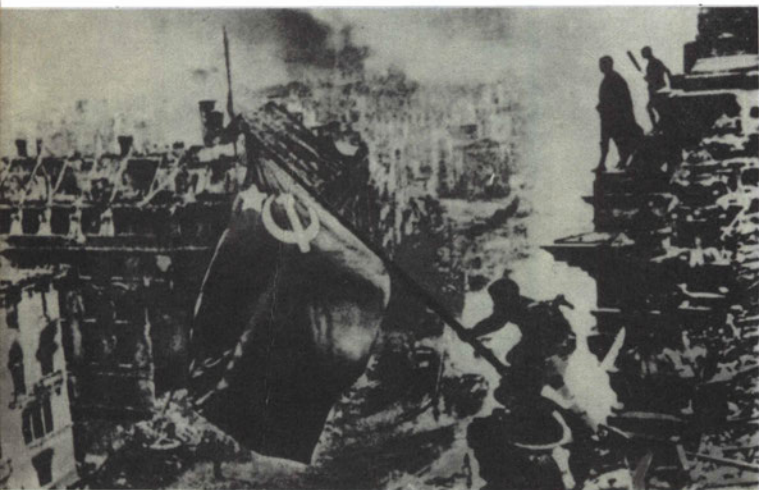
нашей армии, обусловленные внезапностью нападения агрессора. Нельзя забывать, что именно эти грозные дни убедительно показали миру, что Советская Армия под испытанным руководством Коммунистической партии способна выдерживать любые, самые тяжелые испытания. Бесстрашие и мужество воинов Советской Армии, мудрость партии и правительства развеяли в прах все планы врага».

Наша Родина стала главной силой, преградившей путь фашизму. Судьбы человечества решались на советско-германском фронте. Он резко отличался от других фронтов по интенсивности вооруженной борьбы. 1319 из 1418 суток его существования (93 процента времени) приходились здесь на активные боевые действия. На североафриканском и возникшем позже итальянском фронтах эти цифры равнялись соот-

ветственно 29 и 74 процентам. На советско-германском фронте было уничтожено, разгромлено или взято в плен 607 дивизий противника, а на других фронтах — 176. Наши войска уничтожили и захватили более 75 процентов оружия и техники врага. В разные периоды войны противник вынужден был направлять сюда от 190 до 270 дивизий, в то время как в Северной Африке он содержал от 9 до 20, а в Италии от 7 до 26 дивизий. Даже открытие второго фронта не особенно изменило это соотношение.

В ходе Великой Отечественной войны советская пехота претерпела значительные изменения. Она прошла сложный путь развития. Поэтому свой дальнейший рассказ мы будем вести как бы в двух планах.

Первый из них будет касаться общего хода войны, второй посвящен действиям самой пехоты, измене-

ниям, которые происходили в ее структуре, оснащении и т. д.

Советская военно-историческая наука выделяет в ходе Великой Отечественной войны три периода:

с 22 июня 1941 года по 18 ноября 1942 года — первый, который включает в себя и начальный период, о котором мы уже вели речь;

с 19 ноября 1942 года по 31 декабря 1943 года — второй период;

с 1 января 1944 года по 9 мая 1945 года — третий.

Разгром империалистической Японии на Востоке составляет особый период.

После провала летнего наступления 1941 года германское командование решило направить свои основные силы для захвата Москвы. Эта операция носила название «Тайфун». Гитлеровцы понимали значение Москвы как вдохновляющего и организующего центра борьбы нашего

народа, большого промышленного и транспортного узла. Осуществление операции было поручено группе армий «Центр».

Противник превосходил наши возможности в людях почти в 1,4 раза, орудиях и минометах — в 2 раза, танках — в 2,2 раза, в самолетах — в 1,7 раза.

Наряду с летними приграничными сражениями битва под Москвой стала одним из важнейших событий не только первого периода войны, но и всей Великой Отечественной.

Наши части, истекая кровью, отражали удары фашистских танков, рвавшихся к Москве. Весь мир, все советские люди в тылу и на фронте следили за развернувшейся битвой. Враги лелеяли надежду — вот-вот падет «красная столица».

С 20 октября 1941 года в Москве было объявлено осадное положение. Борьба ожесточилась, приобрела невиданный до сих пор накал и упорство. В этих боях отлично показала себя 316-я стрелковая дивизия. Командовавший ею генерал И. В. Панфилов, офицеры соединения сумели быстро разобраться в тактических приемах гитлеровцев, научились успешно отражать их атаки. Основой обороны дивизии стали противотанковые районы, которые расположились у дорог, по которым немцы могли вести свое танковое наступление. Промежутки между этими районами заполнялись противотанковыми и противопехотными заграждениями — завалами, рвами, эскарпами. Была подготовлена траншейная линия обороны — отдельные окопы соединялись в пределах ротных опорных пунктов.

В этих условиях фашисты уже не могли использовать свое преимущество в танках. В подмосковных лесах черными кострами горели фашистские машины. Это были дни величайшего испытания. Громадное значение для поднятия морального духа обороняющихся имел традиционный парад войск Московского

гарнизона, который состоялся 7 ноября, в честь 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

...Отсюда, из промерзшей Москвы, с Красной площади, шли солдаты на фронт. Шли, напутствуемые словами Верховного Главнокомандующего: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Козьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»

В сражениях на ближних подступах к Москве бойцы и командиры Красной Армии проявили особое героismo, стойкость и упорство. В бою у разъезда Дубосеково пример массового героизма показала группа солдат уже упоминавшейся 316-й стрелковой дивизии генерала И. В. Панфилова. Эта группа во главе с политруком В. Г. Клочковым 16 ноября вступила в борьбу с ротой фашистских автоматчиков, поддерживаемых танками. Несколько раз враги пытались уничтожить красноармейцев, но были вынуждены поворачивать назад, неся потери. Вскоре на поле горело 18 немецких танков. Почти все советские солдаты пали, но враг к столице не прошел. На всю страну прозвучали слова: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!»

Через пятнадцать лет после войны на поле бывших сражений было найдено письмо, один из тысяч документов — свидетельство мужества и героизма защитников Москвы:

«...Нас было 12 послано на Минское шоссе преградить путь противнику, особенно танкам. И мы стойко держались. И вот уже нас осталось трое: Коля, Володя и я, Александр. Но враги без пощады лезут. И вот еще пал один — Володя из Москвы. Но танки все лезут. Уже на дороге горят 19 машин. Но нас двое. Но мы

будем стоять, пока хватит духа, но не пропустим до подхода своих.

И вот я один остался, раненный в голову и руку. И танки прибавили счет. Уже 23 машины. Возможно, я умру. Но, может, кто найдет мою когда-нибудь записку и вспомнит героев. Я — из Фрунзе, русский. Родителей нет. До свидания, дорогие друзья.

Ваш Александр Виноградов.

Итогом битвы под Москвой, доставшимся нашей Родине небывало дорогой ценой, был срыв плана «молниеносной» войны. В течение 67-дневного сражения Красная Армия обескровила противника, который потерял здесь большое количество солдат, офицеров и боевой техники. Учитывая эти факторы и отсутствие у гитлеровцев оперативных резервов, подготовленных для подхода к рубежам обороны, а кроме того, такой фактор, как неподходящая для зимних условий экипировка фашистских войск, Ставка Верховного Главнокомандования решила предпринять контрнаступление. Все мероприятия по подготовке его проводились в обстановке строжайшей секретности. Передвижения осуществлялись только ночью, запрещалось разводить костры, вести разговоры о причинах перемещения, запрещалась работа радиостанций.

Наступление частей Калининского фронта, предпринятое 5 декабря, стало для противника неожиданностью. На следующий день в атаку пошли войска Западного и Юго-Западного фронтов. Удар советских войск был неукротим.

Фашистские войска были отброшены от Москвы на 100—250 километров.

В сложившейся обстановке Ставка Верховного Главнокомандования решила предпринять общее наступление Красной Армии. Были нанесены удары под Ленинградом, Вязмой и Ржевом, в районе Барвенково. Фашисты вынуждены были перебро-

сить на советско-германский фронт войска из Германии, Франции, с Балкан.

Победы Красной Армии в зимней кампании 1941/42 года имели всемирно-историческое значение.

* * *

Говоря о результатах сражений первого периода войны, необходимо отметить ту роль, которую сыграла наша пехота. Бойцы стрелковых подразделений смело вступали в единоборство с фашистскими танками, с вооруженной автоматическим оружием гитлеровской пехотой.

Один из битых гитлеровских вояк, генерал Меллентин, разбирая вклад в победу разных родов войск Советских Вооруженных Сил, с зубеным скрежетом писал: «Русская пехота в ходе второй мировой войны полностью сохранила великие традиции Суворова и Скобелева... Для русского солдата просто не существует естественных препятствий: в непроходимом лесу, болотах и топях, в бездорожной степи — всюду он чувствует себя как дома».

От боя к бою крепло мастерство советских пехотинцев.

Суть изменений в жизни пехоты, происходивших в ходе начального периода войны, изложена в Директивном письме Ставки Верховного Главнокомандования от 10 января 1942 года и в приказах народного комиссара обороны № 306 от 8 октября и № 325 от 16 октября 1942 года. Это особые документы. И дело не только в том, что они появились в очень трудный для нашей армии период. Их важность в тех выводах, которые сделаны советскими военными учеными из боевых действий, в рекомендациях, требованиях и задачах, поставленных перед войсками. Это удивительные документы нашей эпохи, написанные строгим и простым военным языком. Они могут показаться излишне сухими любителю изящной словесности. Но

тысячи тысяч красноармейцев и командиров Красной Армии должны низко поклониться людям, которые в нечеловечески трудных, адски трудных условиях первых месяцев войны находили и обобщали опыт боевых действий, настойчиво внедряли его в жизнь войск. Этот опыт помог уменьшить количество жертв, помогал разить врага в самые уязвимые места и побеждать.

Каков же характер предпринятых изменений?

Прежде всего в наступательном бою стрелковым войскам предписывалось по-иному строить свой боевой порядок. Раньше, нанося удары врагу, стрелковые войска во всех своих звеньях — от взвода до дивизии — наступали в виде глубокого эшелонирования. Получалось так, что стрелковая дивизия, построенная для атаки, могла вести бой только восемью стрелковыми ротами из двадцати семи. Остальные девятнадцать рот располагались за первым эшелоном на глубину до двух километров и несли потери от огня артиллерии, минометов, даже не вступив в бой. Приходилось «прижиматься» к идущим впереди частям, что вносило сумятицу, вело к перемешиванию частей, осложняло управление ими.

Поэтому поэшелонное построение боевых порядков во взводе, роте, батальоне, полку и дивизии в наступлении отменялось. Отделение и взвод разворачивались в цепь. Интервалы между бойцами должны быть при этом равны 6—8 шагам. В стрелковой роте всем взводам с началом наступления предписывалось располагаться в одном эшелоне. Бойцы, имевшие пулеметы, минометы, противотанковые ружья, размещались в самых уязвимых в смысле возможного прорыва противником местах — на флангах или в интервале между взводами.

Новые боевые порядки пехоты обеспечивали обязательное и одновременное участие максимально

большого количества подразделений от самого начала и до конца боя.

Появилось новое требование и к месту командира в бою. По прежним правилам командиры были обязаны находиться впереди своих подчиненных, лично вести их в бой. Это приводило к неоправданным потерям среди командиров. Кроме того, находясь впереди своих подразделений, они лишались возможности влиять на ход событий, правильно использовать приданные им огневые средства, а управление подразделением подчас сводилось к команде: «Рота, за мной вперед!», которую к тому же могли слышать далеко не все.

Нарком обороны, подчеркнув в своем приказе, что командир является центральной фигурой боевых порядков и сохранение его является залогом успеха, потребовал, чтобы:

—командиры отделений находились в цепи своих подразделений;

— командиры взводов, рот, батальонов — за боевыми порядками своих подразделений, в таких местах, с которых можно было видеть бой подчиненных, а также и соседей, наблюдать за противником.

В трудных боях ковалось мастерство и умение советских командиров. Участь на поражениях и удачах, отказываясь от отживших теорий и правил, ориентируясь на все новое, они росли в своем командирском мастерстве.

«Авторитет офицера,— говорил генерал Карбышев,— держится на трех китах: на доверии, на уважении и на любви». Доверие, считал он, завоевывается профессиональными качествами, знаниями, порядительностью, находчивостью, осторожностью. Уважение достигается честностью и высокой добросовестностью. А любовь — заботами о подчиненных и защитой их интересов. Именно по этим направлениям

и трудились командиры Красной Армии, повышая свое мастерство.

«Командир — главная фигура в бою». Это слова приказа, о котором мы ведем речь. Они, безусловно, верны. Но образ командира Красной Армии, Советской Армии овеян особым романтикой и любовью народа. И это прекрасно выражено в стихах поэта:

Есть в русском офицере обаянье,
Увидишься — и ты готов за ним
На самое большое испытание
Идти сквозь бурю, сквозь огонь и дым.
Он как отец — и нет для нас дорожек
Людей на этом боевом пути.
Он потому нам дорог, что он может,
Ведя на смерть, от смерти увести.

...В приказе № 306 устанавливался также порядок применения пехотой залпового огня. Для производства залпа была введена команда: «Взвод (отделение, рота), по такой-то цели, залпом, целиться туда-то, заряжай», «Взвод (отделение, рота), пли». Залповый огонь требовалось вести по живой силе противника, для отражения внезапных атак конницы и колонн, для борьбы со снижающимися самолетами. Иногда залповый огонь применялся и как дисциплинирующее средство, помогающее командиру в нужный момент боя быстро активизировать подразделение.

Командиры умело использовали залповый огонь против вооруженных автоматическим оружием гитлеровцев. В книге А. Бека «Волоколамское шоссе» есть эпизод с описанием умелых действий Момыш-Улы — командира выходящего из окружения батальона 316-й стрелковой дивизии. Главную ставку в неравной борьбе он сделал на залповый огонь. Построив подразделение ромбом, внутри которого находились повозки с ранеными, он повел людей через занятую фашистами дорогу.

«Немцы не сразу поняли, кто мы, что мы, что за странный безмолвный

строй выдвигается из леса. Многие продолжали толкать машины; другие, повернувшись к нам, удивленно смотрели. Это действительно было им непонятно. Красноармейцы не бегут в штыки, не кричат «ура», это не атака. Идут сдаваться? Не похоже... С ума сошли?

Метров восемьдесят-сто они дали нам пройти, не поднимая тревоги. Потом прозвучал повелительный крик на немецком языке. Я уловил: некоторые кинулись в машины, к оружию, к пулеметам. Именно уловил: теперь время будто рассеклось на мельчайшие отрезки.

— Батальон...

Миг тишины. Винтовки не вскинулись. Было приказано, как вам известно, стрелять с ходу, с руки, прижимая приклад к подсумку.

— Огонь!

Тишину разорвал залп.

— Огонь!

С отрывистым гремющим звуком, наводящим жуть, мы опять выпустили веером несколько сот пуль.

— Огонь!

Мы шли и стреляли. Это страшная штука — залповый огонь батальона, единый выстрел семисот винтовок, повторяющийся через жутко правильные промежутки. Мы прижали врагов к земле, не дали возможности поднять голову, пошевелиться.

Мы шли и стреляли, разя все на пути. Ни один боец не нарушил строй, ни один не дрогнул. Я вел батальон в просвет между машинами».

Отмечая то, что основную тяжесть войны несут стрелковые роты, батальоны и полки, документы Ставки потребовали лучше организовывать взаимодействие пехоты с другими родами войск.

В частности, очень большие требования предъявлялись к артиллеристам. Необходимо было перейти от практики артиллерийской подготов-

ки к артиллерийскому наступлению. Это означало:

во-первых, что артиллерия не должна ограничиваться разовыми действиями в течение часа или двух часов перед наступлением, а должна идти вперед вместе с пехотой, должна вести огонь во время всего наступления, пока не будет взломана на всю глубину оборонительная линия противника;

во-вторых, пехота должна наступать не после прекращения артогня, а вместе с наступлением артиллерии, «под гром артиллерийского огня, под звуки артиллерийской музыки!»;

в-третьих, использовать артиллерию массированно, создавать высокие плотности на важных направлениях.

В тяжелых боях и сражениях росло и крепло братство артиллеристов и пехотинцев. Веселели лица стрелков при виде своей артиллерии. Знали, бог войны не подведет.

Не расскажешь, не опишешь,
Что за жизнь, когда в бою
За чужим огнем расслышишь
Артиллерию свою.

Воздух круто завывая,
С недалекой огневой
Ахнет, ахнет полковая,
Запоет над головой.

А с позиций отдаленных,
Сразу будто бы не в лад,
Ухнет вдруг дивизионный
Добрый матушки снаряд.

И пойдет, пойдет на славу,
Как из горня, жаром дуть,
С воем, с визгом шепелявым
Расчищать пехоте путь,

Бить, ломать и жечь в окружку.
Деревушка? — Деревушку.
Дом — так дом. Блиндаж — блиндаж.
Врешь, не высидишь — отдашь!

А еще остался кто там,
Запорошенный песком?
Погоди, встает пехота,
Дай достать тебя штыком.

Помимо артиллерии, стрелковые войска стали насыщаться танками. Это потребовало отработки более

тесного взаимодействия между ними. Танки, действующие совместно с пехотой, не должны отрываться от нее более чем на двести-четыре метра, а основные усилия им необходимо сосредоточивать на уничтожении чужой мотопехоты. В бою танковый командир обязан был наблюдать за боевыми порядками стрелковых подразделений. Если они залегали, командир части должен был выделять некоторое количество боевых машин для уничтожения препятствующих движению пехоты огневых точек противника.

Пехота же, в свою очередь, для обеспечения действий танков обязывалась всей мощью своего огня подавлять противотанковые средства гитлеровцев, очищать минные поля, готовить местность в инженерном отношении. Стрелковый командир должен был хорошо знать возможности танков и использовать их в бою.

Важнейшим требованием Ставки ко всем военачальникам было требование массировать силы и средства на направлениях главных ударов. «Бить врага кулаками, а не растопыренными пальцами!»

Но эти указания в основном касались ситуаций, связанных с наступлением. А Красной Армии приходилось, особенно вначале, много обороняться. Превосходство в силах и средствах, стратегическая инициатива были на стороне захватчиков. Ведь оборону, наши войска шлифовали свое умение действовать в этом виде боевых действий. Важным моментом здесь явился переход от ячейечной системы оборудования позиций к траншейному. Родилась эта идея в ходе оборонительных боев под Москвой. Пытаясь выяснить причины неустойчивости некоторых стрелковых подразделений, командующий 16-й армией генерал К. К. Рокоссовский сам залег в солдатской ячейке, находившейся на самом остром немецкой атаки. Вот что написал он впоследствии:

«Сознание, что где-то справа и слева тоже сидят красноармейцы, у меня сохранялось, но я их не видел и не чувствовал. Командир отделения не видел меня, как и всех моих подчиненных. А бой продолжался. Рвались снаряды и мины, свистели пули и осколки. Иногда сбрасывали бомбы самолеты.

Я, старый солдат, участвовавший во многих боях, и то, сознаюсь откровенно, чувствовал себя в этом гнезде очень плохо. Меня все время не покидало желание выбежать и заглянуть, сидят ли мои товарищи в своих гнездах или уже покинули их, а я остался один. Уж если ощущение тревоги не покидало меня, то каким же оно было у человека, который, может быть, впервые в бою!..

Человек всегда остается человеком, и, естественно, особенно в минуты опасности, ему хочется видеть рядом с собой товарища и, конечно, командира. Отчего-то народ сказал: на миру и смерть красна. И командиру отделения обязательно нужно видеть подчиненных: кого подбодрить, кого похвалить, словом, влиять на людей и держать их в руках».

Вскоре в 16-й армии, а затем и в других соединениях Советских Вооруженных Сил перешли к рытью траншей. Незаменимыми помощниками командиров в выполнении этого требования стали солдаты первой мировой войны, в памяти которых еще живы были и «позиционные стояния» фронтов, и длинные, от моря до моря, траншеи...

Необходимо остановиться еще на одном, очень важном для страны и армии событии первого периода войны. Приказом народного комиссара обороны № 308 от 18 сентября 1941 года четыре дивизии Западного направления — 100, 127, 153 и 161-я за выдающееся мужество и стойкость получили наименование гвардейских. Рождение гвардии в составе Советских Вооруженных Сил бы-

ло поистине выдающимся событием.

Чтобы полнее оценить его значение, совершим небольшой экскурс в историю.

Термин «гвардия» возник в Италии в XII веке. Слово это обозначало отборный отряд воинов, знаменитых охраной государственного знамени. Но значительно раньше возникновения самого слова, еще в эпоху рабовладельческих войн, в Древней Греции уже существовали отборные привилегированные отряды, которые назывались священной дружиной, в Македонии конные полки таких воинов — «царские любимцы» — были в распоряжении самого царя и являлись его последним резервом. По сути, это и была гвардия.

В Древнем Риме гвардейцев называли преторианцами. Их насчитывалось девять когорт по 500 человек. Гвардия древней Персии — «бессмертные» — была самой многочисленной — 10 тысяч воинов.

Позже гвардейские части появились во Франции, Англии, Швеции, России, других странах. Хотелось бы напомнить, что русская гвардия возникла при Петре I из потешных Семеновского и Преображенского полков. Звание гвардейских они получили в 1700 году.

Русские гвардейские полки покрыли себя славой во многих сражениях и походах — под Очаковым, Хотинном, Аустерлицем, Бородином... После Полтавской битвы Петр I, обращаясь к преображенцам, сказал, что храбрые их дела никогда не забудет потомство. В знак признания заслуг семеновцы и преображенцы имели полковые георгиевские знамена с надписями: «За оказанные подвиги в сражении 17 августа 1813 г. при Кульме» и «1683—1700 — 1850—1883» с Андреевской юбилейной лентой, носили специальные знаки на головных уборах с надписями о выигранных сражениях.

По табели о рангах офицеры гвардии получали старшинство в два чина перед армейскими офицерами.

В 1813 году в России, кроме старой, была утверждена и новая гвардия, куда вошли части, особо отличившиеся в Отечественной войне 1812 года. После победы над Наполеоном в гвардии, как и во всей армии, распространились революционные настроения. Достаточно сказать, что после подавления восстания четверо из пяти казненных революционеров (кроме Рылеева) были гвардейскими офицерами.

Поистине великолепным, героическим, суровым было рождение советской гвардии, защитницы трудового народа. 100-я стрелковая дивизия генерал-майора Руссиянова, получившая название 1-й гвардейской стрелковой, только за два дня, 26—28 июня, 1941 года в боях под Минском уничтожила один пехотный и один танковый полк, до полутора батальонов мотоциклистов, более ста танков, тринадцать бронемашин, двадцать три противотанковых орудия...

Да, это была другая гвардия. Николай Тихонов в стихотворении, посвященном подвигу двадцати восьми гвардейцев-панфиловцев, писал:

...Раскрой страницы книги старой
И гвардию большевиков
Сравни с гвардейцами иными.

Увидишь синие каре
Наполеоновской пехоты,
Где офицеры в серебре,
В медвежьих шапках гибнут роты.
Ваграм с убийственным огнем,
И Лейпциг — день железной лавы,
И Ватерлоо в резне кровавой, —
Вам не сравниться с этим днем
Гвардейской русской нашей славы!..
Нет, нет, они дрались не так, —
Чтоб до последнего, чтоб каждый
С неотвратимой силой жаждал
Врага в могилу взять с собой,
Чтоб смерть играла им отбой!

Гвардейцы Красной Армии получили свои отличия — гвардейская знамена с изображением В. И. Ле-

нина, нагрудные знаки. Для них был установлен особый порядок прохождения службы. Всему командному и начальствующему составу выплачивался полуторный, а бойцам двойной оклад денежного довольствия.

Вскоре были сформированы целые гвардейские армии, они особенно отличились под Сталинградом. Боевой опыт, воинское мастерство, дисциплина и героизм гвардейцев служили образцом для всех Вооруженных Сил. Учитывая боевые качества гвардии, Ставка требовала, чтобы в наступлении гвардейские армии и дивизии использовались на направлении главного удара, а в обороне — для решительных контрударов.

Недаром в годы войны родилась поговорка: «Там, где гвардия наступает, — врагу не устоять. Там, где гвардия обороняется, — врагу не пройти».

К концу Великой Отечественной войны советская гвардия выросла в громадную силу, только пехотная часть ее, если можно так выразиться, насчитывала одиннадцать общевойсковых армий, сорок стрелковых корпусов, 117 стрелковых дивизий, 13 мотострелковых полков.

Летом 1942 года всеми своими силами, покоившимися на экономической мощи покоренной Европы, фашисты обрушились на южный участок советско-германского фронта. Создав превосходство в силах и средствах, они сумели прорвать нашу оборону и начали развивать наступление на Кавказ и Сталинград. Их манила бакинская нефть. К тому же через Кавказ шел кратчайший путь в Индию, к завоеванию которой были устремлены честолюбивые планы Гитлера.

Советские войска остановили захватчиков в районе Моздока. Попытки прорваться к Туапсе и Орджо-

никидзе оказались безуспешными.

Но противник не оставил мысли захватить Сталинград. 17 июля 1942 года передовые отряды войск Сталинградского фронта на дальних подступах к городу вступили в бой с авангардом 6-й немецкой армии. Так началась Сталинградская битва.

На пути упоенных победами гитлеровцев несокрушимо встали советские воины. В основном это были пехотные части, брошенные для останковки рвавшихся к городу танков противника. Примером мужества и героизма стал подвиг четверых бронебойщиков 84-го гвардейского стрелкового полка Петра Болото, Григория Самойлова, Александра Беликова, Ивана Алейникова. Вооруженные двумя противотанковыми ружьями, они сражались с тремя десятками танков. На высоте у Клетской они сумели поджечь пятнадцать бронированных машин, а с наступлением темноты гвардейцы отошли к своим.

В этот день воины 84-го гвардейского стрелкового полка уничтожили 45 фашистских танков...

Несмотря на упорное сопротивление советских войск, положение под Сталинградом было очень тяжелым. Противник бросал в сражение все новые и новые части и соединения. В этот трудный для Родины час был оглашен приказ НКО № 227 от 28 июля 1942 года, где была сказана суровая правда о сложившемся положении.

«Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед... Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге, у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге... У нас стало намного меньше территории, стало быть, меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик... Отступать дальше — значит загубить себя и загубить

бить вместе с тем нашу Родину...

Пора кончать отступление, ни шагу назад. Таким теперь должен быть наш главный призыв. Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности...

Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять нашу Родину...

Паникеры и трусы должны истребляться на месте. Отныне железным законом дисциплины для каждого комиссара, красноармейца, политработника должно явиться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования!»

«Ни шагу назад!» — под таким названием вошел этот приказ в историю Великой Отечественной. Так его поняли и восприняли войска. Сопротивление гитлеровцам стало еще ожесточеннее. Вот один из примеров той героической борьбы: бойцы 1379-го стрелкового полка 87-й стрелковой дивизии под командованием младшего лейтенанта Г. Стрелкова в течение 23 и 24 августа вели бои с 70 танками противника. Они заняли круговую оборону на высотах севернее Малой Рассошки и начали уничтожать танки огнем из противотанкового ружья, забрасывать их бутылками с зажигательной смесью и гранатами. Сражаясь в окружении, советские солдаты подбили 27 танков, истребили свыше 100 гитлеровцев. Лишь получив приказ, они вышли в расположение своих войск.

Так сражался в те дни каждый наш боец. Командующий 64-й армией генерал М. С. Шумилов подчеркивал, что после получения приказа № 227 «части армии... не оставили без приказа ни одного метра советской земли, и, например, 126-я дивизия во главе с командиром вся полегла на

оборонительном рубеже, но без приказа не отошла».

19 августа противник перешел в решительное наступление. В пять часов 23 августа частями 14-го танкового корпуса он прорвал нашу оборону и начал продвигаться к Волге. Южнее станции Котлубань ему преградила путь 35-я гвардейская дивизия. Силы были неравными. Советские воины отбили пять атак. Вскоре командование подразделением, ведущим бой на передовой позиции, принял командир пулеметной роты, испанец, капитан Рубен Ибаррури. В этом бою он был смертельно ранен. Посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза.

23 августа немцы прорвались к Волге севернее Сталинграда. В тот же день они совершили массированный воздушный налет на город, превратив его в гигантский костер. Генерал Еременко вспоминал:

«Многое пришлось пережить в минувшую войну, но то, что мы увидели в Сталинграде 23 августа, поразило нас как тяжелый кошмар. Беспрерывно то там, то здесь взметались вверх огненно-дымные султаны бомбовых разрывов. Из района нефтехранилищ огромные столбы пламени взмывали к небу и обрушивали вниз море огня и горького, едкого дыма. Потоки горящей нефти и бензина устремлялись к Волге, горела поверхность реки, горели пароходы на сталинградском рейде, смрадно чадил асфальт улиц и тротуаров, мгновенно, как спички, вспыхивали телеграфные столбы... Стоял невообразимый шум, надрывавший слух адской дисгармонией самых разнообразных звуков. Визг летящих с высоты бомб смешивался с гулом взрывов, скрежетом и лязгом рушащихся построек, потрескиванием бушевавшего огня. В этом хаосе звуков отчетливо выделялись стоны и проклятия гибнущих, плач и призывы о помощи детей, рыдания женщин».

Превратив город в объятый пламенем ад, фашисты надеялись не только уничтожить продолжавшие работать промышленные предприятия, но и сломить дух его защитников. Но попытка гитлеровцев взять Сталинград с ходу была отбита. Их остановили на северо-западной окраине.

...Центр тяжести борьбы на советско-германском фронте сместился под Сталинград. Немецко-фашистские войска получали непрерывные приказы — один свирепее другого. Гитлер во что бы то ни стало требовал уничтожить волжскую твердыню.

Основная тяжесть боев за город легла на 62-ю армию генерала В. И. Чуйкова. Штаб армии расположился в крутых скалах западного берега Волги, в 200—800 метрах от переднего края обороны. Схватки с врагом, предпринимавшим с 13 по 26 сентября несколько, как он считал, окончательных атак, были чрезвычайно ожесточенными и кровопролитными. В некоторых наших дивизиях оставалось в эти дни всего по 500—600 человек...

Немцы, вводя в действие новые и новые подкрепления, упрямо шли вперед. Положение 62-й армии становилось критическим.

Перелом в ход боев внесла 13-я гвардейская стрелковая дивизия генерала А. И. Родимцева. В ночь с 14 на 15 сентября она переправилась через Волгу. Участник событий полковник И. А. Самчук вспоминал, как проходила эта беспримерная переправа. К причалу подошли два катера. Противник заметил их и открыл огонь. Посадка стала невозможной, катера ушли чуть ниже по течению. Однако это не меняло положения, обстрел не прекращался. Тогда командир принял решение произвести посадку под огнем. И вот уже первый катер идет к правому берегу. Вокруг рвутся снаряды и мины, поднимая огромные водяные столбы. Кажется, что в Волге кипит вода...

Уже у самого причала к катеру потянулись длинные очереди трассирующих пуль, открыли огонь вражеские автоматчики и пулеметчики. Катер замедлил ход и начал разворачиваться. Гвардейцы, не дожидаясь швартовки, прыгнули в воду, быстро преодолели мелководье и завязали бой на берегу. В результате этого ожесточенного боя, который часто переходил в рукопашную схватку, бойцы передового отряда выбили противника с береговой полосы.

Такая сложная обстановка складывалась в относительном тылу. А о тех трудностях, которые испытывали бойцы передовой, и говорить не приходится. Мнимые сверкающими волнами Волги, считая, что именно тут конечная цель их похода, немцы рвались вперед.

Завязались уличные бои. Для захвата зданий, ставших опорными пунктами защитников города, немцы стали применять штурмовые группы — усиливать подразделения пехоты танками и артиллерией.

Однако все их дальнейшие попытки успеха не имели. Каждое здание становилось неприступной крепостью. В историю войны вошла оборона четырехэтажного дома на Пензенской улице. Его заняла группа солдат во главе с сержантом Я. Павловым. Через двое суток упорных боев к ним на помощь прибыло подкрепление во главе с гвардии лейтенантом И. Афанасьевым. Гитлеровцы штурмовали дом, подвергали его ударам авиации, но взять не смогли. 58 суток длилась его оборона...

Сражение не затихало ни днем, ни ночью. Это были упорные, трудные схватки, они требовали особого мастерства от защитников города. «Ночной бой в здании — самый тяжелый бой», — писал впоследствии дважды Герой Советского Союза генерал-полковник А. Родимцев. — Мне он знаком по боям в Университетском городке в Мадриде.

Здесь нет понятия — передний край, фронт, тыл, фланги. Противник здесь может быть всюду — этажом выше, ниже, вокруг. Здесь, как нигде, в тесном единении уживается рукопашная схватка с огнем. Чутье, находчивость, смелость, скорее дерзость решают исход боя. Шорох? Чье-то дыхание в крошечном мраке? Кто там? Свой? Чужой? Как узнать? Окликнуть? А вдруг в ответ раздастся очередь из автомата? Самому стрелять? А может, там свой? Что под ногами? Скользящие осколки стекла? Разломанные стулья? Веревки? Провода? Труп? А может, притаившийся враг? Решай быстро! Быть может, на решение отпущено вот это мгновение, быть может, десятая доля секунды отделяет от бесшумного броска чужой гранаты или удара ножом...

...Но вот и рассвет. Над крышей взвилась сигнальная зеленая ракета: здание наше. А сколько их еще перед нами!..»

Потерпев неудачу в центре, немцы попытались прорвать нашу оборону на других направлениях. Как и прежде, каждой атаке предшествовали артобстрелы и бомбардировки. В это время гитлеровцы особые надежды возлагали на свою 71-ю пехотную дивизию. В вермахте ее считали везучей. В свое время в первую мировую войну под Верденом это соединение сумело захватить несколько укреплений французской сверхкрепости. Но под Сталинградом везение дивизии закончилось. Здесь, у стен «красного Вердена» — так называли советские пропагандисты Сталинград в листовках, обращенных к немецким солдатам, — 71-ю дивизию ждала участь других войск армии Паулюса.

Советские воины, и в особенности советские пехотинцы — а именно им довелось вынести основную тяжесть Сталинградской битвы (с 12 по 28 сентября только 62-я армия получила из резерва Ставки более пяти стрелковых дивизий!), похоронили

под Сталинградом все мечты и везучих и прочих гитлеровских частей. Везде немцев ждал сокрушительный отпор.

Среди особенно отличившихся можно назвать воинов 37-й дивизии.

«За Волгой для нас земли нет» — таков был их лозунг. С ним они шли в атаку, с ним умирали. Тогда же в комсомольской организации одного из подразделений, обороняющих город, состоялось собрание.

Вот выдержки из его протокола:

«Слушали: о поведении комсомольцев в бою.

Постановили: в окопе лучше умереть, но не уйти с позором. И не только самому не уйти, но сделать так, чтобы и сосед не ушел.

Вопрос к докладчику: существуют ли уважительные причины ухода с огневой позиции?

Ответ: из всех оправдательных причин только одна будет приниматься во внимание — смерть».

14 октября германские войска пошли в очередной «генеральный штурм». Бомбардировки и артиллерийский огонь несли на город шквал огня.

«Мы были так обессилены, что сомневались,— писал в своих мемуарах В. И. Чуйков,— сумеем ли отразить новые атаки свежих резервов противника, однако все по-прежнему были готовы драться до последнего человека и патрона. Как никогда окреп наш боевой дух. Если бы нам приказали почему-либо оставить город, мы — солдаты, офицеры и генералы, поняли бы этот приказ как ложный, как измену Родине и за Волгу не ушли».

Обессиленные, измученные защитники совершили поступок, который не мог быть предусмотрен ни в каких планах фашистских стратегов.

Советские войска перешли в наступление. И был достигнут первый важный успех. Им удалось отбить у

врага до ста метров территории, они заставили немцев приступить к оборудованию обороны...

В тяжелых боях прошел октябрь, первая половина ноября...

В легенду вошла стойкость и мужество древних спартанцев. Но никакие подвиги античных героев не могут сравниться с делами защитников Сталинграда. Вот эпизод из записок члена Военного совета Сталинградского фронта А. Чуянова.

«...С правого берега привезли группу раненых. Один из них, бородатый, с забинтованной головой, обратился к бойцам с просьбой дать закурить. Ему протянули несколько кисетов с махоркой. Кто-то поинтересовался:

— Что там в городе делается?

— Да сам черт не разберет. Видишь? — Раненый хмуро показал в сторону Волги. — Весь город в огне. Туго нашим приходится. Все горит: дома, заводы, земля, металл плавится...

— А люди?

— Люди? Стоят!..»

...Несколько слов об исторических аналогиях.

События в районе Сталинграда были настолько значительны, имели такой мировой резонанс, что не идут в сравнение ни с какими другими битвами. Перед подвигами советских солдат бледнеют деяния воинов других эпох, бледнеют Верден и Канны.

Здесь, на берегах великой русской реки, решались судьбы мира. На каждый километр сталинградской земли упало около 100 тысяч снарядов, мин и бомб. Земля горела и плавилась. Но советские люди стояли.

Они выстояли!

Ноябрь, как и октябрь, прошел для защитников города в тяжелых боях. 8 ноября 1942 года, выступая с традиционной речью в Мюнхене в годовщину «пивного путча», Гитлер

громогласно заявил: «Я хотел выйти к Волге в определенном месте, у определенного города. По совпадению город этот благословлен именем Сталина... Это необычайно важный город — здесь перехватывается транспортировка тридцати миллионов тонн грузов по реке, включая девять миллионов тонн нефти, сюда, к этому городу, следовало зерно плодородной Украины и Кубани, здесь переплавлялись руды цветных металлов. Это громадный транспортный узел. Его я хотел захватить, и вы знаете, мы скромны, но я скажу, мы взяли и его! Остались только небольшие «карманы» сопротивления...»

Фашисты всеми силами мечтали уничтожить оборонявшихся. Бои шли с незатаивающей яростью.

И только три человека в это время уже знали: скоро придет расплата за все жертвы, которые Родина была вынуждена нести, защищая Сталинград.

Маршал Советского Союза А. М. Василевский рассказывал после войны корреспонденту «Комсомольской правды» о том, как рождался замысел окружения немцев под Сталинградом.

— Положение там для нас резко ухудшилось. Нужны были новые силы. Главнокомандующий, помню, склонился над картой. Мы с Жуковым отошли в сторону и очень тихо обсуждали возможные действия. Сталин вдруг выпрямился: «А какое еще решение вы предлагаете?» Мы изложили идею. На другой день Сталин вызвал нас обсудить ее более подробно, уже с первой прикидкой сил и возможностей. Замысел операции Сталин сразу же оценил, он сказал: «То, что мы здесь обсуждали, кроме нас троих, пока никто не должен знать». Так выглядело «зерно», из которого выросла наша победа на Волге.

Замысел контрнаступления под Сталинградом состоял в том, чтобы мощными ударами с плацдармов Се-

рафимович, Клетская и из района озер южнее Сталинграда разгромить фланги основной вражеской группировки, обороняемые менее устойчивыми частями, и, развивая наступление по сходящимся направлениям на Калач, окружить и уничтожить главные силы противника, действовавшие в районе города.

Ко второй половине ноября подготовка к наступлению была завершена.

...В истории есть критические точки или вехи, от которых целые народы ведут новый отсчет времени. Такой критической точкой для судеб нашей страны и всей Европы стал Сталинград. Именно Сталинград предопределил конец фашистского рейха, разгром его военной машины и крах всей системы нацизма.

В самой же Сталинградской битве есть дата, ставшая как бы водоразделом этого выдающегося события. 19 ноября 1942 года. В этот день в 8. 50 утра залпы «катюш» возвестили о начале наступления Юго-Западного фронта на протяжении 28 километров, 3500 орудий и минометов в течение 80 минут обрабатывали немецкий передний край. Вскоре фронт был прорван, советские танки и пехота вышли во вражеский тыл...

19 ноября в наступление перешел Донской фронт, а днем позже и Сталинградский...

23 ноября в 16 часов в районе хутора Советского кольцо окружения замкнулось.

Положение немцев, находящихся в Сталинграде, стало катастрофическим, безнадежным. Попытки Манштейна деблокировать окруженных не принесли успеха. Советская авиация не позволила летчикам Геринга оказать окруженным помощь.

Кольцо советских войск сужалось. Ликвидация окруженной под Сталинградом группировки была вы-

дающимся событием. История еще не знала примера, чтобы такое крупное формирование, оснащенное новейшей техникой, было окружено и полностью разгромлено.

Используя результаты Сталинградской битвы, советские войска перешли в общее наступление, в ходе которого были освобождены большие территории СССР, прорвана блокада Ленинграда — обеспечена сухопутная связь города со страной. Началось массовое изгнание врага из пределов нашей Родины. Стратегическая инициатива перешла к Красной Армии.

Второй период войны характерен тем, что именно тогда произошел коренной перелом в войне. Начало ему положила Сталинградская битва. А окончательно хребет фашистского зверя был сломан в битве под Курском.

Здесь фашисты, не оставлявшие надежды перехватить стратегическую инициативу, решили провести летом 1943 года крупную наступательную операцию «Цитадель». Они планировали мощными встречными ударами из районов Орла и Белгорода на Курск окружить и уничтожить советские войска, находящиеся в Курском выступе.

Немцы полагали, что их планы были неизвестны советскому командованию. Но это не соответствовало действительности. Тщательно проанализировав данные разведки, Ставка пришла к выводу — на Курской дуге фашисты хотят взять реванш за Сталинград. Было принято решение — преднамеренной обороной измотать и обескровить ударные группировки врага, а затем решительным контрнаступлением уничтожить их. Оборона Курского выступа возглавлялась на войска Центрального и Воронежского фронтов. В тылу фронтов были сосредоточены крупные стратегические резервы, объединенные в Степной фронт.

Крайне важным для советского ко-

мандования было узнать день и час немецкого наступления. Это дало бы возможность в нужный момент упредить начало вражеского рывка, обрушить на фашистских солдат всю силу артиллерии и авиации в момент, когда они сосредоточатся для атаки. Разведчики на фронтах получили задачу — взять «языка». Но выполнить этот приказ оказалось не так просто. Фашистское командование приказало предавать полемому суду командиров частей, из которых будут выкрадены солдаты. Разведчики, теряя людей, возвращались ни с чем. Проблема «языка» волновала в тот период всех — от простых солдат до Верховного Главнокомандующего.

И все же разведка выполнила полученный приказ. На Воронежском фронте один из пленных показал, что войскам выдан сухой паек, порции водки и что наступление начнется 5 июля. В полосе обороны 13-й армии, которой командовал генерал Н. П. Пухов, был захвачен в плен сапер 6-й пехотной дивизии. Он подтвердил сообщение о готовности гитлеровцев начать наступление 5 июля в 3 часа утра.

Хорошо взвесив сложившуюся обстановку, советское командование в 2 часа 20 минут отдало приказ о начале артподготовки. Потери немцев были очень большими. Была сорвана внезапность их удара. Лишь к шести часам утра они пошли в наступление.

Началось величайшее сражение Великой Отечественной войны — битва на Курской дуге.

Огромный вклад в победу под Курском внесли советские пехотинцы, вставшие на пути бронированных армий фашистов, вооруженных новейшими танками — «тиграми» и «пантерами». Слабоват оказался этот зверинец против усиленного артиллерией, поддерживаемого с воздуха авиацией русского пехотинца. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своих мемуарах от-

мечает мужество и героизм воинов 13-й общевойсковой армии, сражавшейся на направлении главного удара фашистов, 81, 15, 307-й стрелковых дивизий. Смело дралась 70-я армия, сформированная из прекрасного подготовленных пограничников Дальнего Востока, Забайкалья и Средней Азии. Особую доблесть проявили в битве части 17-го гвардейского стрелкового корпуса. 203-й гвардейский стрелковый полк 70-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием майора В. О. Коноваленко за 6 июля отбил до шестнадцати атак противника и нанес ему ощутимые потери.

Тяжелые бои зияли у населенного пункта Поныри. Здесь успешно вела бой, усиленная танками, артиллерией и минометами, 307-я стрелковая дивизия генерал-майора М. А. Еншина.

Исчерпав все свои резервы, враг вынужден был отказаться от наступления и перейти к обороне. Аналогичная обстановка сложилась и на Воронежском фронте. 12 июля обозначился перелом в битве под Курском. Началось контрнаступление советских войск. 5 августа были освобождены древние русские города — Орел и Белгород.

В тот день, вспоминал генерал С. М. Штеменко, Верховный Главнокомандующий вызвал его к себе вместе с начальником Генерального штаба.

— Читаете ли вы военную историю? — обратился Верховный к вошедшим генералам.

Те замешкались, не зная, что ответить. Вопрос показался странным, до истории ли было в это время!

А Сталин продолжал:

— Если бы вы ее читали, то знали бы, что еще в древние времена, когда войска одерживали победы, в честь полководцев и их войск гудели колокола. И нам неплохо бы как-то отмечать победы более ощутимо, а не только поздравительны-

ми приказами. Мы думаем, — он кивнул головой на сидевших за столом членов Ставки, — давать в честь отличившихся войск и командиров, их возглавляющих, артиллерийские салюты...

5 августа 1943 года был издан поздравительный приказ и произведен первый салют в честь освобождения Орла и Белгорода. Одновременно трем стрелковым дивизиям (5, 129, 380-й) было присвоено наименование Орловских, двум (89-й и 305-й) — Белгородских...

Летом 1943 года началось общее наступление Красной Армии от Великих Лук до Черного моря. Главный удар советские войска наносили на Юго-Западном направлении.

Пытаясь остановить их продвижение, гитлеровцы создали сеть оборонительных рубежей, которые они громко называли Восточным валом. Этот рубеж проходил по рекам Нарве, Сожу, среднему течению Днепра, реке Молочной.

С давних времен многие сражения проходили на реках. Можно вспомнить о битве на Калке с татаро-монголами, битву со шведами на Неве, битву на Сомме в первую мировую войну.

Большие и малые реки становились рубежами, которые нелегко было преодолевать. Фашисты объявили Днепр неприступным валом, возвели здесь линию прочных укреплений.

Битва за Днепр, его форсирование стали одним из важнейших событий летнего наступления 1943 года.

Советским войскам очень важно было осилить этот рубеж. В стремительном движении шли они к могучему Днепру.

И в пыли, рязбой от пота,
Фронтовой смеялся люд:
Хорошо идет пехота,
Раз колеса отстают.

Ничем, что уставали
По пути к большой реке
Так, что ложку на привале
Не могли держать в руке.

Вновь сильны святым порывом,
Шли вперед своим путем...

Нашим командованием было принято решение отличившимся при форсировании Днепра присваивать звание Героя Советского Союза.

Войска, форсировавшие Днепр, проявили величайшее упорство, храбрость и мужество. Подойдя к реке, они с ходу устремлялись к противоположному берегу. Не дожидаясь понтонных средств, они пересекали Днепр на чем угодно — плотах, самодельных паромках, рыбацких лодках. Все, что имелося под рукой, пускалось в дело. Едва достигнув противоположного берега, вступали в бой.

При форсировании Днепра отличились бойцы 25-го гвардейского стрелкового корпуса 842-го стрелкового полка 240-й стрелковой дивизии, многих других соединений и частей. В сентябре наши войска преодолели реку на участке 750 километров. За успешное форсирование Днепра почти двум с половиной тысячам солдат, сержантов, офицеров и генералов было присвоено звание Героя Советского Союза.

Вскоре древний Киев встречал Красную Армию. Второй период войны завершился началом освобождения Правобережной Украины...

Какие же изменения в состоянии пехоты произошли за это время?

Одно из них, касающееся в общем всей армии, произошло 24 июля 1943 года. В этот день был принят указ о введении нового деления военнослужащих на рядовых и сержантский состав, офицеров и генералов. В передовой статье «Правды», озаглавленной «Советские офицеры», говорилось, что «Красная Армия — законный наследник исконной русской военной славы и доблести», что «отныне наименование «офицер» закрепляется за командирами Красной Армии государственным актом»...

Несколько раньше, в январе 1943 года, в армии произошло еще одно важное событие — была изменена форма одежды и введены погоны. Внешний их вид оставался таким же, как и в русской армии, — золотое шитье, просветы, звездочки. Но это была другая армия, в которой не было пропасти между «нижними чинами» и офицерами, армия — защитница трудового народа.

...Погоны появились на Руси впервые в 1763 году. С течением времени они стали важнейшей частью военного мундира. В практическом плане были удобны тем, что при ношении оружия на плече погоны предохраняли верхнюю часть мундира от износа, смягчали давление ремня на тело. Кроме того, знаки различия на погонах указывали степень чина, разграничивали начальников и подчиненных.

Введение погон в Красной Армии было направлено прежде всего на укрепление дисциплины и единоначалия и было встречено войсками с воодушевлением.

При социальном равенстве бойцов и командиров погоны были призваны явственнее обозначить роль начальников всех степеней, увеличить их требовательность, повысить ответственность за людей, за исход каждого боя и сражения.

Повея речь о мундире пехотинца военной поры, хотелось бы коснуться и других элементов его одежды, его быта.

Воспетая в стихах гимнастерка. Она появилась в нашей армии в прошлом веке. Вначале это была обычная полотняная рубашка. Солдаты надевали ее для гимнастических занятий. Она была легка, удобна, практична и всем, как говорится, пришлась по вкусу. В 1869 году в Туркестанском военном округе для гимнастерки были введены пристегивающиеся погоны. Теперь ее разрешалось носить в строю, а в жаркую погоду и вне строя. В дальнейшем гимнастерка стала одним из основ-

ных предметов военной формы одежды русской армии. Защитники Шипки, солдаты Брусилова, красноармейцы Блюхера — все они носили гимнастерку. В гимнастерку же был одет и советский пехотинец, упорно прокладывавший себе дорогу на Берлин.

Шинель. Она появилась в русской армии в 1802 году. Менялась ее форма, цвет, но всегда неизменно теплым оставалось отношение к ней русского солдата. Александр Твардовский писал:

Эх, суконная, казенная,
Военная шинель,—
У костра в лесу прожженная,
Отменная шинель.
Знаменитая, пробитая
В бою огнем врага
Да своей рукой зашитая,—
Кому не дорога!
Упадешь ли, как подкошенный,
Пораненный наш брат,
На шинели той поношенной
Снесут тебя в санбат.
А убыют — так тело мертвое
Твое с другими в ряд
Той шинелькою потертою
Укроют — спи, солдат!

Вещевой мешок — элемент снаряжения солдата. Это ему посвящены слова фронтовика: «Неразлучный спутник бойца в походах и маршах; нехитрый его гардероб, где хранятся такие ценности, как сухие портянки и пара чистого белья; запасной патронташ и арсенал: гранаты отдельно, запалы к ним отдельно; холщовая кладовочка с сухарями, пачками пшеничного концентрата и банкой консервов; заплечная библиотека, где лежит заветный томик стихов; портативный архив, куда спрятаны милая сердцу фотография, интимное письмо, детский рисунок... Солдатская тебе благодарность за верную службу и наша долговечная любовь — тебе, незабвенный «сидор»!..»

Устойчивая работа тыла позволила оснастить Красную Армию новым оружием и техникой.

В конце 1942 года стрелковые дивизии были переведены на новый штат, по которому личный состав сокращался почти на четвертую часть. Количество же автоматического оружия, противотанковой артиллерии, минометов и других технических средств борьбы в подразделениях возросло. Все это значительно повышало огневую мощь и подвижность дивизий.

А если говорить о тактических новинках этого периода, необходимо выделить следующее. В наступлении стрелковые части теперь строились по-иному, не в цепь, а в глубокие эшелоны. Казалось бы, это являлось шагом назад по сравнению с требованиями уже упоминавшегося нами приказа народного комиссара обороны № 306. Но не будем спешить. Изменения в построении войск вызывались изменениями в характере вооруженной борьбы. Теперь нашим войскам приходилось наступать на прочную, хорошо подготовленную в инженерном отношении оборону противника. Ее можно было проломить, лишь наращивая удары на узком участке. И это потребовало глубокого эшелонирования боевых порядков.

Пехотинец второго периода войны был обогащен опытом тяжелейших сражений под Сталинградом, на Курской дуге, на Днепре. Отлично вооруженный, ощущающий поддержку всех родов войск, обладающий надежным тылом, он день ото дня совершенствовал свое мастерство, изгоняя захватчиков из пределов родной земли.

Третий, заключительный период Великой Отечественной войны начался наступлением войск Красной Армии. Безраздельно удерживая стратегическую инициативу, советские войска только на Правобережной Украине провели пять операций: Житомирско-Бердичевскую, Кировоградскую, Ровно-Луцкую,

Корсунь-Шевченковскую и Никопольско-Криворожскую. Мощными ударами Красная Армия отбросила фашистов от Ленинграда.

26 марта 1944 года произошло историческое событие, имевшее крупное военно-политическое и стратегическое значение. В этот день войска 2-го Украинского фронта — 202-я и 206-я стрелковые дивизии вышли на Государственную границу СССР. Боевые действия были перенесены за пределы нашей Родины.

Весной 1944 года был освобожден Крым. Летом советскими войсками была проведена Белорусская стратегическая операция.

В 1944 году были освобождены от фашизма Болгария, Румыния, часть территории Югославии, Венгрии, Норвегии, Чехословакии.

К началу 1945 года протяженность советско-германского фронта сократилась с 4500 километров (июнь 1941 года) до 2250 километров. Советское правительство поставило перед Красной Армией задачу — в короткий срок завершить разгром фашистской Германии. С этой целью была проведена Висло-Одерская наступательная операция. Успешно прорвав глубоко эшелонированную оборону противника, форсировав много водных преград, советские войска освободили Польшу и вышли к Одеру.

В январе — марте 1945 года части Красной Армии находились в 60 километрах от фашистской столицы. Предстояли очень трудные бои. Еще ни в одной операции противник не создавал такой плотности и такого глубокого эшелонирования войск.

Для проведения Берлинской операции привлекались войска 1-го и 2-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, часть сил Балтийского флота, 18-я воздушная армия дальней авиации, Войска ПВО страны, Днепровская флотилия, 1-я и 2-я армии Войска Польского.

Четвертый год! Четвертый год войны
Нам локти мажет желтой прусской
глиной,

И тысячи стволов наведены
Указками дороги до Берлина.

16 апреля в 5 часов началась арт-подготовка. После ее окончания были включены прожекторы, которые ослепили противника. Вперед пошли танки, за ними — пехота. Наступление приняло характер последовательного прорыва полос и позиций, эшелонированных на глубину до 40 километров.

21 апреля 79-й стрелковый корпус 3-й ударной армии завязал бои на северо-восточной окраине фашистской столицы.

23 апреля командующий 1-м Белорусским фронтом ввел в бой второй эшелон. Этим была устранена возможность соединения гарнизона Берлина с находящимися западнее войсками.

В фашистской столице завязались тяжелые уличные бои...

Третий, завершающий период войны пехота прошла, оснащенная новейшим оружием и боевой техникой. Если в 1942—1943 годах на одну стрелковую дивизию Красной Армии приходилось в среднем 180—200 орудий и минометов, 14—17 танков, то уже в 1944 году эти показатели достигли 200—245 орудий и минометов, 14—35 танков и самоходно-артиллерийских установок.

Весной 1945 года был составлен проект Наставления по прорыву позиционной обороны. В этом документе есть положения, касающиеся действий пехоты. Но вначале несколько слов о причинах появления проекта Наставления.

Третий период войны вызвал в жизни существенные изменения в характере обороны гитлеровских войск. Она стала необычайно слож-

но оборудоваться в инженерном отношении, была насыщена противопехотными и противотанковыми заграждениями, имела высокую плотность огневых средств.

Для прорыва ее требовался принципиально новый подход, специальная подготовка и огромное напряжение войск.

Наставление подчеркивало, что прорыв должен осуществляться, как правило, стрелковыми соединениями. Переход пехоты в атаку производится одновременно на всем участке прорыва из оборудованного в инженерном отношении исходного положения, выбранного на удалении 150—200 метров от переднего края обороны противника...

За 10—15 минут до атаки пехоты и танков артиллерия поддержки пехоты, минометы, орудия прямой наводки и пулеметы сосредоточивают свой огонь по траншее первой позиции противника.

Подразделения пехоты, действующие в первом эшелоне боевых порядков полков, приблизившись к первой траншее на 30—50 метров, забрасывают ее гранатами и стремятся вперед вслед за танками, прижимаясь вплотную к огневому валу артиллерии и минометов. Не останавливаясь для уничтожения оставшихся мелких групп противника в первой траншее, наступающие подразделения стремительно атакуют противника во второй и последующих траншеях.

Начавшаяся атака, требовал проект наставления, должна протекать стремительно и непрерывно. Оставшие пехоты в траншеях противника недопустимы...

Вторые эшелоны стрелковых полков должны наступать за первыми на удалении 300—500 метров. Достигнув траншеи противника и уничтожив попутно оставшегося врага, они продолжают движение вперед. Окончательной очисткой захваченных позиций от врага должны заниматься специально выделенные под-

разделения. Основной же задачей вторых эшелонов является наращивание усилий первых эшелонов с целью быстрее прорыва обороны...

Этот документ сыграл исключительную большую роль в распространении и воплощении в практику новейших и самых результативных приемов ведения боевых действий по изгнанию с советской земли сопротивлявшегося агрессора.

Красная Армия успешно прорывала самую прочную оборону врага.

Принципиально иными в заключительный период войны были и действия нашей пехоты. Она теперь не стремилась бить противника «в лоб», а обходила его, окружала, устраивала «котлы» и «клещи». Пехота все чаще прорывала оборону противника сильным ударом, а затем быстро расширяла прорыв в сторону флангов. Она научилась достигать побед возможно малой кровью — взаимодействовать с артиллерией, танками, авиацией.

Советская пехота стала первоклассной. Это можно проиллюстрировать на примере боевых действий 107-й стрелковой дивизии. В 1941 году она, участвуя в боях под Ельней, уничтожила 28 танков, 65 орудий и минометов, около 750 солдат и офицеров противника. Сама дивизия потеряла убитыми и ранеными 4200 человек.

В 1945 году это же соединение отличилось в боях за Кенигсберг. Заняв 55 кварталов, дивизия только в плен захватила 15 100 немецких солдат и офицеров, потеряв в ходе штурма 186 человек.

Да, пехота, вся наша Красная Армия научилась бить врага малой кровью.

У солдата третьего периода войны был другой душевный настрой. Это был солдат наступающий, солдат-освободитель, дерзкий, отважный, смекаливший воин. Он не испытывал страха ни перед танками, ни

перед вражескими автоматчиками. Он уже сам ехал на броне, сам имел автомат, сам окружал и сам брал в плен. У него и песни стали другими. Уже не слышно было слов о матери, которой «скажут — она зарыдает». В ходу были песни: «Хороша страна Болгария...», «Эх, как бы дожить бы до свадьбы-женитьбы...»

Пехота Красной Армии доказала, что она царила не только на полях. Она стала царицей гор, лесов, болот и рек — везде, где побеждала врага. И по-прежнему пехота оставалась царицей всех родов оружия, которые служили ей преданно, верно и надежно.

Через тяжелейшие испытания шел к своей Великой Победе солдат-пехотинец. Вражеские танки, пулеметы, орудия и минометы ловили его в свои прицелы. А он — воистину демиург войны, одетый лишь в одну тоненькую гимнастерку, с винтовкой, ставшей как бы продолжением рук его самого, шел железным полем битвы, шел к гнезду, из которого выползла коричневая чума.

И наступил последний, самый трудный бой. Вот уже завязались уличные бои в Берлине, мелькнуло в дымах разрывов и пожаров здание рейхстага...

Труден был путь сюда. Так давайте оглянемся еще раз на него, может быть, мы не все рассказали о том, как воевал солдат-пехотинец, как защищал Отчизну, освобождал народы Европы. Давайте еще раз обратимся к свидетельству очевидцев, полистаем старые, пожелтевшие от времени страницы фронтовых газет.

«Западный фронт. Дважды и трижды раненные в боях гвардейцы, вернувшиеся в свой полк. С л е в а н а п р а в о: гвардии военфельдшер Л. Семчук — ранен в двух боях; гвардии сержант В. Чечин — ранен в трех боях; гвардии младший политрук И. Авдюхов — ранен в трех боях, гвардии старший политрук

В. Баканов — ранен в двух боях; гвардии сержант Н. Кабанов — ранен в трех боях; гвардии старший сержант А. Сулейманов — ранен в трех боях; гвардии сержант Х. Табулдин — ранен в двух боях; гвардии старший сержант А. Иванов — ранен в трех боях; гвардии красноармеец Е. Журавлев — ранен в двух боях, и гвардии красноармеец И. Целищев — ранен в пяти боях».

«Красная Звезда» 5 июля 1942 года. Подпись под снимком 10 бойцов 3-й гвардейской мотострелковой дивизии.

«Вечером того же дня полк Ивана Простых выступил вперед и к исходу ночи занял свой участок на переднем крае...

Подполковник получил вначале простую задачу: сдерживать контратакующего неприятеля. Мощное и обильное противотанковое вооружение полка делало эту задачу нетрудной и посильной. А раз так, то Иван Иннокентьевич размышлял сейчас лишь над тем, чтобы как можно экономней, в отношении крови своих людей, завершить бой. Он считал пехоту сильнейшим родом войск, потому что сколь ни слаб огонь одного пехотинца, но каждым этим огнем управляет разум человека, и огонь его точен и губителен. Кроме того, пехота может бороться врукопашную, а это и венчает бой победой. Но главным искусством современной пехоты Иван Простых считал борьбу с танками. «Кто не умеет сжечь, изучивший танк, тот еще не солдат-пехотинец!» — говорил подполковник своим бойцам и старательно учил их технике сокрушения машин врага.

— Однако, — сказал мне, продолжая свою мысль, Иван Иннокентьевич, — можно знать свое оружие и все приемы, дабы наверняка остановить танк, и все же не суметь сделать это. Солдат должен иметь в себе внутреннее оружие — великую душу, сознающую свой долг, чтобы

встретить несущуюся на него, бьющую в него огнем стальную дробящую препятствия машину, — и ударить ее насмерть, сохраняя в себе разум и спокойствие, необходимые в бою. Это внутреннее оружие — душевное устройство — солдату дает лишь Родина...»

Андрей ПЛАТОНОВ. 1944 год

«Все, что я написал вам о дорогах, конечно, лишь отрывочные наблюдения. И это не главное, о чем я хотел вам сказать. Главное — человек, идущий сейчас вперед по этим дорогам. Пехотинец, русский солдат.

Как бы ни приходилось мокнуть, дронуть и чертыхаться на дорогах нашему брату — военному корреспонденту, все его жалобы на то, что ему чаще приходится тащить машину на себе, чем ехать на ней, в конце концов, просто смешны перед лицом того, что делает сейчас самый обыкновенный рядовой пехотинец, один из миллионов, идущих по этим дорогам, иногда совершая именно в тех условиях, которые я вам уже описал, переходы по сорок километров в сутки. На шее у него автомат, за спиной полная выкладка. Он несет на себе все, что требуется солдату в пути. Человек проходит там, где не проходит машина, и в дополнение к тому, что он и без того нес на себе, несет на себе и то, что должно было ехать. Он идет в условиях, приближающихся к условиям жизни пещерного человека, порой по несколько суток забывая о том, что такое огонь. Шинель уже месяц не высыхает на нем до конца. И он постоянно чувствует на плечах ее сырость. Во время марша ему часами негде сесть отдохнуть — кругом такая грязь, что в ней можно только тонуть по колено. Он иногда по суткам не видит горячей пищи, ибо порой вслед за ним не могут пройти не только машины, но и лошади с кухней. У него нет табаку, потому что табак тоже

где-то застрял. На него каждые сутки в конденсированном виде сваливается такое количество испытаний, которые другому человеку не выпадают за всю его жизнь.

И конечно, я до сих пор не упоминал об этом, — кроме того и прежде всего, он ежедневно и ожесточенно воюет, подвергая себя смертельной опасности.

Такова жизнь солдата в этом нашем весеннем наступлении».

Константин СИМОНОВ. Апрель 1944 года

Ракет зеленые огни
По бледным лицам полосули.
Пониже голову пригнй
И, как шальной, не лезь под пули.
Приказ: «Вперед!»
Команда: «Встать!»
Опять товарища бужу я.
А кто-то звал родную мать,
А кто-то вспоминал чужую.
Когда, нарушив забытье,
Орудия заголосили,
Никто не крикнул: «За Россию!..»
А шли и гибли
За нее.

Николай СТАРШИНОВ. 1944 год

Несмотря на все трудности и лишения, на бои и тяжелые потери, пришел солдат в Берлин. Рано утром 1 мая, написано в истории Великой Отечественной войны, на фронтоне рейхстага, у скульптурной группы, уже развевалось Красное знамя, врученное командиру 150-й стрелковой дивизии Военным советом 3-й ударной армии. Его водрузили разведчики 756-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии М. А. Егоров и М. В. Кантария во главе с заместителем командира батальона по политической части лейтенантом А. П. Берестом при поддержке автоматчиков роты И. Я. Сьянова. Это был триумф мужества и героизма советских воинов, величия подвига

Советских Вооруженных Сил и всего советского народа.

Капитуляцию берлинского гарнизона принял командующий 8-й гвардейской армией генерал В. И. Чуйков. Тот самый, который оборонял Сталинград. Именно ему генерал вражеской пехоты вручал просьбу о капитуляции.

Долгожданная победа! Велик вклад в нее воинов стрелковых войск. Они вынесли на себе основную тяжесть войны — пулей и штыком уничтожали врага, с гранатами, бутылками с зажигательной смесью шли на вражеские танки, метким огнем противотанковых ружей оставляли бронированные чудовища, подрывали доты, отважно действовали в рукопашных схватках. Слава и гордость стрелковых войск — герои-панфиловцы, кавалер четырех медалей «За отвагу» пулеметчик Максим Марченко, под пытками не выдавший врагу тайны рядовой Юрий Смирнов, парторг роты Григорий Кунавин...

В рядах славных солдат «царицы полей» дошагал до вражеской поверженной столицы пехотинец Василий Теркин. Этот литературный герой, начавший свою жизнь на страницах военной газеты, еще в годы войны с белофиннами воплотил в себе лучшие черты русского, советского человека — широту натуры, обаяние, мужество, скромность, готовность к самопожертвованию, любовь к Родине.

Его подвиги, его имя стали легендарными. При «наличии стольких свойств» недаром возникал «меж родами наших войск» спор о том, «чьим быть герою». И рассудил автор:

Теркин — тем ли, этим боком —
В жизни воинской своей
Близок был в раскате дней
И с войны могучим богом,
И гремел по тем дорогам
С маршем танковых частей,
И везде имел друзей,
Оставаясь в смысле строгом
За царицею полей.

Подвиги и герои. Оба эти слова прочно вошли в жизнь советской пехоты.

За подвиги, совершенные в годы Великой Отечественной войны, звания Героя Советского Союза удостоены 5500 воинов стрелковых войск.

Это значительно больше, чем в любом другом виде Вооруженных Сил и родов войск.

Открывает список Героев командир 1-й мотострелковой дивизии 20-й армии полковник Я. Г. Крейзер. Среди младших командиров стрелковых войск первым Героем стал командир отделения 389-го стрелкового полка 176-й стрелковой дивизии младший сержант Курбан Дурды. Командир стрелковой дивизии полковник И. И. Фесин стал первым дважды Героем Советского Союза в сухопутных войсках. Командир стрелкового взвода гвардии старшина П. Х. Дубинда удостоен звания Героя Советского Союза, он же награжден орденом Славы всех трех степеней. Среди воинов стрелковых войск 25 женщин — Героев Советского Союза.

В бою за деревню Чернушки совершил подвиг рядовой гвардейского стрелкового полка А. М. Матросов — он закрыл своим телом амбразуру пулеметного дзота, препятствовавшего продвижению подразделения. Приказом наркома обороны Александр Матросов первым в Вооруженных Силах навечно зачислен в списки части.

Более 100 человек, повторивших подвиг Александра Матросова, — воины стрелковых войск.

29 января 1942 года в районе Новгорода взвод 299-го стрелкового полка попал в огневой «мешок». Враги вели огонь из трех дзотов. Им требовалось всего несколько минут, чтобы уничтожить наступавших. Ближе всех к вражеским пулеметам находились коммунисты сержант И. С. Герасименко, рядовые А. С. Красилов и Л. А. Черемнов. Не

сговариваясь, они бросились на амбразуры дзотов. Это был первый в годы войны групповой подвиг самопожертвования.

7 ноября 1942 года в городе Фрунзе был открыт памятник командиру 316-й стрелковой дивизии генералу И. В. Панфилову — первый в стране памятник Герою Советского Союза, удостоенному этого звания во время Великой Отечественной войны.

К нашей славной пехоте, ее подвигам имеют отношение и другие памятники войны. В болгарском городе Пловдиве «стоит над горою Алеша, в Болгарии — русский солдат». Болгарские скульпторы ваяли этот монумент с бывшего рядового 188-й стрелковой дивизии Алексея Ивановича Скурлатова.

Ныне бывший красноармеец Скурлатов, награжденный за свои ратные дела орденом и медалями, живет в селе Налобиха Косихинского района Алтайского края. Долгие годы работал в сельском хозяйстве, теперь на заслуженном отдыхе.

Он пишет: «Вы задаете вопрос, за что я получил орден Красной Звезды. Что можно ответить? Откровенно говоря, я не помню. Вызывают нас, троих разведчиков, в штаб и вручают ордена всем одинаковые. Боевых дел у нас было очень много...

Моя мать получила похоронное извещение на меня в 1943 году. Мы наступали на деревню Веревкино, и меня там контузило. Санитары откопали и отправили в госпиталь, где я пролежал два месяца. Не слышал и не разговаривал. Трясло все тело, и написать не мог. Но спустя два месяца я написал домой письмо, а они уже меня оплакали. Вот такие дела были. Не я один такой. Многие остались там, вечно молодые...»

...В тридцати километрах от Ворошиловграда на кургане возвышается фигура человека. Вскинув правую руку с пистолетом, он устремился вперед.

У подножия кургана надпись: «В честь героического подвига политработников Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

Это памятник и подвигу младшего политрука Алексея Гордеевича Еременко.

12 июля 1942 года в знойной дождевой степи подразделения правого фланга 4-й стрелковой дивизии сдерживали натиск превосходящих сил гитлеровцев. После очередной артоподготовки они вновь пошли в наступление. Это была их четырнадцатая атака в тот день. И тогда младший политрук А. Еременко поднял своих бойцов в контратаку.

В эту минуту и запечатлел его фронтовой корреспондент М. Альперт.

Известный снимок, обошедший мир, называется «Комбат», он стал отправной точкой для работы скульпторов, создававших памятник под Ворошиловградом.

В начале 70-х годов, после поиска, проведенного журналистами комсомольских газет, стало известно имя героя. В канун 35-летия Победы был открыт памятник подвигам политработников. Он сооружен на поле, которое теперь называется Комиссаровым.

В самом Берлине, в Трептов-парке, стоит памятник солдату-освободителю. Его автор — бывший командир стрелкового взвода 5-й имени М. В. Фрунзе стрелковой дивизии Е. В. Вучетич. Этот величественный монумент был создан в память воинов-пехотинцев, всех воинов Красной Армии, победившей фашизм.

После победы над империалистической Японией Советский Союз вступил в эпоху мирного строительства. Было произведено сокращение численности состава Красной Армии. Кстати, с февраля 1946 года она стала называться Советской Армией.

Послевоенный период развития стрелковых войск отмечен коренны-

ми изменениями. Научно-техническая революция глубоко повлияла на военное дело. В 1954 году на вооружение Советской Армии поступило ядерное оружие, другая боевая техника.

Преобразования в техническом оснащении стрелковых войск сказались на их названиях. В 1963 году они получили новое наименование и стали мотострелковыми войсками. Пехоты (пеших солдат) нет уже в прежнем представлении, а есть мотострелки, составляющие основу Сухопутных войск, ядро их боевых порядков.

В конце 60-х годов техническое оснащение мотострелковой дивизии по сравнению с дивизией 1939 года возросло: по танкам — в 16 раз, по

бронетранспортерам и бронемашинам — в 37 раз, по автоматическому оружию — в 13 раз, по средствам радиосвязи — в 5 раз. Энерговооруженность на одного человека составляла свыше 30 лошадиных сил по сравнению с тремя лошадиными силами в 1939 году.

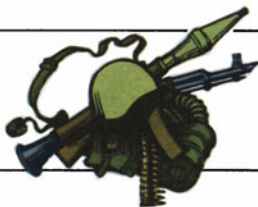
Части и соединения имеют мощные боевые машины пехоты, бронетранспортеры, вооружены танками, противотанковыми и противовоздушными средствами. Ракетное оружие различного назначения, артиллерия и минометы, гранатометы, пулеметы, автоматы, инженерные средства, средства связи, разведки и химической защиты — таково вооружение современных мотострелков.

Защитники Отечества

Пожалуй, лучше всего рассказать о современной пехоте можно, сузив пределы повествования к описанию жизни мотострелкового полка. Почему именно полка, спросите вы, а не батальона или роты, например!

Ну, во-первых, потому, что взвод, рота, батальон — это тактические подразделения. Мотострелковый полк же представляет собою основную общевойсковую тактическую часть. Он способен самостоятельно наносить противнику поражение в наступлении, вести встречный бой, создавать в короткий срок устойчивую активную оборону. Во-вторых, полк — основная административно-хозяйственная единица в Советских Вооруженных Силах. Он имеет свое боевое знамя, печать, другие атрибуты воинской части.

Есть еще одна причина, заставляющая нас обратиться к жизни мотострелкового полка. В нашей ар-

мии давно существует термин «полковая жизнь». И если раньше, при царизме, это понятие, как правило, носило отрицательный смысл — полковая жизнь была тяжела, наполнена муштрой и бездумным существованием [вспомним «Поединок» А. И. Куприна], то нынче мы вкладываем в него совсем другое содержание.

Полковая жизнь теперь иная. О ней и пойдет речь в последнем разделе книги. Конечно, рассказ этот не о какой-то конкретной части. Герои помещенных здесь повестей, очерков и стихов выполняют свой долг в разных местах нашей Родины, имеют разные звания, служат на разных должностях. Но знакомство с ними, их заботами, радостями и проблемами поможет нам полнее представить жизнь современных мотострелков, славных защитников нашего социалистического Отечества.

19 октября 1919 года в жизни молодой Красной Армии произошло знаменательное событие. В этот день общим собранием личного состава полка Красных Коммунаров особого назначения Западного фронта Владимир Ильич Ленин был избран по-

четным красноармейцем полка. В ходе гражданской войны вождь и основатель нашей партии и государства не раз утомлялся этого почетного воинского звания, свидетельствующего о безмерной любви и уважении к нему защитников Роди-

ны. И авиаторы, и кавалеристы, и связисты, и моряки, признавая выдающиеся заслуги В. И. Ленина перед Вооруженными Силами и Советским государством, избирали его почетным красноармейцем, почетным краснофлотцем. Но начало этой прекрасной традиции положили воины стрелковых войск, пехотинцы, которые первыми вручили В. И. Ленину служебную книжку...

С той поры прошло немало времени. Но до сих пор в воинском строю находится почетный красноармеец В. И. Ленин. Мы хотим познать вас с анкетой, своеобразным послужным списком одной из моторелковых частей Советской Армии, почетным красноармейцем которой является основатель нашей партии и правительства.

Виктор КУКЛЕНКО

СЕРДЦЕМ ТВОИМ

- Время и место рождения!
- Год 1918-й, октябрь.

Тревожная ночь восемнадцатого года — время рождения одной из первых регулярных воинских частей молодой Красной Армии.

Зарождение полка связано с именем легендарного героя гражданской войны Василия Ивановича Чапаева. По поручению Революционного военного совета Республики он сформировал часть, которая сразу же вступила в бой с колчаковцами. Мужество и отвага, беспредельная преданность делу рабочего класса, партии большевиков делали бойцов непобедимыми.

...1919 год, Уральск. Его героическая защита — особая страница в боевой биографии полка. Город в осаде. Положение осажденных невыносимо, но люди держатся до последнего. До последнего патрона, до последнего человека.

И бойцы выдержали! Каждый день беспримерных боев рождал героев. Среди них командир батареи Терентий Сорокин, бойцы Константин Полецков, Владимир Жестяков.

72 дня длилась героическая защита Уральска. Над городом по-прежнему реяло Красное знамя, обгащенное кровью бойцов революции. Победило, не могло не победить то правое, то святое, за что они шли на смертный бой с врагом. Восхищаясь мужеством людей, вынесших на своих плечах неимоверную тяжесть и лишения двухмесячной обороны, Владимир Ильич Ленин подписал постановление Совета рабочей и крестьянской обороны, где отмечено: «...защитники города Уральска показали пример истинной преданности революции».

...Годы Великой Отечественной — новые яркие страницы в боевой летописи революцией мобилизованной части. Бои под Москвой и у стен Сталинграда, Курская битва, освобождение Киева и, наконец, Берлин! В биографии полка — участие в разгроме Квантунской армии. И опять десятки, сотни отличившихся в боях, гордо пронесших боевое знамя по фронтовым дорогам.

Сегодня мы пристально всматриваемся в знамена, пожелтевшие от времени документы, фотографии

далеких лет, и гордость наполняет наши сердца за тех, кто причастен к славной истории части.

— **Наиболее памятный день в истории полка!**

— **11 апреля 1922 года, в этот день Владимир Ильич Ленин был избран почетным красноармейцем полка.**

Среди многочисленных реликвий, воскрешающих легендарное прошлое части, есть запись выступления одного из ее первых командиров — Федора Ивановича Конкина.

«Трудно передать то оживление, которое царило в части, когда решался вопрос о зачислении дорогого Ильича почетным красноармейцем. На собрание, где обсуждался этот вопрос, шли как на праздник. За предложение проголосовали все как один.

Здесь же было принято решение послать к Владимиру Ильичу Ленину делегацию для вручения ему служебной книжки красноармейца, солдатского обмундирования и вещевого аттестата. Высокой чести выполнить это поручение были удостоены герои боев: командир конной разведки Степан Нефедов, бойцы Михаил Попов и Билал Абиев».

— **Награды, поощрения полка!**

— **Орден Красного Знамени, Почетные знамена...**

Эти пурпурные знамена бережно хранятся в музее боевой славы. Они величественно стоят как свидетели и деятельные участники героического прошлого полка. Отблеск боев гражданской — в «Почетном революционном Красном знамени, пожалованном Всероссийским Исполнительным Комитетом стрелковому полку».

А вот знамена — заслуга воинов послевоенных лет, тех, кто свято чтит и выполняет священные ленинские заветы: Памятное знамя

ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ.

— **Какие черты наиболее характерны для бойцов и командиров!**

— **Верность ленинской партии коммунистов, безграничная любовь к Родине, верность воинскому долгу, стремление всей своей службой умножить героическое прошлое, держать равнение на правофлангового армейского строя — Владимира Ильича Ленина.**

Год 1918-й — год 1986-й. Толщей лет отделены друг от друга эти даты. Солдаты 80-х бережно хранят героик прошлого, приумножают традиции родной части славными делами сегодняшних дней. Среди тех, кто идет впереди, — воины ленинской роты.

...Еще недавно колонна пробиралась по склонам сопки, а теперь расположилась здесь, у подножия высоченной горы, степенно взирающей и на обороняющихся, и на наступающих. Немного времени оставалось командиру роты капитану Вертунову, чтобы окинуть взглядом боевые порядки взводов, местность, отдающую мотострелков от едва различимой в утренней дымке кромки океана, куда можно было сбросить вцепившегося в опорный пункт «противника».

С шипением врезалась в небо сигнальная ракета, и тотчас же ожили покрывшие сопки заросли, из-под прикрытия которых вырвались танки, а за ними гусеничные тягачи с мотострелками. Многие не сразу привыкают к многоцелевым тягачам (МТЛБ-В), заменяющим в суровых условиях снежной зимы колесные машины. Но сейчас, в ходе учений, сполна убеждаемся в недюжинной силе, проходимости и маневренности этих гусеничных трудяг, одинаково бойко несущихся по снежной це-

лине и бездорожью, преодолевающих траншеи и окопы.

Мастерски управляет машиной механик-водитель, бывший тракторист, рядовой Николай Олейник. Здесь у него, как и у его боевых друзей, своя борозда — та невычерченная тропа полигона, которая ведет к победе над «противником».

Взводу лейтенанта Владимира Лысенко выпала сложная задача. Местность не подарок, к тому же «противник» умело укрепил ее, превратив в мощный опорный пункт. В этих условиях взвод вновь подтвердил репутацию лучшего в ленинской роте. Когда в ходе атаки солдаты наткнулись на речушку, первым в ледяную воду шагнул командир отделения сержант Алексей Шаповалов. Он увлек за собой подчиненных, как сделал это и на прошедших учениях во время морского десантирования.

В ленинской роте по давней и доброй традиции служат призывники с родины Ильича — Ульяновска и

Ульяновской области. Они сохраняют верность патристическому девизу: «На родине Ленина — жить, работать, бороться по-ленински!» Надо видеть, с каким азартом, неуловимостью разят «противника» эти ребята — рядовые Тихонов Юрий и Клементьев Николай. Первые их выстрелы заставляют мишени послушно опуститься. Под стать им действует и комсомольский активист, сержант Петр Тормохин, пулеметчик.

...Скоротечен современный бой. Меньше часа продолжалась атака на заключительном этапе учений. Опорный пункт «противника» был сметен. Вскоре, получив новую задачу, рота исчезла в распадке, и лишь многочисленные следы, оставленные техникой и людьми, напоминали о недавнем бое на Мокрых песках, минутах солдатского мужества. Минутах из долгих лет славной биографии ленинской роты.

В мотострелковом, как, собственно, и в любом другом полку нашей армии, часто бывают гости. То придут с концертом шефы-заводчане, то из колхоза представители за помощью: «Урожай такой выдался, что самим не управиться». То, заробевшие от четкости и строгости воинского порядка, придут к штабу родители кого-нибудь из солдат: «Как наш сын служит, нет ли претензий!» То появится у контрольно-пропускного пункта покрасневшая от смущения дивчина: «Я к Петрову из седьмой роты».

Всех гостей в полку встречают, всем находят доброе слово и помогают решить возникшие пробле-

мы. Но, пожалуй, все-таки особое отношение у солдат и офицеров к приходящим в полк фронтовикам.

Внимательно слушают их советы, впитывают в себя их опыт, учатся у них достойно выполнять воинский долг.

Приходят ветераны в часть. Строгим взглядом окидывают все вокруг: «Как порядок!», «Как внешний вид!», «С какими оценками вернулись с учений!» Много вопросов у этих беспокойных людей. Задают их не ради праздного любопытства, а чтобы точно, наверняка узнать — в верных ли руках оружие, надежна ли защита Отчизны.

Владимир КАРПОВ,
Герой Советского Союза

КОМАНДОВАЛ РОТОЙ...

Темно-зеленые боевые машины пехоты (БМП) стояли напротив распахнутых боксов парка. Шло обслуживание техники. Командир роты старший лейтенант Виктор Викторович Шиян подходил к машинам, прислушивался к работе моторов. Стройный, высокий, он не спеша двигался от одной БМП к другой.

Мне есть с кем сравнить Виктора Викторовича, его работу, успехи роты, которой он командует. Вспоминаю своих ротных, у которых служил в 1939—1941 годах, — капитанов Смирнова и Зайковского. Мудрых, с авторитетом непререкаемым. Я был тогда курсантом и как о трудно достижимом мечтал стать таким, как мой ротный командир. А потом довелось и самому командовать ротой, да и самими ротными командовал позже...

Каков же он, сегодняшний командир роты? Чем отличается от нас? Ученики, говорят, должны превосходить своих учителей. Однако превзойти наше поколение не так-то

просто! Мои ротные — мастера обучения в мирные дни — в боях показали себя прекрасными офицерами. Зайковский, командуя полком при форсировании Днепра, совершил подвиг и посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Смирнова я встретил после войны — четыре ряда орденских планок украшали его грудь. Да и мы, их воспитанники, били врага умело. Многие, защищая Родину, отдали жизнь.

Старшему лейтенанту Шияну двадцать шесть лет, и на первый взгляд этого спортивно-свежего, родившегося уже после войны молодого человека трудно поставить рядом с боевыми офицерами. И все же...

В военном училище Шиян изучал общую физику, общую химию, высшую математику, теоретическую механику, начертательную геометрию и машиностроительное черчение, сопротивление материалов, электротехнику, техническую термодинамику, гидравлику и гидравлические ма-

шины, двигатели и их системы, автомобили, танки...

Как много нам, офицерам, ушедшим в запас, говорит простой перечень дисциплин. Ведь целая эпоха пролегла между нами. Пролегла, но не противопоставила нас.

Знакомясь с огневой мощью мотострелковой роты, я вспомнил оборону под Смоленском — в полку (не в роте!) не было ни одного бронетранспортера, ни одного автомобиля.

Помню, мой командир полка майор Алексей Кириллович Картунов, впоследствии Герой Советского Союза, занимавший после войны долгие годы пост министра газовой промышленности, метался на командном пункте при очередной атаке фашистов, с ненавистью шептал:

— Хотя бы пяток пушек, хоть бы парочку танков, мы бы вам показали!

Ну как не радоваться, когда видишь сегодня старшего лейтенанта, у которого столько броневых единиц, да каких! Они могут плыть по рекам и озерам, на большой скорости покрывать огромные расстояния! Или взять другое сооружение — современные пушки, установки с противотанковыми управляемыми ракетами.

Ныне рота своими средствами в состоянии остановить и разгромить десятки вражеских танков. Вот бы нам все это в полк, туда, под Смоленск!

Офицер Шиян сам мастерски владеет оружием и техникой роты, ниже отличной оценки на стрельбище и полигоне он не получал. Такое умение, несомненно, укрепляет его авторитет. А заслужить уважение у нынешних солдат не так-то просто, многие из них еще до призыва в армию были, как говорится, с техникой на «ты»: комбайнеры, рабочие от современных станков и даже недавние школьники — кто водил автомобиль, кто в кружках мастерил

радиоприемники, модели самолетов, роботов...

Шиян сказал:

— С такими людьми работать и легче и труднее. Легче потому, что они понимают с полуслова. Труднее потому, что у каждого из них за плечами высокие знания.

Вот служил у нас в роте отличный механик-водитель Евгений Новак. В технике — профессор. На темы международной жизни мог прочесть лекцию. О литературе говорил — заслушаешься! Когда такой подчиненный — сам невольно подтягиваешься!

...Из парка старший лейтенант Шиян пошел в казарму. В ней светло, солнечно, ровные ряды подушек бегают на кроватях. Командир роты коротко заметил дежурному:

— Окна приоткройте, душно...

В спальном помещении совсем не душно, форточки распахнуты, но дежурный тут же побежал к окнам и открыл несколько створок. Спешил он к окнам, мягко ступая, — так ходят, если в доме больной или стряслась беда. Ни того, ни другого в роте не было, но эти мягкие шаги и какой-то настроенно-грустный взгляд дежурного имели свой смысл. Сегодня командир прощался с дорогой его сердцу ротой, а рота прощалась с любимым командиром. Он получил повышение.

Продолжая мысленно сравнивать Виктора Викторовича Шияна с офицерами моей молодости, я увидел не только различия между ними, но и приятное сходство. Вот хотя бы эта взаимная привязанность командира и подчиненных, любовь к Шияну.

Такая преданность и любовь характерны для Советских Вооруженных Сил: наши офицеры заслужили ее отеческой заботой, справедливой требовательностью, высокой культурой и глубоким знанием дела.

Не скрывая восхищения, сказал я Шияну:

— Много и хорошо вы потрудились. Нелегко далось звание лучшей

роты соединения. Не зря вас повышают!

А он заговорил о своем заместителе по политчасти:

— Наша дружная работа с Феопентовым — главная причина успеха. Никогда мы не делили работу на строевую и политическую. Прежде всего нужно воспитывать политически сознательного воина.

А в другой раз (видно, очень тяготило это Шияна) он сказал:

— Работали мы с Феопентовым дружно. Он не меньше меня трудился. И вот расстаемся. Тяжело...

Одна из отличительных черт советских командиров всех поколений — высокая политическая активность, безграничная преданность ленинской партии, народу. Причем коммунистическая убежденность растет качественно от поколения к поколению. Мои командиры, участники гражданской войны, чаще руководствовались классовым чутьем, их социальные, политические убеждения формировались практикой жизни и революционной борьбы. Поколение офицеров, к которому принадлежит Шиян, имеет прочный научный фундамент в своих политических убеждениях.

И еще у Шияна весь наш огромный военный опыт, зафиксированный в уставах, в литературе, в традициях. Но, как и для многих офицеров его поколения, в жизнь старшего лейтенанта война вошла не только через литературу.

Его отец, Виктор Григорьевич, фронтовик, с первого до последнего дня войны прошагал в пехоте, закончил ее старшим сержантом, не раз ранен, имеет награды. В настоящее время майор запаса. Мать, Надежда Митрофановна, тоже фронтовика. Сам Шиян родился на немецкой земле, куда в свое время пришли с победой его родители. Дед, Григорий Васильевич, служил в Красной Ар-

мии еще в гражданскую. А в годы Отечественной войны был партизаном.

Теперь у Виктора Викторовича уже своя семья, растет голубоглазый — вылитый отец — сын Дмитрий. Жена, Татьяна Юрьевна, дочь офицера. Военная жизнь для обоих — родная, близкая сердцу среда. Но хочется здесь отметить: в делах и в быту отразилось веяние времени, и одна из его особенностей — более высокая культура. Что любит Виктор Шиян? Музыку — окончил музыкальную школу. Спорт — кандидат в мастера по баскетболу и плаванию. А жена преподаватель музыки. Замполит, старший лейтенант Феопентов, увлекается живописью, собрал отличную коллекцию репродукций и сам пишет маслом. Не потому ли ленинская комната роты — одна из лучших в части? Давно известна своеобразная «формула» ворчливости старших: «Мы были не такие... Вот в наше время!..»

И я скажу: да, прежние ротные были отличными командирами, моя любовь, моя сердечная близость к ним никогда не остынет. Но не могу сказать, что в чем-то молодое поколение офицеров уступает. А точнее, они — это мы, только впитавшие больше знаний, шагнувшие на более высокий технический уровень. И любовь наша к ним не менее тепла, чем к старшим братьям. Потому что и мы, «старики», не были сторонними наблюдателями при формировании этого нового поколения, а жизнью своей, трудом ратным, победами на полях сражений добывали то, что приняли как эстафету наши благодарные наследники. Итог у нас общий. И он еще не окончательный. Жизнь, служба продолжаются; мы еще потрудимся вместе на благо Отечества!

И пусть торжествует истина: ученики должны превзойти учителей!

Великая честь и большая ответственность — быть командиром Советских Вооруженных Сил, посвятить свою жизнь благородной цели — защите Родины. И советские офицеры достойно выполняют поставленную партией и Родиной задачу.

Есть в нашей армии офицеры, занимающие особую должность. Особую по своей сложности и напряженности. Это командиры полков. В Уставе Внутренней службы Вооруженных Сил СССР, где сформулированы обязанности должностных лиц части, раздел, посвященный деятельности командира, самый большой. Нет, пожалуй, такой области в жизни коллектива, которая оставалась бы вне его внимания. Устав гласит: «Командир полка в мирное и военное время несет полную от-

ветственность: за боевую и мобилизационную готовность полка, за боевую и политическую подготовку, воспитание, воинскую дисциплину и политико-моральное состояние личного состава, за состояние и сохранность вооружений, боевой и другой техники, боеприпасов, горючего и иных материальных средств полка, за успешное выполнение полком боевых задач, за материальное, техническое, медицинское, торгово-бытовое и финансовое обеспечение полка». Такой широкий круг обязанностей очерчен не случайно. Командир полка является единоначальником. Вся полнота власти в полку сосредоточена в его руках. Он один может принимать решения и отдавать приказы, обязательные для всего личного состава.

Юрий ТЕПЛОВ

ШЛИ ТОВАРИЩИ...

Так и крутилась в голове Заварзина эта мелодия, навеянная шумом недалекого океана, ночной дорогой, по которой шли колонны. Шли его подчиненные, все такие разные и все собранные воедино его, командира полка, волей. А песня звучала: «Шли товарищи, шли товарищи в бой...» Подполковник Тыркин пел ее однажды на новогоднем вечере. Его тогда дружно поддерживали лейтенанты. И Заварзин вдруг понял в те минуты, что главные волнения позади, что период, который называется началом, закончен и теперь впереди продолжение, бесконечное, как сама жизнь: «Шли товарищи...» Они и шли сейчас по полигонным дорогам, каждый со своей конкретной задачей, вписывающейся в общий замысел учения. Песня продолжала звучать в голове, несколько не мешая будничным и тревожным мыслям, глав-

ная из которых: «Как там, у Бондаренко?»

Третий батальон, которым подполковник Бондаренко командовал, уже должен был выйти к реке. Подполковник Заварзин одобрил решение комбата переправляться сразу двумя ротами, чтобы затем одной из них при поддержке приданной артиллерийской батареи атаковать опорный пункт, а другой — наступать в обход сопки, по низине, отрезая этим возможный путь выдвижения резерва «противника».

...Чем детальней Заварзин знакомился с жизнью и бытом подчиненных, тем яснее понимал, что и требовать, и действовать по уставу будет нелегко. Он начал обход своего хозяйства с казармы. Привыкший к порядку глаз сразу отметил, что кровати не покрашены, прикроватные тумбочки разных моделей, подматрасников нет. В этом уже заклю-

чался непорядок, который никак не мог родить порядка в поведении людей, во взаимоотношениях между ними. Но то мелочи, их легко поправить. Хуже было другое. В казарме одного из подразделений не работала система отопления, хотя на дворе была осень. В клубе прогнулся потолок. В довершение всего явилась делегация женщин с жалобой на то, что в городке нет детско-го врача.

Заварзин понимал, что наведение уставного порядка надо начинать с создания необходимых условий для жизни, службы, контроля. Лишь тогда можно будет требовать со спокойной душой.

Получилось так, что почти одновременно с Заварзиным в полк прибыли и двое его заместителей: по политчасти и по тылу. Были они годами постарше командира. И это сначала обеспокоило его: как-то они воспримут его, начинающего, в такой ответственной должности?

Но, видимо, опыт рождает и такт и мудрость. Заварзин почувствовал это на первом же совещании. Не увязая в деталях, он тогда сказал, что борьба за дисциплину на сегодняшнем этапе — это налаживание быта, воспитание исполнительности и жесткий контроль. И заместитель по политчасти подполковник В. Тыркин рассудительно поддержал его.

Трудности начались сразу же, когда соприкоснулись намерения и дело. Заварзин и знал, и понимал сердцем, что ни ему, ни его заместителям невозможно дойти до каждого солдата: на это просто не хватит времени. Как-то он читал в одной газетной статье, что командир полка чуть ли не с каждым солдатом занимался индивидуально, чуть ли не о каждом знал всю подноготную. Заварзин поверил бы статье, если б сутки вмещали 48 часов. И то посчитал бы, что командир подменяет подчиненных ему офицеров. У каждого есть свой, строго очерченный служебными обязанностями круг работы. И

если каждый добросовестно станет делать то, что положено, родятся и порядок, и дисциплина, и успехи в боевой подготовке. Бывают случаи, что и командир полка должен работать с солдатом индивидуально. Но это исключение, а не правило. Есть должностные ступеньки, определяющие, кто кого должен учить и воспитывать.

Комбата-3 Заварзин в тот день нигде не мог сыскать. А когда на другой день тот стал что-то невразумительно объяснять, спросил напрямую:

— На рыбалку ездили?

Бондаренко промолчал.

— Объявляю вам выговор.

По-разному люди реагируют на взыскания. Бондаренко — хмуро, со взглядом исподлобья. А, например, Корчакин — с видом полнейшего равнодушия и с чуть ли не вызывающим: «Есть!»

Если бы Заварзину сказали раньше, что столько беспокойства ему доставят старшие офицеры, в таком же, как он, звании, да еще и годами постарше, он бы не поверил. Но увы!.. Он представил командира артдивизиона подполковника В. Корчакина, худого, высокого, жилистого, чернявого. Вспомнил один из первых разговоров с ним.

— Какое сегодня число? — спросил тогда Заварзин.

— Двадцать седьмое.

— А когда вы должны закончить месячное планирование?

— Двадцать пятого...

Они нелегко давались Заварзину, выговоры и строгие выговоры. Он и сам переживал после этого, но старался не показывать свою слабость, считал, что жесткость, особенно на первых порах, необходима.

Утром подчиненным Корчакина предстояла боевая стрельба. Это для подразделения экзамен. Заварзин был почему-то уверен, что они его выдержат, несмотря ни на какие

случайности. Иначе не имела смысла вся та работа, которая начиналась с жесткости и с хозяйственных проблем.

Какие только мысли не взбредут в минуты ожидания, когда все помыслы вроде бы должны быть направлены на одно: завтра бой! А вот поди же ты, вспомнил о хозяйственных заботах и тут же по ассоциации — отца. Это было в послеакадемическом отпуске, когда счастливый случай привел в родительский дом всех троих сыновей. Сидели за столом: по правую руку — старший, Вячеслав, тоже подполковник, по левую — средний, Геннадий. А он, младший, устроился возле матери. Отец, уже знавший про его назначение на Дальний Восток, старенький, но еще крепкий батя, прошедший войну в звании рядового, сказал:

— Полк, Витка, это самый большой и самый трудный колхоз. Не возражайте отцу и не смейтесь! Я в том смысле, что полк — это не только стрельба, но и хозяйство...

Быт личного состава стал трудностью номер один. Как его наладить, если не было ни труб, ни цемента, ни досок, ни линолеума, не было самых необходимых строительных материалов?

Выход — где что достанешь. Заварзин не терпел слова «доставать», нечистый запах был в нем. И понимал, что надо смириться с этим, что ради полка, ради будущего он должен пойти на какую-то хозяйственную дипломатию.

В тот вечер они задержались в штабе вшестером: он, заместители и начфин. Решали вопрос о деньгах.

Денег на строительство и ремонт не было. И в то же время они были по другим финансовым статьям, но лежали мертвым капиталом. Капитан А. Поляков, большой дока в своем бухгалтерском деле, сказал:

— Краску и гвозди можем купить...

— А где будем брать фондовые материалы? — спросил Заварзин.

— Трубы дает КЭЧ, — доложил заместитель по тылу подполковник Е. Стерлин. — Нужны люди и транспорт, чтобы их вывезти. Есть и пилорама, вернее, то, что было раньше пилорамой, а теперь завалено мусором. Старшина седьмой роты старший прапорщик Давыдович берется ее пустить... Все прочие материалы, — продолжал Стерлин, — имеются на соседнем заводе. Но они могут их отпустить нам лишь взамен на рабочие руки...

Ну, что будешь делать, командир? Отрывать часть людей от боевой учебы и создавать рабочую команду? Нет! Никак невозможно! Работать вечерами? Но ведь есть строго регламентированный распорядок, который сам утверждал. Если честно признаться, Заварзин считал, что семичасовой рабочий день не для военного человека. Коли уж ты надел погоны, то обязан трудиться столько, сколько требует необходимость. И в общем-то примечал и выделял тех из командиров рот и взводов, кого чаще и больше видел с солдатами, особенно в выходные дни.

Так что же делать?

Подполковник Тыркин словно почувствовал колебания командира:

— Кликнем добровольцев, а? Особенно из увольняемых в запас... Два выходных — это не так уж мало. Одновременно создадим комиссию для контроля качества работы, зарплатных средств и их расходования. Включим в нее секретаря комитета комсомола. Шефские связи, Виктор Михайлович, это не только самостоятельность и совместные мероприятия, но и деловая взаимопомощь...

Как он там сейчас, боевой комиссар? Сам пожелал быть с третьим батальоном еще до того, как Заварзин хотел предложить это. Наверное, в головной роте, с солдатами. «Шли товарищи, шли товарищи в бой...»

Однажды Тыркин спросил:

— Знаете, Виктор Михайлович, что больше всего мне нравится в вашем командирском стиле? Советования. Я засекал время, и ни разу вы не вышли за пределы двадцати пяти минут.

— Время в нашей жизни — дефицит. Служил я до академии в Среднеазиатском. И был у нас командир полка подполковник Дмитриев Михаил Дмитриевич. Однажды я не уложился в три отведенные мне минуты. И он вежливо так сказал: «Ваше время истекло». Жесткий был командир, но справедливый.

— А знаете, что больше всего мне не нравится в вас?

Заварзин никак не ожидал такого поворота. Насторожился внутренне.

— Вот эта ваша излишняя жесткость.

— А поконкретнее?

— Вы разбрасываетесь взысканиями. Корчакин уже имеет их три. Бондаренко тоже три.

Заварзин прекрасно понял, почему Тыркин начал такой разговор. Накануне он полувопросительно-полуутвердительно сказал замполиту:

— Пожалуй, Корчакина и Бондаренко надо представлять к увольнению в запас?

Тыркин не ответил, а теперь вон как... Заварзин помнил, кого и за что он наказывал. Собрался выстроить в памяти эти случаи, но вместо того стал мысленно перебирать других офицеров, как раз тех, кого поощрял. Капитан А. Ильченко, старший лейтенант Е. Абрамов, лейтенанты В. Хорев, А. Каменев... Что в них нравилось Заварзину — так это полная самоотдача службе. Таких людям он готов был прощать

любые промахи, от которых, как известно, не застрахован никто. И терпеть не мог равнодушных. Корчакин, считал он, из равнодушных, из тех, кто дослуживает.

— Послезавтра мы слушаем Корчакина на парткоме, — продолжал Тыркин. — Сила общественного мнения, может быть, и убедительнее, чем взыскание... А Бондаренко до полной пенсии еще год нужен. Двое детей у человека и жена болеет.

Заварзин и сам знал об этом. По-человечески можно понять, но служба есть служба!

— Когда взысканий много, они утрачивают воспитательное воздействие. Стоило ли вчера наказывать лейтенанта?

— Он сорвал выход в поле.

— Это и было для него самым большим уколom совести.

Вина молодого офицера состояла в том, что накануне выхода на полевые занятия он не поставил на документы печать в штабе. Спыхватился только утром, перед самым выездом. Бегал по штабу, даже рисковал зайти к командиру полка.

Заварзин сказал ему:

— Считайте, что вы сорвали занятия.

Все-таки, пожалуй, в этом случае он был прав как командир, думал Заварзин. Главное в организации учебно-воспитательного процесса — продуманное планирование, контроль и оказание помощи. Того он и добивался. А можно ли добиться без исполнительности? Но и замполит, конечно, прав. Тут Заварзин должен, даже обязан был признать, что на первых порах недооценивал силу партийного влияния. Вовремя состоялся с Тыркиным тот разговор...

«Шли товарищи, шли товарищи в бой...» Они и есть все товарищи, от рядового до командира полка. Правда, бой у них учебный. Но и его без боевого товарищества не выиграть.

Он взглянул на часы. Минутная

стрелка приблизилась к шести. Третий батальон начал переправу.

Не знаю, встретились ли бы мы с подполковником Заварзиным, если бы в руки мне не попала политотдельская брошюра под названием «Всем арсеналом средств», рассказывающая об опыте передового полка. К тому времени Заварзин командовал им уже два года и в свои тридцать четыре считался опытным командиром.

Разговорившись, он вспомнил о многом, что было за эти два года. Вспомнил и то учение, за которое

полк получил высокую оценку. Успешно действовал и третий батальон, а подчиненные Корчакина отстрелялись на четверку. Потом Заварзин спросил:

— Почему в газетах никогда не пишут о том, что командир еще и хозяйственник? А ведь хозяйствовать ох какое трудное дело, прав был отец...

Наверное, так оно и есть. В службе все связано в один узел: и учебно-воспитательный процесс, и быт, и песни, и новые должности...

Кстати, подполковник Заварзин выдвинут на вышестоящую должность.

В ратных буднях
куется боевое
мастерство.
На севере и юге,
в мороз и зной
несут свою
нелегкую службу
мотострелки.

Если командир является главной фигурой в полку, то его правой рукой по праву считают заместителя по политической части.

Замполиты, все политические работники нашей армии ведут свою родословную от легендарных комиссаров гражданской войны. Тех, о ком еще в 1919 году говорилось в документах VIII съезда нашей партии: «Комиссары в армии являются не только прямыми и непосредственными представителями Советской власти, но и прежде всего носителями духа нашей партии, ее дисциплины, ее твердости и мужества в борьбе за осуществление поставленной цели. Партия может с полным удовлетворением оглянуться на героическую работу своих комиссаров...»

На смену комиссарам пришли по-

литруки. В самые трудные минуты эти мужественные люди стояли на смерть, не теряя присутствия духа, вели к победе. Слово политработников всегда подкреплялось делом. В 1942 году газета «Правда» писала: «В историю Великой Отечественной войны как одна из славных и почетных ее фигур войдет фигура политрука с автоматом в руках, в маскировочном халате, идущего впереди и увлекающего за собой бойцов к цели — разгрому германских фашистов и освобождению своего Отечества».

Комиссары. Политруки. Замполиты.

Заместители по политической части отдают все силы для того, чтобы крепла мощь нашей армии, чтобы спокойно строил будущее наш народ.

Юрий ТЕПЛОВ

АК-ИДЕЛЬ — БЕЛАЯ ДОРОГА

Ну и что теперь делать? За окном висела полная луна, и свет ее холодно и ровно растекался по комнате. Будто začínался рассвет. Третья зима переступила порог их лесного гарнизона.

А Бикметову виделось лето, парной туман над рекой и в этом белом пару красный движущийся костер. И слышалась тягучая песня плотовщика:

«Ак-Иде-ель, Ак-Иде-ель, белая дорога...»

Наверное, у каждого человека есть река детства. Ак-Идель — значит Белая река. А для плотов она была белой дорогой, и маленькому Фариту Бикметову тогда казалось, что она и есть главная дорога в жизнь: забрался на плот и плыви до самой Волги, только успевай считать повороты...

Так что же у него сейчас: поворот? мель? или просто остановка?..

— Фарит, хватит думать. Полночь уже.

— Спи, Надя, спи,— ответил он жене.

«Ей-то каково? — продолжал думать Бикметов.— И поздравления все приняла, родственникам сообщила... А держится. Еще и успокаивает».

...А началось все с разговора с начальником отдела пропаганды и агитации политического управления округа: как он, подполковник Бикметов, смотрит на то, чтобы продолжить службу в политуправлении округа? Раздумывать, в общем-то, не было оснований. Еще и потому, что в городе есть госпиталь, клиники, врачи-специалисты. То ему, то жене приходилось возить туда сына,

который после травмы полгода ходил в гипсе и теперь носил специальный «воротник». Но Надежде в тот раз ничего не сказал. Понимал, что это всего лишь предварительная беседа. Потом был еще разговор и еще, и наконец начальник политотдела дивизии официально объявил, что заместитель командира полка по политчасти подполковник Бикметов в ближайшие дни отбывает к новому месту службы.

Надя, узнав, обрадовалась, засуетилась. Захлопотала.

Через некоторое время прибыл новый замполит. А вскорости стало известно, что место, на которое Бикметова планировали, оказалось занятым.

Ему предложили другую должность, очень авторитетную, но не столь тесно связанную с живой работой с людьми. Что делать? Соглашаться?..

Я ехал к Бикметову, не зная, понятное дело, этой истории. Ехал к лучшему в округе заместителю командира учебного полка по политчасти. И думал о том, что должность эта особая. Комиссарская должность. А значит, и человек, ее занимающий, должен обладать обостренным чувством справедливости и в то же время твердостью, даже жесткостью в чем-то, партийной бескомпромиссностью и опять же умением находить с людьми контакт... Нелегкая должность.

Бикметов был в отпуске, но обещал подъехать. Потому первый разговор о нем состоялся с секретарем парткома полка майором С. Сучковым.

— У Бикметова свой стиль,— начал он.— Не распыляется по мелочам, видит и ухватывает главное. Никогда не срезает углы: если конфликт, то не сглаживает его, а докапывается до корней. В отношениях с людьми больше прямолинеен, чем дипломатичен. Не терпит обманов, уходов в сторону. Это подкупает. Отношения с подчиненными строит

по принципу: научить, заставить, проконтролировать. Причем последнее для него, пожалуй, самое важное.

— Собрал нас Фарит Фаутович и говорит: в четвертой роте звал. А четвертая когда-то была отличной. Лучшей в полку была. В общем, сказал Бикметов, все работаем во втором батальоне с упором на четвертую роту. У Бикметова конек — дисциплина. Где бы он ни работал, начинается с нее: по командирской, по штабной, по партийной линии... На другой день весь партполитаппарат был во втором батальоне.

Мы еще вернемся к этому эпизоду. А пока самая концовка нашего разговора с секретарем парткома:

— Какие черты характера видятся вам наиболее ярко у Бикметова?

— Энергичный, въедливый, горячий. Вспыхивает, но тут же заставляет себя сдерживаться. Между прочим, когда он перешел к нам, некоторые интересовались: за какие грехи его перевели?

Тут Сучков и рассказал мне историю с предполагаемым переездом Бикметова в город.

Невысокого роста, плотный, сероглазый, немногословный, Бикметов был сух и официален. Маленький секрет: накануне, получив сообщение о приезде корреспондента, они с секретарем парткома долго ломали голову: чем вызван этот визит? Узнав, что его рекомендовали в герои очерка, Бикметов искренне удивился.

Я спросил, что он считает самым сложным в работе заместителя командира полка по политчасти.

— Добиться, чтобы каждый политработник был на своем месте.

— То есть подбор и расстановка кадров?

— Да. И воспитание кадров. И их учеба. Кажется, например, чего проще: уметь опираться на актив. Оказывается, непросто. Особенно осуществлять на практике. Я и сам не могу избавиться от привычки все

делать самому... Или еще — отношения с командиром. Как их построить, чтобы, не подлаживаясь и не конфликтуя, проводить единую линию?..

У самого Бикметова такой проблемы не было. Наверное, потому, что он в чем-то схож с командиром. Нет, не внешне, а характеристиками, взглядами на факты, события, поступки людей. И тот и другой напористы, может быть, порой резковаты. Оба не любят останавливаться на полпути, ограничиваться полумерами. А главное, понимают, что все разногласия, если они вдруг возникают, надо утрясать один на один и на люди выходить с общим мнением.

В полк они пришли почти одновременно. Подполковник Н. Могилевец спросил тогда:

— Чувствуете себя обиженным? — Речь шла все о том же несостоявшемся перемещении.

Прямота командира сразу же вызвала расположение.

— Уже не чувствую, — ответил Бикметов.

В один из дней командир полка поднялся этажом выше в кабинет Бикметова.

— Кучмасов жалуется, Фарит Фуатович. На своего замполита. Говорит, ленив и нерасторопен.

— А Буланов говорит о Кучмасове, что тот груб, невыдержан. — Разберетесь?..

Капитан Ю. Кучмасов командовал третьим батальоном, а капитан Ю. Буланов был у него заместителем по политчасти. Первый в недавнем прошлом командовал ротой, второй возглавлял комитет комсомола.

Бикметов уже знал, что не все благополучно в их взаимоотношениях. По-человечески ему больше нравился комбат: энергичный, полный всяких инициатив, может быть, и не всегда оправданных. Он сам себе задавал убыстренный темп и иногда что-то решал или делал, не продумав до конца.

Но главное, болел за дело и готов был ночей не спать, чтобы оно двигалось. А получалось не всегда так, как хотел молодой комбат... Буланов поспокойнее, обстоятельнее, неторопливее. И вот эту неторопливость комбат принимал за равнодушие, а потому обижался на своего заместителя и вот нажаловался командиру части...

На другой день Бикметов пригласил их обоих. Сказал:

— Жаловались друг на друга? Давайте выкладывайте в глаза один другому...

В глаза говорить всегда труднее. Но чтобы вырвать зародыш конфликта, надо выкладывать все начистоту, не оставляя ничего даже на донных глубинах души. Скажешь и освободишься от груза, особенно если рядом кто-то третий, опытный и чуткий.

После этого Бикметов нередко начинал и заканчивал рабочий день в третьем батальоне. Являлся вроде бы по своим делам: собрать актив, проверить, как оборудуются ленинские комнаты, выступить перед личным составом или еще что, но комбат и замполит чувствовали, что подполковник не спускает с них глаз. Если не Бикметов, то в батальон заглядывал Сучков. Он-то и объявил однажды, что им обоим предстоит отчитаться на заседании парткома по вопросу идейно-нравственного воспитания личного состава.

— Фарит Фуатович, — спросил я, — а как вы относитесь к «бумажкам»? Один из офицеров сказал, что вы требуете строгой отработки различных планов, отчетов, других документов, ведения тех же педагогических дневников?

— Если дневник вести формально, это и будет бумажка. А если серьезно, то человеческий документ.

Я напомнил ему про аналитическую схему, которую, как сказал секретарь парткома, разрабатывал сам Бикметов в то время, когда они работали во втором батальоне.

— Нельзя идти в подразделение с закрытыми глазами,— ответил он.

Это была схема анализа состояния воинской дисциплины, в которой были учтены все, даже самые незначительные проступки, совершенные в подразделении. Если коротко, то она давала четкие ответы на вопросы: кто, когда, в какой конкретно ситуации, что тому способствовало, по какой причине?.. Выяснилось, что почти все проступки так или иначе завязаны на одних и тех же людях, что совершаются они, как правило, в условиях, когда появляются отступления от уставных требований, что лидерами в коллективе не всегда являются члены комсомольского бюро.

К работе в батальоне были подключены и штаб полка, и начальники служб. У каждого есть свое направление, каждому определены формы и методы работы. В том числе и политработникам.

Хуже всего обстояло дело в четвертой роте, одной из лучших когда-то. Ее командир капитан В. Филюнкин самоуспокоился, воспитанием людей перестал заниматься. Зато сыпал направо и налево взысканиями, не всегда верно оценивая степень проступка. Его заместитель по политчасти старший лейтенант Р. Вашакидзе, человек весьма эрудированный, но излишне спокойный, старался поменьше вмешиваться в действия командира, да и вообще избегал конфликтных ситуаций.

Бикметов начал с того, что попросил у Вашакидзе его педагогический дневник. Суть и идея дневников, которые должны были вести все офицеры ротного звена, в том, чтобы каждый из них в процессе общения с подчиненными записывал свои

наблюдения, мысли. Как человек ведет себя в той или иной обстановке, как реагирует на похвалу и замечание, что ему больше удается, чем увлекается... То есть, прочитав эти записи, можно составить о человеке полное представление: отношение к службе, характер, наклонности, привычки.

В масштабе батальона между тем проходили спланированные мероприятия. Командир полка выступил перед сержантским составом. Штаб проверил службу войск. Для бесед с личным составом пригласили офицеров юстиции Ю. Токарева и А. Дворака.

Но самое главное, пожалуй, контроль. Ежедневный, еженедельный: что планировалось? Что сделано? Если не сделано — почему?..

Быстро только сказки сказываются. А дело, особенно связанное с воспитанием людей, продвигается незаметно. Только в какой-то момент начинаешь замечать: а ведь положение стабилизировалось и совсем близок намеченный ориентир.

Так было и со вторым батальоном.

Уже по возвращении в Москву я услышал по телефону знакомый голос Бикметова. Он прибыл в столицу для поступления в адъюнктуру Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Встретились. Я спросил:

— Ну, как там Филюнкин?

— С Филюнкиным в порядке.

— А Вашакидзе?

— Не знаю. Может быть, мы что-то не учли, не так сделали. Не все, к сожалению, получается...

Подполковник Бикметов поступил в адъюнктуру. У него еще был отпуск, и он уехал на два дня к берегам реки детства — Ак-Идель.

Армейские комсомольские организации — боевой отряд Ленинского комсомола. С честью и достоинством служат комсомольцы под знаменами, овеянными славой побед. На берегах седой Балтики и дальневосточных рубежах, в суровом Заполярье и жарких песках Туркмении, в составе войск, расположенных на территории ряда европейских социалистических стран, достойно несут службу советские воины-комсомольцы. В составе ограниченного контингента советских войск они оказывают бескорыстную помощь афганскому народу в защите его революционных завоеваний.

Комсомольцы идут в первых шеренгах боевых расчетов, экипажей, отделений, боевых постов. Вместе с коммунистами они всегда там, где

идет боевая учеба, куется воинское мастерство, где решается успех дела.

ПЯТЬ тысяч комсомольцев за героизм, проявленный в годы гражданской войны, были отмечены высшей наградой молодой Советской Республики — орденом Красного Знамени. За годы Великой Отечественной войны в Вооруженные Силы СССР для защиты Родины пришли 3,5 миллиона комсомольцев. Из 11 603 Героев Советского Союза свыше 7 тысяч составляют воспитанники комсомола. 40 тысяч молодых гвардейцев пятилетки, отличников учебы и службы сфотографированы у Знамени Победы. В 1984 году армейский комсомол награжден орденом Красного Знамени. (Из истории ВЛКСМ)

Юрий ТРЕТЬЯКОВ

ТАМ, ГДЕ ТРУДНЕЕ

Старший лейтенант Сергей Воробьев приподнял полог, согнулся и шагнул в душную, прокаленную знойным полуденным солнцем палатку.

— Разрешите?

Замполит полка, не отнимая от уха телефонной трубки, молча кивнул — заходи. Перебрасываясь с кем-то короткими фразами, он несколько раз исподволь взглянул на высокую худошавую фигуру офицера, додиктовал последние распоряжения и устало опустился на единственную в палатке табуретку. Воробьев потянул было руку к фуражке, намереваясь доложить как положено, но подполковник Артюхин не дал ему договорить.

— Вот что, Сергей, — официальный тон он посчитал сейчас излишним, — через полчаса от тыловиков пойдет машина во второй батальон, в твой родной. Поедешь туда.

Смотри, — он разглядел уже потертую на сгибах за двое суток учений карту, — батальон пока находится здесь. А вот рубеж, где он к утру должен занять оборону. Догонишь их, видимо, уже на марше. Обстановка пока неясная, могут быть любые вводные. Надо, чтобы люди были готовы к этому...

Снаружи послышались голоса, Артюхин встал, и Воробьев, поняв, что разговор окончен, повернулся к выходу.

— В десять ноль-ноль жду доклад, — закончил подполковник.

Когда секретарь комитета комсомола вышел, Артюхин успокоенно подумал, что все-таки он не ошибся в своем помощнике. Воробьев был хорошим взводным, и в штабе полка уже поговаривали, что появится вакансия и его пора выдвигать на роту. Скорее всего рано или поздно так и произошло бы, не вмешайся

Артюхин. Чутьем человека, не один год проработавшего с людьми, он угадал в Воробьеве черты будущего политрабатника. Что привлекло в нем замполита, сказать трудно. Владимир Степанович был убежден, что для этой профессии нужен особый склад души. Хотя чем, собственно, должен отличаться политрабатник от командира? Во всяком случае, не мягкостью, как считают порой.

Об этом полгода назад он и спросил Воробьева, когда впервые заговорил с ним о переходе на комсомольскую работу. Однозначного ответа не ждал — да и есть ли он? Но очень не хотел в те минуты услышать громкие слова о высоком предназначении политрабатника. Знал по опыту: те, кто его оправдывает, вслух об этом говорят редко.

Сергей помолчал тогда, подумал и, немного смущаясь, признался: «Как-то не думал над этим... Впрочем, и тот и другой работают с людьми. Только, наверное, каждый по-своему...»

Артюхин оценил сдержанность офицера. Люди, у которых на каждый случай припасен ответ, вызывали у него настороженное чувство.

— Значит, согласен? Будем тебя рекомендовать собранию.

В новую должность старший лейтенант Воробьев входил трудно. Одно дело, когда под твоим началом три десятка человек и они все у тебя перед глазами: каждого знаешь по имени, кто откуда родом, каждого не раз проверил, на что способен. А комитет — это больше десятка ротных комсомольских организаций, сотни людей с их непростыми характерами, подчас запутанными взаимоотношениями, которые в силу своих секретарских обязанностей он должен был научиться регулировать и направлять.

В первые месяцы, поглощенный составлением планов, подготовкой собраний и массой других всегда неотложных дел, Воробьев нечас-

то думал об этом. И только когда освоился с хлопотным своим хозяйством, когда вошел в ставший теперь уже привычным ежедневный ритм, когда перестало его мучить почти физическое ощущение времени, струйкой песка, вытекающего меж пальцев, он вдруг почувствовал неудовлетворенность. Как будто и видимых причин на то не было. Напротив, на совещаниях уже несколько раз отмечали, что комитет приобретает постепенно свой голос, а секретарь свой почерк. Но Воробьев ясно отдавал себе отчет в том, что почерк этот еще не устоялся. Да, он твердо завел порядок, что ни одного липового протокола в его хозяйстве не было, что перестали порхать из плана в план пресловутые «галочки». Да, не без его помощи и не без его участия в подразделениях удачно прошли Ленинские чтения и уроки мужества. Но ему все чаще казалось, что ровные строчки протоколов невидимой стеной отгораживают его от людей.

Наверное, Воробьев был несправедлив к себе. Подполковник Артюхин даже как-то вскользь заметил: мол, не любишь ты кабинетной работы. Сергей не понял тогда, похвалил его или упрекнул замполит. Но согласился: «Не люблю».

Он знал за собой эту слабость — всегда с трудом заставлял себя заниматься бумагами. В эти часы и приходило чувство неудовлетворенности, хотя на опыте Сергей очень скоро убедился, насколько облегчают работу выверенные до мелочей планы. Поэтому и не жалел на них времени, поэтому и требовал того же от секретарей бюро батальонов и рот. Тем не менее всегда с облегчением откладывал в сторону оформленные документы, радуясь снова появившейся возможности съездить на стрельбище, на вождение боевых машин пехоты.

О предстоящих учениях Воробьев узнал в полку одним из первых, ждал их с нетерпением. И был до-

волен сейчас, что подполковник Артюхин не стал держать его возле себя. «Доверяет», — улыбнулся Сергей и тут же подумал, что замполиту все равно станет известен каждый его шаг. Такая у Артюхина была привычка, о которой знал весь полк, — он не любил опекать, но никогда не забывал проверить, как выполнено его распоряжение. Поначалу это раздражало и даже обижало Воробьева, но постепенно он привык, а позже понял, что этим самым замполит приучал его смотреть на собственные действия как бы со стороны. Не глазами подполковника Артюхина, а именно со стороны, доверяясь больше в сиюминутным порывам, а логике событий, которая одна только и могла безошибочно подсказать секретарю, где его место.

Правда, сейчас Воробьев только приблизительно представлял, чем ему придется заниматься даже через час. Вообще-то он собирался завернуть к танкистам, взять у них материал для радиогазеты, которую рассчитывал выпустить к вечеру, да заодно там и пообедать. Но, как говорится, человек предполагает, а бог в лице начальства располагает. Хорошо еще, танковый батальон не успели передислоцировать. Воробьеву хватило только времени разыскать секретаря комсомольской организации и сказать ему, чтобы готовил выпуск сам. Да еще захватить у начальника клуба свежие газеты.

— Поехали? — Воробьев сильно хлопнул дверкой и повернулся к водителю. — Газизов, ты?

— Я, товарищ старший лейтенант, — сверкнул тот белозубой улыбкой. — С ветерком поедem?

— Радуетесь, что автоминспекции здесь нет? — в тон ему ответил Воробьев. — А на собрании клялся, что лихачить больше не будешь...

И разом посерьезнел.

— Давай, Ринат, не торопясь, но поспешай.

Ему захотелось застать батальон в выжидательном районе. Будет хоть несколько минут, чтобы разобратся в обстановке. К тому же показалось вдруг неловким, если бывшие подчиненные увидят его подъезжающим на автомобиле. «Они пешком, а я на машине». Он явственно представил, как иронично улыбнется и Сергей Бабенков, командир роты, его однокашник и друг: «Начальство подъехало».

— Давай, Газизов.

Водитель молча положил руки на баранку, и Воробьев тоже замолчал, уйдя в свои мысли. И только когда ЗИЛ с лесной дороги выскочил на широкую, заросшую кустарником поляну, Воробьев оживился: «Успели».

В хвосте последней колонны, уже наполовину скрывшейся из виду, он увидел офицера и узнал в нем замполита батальона майора Клевцова. Бросилось в глаза, что за двое суток учений он осунулся, стал строже лицом.

— А у нас уже потери, — вместо приветствия бросил замполит, протягивая Воробьеву руку. — В твоей роте, точнее в бывшей твоей, замполит заболел.

— Климченко? Что с ним?

— Кажется, аппендицит. Полчаса назад увезли.

Клевцов многозначительно посмотрел на Воробьева, однако ничего не сказал, лишь только прибавил шаг, обгоняя солдат. Но Воробьев понял.

— Где рота?

— Уже ушла. Минут двадцать назад. Я не могу тебе приказывать, Сергей...

— Уже не надо, товарищ майор. Возьмите газеты. — Он протянул пачку, оставив себе с десяток номеров. — А писем на батальон не было...

Уже смеркалось, когда Воробьев догнал роту. В сумерках медленно растворялись очертания деревьев, кустов, сливаясь постепенно в одно-

образный, иссиня-черный фон. Таяла на горизонте узкая бордовая полоска. Было почти тихо, и Сергей удивился, что эту тишину почти не нарушали приглушенные фразы команд и мерная поступь десятков пар ног.

Лица солдат разглядеть было трудно, Воробьев тронул одного из них за плечо, спросил:

— Где командир роты?

— Должен быть в голове колонны. А вы к нам, товарищ старший лейтенант?

Воробьев узнал в говорившем сержанта Шишканова, заместителя командира третьего взвода. Он хорошо помнил этого спокойного, уравновешенного парня еще молодым солдатом, нескладным, как и большинство молодых, но сразу обратившим на себя внимание своей основательностью. Через полгода его уже назначили командиром отделения, а вскоре избрали секретарем ротной комсомольской организации.

Немногословный, сдержанный, Шишканов казался старше своих двадцати лет. В роте его уважали за рассудительность и прямоту, и то, что бюро в подразделении имело и вес и влияние, Воробьев во многом относил за счет авторитета самого Шишканова. Он не раз ставил на совещаниях полкового актива эту комсомольскую организацию в пример: в этой роте молодые солдаты чуть быстрее находили свое место в общем строю, точнее стреляли, крепче держали в руках штурвалы боевых машин.

Когда на днях Артюхин и Воробьев решали, кого рекомендовать делегатом на окружную комсомольскую конференцию, то, не сговариваясь, сошлись на кандидатуре Шишканова. Сергей даже успел набросать ему тезисы выступления, но перед самыми учениями забрал их назад.

— Подумай сам, что скажешь с трибуны. А потом обсудим.

Сейчас Воробьев вспомнил об этом разговоре и, как ему показалось, не совсем кстати спросил:

— Как с выступлением, не забыл?

Надо было, конечно, начинать не с этого. Но Шишканов уже давно привык к неожиданным вопросам Воробьева.

— Забыть не забыл, товарищ старший лейтенант. Только вот говорить вроде бы не о чем...

— Слышал, вы собрание вчера провели?

— Да, пока во втором эшелоне стояли,— оживился Шишканов.— Командир выступил, ребята... Знаете, оно совсем по-другому прошло. Говорили короче, а сказано было гораздо больше...

— Как Гудалин? Кортунков? — Воробьев вспомнил, что этих солдат незадолго до учений приняли в комсомол.

— Гудалин хорошо. Со мной в разведку ходил. Сам попросился. На обратном пути чуть в болото не угодили. Я в обход было группу повел, а Гудалин лесину нашел и напрямки. Он же с Полесья... Ничего, прошли...

— Не ошибся, значит, когда рекомандацию ему давал?

— Честно говоря, я еще сомневался. Но сейчас бы не раздумывал.

Шишканов придержал шаг, пропуская мимо себя взвод. Солдаты шли молча, в темноте слышалось только их тяжелое, прерывистое дыхание.

— Устали, с утра на ногах,— проговорил сержант. Он поднес к глазам светящийся циферблат «командирских», и Воробьев услышал, как тот облегченно вздохнул: — Скоро привал...

— Шире шаг! — пронеслось над колонной.

По голосу Сергей узнал командира роты.

— А, начальство пожаловало,— в обычной своей, чуть насмешливой манере протянул Бабенков, подходя ближе.— Ты откуда? — И, не до-

жидаясь ответа, раскрыл полевую сумку.— Обстановку знаешь?

Офицер посветил фонариком на карту так, чтобы хорошо было видно Сергею. Воробьев сразу отыскал на ней квадрат, наискось перечернутый красной пунктирной линией, которая обозначала еще не существующие окопы. Там по замыслу старшего начальника рота должна занять оборону. Его взгляд задержался на синей стрелке, острие которой разрезало верхний угол карты. Где-то там, в нескольких десятках километров, навстречу им двигалась колонна «противника». И тоже спешила занять выгодный рубеж. Таков закон боя: кто кого, решало во многом время.

— Боюсь, не успеем,— озабоченно проговорил Бабенков,— придется идти без привала.

— Ясно.— Воробьев отодвинул от себя планшетку.— Пойду, объясню это людям.— И уже на ходу, полуобернувшись, крикнул: — Я в первом!

Бабенков поймал себя на мысли, что обрадовался появлению Сергея. Он еще с училища завидовал умению друга чувствовать, когда он нужен. Вот и сейчас не пришлось ему ничего объяснять, понял с полуслова. С его редкостным умением заставить себя слушать Воробьев был как нельзя более кстати. Бабенков не раз обращал внимание — вроде ничего особенного и не скажет Воробьев солдатам, а уходит — и светлеют лица, и вроде прибавляется сил.

...Позиция была удобной для обороны. Едва рассвело, старший лейтенант Бабенков обошел ее всю, запоминая малейшие детали. Настораживало, правда, одно: справа по лощине, где еще плавали островки тумана, могли прорваться танки. Поэтому, подумав, командир роты перебросил на этот фланг первый взвод лейтенанта Круглова, осталь-

ные расположил уступом влево, по гребню высоты. «Хотя бы первый удар придется не по Шишканову»,— Бабенков беспокоился, как тот справится со взводом без офицера.

Отдав необходимые распоряжения, Бабенков разыскал Воробьева.

— Меня вызывает комбат. Ну а ты...— Он не договаривал, только махнул рукой в сторону энергично работавших лопатками солдат.— Увидишь замполита, передай ему, пожалуйста: будет связываться с Артюхиным, пусть доложит, что я прошу разрешения остаться здесь...

Пока личный состав оборудовал позиции, Воробьев успел побывать во всех взводах. Чуть дольше задержался у Шишканова. Опорный пункт взвода приобретал уже зримые очертания. Двух гранатометчиков замкомвзвода выдвинул вперед, и Воробьев мысленно похвалил сержанта за предусмотрительность: сектор огня увеличился градусов на пятнадцать. Однако чем дольше Воробьев присматривался к позициям, тем больше его что-то не удовлетворяло. Шишканов, заметив это, молча подошел к офицеру:

— Пулеметы ты где поставил?

Шишканов показал.

— А если противник зайдет слева? Там кустарник, видишь? Легко проскочить взводу почти в тыл. Я бы именно так и сделал...

Шишканов с минуту помолчал, соображая, и Воробьев не стал подсказывать, не желая навязывать свое решение.

— Понял, товарищ старший лейтенант. Один пулемет переброшу сюда,— он показал на склон высоты.— А здесь,— провел рукой воображаемую линию,— оборудуем запасные позиции для третьего отделения.

Шишканов вопросительно посмотрел на офицера, и тот согласно кивнул:

— Так-то будет лучше. Да отправь двух человек за завтраком.

Шишканов распорядился. Минут

через тридцать посланные вернулись, расстелили плащ-палатку, крупными ломтями нарезали хлеб. Один за другим, позвякивая котелками, солдаты потянулись к термосам. Далеко не расходились, устраивались здесь же, кто присев на корточки, кто прямо на кучах свежеев-вороченной земли. Воробьев наверняка знал, что это последняя возможность еще раз поговорить со всеми. Но что сказать им сейчас? То, что боевую задачу надо выполнить во что бы то ни стало, понимал каждый. Что исход предстоящего «боя» решит собранность и воля — тоже.

Повторяться не хотелось, и Воробьев вдруг вспомнил, что незадолго до учений, просматривая рукописную историю части, наткнулся на короткое сообщение более чем сорокалетней давности. Полк вел тогда сдерживающие бои. Пулеметчик рядовой Титов, писал неведомый Воробьеву автор, уничтожил в обороне 70 гитлеровцев. За скупыми, почти протокольными строками Сергеем явственно виделось, как это было: как был убит второй номер, как ранило самого Титова, и он, подтянув поближе к себе диски, короткими очередями, экономя патроны, бил по наступавшей цепи.

Воробьев попытался представить на месте этого Титова себя, своих солдат, взгляд его заскользил по лицам, в надежде прочесть в них что-то новое, созвучное своим мыслям.

Поймут ли? Почувствуют ли, что это не просто разговор старшего по званию и по должности с младшим, а внутренняя потребность применить на себя, на этих вот восемнадцатилетних солдат неизмеримую тяжесть войны.

Воробьев заговорил медленно, ни на кого в отдельности не глядя, но сразу почувствовал, что его слушают. Сергей всегда старался избегать торжественности, она была не к месту, особенно в таких вот беседах, и

сейчас внутренне опасался неосторожным словом оборвать ту ниточку доверия, которая, чувствовал, молчаливо установилась между ним и слушавшими его людьми. Он не стал ни к чему призывать солдат, просто рассказал им про этот бой, как видел и чувствовал его сам, и замолчал так же неожиданно, как и заговорил.

С минуту, наверное, никто не проронил ни звука. Каждый думал о чем-то своем, и это молчание, объединявшее сейчас всех, было для Воробьева дороже любых слов. Он первым нарушил его, рывком поднялся с земли, отряхнулся.

— Ну что ж. Пора по местам. Через двадцать минут окопы должны быть замаскированы.

Судя по времени, старший лейтенант Бабенков уже вернулся, и Воробьев зашпешил к НП. Его уже закончили оборудовать, старательно обложили дерном, так что даже с полутораста метров трудно было различить что-либо. Двое связистов прилаживали к верхушке низкорослой сосенки антенну. Воробьев прыгнул в траншею и натолкнулся на Бабенкова.

— Какие новости?

— Почти никаких. Приказ, как говорится, был краток...

— Что Артюхин?

— Дал «добро». К вечеру обещал сам сюда подъехать. — Бабенков, щурясь, посмотрел на солнце, стоявшее уже высоко, проговорил: — Скоро начнется.

Ему, как и Воробьеву, уже надоело ожидание.

«Противник» появился ровно в полдень. БРДМ, боевая разведывательная дозорная машина, перевалила гребень высоты, покрутилась перед передним краем и исчезла. Минут через десять из-за того же гребня высыпала густая цепь пехоты, с боков, обтекая высоту, показалось несколько танков. Первый удар, как и рассчитывал Бабенков, пришелся по взводу лейтенанта Круглова.

Но он сам выбирал для него позицию и знал, что так легко, с первого наскока, опорный пункт не взять. Видимо, понял это и «противник». Цепь залегла, попятилась назад, медленно смещаясь влево. «Ну, теперь держись, Шишканов», — подумал Воробьев, сразу разгадав маневр «противника». Он встретился взглядом с Бабенковым и по его лицу понял, что их мысли совпали.

— Я — в третий!

Командир роты кивнул, и Воробьев заспешил на левый фланг. Он не ошибся: группа пехоты постепенно накапливалась в кустарнике и уже была готова к броску. Воробьев добежал до траншеи, прыгнул в нее и в этот же момент увидел, что «противник» стремительным рывком пытается обойти опорный пункт взвода слева. «Что же молчит пулемет? Неужели сержант забыл выдвинуть его вперед?»

Он добрался наконец до Шишканова и поразился его спокойному, потемневшему только лицу.

— Третье отделение отвел на запасные?

— Отвел, товарищ старший лейтенант.

— А пулеметы где?

И, будто отвечая на его вопрос, скороговоркой прозвучала очередь, затем вторая, третья.

По всей логике реального боя атака должна была захлебнуться. Уже потом, на разборе учений, Воробьев узнает, что по вводной посредника, внимательно наблюдавшего за ходом «боя», наступавшие потеряли почти сорок процентов людей, им ничего другого не оставалось, как дать сигнал к отходу. Но сейчас он об этом и не догадывался, только каким-то внутренним чутьем уловил перемену и понял, что единст-

венно верное решение — это ударить отсюда, с левого фланга, не дожидаясь, пока «противник» опомнится. Воробьев легко вспрыгнул на бруствер траншеи, оглянулся на Шишканова и боковым зрением увидел, как дружно поднимаются вслед за ним солдаты взвода.

К вечеру жара начала спадать, пошел легкий ветерок. Они стояли втроем у «газика» — Воробьев, Бабенков и Артюхин, полчасика назад добравшийся наконец до роты.

— Людей покормите, дайте отдохнуть, — отдавал последние распоряжения Артюхин. — И не забудьте, завтра мне список отличившихся... Ну, нам пора.

Замполит полка обошел машину, открыл переднюю дверцу. Бабенков молча протянул руку Воробьеву, вкладывая в сильное рукопожатие все то, что хотел, но посчитал сейчас неудобным сказать Сергею.

«Газик» тронулся, переваливаясь с бока на бок, запрыгал на кочках. Подполковник Артюхин полуобернулся к Воробьеву.

— О чем задумался? Бабенков, между прочим, хвалил тебя... А ведь ты мог бы быть сейчас на его месте... А, Сергей?

По лицу Воробьева пробежало что-то наподобие улыбки. Замполит угадал его мысли. Сергей сейчас почему-то вспомнил их давний разговор насчет того, чем должен отличаться политработник от командира. Пожалуй, теперь он сумел бы ответить.

— Ты не жалеешь?

Воробьев отрицательно покачал головой. И подполковник Артюхин понял, что задал совсем лишний вопрос...

Еще в старину военных называли «сословием храбрости». Действительно, лишь мужественные, сильные духом и телом люди могут с честью носить воинский мундир. В полной мере героический характер людей военной профессии раскрылся лишь в армии социалистического общества. Бесстрашие, мужество советских воинов, их героизм убедительно доказали всему миру, что «военный» и «герой» — понятия очень близкие, родственные.

В историю вошли подвиги пехотинцев-комсомольцев А. Матросова, Ю. Смирнова, В. Пешехонова, Г. Кагамлыка. В марте 1943 года в жестоком бою комсомолец Григо-

рий Кагамлык проявил исключительное мужество. Дважды раненный, он не ушел с поля боя, а продолжал сражаться. Кровью написал он в комсомольском билете: «Умру, но не отступлю ни шагу назад. Клянусь своей кровью...» Таких примеров множество. Русские и украинцы, грузины и армяне, казахи и узбеки, воины других национальностей шли на подвиг, жертвуя собой ради победы, ради любимой Родины. Беспредельное мужество героев-фронтовиков служит образцом для нынешнего поколения воинов. Примеры мужества, храбрости и героизма можно найти в любой воинской части, в любом полку...

Виктор СВЕТИКОВ

В НОЧЬ ПЕРЕД АТАКОЙ...

Старшие лейтенанты Александр Черножуков и Александр Борисов стояли около палатки. В темноте угадывались ближние силуэты БМП. Только что был вечер, и вот уже ночь упала. В горах всегда так — ночь не опускается, а падает.

— Пойдем, Андрей. Сейчас собираться будут.

Они зашли в палатку. Минуту-две спустя откинулся полог, и в проеме появился старшина роты прапорщик Виктор Видлога, за ним командиры взводов, комсомольский секретарь.

— Докладывайте, — сказал Черножуков.

С привычной четкостью и лаконичностью они говорили о готовности людей, наличии боеприпасов, сухих пайков. Старший лейтенант Александр Черножуков слушал их доклады и испытывал какое-то удивительное чувство. Все они, собравшиеся здесь, не просто боевые товарищи, а гораздо больше, как родня, как кровные братья. Здесь, в горах Афганистана, все воспринима-

ется обостренно, потому что неизвестно: что завтра? Что через неделю? И что вообще тебя ожидает?

— Начнем затемно, — сказал Черножуков. — Вначале по-пластунски, и чтоб ни единого звука, пока «противник» не обнаружит. Потом... — Он резко взмахнул рукой: — Потом атака! Высоту надо взять!

— Понятное дело, командир, — ответил за всех прапорщик Видлога.

— Тогда прошу разойтись по своим взводам, доведите задачу до каждого.

— Я тоже пойду к людям, — сказал Борисов. — А ты, командир, поспал бы...

Черножуков спать не смог, в который раз мысленно представлял завтрашний бой. Во время рекогносцировки он до мельчайших подробностей изучил довольно крутой склон высоты с отметкой 306,4. Справа и слева к ней примыкала горная гряда с остроконечными вершинами. Так что обойти ее никак нельзя. Фронтальной атаки не избежать.

Атаковать в лоб. Любой мало-мальски сведущий в военном деле человек понимает, что победу в таком варианте одержать очень и очень непросто.

Общий, так сказать, генеральный план у Черножукова родился не сразу, как только посмотрел на высоту, на склон, по которому пойдут люди в «бой». Там и сям, словно застывшие часовые, стояли валуны. Суть плана как раз и заключалась в том, чтобы использовать естественные укрытия: атака должна развиваться волнами. Сначала рывок делает один взвод, два других поддерживают его огнем. Первый залегает, используя естественные укрытия, и открывает огонь. Затем вперед идет второй взвод. И так все время: два взвода ведут огонь, третий атакует. Роту должна поддерживать минометная батарея. «Противник» наверху должен быть постоянно под огнем, чтобы никто головы не поднял. Ни секунды передышки.

Во время рекогносцировки Александр обратил внимание и на такую деталь: первая половина склона высоты заканчивалась террасой. Эта терраса продолжалась в горном хребте. А нельзя ли по ней совершить обходный маневр? Да, о чем бы ни думал командир, готовясь к лобовой атаке, мысль его все равно возвращалась к тому, как бы ее избежать, как нанести «противнику» неожиданный удар.

...Черножуков окончил Бакинское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета Азербайджанской ССР, где горной подготовке уделяли не так уж много времени. Но Черножуков не относился к тем командирам, у которых мышление «равнинное». Из истории военного искусства он знал, как жестоко наказывают горы тех, кто не готовился к встрече с ними. Поэтому с курсантских времен, еще не зная, где придется служить, он старался быть с горами на «ты», не раз под-

нимался на многие вершины Кавказского хребта. Став офицером, Черножуков не раз говорил своим подчиненным: вы должны почувствовать горы и даже полюбить их. Роптали на него некоторые, ох и роптали, когда Черножуков, используя любой свободный час, строил роту — и по горам с полной выкладкой. Но однажды этим некоторым словно языки обрезали. Впрочем, история та поучительна, и о ней хочется рассказать подробнее.

В тот день Александр вместе со своими подчиненными совершал марш в заданный район: шли учения. Под вечер люди чертовски устали, и командир объявил привал. Было это в зеленой зоне под вечер. Черножуков предусмотрительно расставил кругом дозоры. А вскоре отовсюду раскатисто загремели выстрелы, срезая на деревьях ветви, зачирикали пули. Через минуту-другую разведка доложила: попали в логово душманской банды. Еще до конца не выяснив обстановку, Александр понял — окружены. Приказал занять круговую оборону. Кольцо сжималось, и рой пуль стал более прицельным. Правда, решительных действий бандиты ночью не предпринимали. Надеялись засветло расправиться с советскими солдатами. Черножуков вызвал командира первого взвода Владимира Минакова: надо найти выход, он есть, потому что безвыходных положений не бывает. И отправился Минаков, взводный номер один, искать выход. А за полночь сообщил: есть местечко, где между огневыми точками приличное расстояние, но там горный выступ. «Мы попробовали, преодолевается», — тяжело дыша, доложил Владимир.

Прикрывал отход боевой замполит Андрей Борисов.

Итак, обходный маневр с середины склона высоты. Надо прихватить альпинистское снаряжение. Атаковать с лишним грузом, конечно, не-

легко, но все окупится сторицей, если группе, которая пойдет в обход, удастся выскочить обороняющимся во фланг, а еще лучше в тыл.

Кажется, неплохо задумано, да и не раз отработано по элементам в других учебных боях. Но на войне, убедился Александр, единственно верный план тот, который предполагает, что всего предусмотреть нельзя. То есть надо быть готовым к любой неожиданности. Шаблон в бою непростителен, смерти подобен. Творчество, постоянное напряжение ума, создание ложных для противника ситуаций, поиск неожиданных поворотов, новаторский подход к решению любой вводной — без этого командир всего лишь исполнитель. А простой исполнитель многого не добьется.

Требовательно прозвучал зуммер телефонного аппарата. Звонил комбат майор А. Терехов:

— Готов?

Черножуков собрался было отпартовать, но почему-то изменил своей привычке и ответил не по-уставному:

— Как пионер.

— Ну что ж, тогда ни пуха!

«Хороший человек Сан Саныч!» — подумал Черножуков. (Сан Санычем комбата звали даже солдаты, за глаза, конечно, между собой.) Терехов никогда не навязывал командирам рот и взводов своего мнения, инициативу и самостоятельность поощрял всячески. Докажи, что твоё решение верное, и всегда в ответ услышишь: «Действуй».

Недавно в роте Черножукова пришлось сопроводить колонну. Надо было обеспечить безопасность машинам с продуктами питания, сельскохозяйственной техникой, строительными материалами.

Черножуков следовал в середине колонны. Идущий впереди бронетранспортер выдерживал заданную скорость. Все шло спокойно, если не считать отдельных выстрелов с далекого расстояния. Но предчувст-

вие говорило, что стычки с душманами не миновать. И он, обгоняя колонну, вырвался на БРДМ вперед, словно знал — там сейчас будет горячее дело.

Спереди и с боков жестко ударили очереди. Засада. От этого слова сердце на мгновение замирает, как от резкой, колющей боли. И плохо тому, кого внезапный удар в спину повергнет в смятение, пусть даже короткое. Внезапность не парализовала ни на секунду Черножукова, мозг работал четко, определяя оптимальное решение в данной ситуации.

Повинуясь его команде, мотострелки на ходу спешились и, рассредоточившись, залегли. Расчетливо, хладнокровно делали они свое солдатское дело. В эти минуты подчиненные Черножукова стремились походить на своего командира. И так же, как он, относились к опасности: хладнокровно, с оттенком пренебрежения, впрочем, на тонком расчете и высоком профессионализме.

Сам же Александр Черножуков все время помнил о комбате Сан Саныче. Прикидывал, как в подобной ситуации действовал бы он, одобрил бы его решение или нет. И особенное ощущение благодарности старшему товарищу, командиру переполнило его, когда через несколько часов колонна без потерь прибыла к месту назначения. Потом был митинг, на котором афганские друзья сердечно благодарили советских воинов за мужество, за помощь и бескорыстие.

Положив трубку, с минуту растирал ладонью лоб, шурил уставшие глаза. Потом решительно встал и вышел из палатки. Ночь была все такой же темной, а небо косматым. Такое же небо он часто видел над родным Баку. Все казалось одинаковым — небо, облака, горы... Но почему-то все казалось и другим.

«Просто там — дом родимый, — вздохнул он. — Дом и соседний подъезд». А в том подъезде живет

один человек, которого Александр очень хотел бы увидеть.

...Сейчас его орлы спят перед завтрашной трудной «атакой». И снятся им, конечно же, родные края и, наверное, те, с которыми, может, еще не успели даже познакомиться. Но сон их тревожен: завтра тихое «подъем» сразу поднимет всех на ноги. После тепла их обожжет холодом. Холодом изнутри и снаружи — наступит самое главное. Они выйдут к высоте и поползут... А затем атака! «Ну, командир, в последний и решительный!» — не преминет сказать замполит Борисов. А командир поправит его: «В решительный, но не последний».

...В темноте слышались шаги. Вернулся Борисов.

— Ну как, Андрей?

— Все в порядке, Саша.

Какой же ты замечательный парень, Андрюша Борисов! Сколько же с тобой пережито, сколько горных перевалов и троп перехожено и перетоптано, в каких только переделках бывать не приходилось! И всегда-то ношу Андрей выбирал потяжелее, всегда был там, где труднее, где опаснее. Все его любили, и все хотели говорить с ним «обо всем». Подойдя к солдату, скажет

что-нибудь вроде бы незначительное, а настроение у человека как ртутный столбик на солнечной стороне. Разве мог в ту ночь поверить Александр Черножуков, что скоро, совсем скоро оборвет душманская пуля молодую жизнь политработника? Что за сволочная рука отлила эту проклятую пулю, которая перережет тонкую ниточку человеческой жизни, обещавшей быть прекрасной и удивительной.

— Спи, командир, — снова повторил Борисов. Но после некоторого молчания вдруг встал с койки. — Знаешь, действительно не хочется спать.

Долго в ту ночь беседовали они. И Андрей читал стихи о том, что, как бы ни были красивы здешние места, они все равно не лучше его любимых рязанских раздолий...

Черножуков слушал его, улыбался, а в мыслях ему вновь и вновь виделся смоделированный им завтрашний «бой».

Все это старший лейтенант Александр Черножуков рассказал в тот день, когда ему вручили Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Анатолий КРИКУНЕНКО

СЛЕД МЕТЕОРА

За мужество и отвагу, проявленные при выполнении воинского долга, наградить комсомольца гвардии рядового Юлдашева Ташпулата Эргашевича Знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть» (посмертно).

Из постановления Секретариата ЦК ВЛКСМ от 10 октября 1978 года

В ту августовскую ночь властвовала непроглядная темнота. Она быстро поглотила все окрест: и молодой лес, бравший свое начало где-то в соседней области, и редкий кустар-

ник, упирающийся широким клином в заросшее рыжей травой поле, и безымянную высотку, у подножия которой мотострелки готовились к тактическому учению. Еще в сумерки, когда солдаты только начали рыть окопы, небо заволокло тучами, неведь откуда появилась надоедливая мошкара. От нее нигде не было спасу. Она липла к потным лицам, лезла в глаза, заползала за ворот тужурок. Было душно и влажно,

словно в парнике. Отрывая впотмах щели для укрытия, Юлдашев с надеждой поглядывал вдаль, откуда доносились глухие раскаты грома. Там, у горизонта, время от времени небосвод озаряли ослепительные молнии. Казалось, вот-вот нагрянет дождь, станет свежее, но он прошумел в стороне. По-прежнему было душно и в поле, и в расставленных на опушке леса палатках, где солдаты отдыхали перед завтрашней атакой.

Ташпулат напрасно пытался уснуть, ворочаясь в походной постели, источающей острый запах хвои. Ему нравилось спать на сосновых ветках. Устав за день, Ташпулат обычно не чувствовал, когда погружался в безмятежный сон. Но сегодня уснуть мешала духота. Только к утру наплывший из долины туман принес наконец освежающую прохладу.

Ранним утром, услышав у палатки приглушенный разговор, Юлдашев открыл глаза. Рядом ровно дышал Андрей Нарицын, рослый светловолосый солдат. За ним, свернувшись калачиком, тихо, точно мышка, спал рядовой Тарабрин. Командира отделения сержанта Боголюбова в палатке уже не было.

Заложив крепкие руки за голову, Ташпулат рассматривал выгоревшую лагерную палатку. За свою службу он провел в этом легком, по-своему уютном домике немало ночей, морозных и теплых, выюжных и дождливых, и не переставал удивляться, что в общем-то не ахти какая ткань зимой вполне сносно защищает от холода, летом — от дождя и ветра. Воистину мудр был человек, придумавший такое жилище. Без него ой как было бы трудно военному люду, геологам, туристам.

Таинственное ночное небо неудержимо влекло к себе Ташпулата, настраивало его чувствительную душу на мечтательный лад. Только звездопад вызывал в нем почему-то неизъяснимую грусть. Когда небосвод внезапно разрезал падающий метео-

рит, сердце его трепетно замирало. Впервые это он почувствовал в детстве. Заметив как-то поздним вечером яркий след метеорита, Ташпулат спросил отца:

— Правда, отец, что вот сейчас кто-то умер? Звездочка ведь упала...

— Есть в народе такая примета, — ответил отец. — Все в этом мире имеет свое начало и свой конец. Одни звезды умирают, другие — рождаются. Как и люди. Может, сейчас кто-то и умер, отжив свой век, а кто-то родился.

Подросток долго тогда размышлял о смысле жизни, о своем будущем. Кем ему стать? Неплохо бы летчиком. Ташпулату хотелось подняться выше гор в неодолимо маящее небо, повидать дальние страны, только не простым пассажиром в легком самолете, а повелителем воздушного корабля.

Еще не совсем улеглись в глубинах души мысли о полетах, как подросток вдруг загорелся желанием учить детей. Нельзя определенно сказать, кто натолкнул его на это: то ли старший брат Исмаил — директор школы, то ли брат Султанмурат — учитель истории, то ли невестки Юлдашевых, тоже работающие в школе. Он видел, что к учителю все в кшлаке тянутся, точно путник к роднику, хотя объяснить Ташпулат это не мог. Как бы то ни было, но спал и видел себя учителем. Если же говорить о предмете, то, конечно, он будет преподавать химию, давно ставшую ему по душе.

Увлечшись химией, Ташпулат думал, что ее можно больше использовать для лечения людей; мечтал составить лекарства, способные навсегда избавить человека от всевозможных недугов.

Рождались у него и другие увлечения, которые со временем тоже угасали. Только одному стремлению остался верен Ташпулат: непременно стать солдатом, как стали солдатами его четыре старших брата — Исма-

ил, Израил, Турсунмурат и Султанмурат.

И вот уже солдатская служба Юлдашева заканчивается: месяца через два домой. Надо написать родителям после учений, чтобы к Октябрьским праздникам ждали его со службы. И нахлынувшие воспоминания унесли его в родные края. Перед мысленным взором вдруг предстали отцовский дом, широкий двор с легкой калиткой и сад, где каждое дерево молчаливо и надежно хранило тайны юноши. Воспоминания были столь острые, что Ташпулат почти явственно ощутил запах свежих лепешек, которые так искусно пекла рано поседевшая мама...

Голоса за палаткой стихли. Слышался лишь птичий гомон, доносившийся из леса.

Андрей Нарицын, резко повернувшись, отбросил на Ташпулата сильную руку; тот осторожно снял ее со своего плеча, посмотрел на друга.

Юлдашев любил этого парня. Нарицын обладал теми качествами, которые ценил Ташпулат в человеке прежде всего. Ему нравились в Андрее порядочность, простота, трудолюбие. Сын старшины московской милиции, человека, не раз рисковавшего жизнью, Андрей с детства презирал малодушие, трусость, не терпел тех, кто ленился, кто служил ни шатко ни валко. Воинская служба для него, как и для многих его товарищей, была превыше всего. Так же на армейскую службу смотрел Юлдашев. Такие же качества характера он воспитал в себе. Все это сближало их, влекло друг к другу, рождало чувство неподкупной солдатской дружбы.

Размышления Ташпулата прервал сержант Николай Боголюбов, заглянувший в палатку.

— А, проснулся, — шепнул командир отделения. — Скоро подъем. Водозвку уже подогнали, можно осесть.

У цистерны было шумно. Солдаты

подставляли под краны пустые флаги, котелки, тугие струи воды били им в ладони и, распыляясь, покрывали бисерными капельками сапоги, обмундирование.

После завтрака мотострелкам выдали боеприпасы, и вскоре на лесной поляне раздалось: «К машинам! По местам!»

Ташпулат вслед за Нарицыным забрался в боевую машину, она качнулась и, набирая скорость, помчалась по полигонной дороге.

— В боевой машине Юлдашев сидел рядом со мной, — вспоминал рядовой запаса Андрей Нарицын. — У него было хорошее настроение. Когда же все выскочили из машины, Ташпулат с криком «ура!» первым побежал вперед.

Нарицын увидел, как Юлдашев полоснул очередью по выкрашенным в грязно-зеленый цвет мишеням. Потом дал вторую очередь, третью. Мишени медленно, словно нехотя, свалились на иссеченную пулями и снарядами полигонную землю.

Учебный бой разгорался с каждой минутой. Неистовствовали ручные пулеметы, надрывались автоматы, где-то слева тяжело ухала танковая пушка.

— Приготовить гранаты! — кричал Боголюбов, выбрав короткую паузу в этой почти непрерывной пальбе.

Мгновение — и боевая граната в руке. Привычным движением Юлдашев выдернул предохранительную чеку, прикинул расстояние до траншеи «противника»: метров сорок, не больше. Для него, метавшего гранаты за шестьдесят метров, бросок на такую дальность особого труда не составил.

Он торопливо шел, почти бежал, по высокой, до колен, траве, время от времени поглядывая себе под ноги, дабы не угодить в воронку или старый окоп. Вот уже различимы на фоне выгоревшей травы замаскированные траншеи, отчетливо видны

изрешеченные пулями мишени. Юлдашев ощутил частые удары своего сердца, почувствовал, как пульсирует кровь в висках. Со взведенной боевой гранатой в руке он, казалось, весь обратился в слух.

Шаг, еще шаг...

Наконец Юлдашев услышал:

— Гранатой, огонь!

Не останавливаясь, Ташпулат резко взмахнул рукой, в которой был зажат влажный, скользкий металл, и в этот миг зацепился за что-то ногой: настоящего броска не получилось. Граната упала недалеко.

Сколько времени остается до взрыва гранаты с освобожденным предохранительным рычагом? Специалисты говорят, четыре секунды. Значит, у Юлдашева было всего четыре секунды на то, чтобы оценить создавшуюся критическую ситуацию и принять единственно верное решение.

Никто не знает, какие мысли обуревали его в те мгновения. Но все последующие действия солдата свидетельствуют о том, что думал Юлдашев о своих товарищах, призванных из разных уголков нашей страны и спаянных в единую боевую семью, о ребятах, ставших ему близкими и дорогими, которые через несколько секунд могли быть сражены безжалостными осколками. Их надо спасти, спасти во что бы то ни стало.

Отбросить гранату вперед? Не успеть: взорвется в руках и поразит наступающих. Столкнуть ее в ближайшую воронку? Тоже не удастся — не хватит времени. Остается одно... Но прежде надо предупредить ребят, немедленно. И Юлдашев на одном дыхании выпалил:

— Боголюбов, ложись! Подо мною граната!

Предупреждал командира, но кричал так, чтобы его слышали все, кто наступал рядом.

...Ташпулат Юлдашев вырос в небольшом, тихом узбекском кишлаке Дорман, что под Ташкентом. Его родители, отдавшие крестьянскому

труду всю свою жизнь, сизмалства воспитывали у детей любовь к земле. Летом, когда наступали летние каникулы, Ташпулат с братьями работал на виноградниках, помогал отцу убирать фрукты, косить сено. В поле и саду трудились все дети Юлдашевых: и школьники, и студенты, и выпускники вузов (в семье пять человек с высшим образованием).

— Для нас с матерью, — говорил детям отец, — нет большей радости, чем трудиться на земле. Хотим, чтобы и вы росли работающими. — Помолчав, добавлял: — И честными...

...Первый раз в караул Ташпулата назначили при нескольких необычных обстоятельствах. Молодые солдаты уже самостоятельно стреляли из автомата, приняли военную присягу, несли службу дневальными по роте, но в караул пока их не назначали. И вот однажды старшина роты объявил на вечерней поверке:

— Завтра в караул идут молодые солдаты. Впервые! — поднял прапорщик указательный палец, подчеркивая этим особую значимость предстоящего наряда, и зачитал состав караула.

Юлдашева в карауле не было.

Со смутным чувством покидал Ташпулат строй. Почему его обошли? Обязанности часового знает, из автомата стреляет неплохо. Может, не доверяют?

Юлдашев подошел к старшине, потоптался возле него в нерешительности.

— Что-нибудь случилось? — спросил старшина, заметив смятение солдата.

— Обидно, товарищ прапорщик, — искренне признался Юлдашев. — Все уйдут в караул, а я один буду в роте.

— Ну, это вы напрасно, — протянул старшина. — На той неделе вы дважды были дневальным по роте, работали на кухне. Командир вам дал возможность отдохнуть.

Ташпулата тронуло внимание командира.

— Какой отдых! — воскликнул солдат. — О чем разговор? Не переутомился я, честно вам говорю... В караул хочу, товарищ прапорщик, со всеми.

— Хорошо, — согласился старшина. — Я доложу капитану.

Юлдашеву доверили пост у парка боевых машин.

Ранним утром, чуть забрезжил свет, на пост пришел командир роты с начальником караула. Придирчиво проверив печати на хранилищах и выяснив у часового район особого внимания, капитан вдруг резко сказал: «На посту — пожар!»

Солдат стрелой метнулся к сигнализации. Секунда — и караул оповещен о пожаре. Юлдашев подбежал к противопожарному щиту, где в специальных нишах стояли огнетушители, с размаху ударил сосуд о выступ стены, и пенящаяся струя сбила «пламя», охватившее хранилище.

Ташпулат сделал все так, как учили его командиры. А после смены ротный, подводя итоги несения караульной службы, объявил Юлдашеву благодарность. Это было первое поощрение в его солдатской жизни. Различных поощрений у него было много: за отличные успехи в боевой и политической подготовке, за умелые действия на тактическом учении, за усердие при несении службы внутреннего наряда — всего около двадцати поощрений. Но то, первое, было самым памятным.

Юлдашев скоро привык к строгому армейскому порядку, воинской дисциплине, ему нравились царившие здесь дух коллективизма и взаимовыручки. Он немного прослужил в армии, но уже почувствовал, что здесь, в воинском коллективе, человек приобретает качества, которые на гражданке у него были, возможно, лишь в зародыше. Пройдя обкатку танками, десятки раз преодолев объятую пламенем полосу препятствий, не единожды выдержав стремительную атаку с боевой

стрельбой, солдат по-иному ведет себя в критический момент боевой обстановки. Чувство робости, охватывающее подчас молодого солдата в опасной ситуации, бывалому воину, как правило, неведомо. Его не особенно страшат трудности, он смело идет на разумный и оправданный риск.

Теперь Ташпулат все это знал по себе.

Если Юлдашев брался за какое-то дело, он непременно доводил его до конца. Эту черту в характере солдата замечали все. В его комсомольской характеристике написано: «Ташпулат Юлдашев очень настойчив в достижении поставленной перед собой цели. Ему всегда поручались наиболее ответственные дела, и он справлялся с ними с честью.

Член ВЛКСМ Юлдашев дорожил войсковым товариществом, ценил и уважал всех, кто его окружал. Ради товарищей, сослуживцев он готов был на все...»

Да, это так. Ради жизни других Юлдашев готов был на все. И когда сердце обожгла мысль, что жизнь товарищей — молодых, не достигших и двадцатилетия ребят, возможно, еще не познавших счастья первой любви, не успевших многого сделать, — вдруг может оборваться, он, стремясь заглушить беспорядочную и несмолкающую стрельбу, что было сил закричал:

— Боголюбов, ложись! Подо мною гранат!

Николай Боголюбов, теперь уже сержант запаса, вспоминает те трагические мгновения:

— Услышав крик Юлдашева, я скорее инстинктивно, чем осознанно, упал на землю. Повернул голову к Ташпулату, не понимая, что произошло. Юлдашев в тот миг выглядел другим, не таким, каким я привык его видеть. В глазах такая решимость... Он тут же отчаянно бросился вперед и всем телом навалился на гранату. Я знал, что сейчас случится непоправимое, и от собствен-

ного бессилия чем-то помочь Ташпулату до боли стиснул зубы.

И все-таки мелькнула мысль: может, не разорвется? Бывают же осечки, но чуда не произошло. Раздался взрыв, несильный, глухой такой, и я понял, что навсегда теряю друга...

Странное оцепенение, охватившее вдруг Боголюбова после взрыва гранаты, длилось секунду, не дольше. Какая-то неведомая сила, словно освободившаяся мощная пружина, миг поставила его на ноги. В два прыжка сержант оказался у тела Юлдашева. Наклонился, осторожно перевалил на спину, крикнул врача, находившегося в санитарной машине в метрах пятидесяти сзади, и припал чутким ухом к сердцу друга. Сильное, тренированное, оно еще билось...

Говорят, человек умирает тогда, когда о нем забывают. О Ташпулате Юлдашеве помнят.

Все, кто приходит в Центральный музей Вооруженных Сил СССР, непременно останавливаются у этого стенда. Строгим типографским шрифтом на нем напечатано: «На тактических учениях с боевой стрельбой и метанием гранат отличник боевой и политической подготовки комсомолец гвардии рядовой

Ташпулат Юлдашев в критический момент накрыл гранату своим телом. Сам погиб, но сохранил жизнь товарищам...»

На планшете портрет солдата: открытое, волевое лицо, внимательный, пронизательный взгляд. Ниже фотографии к планшету прикреплены знаки солдатской доблести. Их много: когда-то эти знаки носил Юлдашев.

Память о Ташпулате жива в родной части, в его роте. Отделение и расчеты борются за право получить выпел имени рядового Юлдашева. Каждый год осенью лучшей роте по спортивно-массовой работе вручается переходящий кубок имени Юлдашева. В ленинской комнате солдатские художники оформили стенд о погибшем однополчанине.

В записной книжке Юлдашева сослуживцы прочитали слова Юрия Гагарина, произнесенные им перед стартом во Вселенную: «Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением». Будь у Ташпулата Юлдашева перед смертельным броском на взведенную гранату чуть больше времени, он, возможно, повторил бы эти замечательные слова первого космонавта нашей планеты.

У солдата было на это право.

Есть в армии люди, чье звание стало символом порядка, дисциплинированности и аккуратности. Вы, конечно, уже догадались, что речь пойдет о старшинах. Да, именно о них, надежных помощниках офицеров, знатоках военного дела. Уделяя основное внимание ведению ротного хозяйства, старшины тем не менее находят время и для воспитательной работы. Об этом тепло сказал поэт-фронтовик Семен Гудзенко.

Я был пехотой в поле чистом,
в грязи окопной и в огне.
Я стал армейским журналистом
в последний год на той войне.

Но если снова воевать...
Таков уже закон.
Пускай меня пошлют опять
в стрелковый батальон.

Быть под началом у старшин
хотя бы треть пути,
потом могу я с тех вершин
в поэзию сойти.

Наши старшины не только хозяйственники, они умелые воины. В летопись Великой Отечественной войны занесен подвиг, свершенный старшиной роты В. Гришко. В бою за деревню Азаряны, свидетельствуют документы, когда погиб командир взвода, старшина Гришко принял командование на себя. Под его началом взвод отразил несколько контратак противника, уничтожил два танка. В разгар боя стало известно, что погиб командир роты. Мгновенно оценив обстановку, старшина Гришко возглавил роту. Отбив наступление гитлеровцев, подразделение перешло в атаку. Умелое командование старшины позволило роте уничтожить несколько дотов противника, пленить около сотни фашистов.

Старшина Гришко был удостоен звания Героя Советского Союза.

Ротные старшины... У них, «солдатских отцов», много забот.

Александр КИРЮХИН

УРОКИ СТАРШИНЫ

— О ком из ваших прапорщиков стоило бы написать очерк! Чтобы без натяжек. Чтобы действительно стоящий человек.

— Хороших прапорщиков у нас немало. А вот написать, думаю, надо о старшем прапорщике Тихонове. Не ошибетесь, по всем статьям достойный человек. Командир и воспитатель по призванию.

— Он коммунист!

— Нет, он из тех, кого наши отцы называли беспартийными большевиками.

(Из разговора с секретарем партийного бюро части)

Старший прапорщик Тихонов оказался крепким, коренастым человеком с короткой аккуратной причес-

кой и внимательными серыми глазами. Форма сидела на нем так естественно, что трудно было представить себе этого человека в гражданской одежде. Во всем его облике, в манере говорить — лаконично, точно, с использованием армейских терминов, с обращением к собеседнику только по званию — чувствовалась военная кость.

Николай Михайлович много лет занимает одну из самых хлопотных и ответственных должностей в армии — старшины подразделения. Многие на ней долго не выдерживают, через год-два начинают проситься на другую, более легкую и спокойную. А вот Тихонов...

Он словно угадал мой вопрос:

— Что и говорить: должность не

сахар. Больше того — полынь. Ведь у старшины обязанностей не перечсть. В Уставе внутренней службы на его долю целых двадцать четыре пункта приходится. Нередко бывает: прихожу со службы домой за полночь, когда уж и дочка, студентка, вторые сны видит, ухожу едва ли не с первыми петухами.

— Жена как на это смотрит? Не обижается, что у вас на семью времени почти не остается?

— Татьяна Семеновна? Нет, не обижается, привыкла. К тому же она знает: я люблю ее да еще... армию. Ну а к армии ревновать женам военных не положено.

Знакомясь с личным делом Тихонова, обращаешь внимание на одну из записей в его служебной характеристике. «Уставы Вооруженных Сил знает и постоянно руководствуется ими в повседневной жизни. Требователен к себе и подчиненным...» Вроде бы сухая, даже несколько казенная формулировка. Но военные знают, сколь много она значит для характеристики командира любого ранга.

Уставы — это целый свод законов, по которым организована вся армейская жизнь. Кажется, нет такого вопроса, на который нельзя было бы получить ответа в этих скромных с виду, начиненных многовековым военным опытом книгах. Уставы внутренней службы, дисциплинарный, строевой, гарнизонной и караульной служб... В них расписаны не только обязанности каждого военнослужащего от солдата до генерала, но и до мельчайших деталей предусмотрен порядок в казарме и в караульном помещении, в парке боевых машин и в лагерях. В них даже идет речь и о том, как юноша, только недавно призванный на военную службу, должен сделать свой первый шаг в строю.

Так вот: если про военного человека говорят, что он хорошо знает требования уставов да к тому же выполняет их неукоснительно в повсе-

дневной жизни, то есть служит так, как требует присяга, как повелевает Родина, — высшей похвалы для него быть не может. Вот как много стоит за той короткой суховатой фразой, что вычитал я в характеристике старшего прапорщика Тихонова Николая Михайловича.

Ну а требовательность к себе и подчиненным? Без них также не обойтись ни одному командиру, тем более что в обязанностях старшины подразделения сочетаются функции командирские и хозяйственные, от него зависит и внутренний порядок в казарме, и внешний вид солдат, и выполнение распорядка дня, и многие другие важные дела.

Иной молодой сержант или прапорщик требовательность представляет себе довольно примитивно: дескать, командуй подчиненными громким, властным голосом, наказывай провинившихся — вот и все. Действует он по такому принципу, а результатов не видно: дисциплина в отделении или взводе хромает, показатели в боевой и политической подготовке невысокие. А дело все в том, что такой командир усвоил только внешнюю, формальную сторону требовательности. А настоящая — Тихонов давно в этом убедился — предполагает спокойный, доброжелательный подход к людям, прежде всего меры убеждения и только при самой необходимости принуждения, ровную взыскательность.

...Середина дня. В окна казармы светило неяркое солнце, пятна его лежали на желтом, яичного цвета полу, на нарядной дорожке из линолеума, протянувшейся через все помещение. В строгом равнении стояли табуретки, без морщинок застланные кровати. Чистота и порядок.

В казарме строгий и четкий уют, нет ничего лишнего. Тихонов, вышедший из канцелярии, спокойно, без тени раздражения, от которого не всегда удерживаются некоторые

командиры в подобных случаях, спросил дежурного:

— Вы сегодня смотрелись в зеркало?

— Никак нет, товарищ старший прапорщик. А зачем?

— Что не смотрелись, плохо. Сходите в бытовую комнату и сразу поймете зачем.

Вернулся дежурный довольно быстро.

— Товарищ старший прапорщик, ваше приказание выполнено.

— Ну и что заметили?

— У меня шапка кося сидела на голове. Я ее поправил.

— Впредь делайте это без напоминаний,— улыбнулся старшина.— Правила ношения формы одежды надо соблюдать. Тем более в наряде.

Кладовая для хранения имущества подразделения и личных вещей военнослужащих — так она официально именуется в уставе. Просторная и светлая комната, вдоль стен которой выстроились высокие шкафы. В них на плечиках, словно в ателье, висела тщательно отутюженная парадно-выходная форма солдат. Рядом аккуратно сложены рабочая одежда, предметы снаряжения.

— Сами все делали, своими руками,— не без гордости поясняет старшина, показывая на мебель.— Недели две колдовали вместе с рядовым Мешковым. Орудовали пилой, рубанком да стамесками как заправские плотники. Зато и кладовая у нас теперь как на плакате, что прислали из Москвы. И, знаете, солдаты стали бережней относиться к своей форме.

В это время кто-то осторожно заглянул в дверь, шепотом позвал:

— Товарищ старший прапорщик...

Старшина, нахмурившись — заметил беспорядок,— вышел из кладовой. Из-за неплотно прикрытой двери доносились обрывки разговора. Его собеседнику, видимо дневальному, что-то понадобилось, он был

возбужден. Голос же Тихонова по-прежнему звучал ровно и спокойно.

— Ну-ка, скажите, рядовой Касимов, какое нарушение устава вы только что допустили?

— Надо было постучаться, зайти в комнату...

— А дальше?

— Потом надо было попросить у офицера разрешения обратиться к вам,— виновато отвечал собеседник.

— Правильно. Об уставе надо помнить всегда, даже если очень спешишь. Теперь доложите, что у вас за дело...

Вернувшись в кладовую, Николай Михайлович, все еще думая о разговоре с дневальным, покрутил головой усмехнулся своим мыслям. Солдаты молодые, последнего призыва. Опыта службы никакого. Вот и приходится ему по несколько раз объяснять порою прописные истины. Тут важно не сорваться, терпение большое нужно. Ведь криком-то человека только напугать можно, но не научить.

Вечером того же дня по расписанию у воинов было личное время, когда они могут написать письмо в родные края, почитать любимую книгу, подготовить обмундирование к очередному дню занятий. Именно тогда Тихонов услышал глухие, тяжёлые удары, слегка сотрясавшие казарму. Он вышел в коридор и увидел, как в конце широкого прохода несколько молодых солдат баловались с гириями, иногда неосторожно опуская их на пол. Первым порывом, как потом сознался Николай Михайлович, было приструнить солдат. Но он сдержался. Подошел поближе, молча понаблюдав, как новички не очень умело вырывают гири над головой.

Один из парней, видимо, выступал за тренера. Он то и дело поправлял товарищей, давал им советы, шумел.

— А вот это вы зря делаете,— вмешался наконец старшина,— лучше покажите, как работать с гириями.

— А может, товарищ старший

прапорщик, вы это сделаете? А? — лукаво блеснул глазами крепыш.

Сделав вид, что не заметил подвоха, Николай Михайлович спокойно отозвался:

— Что ж, это можно.

Он снял китель, аккуратно повесил на вешалку. Подошел к гилям — это были двухпудовики, плотно охватил дужки. Скосив глаз, увидел, как настороженно застыли солдаты. Легко подняв гири на предплечья, Тихонов стал раз за разом выжимать их поочередно, а потом и вместе.

— ...Двадцать пять... двадцать восемь... — считал стоявший ближе всех к нему солдат.

Осторожно поставив гири на пол, Тихонов вытер платком пот со лба — все же ему не двадцать лет, а давно за сорок, — буднично сказал:

— Если хотите, займусь с вами.

— Конечно, товарищ старший прапорщик, — первым отозвался крепыш. А потом добавил: — Ну и силится у вас.

— Но для занятий надо сделать деревянный помост. Не дело бросать гири на пол, так его и повредить недолго.

— Сделаем, — с готовностью отозвались солдаты.

Дело было поздней осенью. Часть прибыла в учебный центр. Воины вылезли из крытых машин. В лица им ударял снег с дождем, холодный ветер пронизывал насквозь. Земля размокла — ступишь, того и гляди оставишь в густой, вязкой грязи сапог. Солдаты поеживались, жались друг к другу — новички еще не привыкли к таким условиям. Кое-кто приуныл: в такую непогоду хороших результатов в вождении боевых машин, в стрельбе добиться ох как нелегко.

Николай Михайлович понимал: если сейчас не приободрить их, не отвлечь от невеселых мыслей, хорошего потом не жди.

— А ну, товарищи, не унывать, — он с трудом пересиливал вист ветра. — Вытаскиваем имущество из

машин. Группа во главе с рядовым Хаджиевым — за сухим бурьяном в поле. Вторая группа — за лопаты. Гнезда для палаток делать. Третья — палатки разворачивать. — Бодрый голос старшины расшевелил находившихся солдат. Они принялись за работу, и сразу стало веселей, и никто уже не обращал внимания на непогоду.

Когда часа через полтора командир подразделения офицер В. Калинин вернулся с трассы, по которой завтра предстояло водить боевые машины, палатки уже стояли, а из труб вились приветливые дымки печек. Тихонов все сделал как надо. Свою уставную обязанность заботиться о подчиненных старшина усвоил не формально, как иной раз бывает, а сердцем. Офицер вспомнил, как старшина роты выступал на одном из открытых партийных собраний: «Родители вручили нам судьбы своих сыновей на целых два года, — говорил старший прапорщик. — И мы должны побеспокоиться о том, чтобы не только научить парней военному делу, но и позаботиться, чтобы они были здоровы, вовремя накормлены и хорошо одеты. Чтобы они постоянно ощущали, что живут в большом, спаянном общей целью коллективе, что с них не только требуют, но и проявляют о них постоянную заботу. Я представляю себе так: на время службы мы, командиры, должны заменить солдатам отцов — строгих, взыскательных, но и заботливых». А вскоре в подразделение приехал отец рядового Аминова — Умарасхаб Магометнурович, сам в прошлом солдат мотострелковой части. С разрешения командира он побывал в казарме, в столовой, осмотрел военный городок, побеседовал с сослуживцами сына. Перед отъездом взволнованно сказал офицерам и прапорщикам:

— Нет, не даром в народе бытует выражение «отцы-командиры». Я сам убедился, что вы на самом деле стали ими для наших сыновей. По-

клон вам низкий за это от нас, родителей.

Его слова так близко перекликались с мыслями старшего прапорщика.

...Подняв полог, Калинин вошел в просторную палатку. В ней было тихо и уютно, в металлической печке весело гудел огонь. Пол был застлан досками, которые слегка пружинили на чем-то мягком. В углу лежала куча сухой полыни, от которой исходил здоровый, чуточку горьковатый запах. Навстречу офицеру шагнул Тихонов, коротко доложил о проделанной работе.

— А что у вас под досками пола? — поинтересовался Калинин. — Очень уж они пружинят.

— Это мы вниз сухого бурьяну набросали.

— Зачем? — удивился Калинин.

Старшина, улыбаясь, пояснил:

— Так ведь для тепла. Одно дело — положить доски на сырую землю, другое — на бурьян. Тепло сберегается.

— Ну а полынь?

— Тоже не без умысла. На ночь разбросаем ее по полу, сверху постелим матрасы. Вот и постель готова. В такой спать — одно удовольствие: полынным запахом надышишься, да и не простудишься, тоже немаловажно.

Одобительно улыбнувшись, офицер поинтересовался:

— Сами-то, Николай Михайлович, где будете спать? Здесь или в офицерской палатке?

— Я, как всегда, с солдатами, товарищ подполковник, — отозвался Тихонов. — Им спокойнее, когда я рядом. Да и мне тоже.

С раннего утра и до позднего вечера кипела жизнь в учебном центре. Одни солдаты водили боевые машины, другие готовились к стрельбам из личного оружия. Третьих Тихонов уводил в наряд на кухню. Работы здесь всегда уйма: колоть дрова, поддерживать огонь под котлами, чистить картошку, кипятить воду,

наводить чистоту и порядок в полевой столовой, под навесом.

Казалось бы, и нехитрые кухонные дела, но многие из молодых солдат до армии, опекаемые заботливыми мамами, даже понятия о них не имели. Вот и приходилось Николаю Михайловичу их обучение начинать с азов: как нож в руке держать, как снимать с картошки шкурку, чтобы не пустить в отходы больше половины ее, как быстро, одной спичкой, разжечь огонь под котлами... Да мало еще чему приходится учить парней. Ведь в армии нет прислуги, солдаты все выполняют своими руками — такой уж в ней издавна заведен порядок. Потому старшина особенно доволен, когда видит, что его наука не проходит даром.

Вот ловко орудует за кочегара рядовой Сергей Оргиян, парень из Армении. И другие стараются от него не отставать.

— Молодцы, — подбадривает их Тихонов. — Так и работайте. Помните, что стараетесь для своих же товарищей.

Вечером, когда промокшие и уставшие солдаты возвращались с боевых тренировок в палаточный городок, Николай Михайлович достал припасенные заранее портянки.

— Когда у солдата ноги сухие, — приговаривал он, — ему никакая простуда не страшна. А здоровый воин и задачу свою главную выполняет лучше.

И все же рядовой Алигаджи Омаров, парень с Северного Кавказа, промочил ноги. Некоторое время он скрывал от командиров, что болен: очень уж не хотелось ему, механику-водителю боевой машины, пропускать очередное вождение. Не знали об этом и сослуживцы.

Утро нового дня в учебном центре выдалось хмурым, холодным — шел мокрый снег, небо обложили тяжелые, свинцовые тучи. Тихонов, как всегда, проснулся еще до подъема. В палатке было полутемно, слышалось ровное дыхание спящих солдат

да скрип половых досок под ногами дежурного. Старшина полегал несколько минут с открытыми глазами, потом решительно сбросил с себя одеяло, привычными движениями натянул брюки, сапоги, глянул в мутное оконце. «Ну, что ж,— подумал Николай Михайлович.— Нас не запугаешь. Зарядка состоится».

Он уже с лета постепенно закаливал подчиненных: практиковал тренировки по утрам, а потом и обливания по пояс холодной водой. Вначале некоторые потихоньку ворчали, но потом привыкли, постепенно окрепли, и в подразделении не случалось заболеваний. Тихонов, как обычно, первым выбежал на улицу. За ним цепочкой устремились сержанты и солдаты. Первый круг вокруг палаточного городка совершили быстро. Однако Николай Михайлович, оглянувшись, заметил отбившуюся от колонны одинокую фигуру. Им оказался рядовой Омаров. Он бежал, едва передвигая ноги, лицо его посерело. Тихонов сразу понял — дело неладно.

— Рядовой Омаров, я вас освобождаю от зарядки. Идите в палатку!

— Да, ничего, товарищ старший прапорщик. Обойдусь,— вяло проговорил солдат.

— Идите в палатку,— строго повторил старшина.— Выполняйте приказание.

После зарядки старшина разыскал Омарова, отечески тронул за плечо, спросил:

— Что случилось?

— Да ничего особенного, товарищ старший прапорщик. Пустяки.

— Ничего, ничего, говори. Так что же?

Алигаджи, смущаясь, показал нарывающую ногу. После завтрака Николай Михайлович повел его в медпункт. Врач, осмотрев солдата, сказал, что надо немедленно делать операцию, иначе могут быть осложнения. Омаров, переглянувшись со старшиной, согласился. Ему разрешили нарыв, наложили повязку, посоветовали несколько дней полежать.

Едва старшина и солдат ступили за порог медпункта, Омаров взмолился:

— Товарищ старший прапорщик. Я хочу водить боевую машину вместе со своей сменой.

— Но вы же слышали предписание врача. Вам надо полежать в постели, пока рана не затянется.

— Да какая это рана, Николай Михайлович,— вдруг не по-уставному обратился Омаров.— У нас в Дагестане меня засмеяли бы, узнав, что из-за какого-то прыщика валяюсь в постели. Мужчине это не пристало. Разрешите мне со своими товарищами идти на трассу?

В голосе подчиненного было столько мольбы, что старшина колебался. От Омарова он, честно говоря, такого поступка не ожидал.

— Ну, что ж,— сдался Тихонов.— Пусть будет по-вашему. А командиру подразделения я доложу, в чем дело. Уверен, он поддержит такое решение.

По вождению Омаров получил высокую оценку. Отличился и на стрельбах из автомата. И мало кто из сослуживцев знал о его болезни, потому что не мужское, не воинское это дело — жаловаться на всякие болячки.

«Всегда самыми надежными моими помощниками были сержанты. Путь к благополучию офицера в службе лежит через сержанта». Эти слова, сказанные старым боевым генералом еще в годы Великой Отечественной войны, полностью справедливы и сегодня.

Сержанты, командиры отделений, расчетов, экипажей — самый многочисленный отряд командирских кадров. Выдающийся советский полководец М. В. Фрунзе писал, что младший комсостав образует ту основу, на которой зиждется все дело дисциплинированности, боевой спайки и боевой подготовки части, а где нет этой прочной основы, где нет доверия к младшим командирам, там никогда не будет слаженности, не будет хороших подразделений.

Сержанты — это не просто «младшие» командиры, но командиры, са-

мые близкие к солдатам. Сержанты постоянно находятся вместе с солдатами, знают их нужды, запросы. И всегда стараются их удовлетворить.

О степени влияния сержантов на своих подчиненных можно судить хотя бы по тому, что все бывшие воины, независимо от даты увольнения из армии, как правило, хорошо помнят своего первого командира. Командира, который передавал им свой опыт, мастерство.

Поэт Владимир Удалов в стихотворении, посвященном своему первому командиру Герою Советского Союза Дмитрию Софронову, совершенно справедливо писал:

Совсем безусыми ребятами
Вошли в казарму первый раз,
А настоящими солдатами
Сержант Софронов сделал нас.

«ОСОБЕННЫЙ» СЕРЖАНТ

Владимир ВЕТАХОВ

Взвод стремительно преодолел проход в «минном» поле, быстро развернулся в цепь и атаковал «противника».

— Гранатой! Огоны!

Дружно гремит «ура». Неудержим натиск мотострелков.

Но вот к «противнику» подошло подкрепление. Возможна его контратака. Взвод перешел к обороне. Замелькали в руках саперные лопатки.

Динамика учебного боя захватывает. Трудно оторвать глаза от ловко действующих мотострелков, особенно от находящегося в центре событий высокого, ладного старшего сержанта.

— Что, нравится? — спросил меня член бюро комсомольской организации подразделения прапорщик Григорий Панасовский. По его улы-

бающемуся лицу было видно, что и ему приятно смотреть на уверенные и четкие действия воинов-комсомольцев.

— Это особенный взвод! — продолжил он. — Многие с высшим образованием. Кстати, лейтенант Агенов долгое время находится в командировке, поэтому занятия проводит старший сержант Александр Соломатин. Тоже, между прочим, особенный сержант. Со своим методом работы. Пригласитесь к нему, не пожалеете!

Послышалась команда «перерыв». Затиш на несколько минут учебный бой. Солдаты, подставив свежему ветру разгоряченные лица, задыхались сигаретами. Самое удобное время для задушевного разговора! И я наконец задал солдатам появившийся у меня после беседы с прапор-

щиком вопрос: чем же отличается от других сержантов их командир?

Я не случайно обращался к подчиненным Соломатина. Знал, что люди, находящиеся ниже на служебной лестнице, дадут человеку не только объективную оценку, но и подметят в нем такие детали, о которых, к примеру, руководители могут и не знать.

Я не ошибся. Беседа с подчиненными Соломатина получилась интереснейшей...

— Это я назвал его особенным, — признался рядовой Юрий Гринадеров. — А почему? — Солдат на секунду задумался, собираясь с мыслями, а по ом решительно сказал: — Он отличается от всех сержантов нашей роты! И не только, конечно, высоким ростом. Характер у него особенный — волевой. Это мы еще в первую встречу заметили. Подошел он тогда к строю, скомандовал, и все почувствовали — это твердый командир...

— Он любит все изучать глубоко, досконально, — включился в разговор другой солдат. — Подходит, например, однажды и говорит: «Товарищ Сарджеладзе, вы по специальности инженер-механик. Помогите мне лучше изучить ходовую часть боевой машины пехоты». Мне было очень приятно помочь ему. Ведь он мой начальник, а не постеснялся подойти и попросить о помощи. Мы с ним стали после этого настоящими друзьями. Но вы не подумайте, что после этого Соломатин стал давать мне поблажки. Наоборот, стал еще принципиальнее и строже. Одним словом, справедливый он человек.

— Наш старший сержант — чуткий человек, — добавил рядовой Каджик Оганян. — В первую свою стрельбу не попал я ни в одну мишень. Бегом возвращаюсь обратно с рубежа открытия огня. Стыдно. Горю весь. А заместитель командира взвода и слова упрека не сказал. Взял автомат и стал снова объяснять,

как ровную мушку брать, как прицеливаться. И сейчас я — спасибо старшему сержанту — уверенно стреляю!

— Гарный хлопец, хороший товарищ, — медленным баском, словно подводя итог сказанному, произнес рядовой Ярослав Козий, комсгруппорг взвода. — А ведь если сказать честно, то сначала я думал, что с нами ничего у него не получится. Почти все мы старше его, жизненного опыта побольше имеем, да и образование... Рад, что ошибся! Рад, что нашел в нем настоящий комсомольский характер!

Закончился перерыв. Взвод снова приступил к занятиям. Теперь воины изучали сигналы управления в бою. Наблюдая, как порхают в руках солдат желтые и красные флажки, я вновь обдумывал все, что узнал о «необычном» взводе и об «особенном» сержанте.

Но прежде о взводе. Более пестрой картины в смысле профессий даже трудно себе представить. В подразделении служили учителя, агрономы, артист, инженер, тренер по борьбе. Были тут и певец, и художник. Последнего, рядового Г. Меликяна, сразу загрузили оформлением различных деталей военного быта: от стенгазет до бирок на противогazaх. Но выпускник Академии художеств во всякое дело вкладывал душу. Самую же оригинальную профессию имел рядовой П. Эгуладзе — до призыва он возглавлял трест ресторанов и столовых...

У старшего сержанта высшего образования не было. Но в ту первую встречу, посчитав старшего сержанта малоопытным человеком, его подчиненные ошиблись. Александр тоже прошел неплохую жизненную школу. Он родился в Перми, в семье рабочего. Закончил машиностроительный техникум. Успел даже несколько месяцев поработать на заводе. Определили его сразу мастером в токарный цех. И не ошиб-

лись — парень оказался толковым специалистом и организатором. С грустью провожали его в армию.

Здесь ему тоже удалось немало добиться. За полтора года службы пришлось ему командовать двумя отделениями, в двух взводах быть заместителем командира. И все эти подразделения добились звания отличных. В свой третий по счету, «необычный» взвод он принес все лучшее, что дали ему учеба, работа и служба.

Опыт, как видим, немалый. Но первое время старшему сержанту пришлось нелегко. Проснулось желание у некоторых его подчиненных, имеющих высшее образование, «прощупать» своего командира, его общеобразовательную подготовку. Да и вообще посмотреть, что за человек их непосредственный начальник.

...Шли занятия по огневой подготовке. Изучали назначение, устроительство частей и механизмов автомата.

— Газовая камера имеет патрубок для выхода пороховых газов, — рассказывал Соломатин. И вдруг услышал наполненный иронией вопрос:

— Товарищ старший сержант, а какая принципиальная разница между камерой и каморой?

— Я вам потом отвечу. А сначала повторите то, что я объяснил.

К стыду любителя задавать ненужные вопросы, оказалось: он устроиства автомата не знает.

— Выучить в личное время, доложить, — приказал заместитель командира взвода.

Вечером, выслушав четкий и уверенный доклад подчиненного, Соломатин, в свою очередь, объяснил ему разницу между камерой и каморой.

Узнав об этом, командир роты спросил:

— Что, «прощупывают»? Если понадобится помощь — обращайтесь,

с комсгруппоргом хорошую связь наладьте.

Александр так и сделал. И эта поддержка, конечно, ему здорово помогла.

Но к командиру же по каждому случаю не пойдешь. А многообразная армейская жизнь ставила все новые вопросы и проблемы. Решать же их в основном приходилось старшему сержанту, который постоянно находился среди подчиненных.

А попытки «прощупать» не прекращались. Иногда в шуточной форме, иногда и в довольно острой.

Был такой случай. Утренний кросс. «Прикидка» на время. Но уже на середине дистанции некоторые солдаты стали отставать, а потом и вообще остановились.

— В чем дело? — строго спросил старший сержант.

Один из отставших попытался острить:

— Что это мы все бегом и бегом, будто опаздываем? Давайте тогда на час раньше вставать и пешком ходить...

В тот раз Александр промолчал, а про себя решил, что скоро у шутника появится хорошая возможность убедиться, нужны ли солдату занятия физкультурой.

...Есть в части добрая традиция. Каждый раз, направляясь к месту полевых занятий, подразделения преодолевают самый трудный участок дороги — подъем на возвышенность — бегом. Высота хоть и невелика, но зато крутая, поэтому не каждому удается с первого раза покорить «гору мужества» — так прозвали ее солдаты.

И вот настало время, когда солдатам пришлось преодолевать это препятствие.

— Газы! — командовал старший сержант, быстро надел противогаз и первым (делай, как я!) начал взбираться наверх. Когда же оглянулся, то увидел, что не все смогли выполнить его команду. Физическая подготовка подвела!

На вершине все сняли противогазы и дожидались отставших, среди которых был и солдат, так неудачно попытавшийся шутить на утреннем кроссе.

— Так как,— спросил его под общий смех Александр,— может быть, поговорим о пользе кросса теперь?

— Не надо,— смущенно ответил тот.— Все ясно, придется дополнительно позаниматься!..

Постепенно дела во взводе шли к лучшему. Авторитет его среди других подразделений возрастал. И командиру взвода, и Александру, да и всем ребятам было приятно чувствовать это. Но было бы совсем рано еще утверждать, что в коллективе уже все установилось.

Авторитет взвода рос. Но как это нелегко давалось!

...— Кого вы привели? — начальник склада сердито смотрел на заместителя командира взвода.— Мне работники нужны, а не «академики». Здесь трудиться надо, а не формулы писать.

— Не спешите, товарищ прапорщик. Вот увидите, как мы поработаем! — Соломатин оглянулся на подчиненных, словно ища у них поддержки.— Цыплят по осени считают! Солдаты одобрительно переглянулись. Сосредоточенно разобрав инструменты, они разошлись по рабочим местам. Поплевали на ладони — знай наших!

В общем закончили работу на два часа раньше других. Сдавали инструмент, задиристо поглядывая на начальника склада, который, честно говоря, чувствовал себя не очень ловко.

Но хозработы — это, конечно, не главное. Были у взвода и поважнее победы, которые помогли солдатам

сплотиться в дружный воинский коллектив. Успешная стрельба, отличные действия во время занятий по тактике, приз за лучшее знание уставов. Или взять ту же «горку мужества» — ведь покорили и ее! Не сразу, не вдруг, но покорили: поднялись единым махом, причем не только без отставших, но и без тех «сверхусилий», которые требовались раньше.

И если раньше, называя в разговорах взвод «особенным», кое-кто вкладывал в это понятие изрядную долю иронии (дескать, там одни теоретики, а не практики служат!) — теперь то же самое слово произносилось с уважением. Эти, мол, не подведут! Не случайно, именно с этого взвода начали в части обкатку личного состава танками. И действительно, подчиненные старшего сержанта Соломатина не подвели. Все действовали как надо, показывая пример сослуживцам...

Мои размышления прервал голос старшего сержанта Соломатина: — Становись!

Занятия закончились. Взвод шел в расположение, а мы с прапорщиком Панасовским, немного отстав, продолжали разговор о «необычном» взводе и его «особенном» командире.

— Так чем же он все-таки «особенный»? — спросил я прапорщика. Тот улыбнулся:

— Да, пожалуй, ничем. Самый обычный сержант — таких в армии тысячи. И все же... Все же особенный! Он выделяется своим добросовестным отношением к делу, вниманием к людям, умением найти к ним подход, комсомольской настойчивостью, строгостью, желанием быть впереди. Что, разве этого мало?

— Вполне хватит,— согласился я.

Армейская служба сложна и многогранна. В самых различных условиях приходится выполнять свой священный долг защитникам нашей Родины. Высоко в горах, на Крайнем Севере, в жарких пустынях они настойчиво овладевают ратным мастерством. Современные пехотинцы изучают вверенное им оружие и технику, совершенствуют свои умения в огневой, полевой, тактической

подготовке, несут караульную службу, проявляя при этом упорство, трудолюбие и настойчивость.

Армейская служба сложна и многогранна. Есть в ней и успехи и разочарования, поиски и находки, есть праздники и будни.

Именно о них, о буднях мотострелков, наполненных нелегким солдатским трудом, наш дальнейший рассказ.

Владимир КАРПОВ,
Герой Советского Союза

МАРШАЛЬСКИЙ ЖЕЗЛ

Тревога всегда налетает неожиданно. А эта была какая-то особенная. Сначала происходило все, как обычно: боевой клич мгновенно сдернул роту с постелей. Через несколько минут мы уже погрузили боеприпасы в свои «броники». Тут я увидел, что поднялся весь полк. Глаз у меня теперь наметанный. Значит, не очередная тренировка, тогда поднимают поротно. Увидел около штаба приезжих генералов, полковников и еще больше убедился — предстоит дело серьезное: большие учения или проверка московской комиссией. А может быть... война? Может быть, там, далеко на западе или на востоке, уже началось? Если это случится, нас поднимут точно так же. Тревога для солдата всегда одинакова: хоть в бой, хоть на учения. Вот сейчас я имею все, чтобы немедленно вступить в бой.

Пока мы укладывали все необходимое в машины, командиры получили задачу. Только мы закончили, запыхавшиеся офицеры уже прибежали к своим подразделениям. Можно только любоваться четкостью и продуманностью действий по тревоге. Все расписано, каждый солдат знает, что ему полагается брать, куда погрузить. Тяжело легли на дно бронетранспортера ящики

боеприпасов, занял свое место прибежавший последним солдат, и все готово! И офицеры уже тут как тут!

Батальоны, роты, батареи, специальные подразделения не медля ни секунды трогаются к исходному пункту. Каждое подразделение пройдет этот пункт в установленное время, и на ходу сформируется колонна полка в несколько километров длиной, с необходимыми в условиях возможных ядерных ударов дистанциями и интервалами. Я уверен, и сегодня во мраке ночи все подразделения проделают это быстро и четко, мы не раз тренировались. Хорошо представляю, что происходит сейчас в темноте на огромном пространстве городка и прилегающей к нему территории. «Старики» все спокойны. Молодежь, глядя на нас, тоже не суетится. Но по глазам видно — ребята взволнованы. Климов крутится на своем сиденье, смотрит туда, сюда, ему все интересно.

Ракитин, как всегда, внешне спокоен и неповоротлив, но я вижу — волнуется: вон как вцепился в оружие — даже пальцы побелели от напряжения!

На этот раз вывели наш полк не в пустыню, а в горы. Машины, напряженно рыча, долго продвигались вверх к перевалу. Дорога виляла по

вырубленной в склоне горы ступеньке. Справа поднимались каменные глыбы в отвесной стене, слева чернела пуста, одно неосторожное движение водителя — и от нашего «броника» гаек не соберешь!

К утру мы были уже на южных склонах хребта. Пока ехали, командир взвода объяснил обстановку:

— «Южные» стремятся преодолеть хребет Копетдаг и перерезать железную дорогу. Наш полк получил задачу свершить марш, перейти к обороне на южных скатах и не допустить выхода «противника» к перевалам. Конкретные задачи получим на месте. Капитан Узлов в отпуске. Я буду командовать четвертой ротой. Вместо себя командиром взвода назначаю младшего сержанта Веточкина.

— Эх! — воскликнул неожиданно Дыхнилкин.

Солдаты засмеялись. Улыбнулся и Жигалов.

— Почему вас удивляет такое назначение, товарищ Дыхнилкин?

— Я ничего, — замылся Семен, — пусть командует.

Жигалов объяснил вроде бы Дыхнилкину, но обращался ко всем.

— Младший сержант Веточкин — командир молодой, теоретическую подготовку получил хорошую, теперь ему надо набираться опыта.

Я представляю, в какой жар бросило сейчас Юрика Веточкина. Шутка ли, командовать взводом!

После прибытия к месту назначения колонна распалась, роты быстро расползлись по укрытиям. Стояли горы как горы, покачивались на ветру кусты шиповника и колючки татарника, просто не верилось, что здесь где-то между камнями, в ложинах и впадинах, сотни бронетранспортеров, танков, автомобилей, пушек, минометов и множество людей. Никто не обнаруживал себя. Самолеты «противника» со свистом проносились над нами — они вели разведку.

Командир полка, а за ним и ком-

баты отдали боевые приказы, произошло быстрое перемещение подразделений из укрытий к местам обороны. Вот где пригодилась кроссовая подготовка и физическая закалка. Солдаты бежали по крутым склонам к назначенным для обороны участкам, перебежали быстро, пока не было самолетов «противника».

Через несколько минут в горах опять не стало видно ни души — стояли горы как горы, такие, какими они были многие века. Но разбирающийся в военном деле человек хорошо представляет, что здесь уже не просто горы. Тут создан прочный узел обороны! Естественные преграды — ущелья и выступы гор, — умело использованные для обороны, усилили боевую мощь полка.

Я просто не представляю, неужели можно преодолеть такую оборону? В каждой ложине «противника» ждет сплошной ливень огня автоматов, пулеметов, орудий прямой наводки. Ну а тех, кому все же удастся прорваться через этот огненный шквал, в глубине поджидают танки: они растопчут и перестреляют их из пушек и пулеметов.

И главная сила, которая делает оборону неприступной, мы, солдаты. Если бы привезли нас сюда сразу после призыва в армию, из эшелона, мы представляли бы собой толпу. А теперь мы вон какая мощь!

На учениях особенно наглядно вижу я, как много мы получили в армии, как мудро и глубоко все продумано. Сидят сейчас в окопах автоматчики, артиллеристы, танкисты, каждый из них отработал десятки упражнений на стрельбище, умеет стрелять по любым целям днем и ночью. Ничто не ускользнет от их внимательных, цепких глаз! Никакая хитрость врага не обманет. Никакой огонь, бомбежки, отравляющие вещества их не выбьют из занятой обороны. Да, много, очень много получили мы знаний! Изучали по предметам, шли от простого к сложному.

И вот здесь, в учебном бою, теперь применим все разом, в комплексе.

Наша рота получила особую задачу. Командир полка, предвидя возможную высадку воздушного десанта в тылу, приказал Жигалову организовать оборону перевала.

И вот мы едем на своих бронетранспортерах назад, опять вверх, к облакам!..

Учения не только трудная боевая школа для солдат. Их и описать очень сложно. Особенно в моем положении рядового. Я думаю об этом, монотонно ударяя лопатой в землю. Долблю ее упорно и настойчиво, а когда она, взрыхленная, накопится под ногами, выгребая и выбрасываю наверх, на брусчатку.

Сейчас ночь, холодно в горах, позади уже двое суток без отдыха и сна. Где-то далеко в прошлом остался наш лихой бой с воздушным десантом. После обороны перевала мы с боями отходили в предгорье. Потом совершали обходной маневр по ущелью и руслу горной реки. Никому и в голову не пришло бы продирается на автомобилях и бронетранспортерах по этой расщелине между хребтами гор, заросшей бояркой и шиповником. Только дикие козлы да кабаны сюда забираются. А мы прошли да еще артиллерию протащили. Тут уж не бронетранспортеры нас везли, а мы их на себе волокли! Но все же прошли...

И вот опять мы у подножия гор, на южных склонах. За спиной у нас отрезанный «противник», его будут добивать другие части, а мы должны не допустить резервы, которые спешат на выручку. Мы как кость в горле «противника». Нас немного, один батальон, и тот распределен поротно. Каждая рота перекрывает дорогу или тропу, которая ведет через хребет.

Наша рота обороняет пологую долину, по дну ее вьется белая, даже ночью, лента дороги. Мы прибыли сюда вечером. «Противник» обнаружит нас только утром. Но будет

поздно: затемно мы построим непреодолимый рубеж.

У меня кровавые мозоли на ладонях, задубели все мышцы, и в голове тупая тяжесть. Я остановился передохнуть. Посмотрел на яркие колющие звезды в небе, на темную махину хребта. Рядом роет окоп Степан. Других ребят во мраке не видно, только слышны глухие удары лопат о сухую землю да цокот, когда лопаты попадают на камни.

— Степан! — позвал я.

— Чего?

— Перекур.

Он подошел:

— Выдохся?

— Дошел. Смотри, какие фары на ладонях.

— Мозоли украшают солдата! — пошутил Степан. — Мозолистые руки в гражданскую войну были как пароль.

— Давай, давай, поднимай мой моральный дух! — огрызнулся я.

— Ты же говоришь, дошел.

— Физически.

— Могу предложить сахар.

— Иди ты со своим сахаром...

— Ну ладно, подыши, пройдет, — примирительно сказал Кузнецов.

Мы постояли молча. Луны не видно, только звезды горели, крупные, белые.

— Не приходила тебе, Степан, мысль о том, что дела наши солдатские на учениях слишком уж однообразные: копай, атакуй, сиди в машине? Все заранее решается в штабах, на уровне больших командиров. А у нас с тобой что главное? Инженерные работы. Название громкое, а суть в одном: долби землю лопатой. — Я опять показал ему свои набрякшие ладони.

— Мелко берешь, Витек! Не горели бы мозоли, шире бы думал.

— Мозоли эти и наводят на размышление. Что я делал при обороне перевала? Копал. А перед наступлением? Копал. А в резерве? Опять копал — укрывал технику и себя от

атомного удара. Вот и появились думы об однообразии.

Степан прежним спокойным голосом сказал:

— Я согласен, есть в наших солдатских делах однообразие, только вижу я его в другом. Копать укрытия — это неизбежная необходимость, не будешь зарываться, погибнешь и не осуществишь те замыслы командиров, штабов, о которых ты говорил. Заметь, осуществляешь замыслы все же ты — солдат! — Степан сделал паузу, что-то вспомнил и заговорил более оживленно: — Я вот другое однообразие в наших действиях заметил. Солдат в любом бою — будь то оборона, встречный бой, наступление, обход, окружение, в общем всегда и всюду, — солдат выполняет одну из двух задач: ни шагу назад или стремительно вперед! Заметил?

— Не думал об этом.

— Вспомни. На перевале позавчера — ни шагу назад. В наступлении вчера и сегодня, когда продвигались по ущелью, — только вперед! Завтра будет тот — и опять ни шагу назад. Вот о таком однообразии я задумывался.

— Ну и к какому выводу пришел?

— А ты сам подумай, потом сравним... А сейчас бери-ка, философ, лопату в руки да вкалывай. Самая высокая сознательность проявляется, браток, все же в конкретном труде! Помнишь: «Окоп — крепость солдата».

Мы разошлись. И опять я с остервенением долбил землю и выковыривал камни, со злым упорством повторяя про себя застрявшие в голове слова: «Окоп — крепость солдата». Раз, раз — бью блестящим лезвием в дно... «Окоп»... раз, раз... «крепость»... раз, раз, аж звенит земля... «солдата». И так много раз, до бесконечности. А поговорка, как иногда бывало песенка какая-нибудь, зацепилась и никак не уходила. «Только вперед, и ни шагу назад» — вот она, формула солдатских дей-

ствий. Формула без иксов, игреков, корней и логарифмических вычислений — все просто и ясно. И в то же время как сложно осуществить ее на деле, когда гремит настоящая война. Как трудно превратить эту формулу в, казалось бы, обычные и необходимые действия людей.

На рассвете грянул бой. Вокруг все было еще синее. Заря, предвещающая восход солнца, еще не светила за краем земли. Чернота ночи будто выцвела, поредела, перешла в синьку. Вот в этот час ринулись на наши позиции танки «противника». Я думал, нас обнаружат лишь утром, потом начнут вести разведку наших позиций, готовиться к наступлению. В общем, пока все это «противник» проделает, мы успеем немного поспать, позавтракать. Однако наши соперники не дремали. Разведка их, видно, хорошо поработала: ночью обнаружила нас. Иначе не успели бы подготовить еще затемно эту атаку.

Ничего не скажешь — толковый командир воюет против нас, удачно выбрал момент для наступления. Знает, что силы наши на пределе после невероятно трудного продвижения по руслу горной реки и после ночных работ. Он понимал: как бы мы ни устали, отдохнуть после марша не будем. Станем зарываться. Отдадим инженерному оборудованию все силы. И когда устанем до изнеможения, тут-то он и ударит!

Танки приближались быстро. Они почти сливались с землей, только покатые башни иногда выныривали из синевы и были видны на фоне светящегося неба.

Да, нелегко было бы брать их на прицел артиллеристам! В таких условиях почти все дойдут целенькими до наших траншей.

Вот и стал бы для нас сегодняшний день дубосековским испытанием, как в сорок первом для панфиловцев.

— Гранатометчики, по танкам огонь! — скомандовал Веточкин. —

Пулеметчикам и автоматчикам отсечь пехоту!

Затрещали выстрелы. Вспышки в утренней синеве были видны ярко. Их было немного. Холостыми патронами наделили нас не очень щедро. Мы только обозначили огонь, чтоб видели посредники: отражаем атаку, а не дремлем.

Танки продолжали скользить в синеве, все ближе и ближе к нашим траншеям.

— Всем приготовить противотанковые гранаты! — крикнул Веточкин.

Я отметил про себя: уверенно, коротко, без суеты командует Юрий.

Танки были совсем уже близко. Вот сейчас бы началось самое главное. Та самая проверка на прочность, к которой нас готовили годы.

Я быстро глянул на ребят нашего отделения. Выложив гранаты на бруствер, они ждали танки. Лица у них были бледные и какие-то землистые. Может быть, от усталости или утренней синевы. А может, от внутренней собранности и напряжения.

В эти секунды я почему-то вспомнил день принятия присяги. Как тогда, встали передо мной суровые лица фронтовиков, только теперь фронтовиками были парни нашего отделения: Веточкин, Климов, Ракитин, Натанзон. Взгляд их суров, лица строги. Знаю и чувствую по себе — суровость эта от внутренней собранности, от сознания: я, и никто другой, отвечаю в эти минуты за исход боя.

Глядя на приближающиеся танки, я вспоминаю очень похожий эпизод из фильма «Курская битва» и реально представляю себя и наших ребят в том бою.

Вот ползут темные глыбы танков, они строчат из пулеметов, с грохотом бьют снарядами по нашей траншее. Высекая искры, отскакивают от брони рикошеты наших пуль и снарядов. Танки мчатся на нас. Они рядом. Еще миг — и они навалются на траншею. Застопорив одну гусеницу, механики-водители крутнут тяжелые

машины на месте и, обрушив края траншеи, похоронят нас заживо. Они уничтожат наше отделение и поведут свою пехоту дальше, в глубь страны. И если мы не устоим, могут повториться все ужасы войны — города превратятся в пожарища, а людей погонят в новые Освенцимы, Дахау, Бухенвальды.

Но нет! Этого теперь не случится. Мы не пропустим врага. Ученый! Сами не были на фронте, от старших знаем, какие беды несут враги.

Я слышу четкий голос старшины Мая, которым он каждый день вызывает на вечерней поверке: «Герой Советского Союза Денисов!»

Это имя приходит мне на память не случайно — именно в такой вот обстановке Денисов вступил в единоборство с танками. Он бил их гранатами и не пропустил через свой окоп. Я знаю все подробности подвига Денисова. Кто из наших ребят способен на такое? Могу сказать уверенно — каждый. Я говорю это не потому, что слова произносить никогда и ни для кого не составляло особого труда. Я верю в этих людей. Я служу с ними почти два года, мне ведома суровая солдатская школа мужества, которую мы вместе прошли. Я знаю и разделяю их любовь и преданность народу и Родине.

Да, Степан Кузнецов встанет на встречу танку! Климов, не задумываясь, кинется на пулемет, как Матросов, чтобы спасти своих товарищей. Ракитин будет гвоздить врагов до последнего вздоха прикладом, кулаками, рвать зубами, и, если выпадет на его долю судьба Юрия Смирнова, Трофим не только не выдаст военной тайны, но и умрет так, что палачи будут дрожать от страха при одном воспоминании о мужестве советского солдата! Я гляжу на Дыхнилкина. Эх, Семен, сколько ты принес неприятностей нашему отделению, как много трепал нервы командирам. Но не миновала и тебя армейская закалка. В общем боевом строю и ты не дрогнешь, будешь

даться, как все. Но хватит ли в тебе внутренней дисциплины, если ты останешься по воле случая один? Я гляжу на сдвинутые брови Семена, на его злые зеленые глаза. В первый раз за свою долгую службу у меня проявляется в груди тепло при мысли об этом человеке. Не тот уж Семен! Многое в нем изменилось. И он выстоит!

Посредники остановили танки «противника». Будут взвешены все эти «за» и «против», оценят наши инженерные труды и эффект внезапности танковой атаки. Победа будет присуждена объективно, посредники народ беспристрастный. И все же, что бы они ни решили, я убежден — победу в этом бою одержали мы! Мне-то виднее — я знаю, что за люди здесь оборонялись...

Остаток дня мы отходили от рубежа к рубежу, контратакуя и устраивая засады на горной дороге. Я не раз вспоминал, в чем видел Кузнецов однообразие солдатского труда: ни шагу назад или стремительно вперед. Да, именно эти два простейших элемента, как бы ни были они просты, лежат в основе всех самых блистательных наших побед и под Москвой, и под Сталинградом, и на Курской дуге, и при взятии Берлина. Ни шагу назад, и только вперед! Диалектика солдатской службы — единство противоположностей, составные части победы!

Оказывается, чтобы понять все это, уверовать окончательно в своих командиров, товарищей и в себя, мало одних занятий в классах, в полковых учебных городках, надо обязательно выйти в поле, увидеть мощь оружия и силу людей на огромном пространстве, почувствовать и понять, что мы в состоянии уберечь, отстоять от врагов это огромное пространство, имя которому — Родина!

Да, на больших учениях вершатся

большие дела, приходят солдатам на ум большие мысли...

Я сказал Шешене, как мы с Кузнецовым обнаружили «диалектику» солдатских действий на войне. Замполит улыбнулся, одобрил и, как всегда, повернул все по-своему:

— Правильные у вас мысли. Но еще нагляднее я вижу диалектику в том, что вы, рядовые солдаты, мыслите такими категориями. Вот тут особенно вижу я результаты воспитательной работы: постепенные количественные накопления переходят в новое качество. Это обнаруживается не только в масштабности тех мыслей, которые вы мне поведали, а, главным образом, в высоких результатах учений, которые мы провели. Вот куда и во что, товарищ Агеев, выливается ваша солдатская диалектика.

После учений, когда мы сидели возле машин, ожидая сигнала для посадки, Шешеня опять завел разговор на эту тему. Он рассказал солдатам, к чему мы со Степаном пришли в своих рассуждениях, и от себя добавил:

— Помните, мы с вами однажды говорили о маршальском жезле, который носит каждый из вас в вещевом мешке? Я тогда сказал, что жезл этот хоть и символический, но мыслить мы вас учим о судьбе Отечества, мира и прогресса маршальскими масштабами. Вот Агеев с Кузнецовым рассуждал на таком же уровне. — Шешеня оглядел нас, улыбнулся и добавил: — Хочу дать старослужащим совет. Скоро вы поедете домой. Вещевые мешки при увольнении сдайте, а то у старшины Мая за них деньги высчитывают. Но маршальские жезлы не сдавайте, везите с собой. Они и в гражданке пригодятся. Мыслить государственными категориями везде полезно! Все вы чувствуете: армия дала очень много. Значит, если вы много взяли, то находитесь в долгу. А как вернуть долг? Отличная работа там, где вы

определите свое место в жизни, тоже будет вкладом в оборонную мощь нашей страны. Ну а если грянет война и Родина бросит клич «К оружию!», тут уж вы не долги прине-

сете, а выложите на алтарь Отечества весь свой капитал! Любовь и преданность Родине нужно не только носить в сердце, но, главным образом, проявлять на деле!

Владимир ВОЗОВИКОВ

ТАЙФУН

Лагаев высмотрел на опушке удобный островок мелкокося, указал на краю его место Бреговдзе, проинструктировал и уж было кивнул на прощание, как вдруг замер, напрягая зрение. Что-то шевельнулось впереди на снегу, и он догадался — со стороны невидимой отсюда скалы двигалась белая фигура. «Ох, прав майор Филин — в чужом тылу никакая предосторожность не лишняя. Накрыли бы в палатке как куропаток...» Лейтенант сделал предостерегающий жест Бреговдзе, который уже потянул затвор автомата, готовый немедленно открыть стрельбу, вполголоса распорядился: — Быстро к Амурко. Поднять группу и... Погоди-ка...

Человек в белом приблизился, и что-то знакомое почудилось Лагаеву в тяжелом, неосторожном шаге усталого лыжника.

— Кто идет? — окликнул негромко. Человека словно толкнули, он качнулся назад, оступился на скользящих лыжах. Это был Воронов. — Вы? Почему вернулись?

— Утек я, товарищ лейтенант! — «Утек» прозвучало так, словно Воронов сам себе присуждал приз.

— Хорошо. Объяснения потом. Бреговдзе, выполняйте задачу. А вы за мной.

Едва вошли в палатку, Воронов, скидывая вещмешок, весело заговорил:

— Чего уставились, как сычи? Давно не видели, за своего не признаете? Вот так и мой знакомый,

йог-любитель, явился домой из гостей за полночь, а жена двери на запор. Что же вы думаете он принял?... Ну, кто догадливый?..

Ответом было хмурое молчание. — Садитесь, Воронов, — устало сказал Лагаев, расстегивая полушубок и опускаясь у стенки палатки. — Рассказывайте.

— О чем, товарищ лейтенант?

— О чем, вы думаете, должен рассказывать разведчик, побывавший в руках у противника?

— Так ведь какой противник!.. — Воронов осекся под ледяным взглядом лейтенанта, стянул капюшон, снял ушанку, медленно опустил на вещмешок.

Лагаев словно бы впервые рассматривал его разгоревшееся от ходьбы лицо — коротко стриженные влажные кудри, сведенные широкие брови, правильный нос, крупные губы, мягкий подбородок. Красивый ведь парень... Всегда или почти всегда внешность человека с первого взгляда переносят на его содержание, и в этом есть своя логика. Но порой под привлекательной внешностью кроется душевная червоточина. Лагаев замечал, что себялюбцы обычно внешне впечатляющи и редкий из них откажется при случае заглянуть в зеркало. Зато в таких, как Амурко, малоприметных, словно стесняющихся себя парнях, постоянно мерцает огонь, который, однако, не сразу увидишь. Лагаеву теперь почему-то вспомнилось, сколько раз он разрешал Воронову внеочеред-

ные увольнения в город, не в силах отказать его улыбчивым просьбам: «В прошлый раз, товарищ лейтенант, с хорошенькой девушкой познакомился, дал слово прийти. Ждать будет — изведется. И потом слово солдата...»

Слово солдата... Амурко или Денисов «словом солдата» не разбираются... А может, он, Лагаев, просто завидовал везению Воронова в сердечных делах?

— Рассказывайте при всех, — повторил лейтенант. — Да поподробнее и не виляйте. В вашем положении секретничать не приходится.

Воронов кинул быстрый взгляд на командира, и лицо его покрылось испариной, он утерся рукавом.

— Фу!.. Забегался... Да что рассказывать! Устал до смерти. Когда лежал, ожидая горючезовы, совсем развезло меня, как на духу говорю... Потом вижу — вы отходите, а я как примерз, вот честное слово! Танк бы, наверное, на меня попер — и то не встал бы... А-а, думаю: буду вас огнем до конца прикрывать... Потом патроны кончились, а тут откуда-то сбоку ихний лейтенант с солдатами. Окружили, говорят, вставай, мол...

— Ефрейтор Денисов! Вы были ближе всех к Воронову. Видели, что он не поднялся при отходе?

Ефрейтор метнул взгляд на Воронова, но ответить не успел.

— Да я пробовал... — Воронов смешался. — Встать, говорю, пробовал. Только на пять шагов меня и хватило... Отбежал к елочкам, которые рядом...

— Понятно, — жестко сказал Лагаев. — Дальше.

— Капитан еще подошел, посредник... Я с ним пошел на дорогу...

— И откуда силы взялись, — съехидничал Седых.

— ...Стал он меня, капитан тот, спрашивать: чьи, мол, и сколько нас, а я ничего ему не сказал, хоть он и посредник?

— Что приказал вам капитан?

— Ничего не приказывал он. Гово-

рит, в тягач, мол, садись, довезем до ваших, они теперь на перевале... Да, он еще говорил, что в начале пурги было распоряжение из штаба: посредникам присоединить диверсионные группы к войскам. Они одну такую группу подобрали, я думал — это Амурко. А сейчас, говорит, метель затихает и трогать он нас не хочет. Иначе бы приказал вести к вам.

— Как же вы ушли?

— Да просто. Сел в тягач, тепло, спать клонит, а на душе-то скребет... В общем, выбрал момент, лыжи выбросил и сам сиганул в сугроб. Они не заметили. Может, и теперь не хватились... Нашел вашу лыжню, да и место я тут запомнил. Только у скалы немножко растерялся.

Лагаев сдержанно спросил:

— Вы понимаете, Воронов, что посредник, усадив вас в тягач, взял на себя ответственность за вас?.. И вообще, что значит на войне попасть в руки противника, вы представляете хоть по кино и книгам?

Воронов опустил голову.

— Придется вам возвратиться в плен, — холодно сказал лейтенант.

— Товарищ лейтенант!.. — Голос Воронова сорвался: он, вероятно, понял бесполезность слов, начал неловко натягивать ушанку, застегивать полушубок.

Лагаев, следя за его неуверенными движениями, хорошо чувствовал состояние солдата, когда тот оказался в плену — пусть условном, но в плену! Все же немилым показался Воронову теплый отсек гусеничной машины, и силы нашлись для побега, и отступил страх одиночества в ночном лесу. Лагаев представил, как Воронов пробирался через темный лес, отбрасывая с пути колючие ветки. И ошеломление его представил, когда у скалы, на месте зарытой палатки, обнаружил полузанесенную ямку в снегу, и его тревожно сбивчивые гадания — где искать?! Сооб-разил ведь...

— Погодите-ка, Воронов, — уста-

ло произнес Лагаев, видя, что солдат берется за вещмешок. Сказал негромко: — Не время и не место проводить собрания, но мы обойдемся без речей. Здесь, в палатке, кроме Воронова, семь человек. Пятеро — комсомольцы, двое — коммунисты. Так вот, как скажет большинство, так мы и поступим — то есть отправлять вас обратно или оставить. Это мое командирское решение.

Первым молчание нарушил Нехай.

— Колы убиг до своих, нехай ще повоюе...

Казалось, добродушный басок пулеметчика настроит разведчиков на снисхождение к Воронову, но комсгруппорг Седых прямо-таки взвился:

— Ты очень добрый дядя, товарищ Нехай. Думаешь, он тебя пожалеет при случае? Он себя одного жалеть умеет за счет других! Я против того, чтобы Воронов остался с нами.

— Ты, комсорг, не горячись, — степенно произнес Балтрушайтис. — Остался там — один человек, вернулся — другой. Мы поговорить с ним успеем. А сейчас каждый штык на счету. Пусть останется, поучится воевать.

Воронов заметно повеселел.

— Каждый штык, говоришь? — угрюмо переспросил Денисов. — Согласен. Да только сломанный штык для дела негоден, его выбрасывают. Пусть Воронов вернется туда, где остался, да подумает обо всем хорошенько — время у него будет.

— Согласен с Денисовым! — коротко высказался пятый разведчик.

Воронов испуганно глянул на Амурко и опустил глаза. Лицо казалось замкнутым, отчужденным, и только лейтенант видел затаенную улыбку в линии его плотно сомкнутых губ. Глаза сержанта говорили Лагаеву: выдворять Воронова из группы не следует, и даже те, кто под горячую руку готов это сделать, в душе надеются на благополучное для Воронова решение: они только хотят, чтобы устроенный лейтенан-

том урок не прошел даром. Амурко улыбнулся и просто сказал:

— Мое мнение: пусть останется.

Голоса разделились поровну, и теперь разведчики выжидающе смотрели на лейтенанта: все-таки решать приходилось ему. Но разведчики, похоже, просчитались, думая, что командир, устроив необычное голосование, отказался от своего первого слова.

— Амурко, вы все еще не накормили Воронова, поторопитесь, — спокойно сказал лейтенант и отметил, что люди облегченно вздохнули, по-своему истолковав его распоряжение.

Чуть позже, когда разбирали лыжи, Лагаев почувствовал, как сквозь влажный снег по-весеннему запахло хвоей. Пурга совсем прекратилась, но над черными деревьями нескончаемо плыли легионы туч... Впрочем, снег замел бы их следы, а пока приходится каждую минуту ждать гостей. Особенно после того, как был взят в плен и сбежал от «противника» Воронов. Группа, конечно, сделала немало, но пока цела, она должна воевать...

Нехай, толкнув Воронова в бок, весело прогудел:

— Так що ж вон робыл, той йоглюбитель, аж жинка його до хаты не приймала?

На ходу дожевывая ужин, Воронов хитро спросил:

— А ты бы что сделал на его месте?

— В мене жинки немає. Не можу знати.

— Вот и он не знал, что ему делать. Поэтому постучался к знакомой соседке и переночевал у нее.

Снова разведчики весело смеялись, и Лагаев, против воли улыбаясь, сердился на себя и на них: «Только-только ярились на Воронова, а уж в рот ему заглядывают, готовые смеяться. «Любыма дытына...» Разве не тот же Денисов на пару с Бреговдзе чуть ли не в каждом марш-броске делят между собой груз боевой

выкладки Воронова, чтоб ему легче было? А «непримиримый» Седых сколько раз обращался к Лагаеву: «Товарищ лейтенант, Воронову надо бы на репетицию, отпустите его, а мы работу сами сделаем...» Да и другие... Вот уж точно — любимое дитя. Нет, не имеет Лагаев права сегодня менять свое решение, и, выходит, большинство голосов не в пользу Воронова... Почаще надо брать его в разведку и ничего не спускать ему, иначе этого везучего мальчика завезет куда-нибудь в

скверную историю. Ведь и нынешняя не так уж безобидна. А Воронов, похоже, решил, что пронесло.

— Становись!..

Разведчики выстроились в одну шеренгу, затихли, прислушиваясь к слабеющим порывам ветра.

— Воронов!.. Дойдете до постов охранения «противника», там, где вас задержали. Передайте их старшему, что я возвращаю вас. Как быть с вами дальше, они сами решат. Да пусть посредника поставят в известность.

Юрий СТРЕХНИН

ЗАВЕЩАЮ ТЕБЕ

Ременников... Смуглый, с темными, задумчивыми глазами, родом, кажется, откуда-то с юга. Рядовой первого года службы. Такой, как многие его сверстники. Вчера, когда пришел в санчасть навестить его, он очень был смущен моим неожиданным приходом, порывался если не встать с постели, то хотя бы приподняться в ней. Два солдата, сидевшие на табуретках возле его койки, завидев меня, вытянулись, неловко придерживая сползающие с плеч куцые «посетительские» халаты.

— Сидите, сидите! — махнул я им рукой.

— Мы уже уходим, — заторопились они, попрощались с Ременниковым и скрылись за дверью, стараясь как можно осторожнее ступать сапогами по полу.

Я поглядел им вслед: славные ребята! Ведь это они вытащили Ременникова на себе. Действовали так, как действовали бы на фронте. Собственно, они и были уверены, что все всерьез, а не учебная игра.

Я подсел к кровати Ременникова, поинтересовался его самочувствием и попросил по возможности подроб-

нее рассказать, как все произошло и что он испытал при этом.

— Когда за лесом впереди гриб вспучился, мы и не подумали, что настоящая, — признался Ременников. — Слышали от «старичков», что уже бывало на учениях такое. Ну а как до мостика доехали, тут сомнения взяло: весь он по бревнышку рассыпан, словно ветром сдуло. А главное — деревья лежат, с корнем вырванные, листья на них обгорелые, прямо на дороге две мертвые вороны, трава вокруг пожелтелая, опаленная вроде. Так на учениях никогда не бывало... Переглянулись с ребятами: неужто настоящая? Предупреждали ведь нас, что может настоящей быть. Попробовали индикатором — есть! Рентгенометром проверили — тоже есть! Меня даже потом прошибло, под комбинезоном враз стало как в бане. Мы в машину скорее, к рации, доложили и про радиацию, и про то, что дальше не проехать. В ответ приказ: идти за речку, разведать дорогу еще на три километра. И предупреждение: соблюдать все меры предосторожности.

Ременников рассказал мне, как

они, оставив в машине только водителя, втроем, взяв рацию и приборы, перебрались по торчавшим из воды камням через маленькую, но бурную речку и снова сделали замеры. Приборы показали, что местность «заражена». Двинулись дальше по старой заброшенной дороге вдоль реки, дном глубокого ущелья — таков был указанный им маршрут. Ременников шел первым, за ним товарищи. Шли быстро, спешили, стремясь поскорее пройти опасный, по их мнению, участок. Даже на прибор ни разу не взглянули. В тяжелых резиновых сапогах, в противогазах, в непроницаемых для воздуха комбинезонах и касках идти по каменной дорожке им было нелегко. Пот хлюпал в масках, а снять их хотя бы на секунду не решались — а вдруг местность по-настоящему заражена! В самом узком месте ущелья путь оказался прегражденным высоким завалом из деревьев и глыб камня — очевидно, все это сбросило в реку взрывом. Стали пробираться через завал. Когда Ременников поднялся на самую вершину его, под ногой обломилась ветка. Рентгенометр, висевший у него на шее, при падении сорвался, отлетел в сторону. Ременников хотел встать, но не смог, почувствовав резкую боль в ноге. Подобрали рентгенометр, глянули на шкалу — и ахнули: четвертый диапазон, стрелка на пределе! Проверил исправность рентгенометра — не работает. Наверное, от удара повредился. Но стрелка-то на пределе!

— Перепугались мы крепко, — признался Ременников. — Предельная — значит уже набрались, надо скорее из зоны. Я на ногу ступить не могу. Включаем рацию — связи нет! Понятно: в ущелье, глубоко. Пока не выберемся наверх, не связаться. Значит, помощи не жди. А с каждой минутой доза растёт, облучаемся... Ребята мне что-то говорят, сквозь противогазы слышно плохо, мычание одно... И я не знаю, что им сказать...

— Но они и сами, наверное, понимали: надо вас вытащить.

— Так-то так... — Ременников при этом доверительно посмотрел мне в глаза. — Но я же старший дозор! Приказ продолжать разведку нам не отменили. А рентгенометр из строя вышел.

— Именно это вас прежде всего беспокоило?

— Да ведь как... — несколько нерешительно, словно не решаясь признаваться в какой-то своей слабости, ответил Ременников. — Прибор не действует, надо быстро назад. Мы уж уверены были — предельная доза! А я с ногою покалеченной связывал ребят... Как было решить? Пока через завал меня обратно перетасят, наберемся еще больше этой заразы... Одного за помощью послать или всем из зоны выходить? Что предпринять? Не хотел, чтобы ребята из-за меня... Но и самому пропадать тоже неохота.

Я не расспрашивал Ременникова, чем все кончилось, уже знал, что его товарищи по дозору, не тратя времени на выяснение, какой выход из положения более разумен, подхватили друга и поспешили поскорее выбраться из зоны, которую считали зараженной.

Только потом, когда закончились учения, а Ременников был в полковой санчасти, перестало быть тайной, что взрыв бомбы был лишь весьма искусно имитирован. Действовавшие строго секретно саперы за несколько дней до начала учений с великим искусством выполнили все, что приказал сделать Порываев: развели мост через речку, опалили листву и траву возле дороги и даже бросили на нее несколько застреленных из дробовика ворон, подорвали над дорогой в ущелье скалу вместе с росшими на ней деревьями. Словом, сделали такие «декорации» ядерного взрыва в натуре, что трудно было поверить, что взрыв ненастоящий. Поэтому все, кто на учениях двигался по этой дороге, полностью

В минуты отдыха...

соблюдали все предосторожности, а командиры старались как можно быстрее провести свои подразделения сквозь опасный район. К слову сказать, эта дорога была главной осью наступления всей дивизии, по ней пошли ее основные силы.

Обо всем этом я рассказал Ременникову. Он улыбнулся:

— Ловко все подстроено было! И как это получилось, что приборы высокий уровень в зоне показали? Их перед учениями на проверку брали. Может, тогда в них что подладили?

— Может быть,— ответил я Ременникову несколько уклончиво, зная, какие хитрости придумала наша инженерная служба, чтобы на учениях все было как на войне.

— Здорово нас разыграли! — рассмеялся Ременников, выслушав меня.

— А вы что, недовольны этим?

— Да что ж, товарищ полковник! На то, говорят, и щука в реке, чтобы карась не дремал. Только, выходит, ребята напрасно надрывались, когда меня на себе волокли. В комбинезонах защитных, в противогазах — знаете как? Потом изошли.

— Э, товарищ Ременников! — не удержался я от улыбки. — Надо ли солдату на свой пот скупиться? Помните, чему Суворов учил?

— Как не помнить... А можно вас спросить, товарищ полковник? — любопытствовал Ременников. — Вот вы интересуетесь, что мы пережили тогда. Это для расследования какого надо?

— Надо. Только не для расследования, а для того, чтобы знать, как люди себя поведут, если в настоящей опасности окажутся. Знать, чтобы помочь им подготовиться.

СОЛДАТСКИЕ ВЕСНЫ

Александр КОНДРАШОВ

Подданные «царицы полей»

«Наверное, только мотострелок по-настоящему знает, как радостно волнует обжигающий вихрь атаки, когда с криком «ура!» врываешься на высоту. Ведь атака — это испытание на выдержку, ратную зрелость...» — так с гордостью говорит о своей воинской специальности один из лучших солдат мотострелковой роты гвардии рядовой М. Полянка.

С утра нестерпимо палило солнце. Было душно.

— Ну и погода, — дотрагиваясь до раскаленного брезента, протянул гвардии рядовой Михаил Полянка.

— А ты, Миша, книгу жалоб в «небесной канцелярии» потребуй, — тут

же откликнулся ротный балагур Василий Сачков. — Так, мол, и так, обижаете. Нам в поле заниматься, а вы жару под сорок. Непорядок...

В кузове засмеялись. Улыбнулся и Михаил. Потом шутливо толкнул локтем сидящего рядом гвардии рядового Сачкова и беззлобно проворчал:

— Да ладно уж. Не растаем...

— На то мы и пехота, — поддержал его комсгруппорг гвардии рядовой Анатолий Малахов.

«Пехота»... Полянка вздрогнул. Вспомнил о письме. Оно лежало в левом нагрудном кармане. От друга детства Дмитрия Кокина. Солдат мысленно перечитал это письмо. «Здравствуй, Миша! — писал тот. — Получил первое твое письмо из армии. Что ж ты раньше не писал? Впрочем, понимаю, сначала так

трудно бывает, что не до этого. Рад, что все у тебя нормально. Вот только обидно мне за тебя. Такой грамотный парень, а в пехоту попал. Там ведь у вас ничего интересного. Знай только бегай да ползай. Как говорится: сопка ваша, сопка наша... То ли дело у нас, у автомобилистов. С техникой все время связаны. На уровне века стоим. Разве с пехотой сравнишь? Не повезло тебе...»

Машину сильно потрянуло. Потом еще раз и еще. Даже сидевшие далеко от заднего борта поняли: свернули на проселок.

Не повезло. В первые дни службы Полянка и сам считал точно так же. Думал: что мотострелки? Вот то ли дело локаторчики! Электроника там какая... Его брат Леонид, который служил на Севере оператором радиолакационной станции, говорил, что техника у них на грани фантастики. Или взять пограничников. Старший брат Михаила, Александр, служил на границе проводником служебной собаки. Он до сих пор вспоминает, как со своей Пальмой однажды нарушителя задержал...

Полянка усмехнулся, вспомнив, какой напыщенно-гордый ходил он после комиссии в военкомате. Ведь там, узнав, что он заканчивает музыкальное училище, определили его в связисты. Офицер с молниями на черных петлицах так и сказал ему:

— Быть вам, Полянка, радистом. Нам люди с хорошим музыкальным слухом нужны.

Михаил уже мысленно примерял наушники, но в последний момент все круто изменилось. Он узнал, что идет служить в мотострелковую часть.

Расстроился сначала новичок. Одно воодушевляло, вызывало гордость: часть, в которую он попал служить, имела славную историю. Одна из самых прославленных во всех Вооруженных Силах, на ее гвардейском боевом знамени — два ордена. И рота их особая. В списке ее навечно зачислен Герой Советского Союза

гвардии капитан В. А. Баранов, погибший весной сорок пятого при освобождении Венгрии. О его подвиге Михаил Полянка узнал в первый же день службы.

Уже тогда, во время экскурсии по музею боевой славы, он понял, что во многом легкомысленно, по-мальчишески смотрел раньше на пехоту. Ведь продолжать такие традиции почетно. Михаил решил, что будет служить на совесть, стараясь изо всех сил. И все же, если б ему предложили перейти в другие войска, в ракетчики или, скажем, связисты, он согласился бы. Почему-то на первых порах уверен был, что там интересней...

Промелькнули ворота учебного центра. Еще несколько поворотов — и приехали.

— К машине!

Привычно спрыгивают на землю солдаты. Быстро становятся в строй. Команда. И вот уже взвод рассыпался по полю, вытянулся в цепь.

Сегодня они наступают. Полянка хорошо знает, что это такое. На его коротком пока армейском счету атак уже достаточно. Но первая, пожалуй, запомнится на всю жизнь.

...Ноябрь выкрасил осенними красками яркую зелень травы. Михаил лежал на стылой земле и всматривался в даль. Туда, где окопался «противник».

Томительно тянулись секунды. А когда распустилась алая маковка ракеты, солдаты, разноголосно крича «ура!», побежали вверх, по изуродованному шрамами оврагов склону. И он, гвардии рядовой Полянка, бежал вместе со всеми и кричал вместе со всеми. И проклинал, наверное, тоже вместе со всеми этот, казалось, уходящий под небеса, а на самом деле совсем невысокий холм.

Ведь это только потом поймешь, для чего нужен едкий, соленый пот, который, как клей, заставляет липнуть к спине потяжелевшую вдруг тушку. Только выдержав первую атаку, покорив казавшийся недося-

гаемым холм, начинаешь сознавать, как он помог тебе. Ведь именно эта взятая в «бою» высота научила верить в себя, в силу единого атакующего порыва коллектива, дала зримо почувствовать верные плечи товарищей.

...Они и сейчас рядом. В одной цепи. Вон справа бежит со своим пулеметом его земляк ростовчанин Павел Шульченко. Слева атакует комсгруппорг взвода гвардии рядовой Анатолий Малахов. Чуть дальше передает по цепи короткие распоряжения командир отделения гвардии старший сержант Иван Куликов. На них и старается равняться гвардии рядовой Полянка. Действует он сегодня с особым подъемом. Ведь впервые Михаил идет в «бой» комсомольцем. Вчера приняли. И рекомендовали его в комсомол Малахов и Кулаков.

У подножия высоты поднялись мишени. Отрывисто звучит целеуказание командира. Нужно уничтожить «танк». Гранатометчик Полянка быстро опускается на колено, прицеливается и выпускает огненную молнию по цели. Попал!

Накал «боя» растет. Метко стреляют солдаты. Особенно удачно «вышивает узоры» по огневым точкам обороняющихся пулеметчик гвардии рядовой Павел Шульченко. Каждая очередь его — снайперская.

В опорном пункте «противника» вздымаются фонтаны земли. Это «долбят» снарядами вражескую оборону наступающие чуть сзади боевые машины пехоты. Ох и дают «прикурить» они «противнику».

Звонкая дробь автоматных очередей, резкие хлопки выстрелов снайперских винтовок, залихватский «лай» пулеметов, грохот взрывов, крики «ура!» — все сливается в могучую симфонию атаки. Эта грозная музыка боя словно наполняет силой уставшее тело, призывает вперед — на высоту. Туда, где ждет его победа.

...Отгремела атака. Обед. Весело мелькают ложки около полевой

кухни. Вкусна каша солдатская — язык проглотить.

— Добавки бы, — обращается к повару гвардии рядовой Василий Огненко и протягивает котелок.

— В третий раз уже? — подозрительно спрашивает повар.

— Нам, пехоте, и в третий раз можно, — с улыбкой отвечает ему солдат. — Мы ведь солдаты особые, «царицы полей» подданные.

— А ведь верно, — обратился гвардии рядовой Полянка к молча слушавшим этот разговор товарищам. — Мне друг-автомобилист письмо прислал. Знаете, пишет, интересная, мол, у вас, у пехоты, служба. Все по старинке: сопка ваша, сопка наша...

— Да твой автомобилист, не зная современной пехоты, по старинке судит, — с горячностью перебил Михаила гвардии рядовой Сергей Вахтомин. — Вон посмотри, какие «ласточки» стоят, — показал он рукой на стоящие неподалеку боевые машины пехоты.

— Наши БМП — это сила, — подержал его гвардии рядовой Щербаков. — Одно вооружение чего стоит! Тут и пушка, и ПТУР, и пулемет в придачу. А ход какой? По любому бездорожью, как «Волга» по шоссе, идет.

— Это ты завтра на вождении продемонстрируешь, — поддел его гвардии рядовой Анатолий Малахов. — А ведь серьезно, братцы. Здорово изменилась матушка-пехота. Дед мой, например, всю гражданскую с трехлинейкой прошел. Отец в Великую Отечественную из автомата врага бил. А у нас теперь? Сами посмотрите: у Полянки — гранатомет, у Шульченко — пулемет, есть и снайперские винтовки, даже против самолетов надежные средства имеются. А если еще и вооружение БМП приплюсовать к этому, так вообще грозная силаща получается. И все это в наших руках...

— Ты прав, Анатолий, — поддержал Малахова гвардии рядовой Ар-

мен Абгорян.— Ответственная у нас служба, интересная. Я бы даже сказал, романтическая.

...Разговор продолжался. Мотострелки вспоминали интересные случаи, делились мнениями, спорили. Молча слушал своих товарищей гвардии рядовой Михаил Полянка и думал о письме Дмитрия Кокина. Потом снова достал уже обтертый конверт, посмотрел на обратный адрес и решил: «Напишу об этом разговоре Дмитрию. Пусть знает, что такое пехота...»

Солдатские весны

Дождь. Небо расплакалось не на шутку. Крупные капли гулко барабанили по тенту машины, молотили об асфальт, тысячами крошечных фонтанчиков разрывались в лужах.

Иногда порывы ветра заносили слезинки дождя прямо в кузов. И тогда солдаты, сидящие у заднего борта, разом, будто по команде, отклонялись назад. Но это не помогало — брызги все равно доставали.

Спор.

— Разве это весна? — рукавом вытирая лицо, проворчал Александр Жупин. — Осень такой мокрой и то не бывает. И это солнечный Кавказ...

— Слушай, генацвале, зачем говоришь так? — вспыхнул Звиад Мchedlishvili. — В Грузии солнца много. Летом, увидишь, тепло, сильно тепло будет.

— Не бывал я здесь летом, — буркнул в ответ Жупин.

— А не бывал, так не говори, — темпераментно продолжал Звиад. — А мне не веришь, у командира спроси. Товарищ старший сержант почти два года в Закавказье служит.

Старший сержант Юрий Васильев посмотрел на разгорячившегося курсанта Мchedlishvili, скосив глаза, увидел по-воробыиному нахолившегося Жупина и улыбнулся: опять скрестили шпаги. Юрий давно заметил: робкие новички, не решающиеся первыми заговорить с сер-

жантами, могут до хрипоты спорить со своими сверстниками. Как сейчас из-за погоды, например.

Интересно, а какой была та весна? Васильев задумался. Но вспомнить не смог. Старой кинолентой в памяти прокручивались совсем другие события.

...**Призыв.** Этот волнующий майский день Юрий запомнил на всю жизнь. Как первый школьный звонок, первую лабораторную работу, выполненную в электромеханическом техникуме, первую рабочую смену на заводе. Словом, как запоминается все самое первое.

Конечно, было грустно. И были слезы матери (мамы всегда плачет при расставании), прощание с братом, сестрами, друзьями. И конечно, с Курском.

Они гурьбой вышли из дома, и отец, Михаил Георгиевич, сказал:

— В цеху ты меня уже сменил. Теперь брата Митю замени в армии...

Отец закашлялся: простреленные под Сталинградом легкие вот уже столько лет мучили.

— Служи, да не забывай, в каком городе ты родился, с какой улицы в солдаты уходишь. — Отец кивнул на синюю табличку, на которой белыми буквами было выведено: «1-я Стрелка».

Юрий знал, что отец очень гордится, что их дом стоит на «оборонной» улице, что под Курском окончательно «сломали хребет супостату».

«**Учебка**». Так сокращенно называли учебную часть.

«Курсант Васильев» — так обращались теперь и к Юрию. А это звание ко многому обязывало. Не зря же редкими свободными вечерами они пели под гитару:

А хоть куда,
А хоть в десант,
Такое звание — курсант...

В первую солдатскую весну для песен времени почти не оставалось. Учеба шла трудная, напряженная, изматывающая физическими нагруз-

ками. На что уж Юрий крепко скроен, на гражданке всегда со спортом в дружбе был, и то едва добирался до кровати, словно в пропасть проваливался. Даже сны не снились.

Трудности. Без них не бывает службы. Тем более в первые 24 солдатских месяца. Одни марш-броски в средстах химзащиты чего стоят! Это сейчас привык к ним Васильев. А в первую весну не по себе становилось, когда видел в расписании короткое слово — ЗОМП, что значило «защита от оружия массового поражения».

...Обычно бежали до самой вершины горы. Но уже где-то на середине дистанции появлялось желание сорвать присосавшуюся к лицу шлем-маску, остановиться, глотнуть свежего, не пропущенного сквозь фильтры противогАЗа воздуха. Но малодушных не было. И Юрий через «не могу» тоже тянулся за сержантом.

А разве с нормативами было легче? С одной разборкой и сборкой пулемета сколько мучился. И с тактикой никак не мог подружиться...

Друзья. Преданные. Верные. Каких находишь, наверное, только в армии. С которыми не только хлеба горбушку, но и радости, заботы, печали — все пополам.

Как, например, с Владимиром Лежневым... А ведь был Лежнев даже из другого взвода.

— Не ладится? — подошел он после занятия по огневой подготовке.

Юрий промолчал. Взглянул хмуро. Владимир улыбнулся:

— Не расстраивайся. У меня тоже этот норматив не получался.

— А сейчас? — с любопытством спросил Васильев.

— У тебя часы с секундной стрелкой? — отозвался Лежнев. — Засекай...

— Ух ты! — не сдержал восхищенного возгласа Юрий. — Пятерка.

Владимир снова выполнил норматив. И опять отличное время.

— Как тебе удается?

— Секрет знаю, — подмигнул Юрию Лежнев. — Я ж туляк. А у нас оружейные секреты в почете.

Он помолчал, словно раздумывая, потом сказал:

— Впрочем, с тобой поделюсь.

...А по тактике Васильеву помогал сам Кутузов. Душанбинец Рустам Кутузов, как и его знаменитый однофамилец, был в этом деле мастак.

Командир. Самым первым и ближайшим был старший сержант Вячеслав Суслов. Спокойный, по-крестьянски обстоятельный, он был и другом, и строгим наставником. Работал неброско, но при нем отделение два периода обучения подряд было отличным. А это кое-что значит.

Навсегда запомнятся Васильеву уроки командира отделения. Особенно этот.

Дело было на самоподготовке. Готовились к политзанятиям. Юрий законспектировал рекомендованную литературу, пролистал учебник и принялся писать «конспекты на родину», так солдаты в шутку называют письма. В это время к его столу и подошел старший сержант В. Суслов. Васильев быстро прикрыл недописанный листок учебником. Но командира отделения не проведешь.

— С картой бы лучше поработали, — упрекнул он Юрия.

— Товарищ старший сержант, я и так ее знаю, — самоуверенно ответил Васильев.

— Тогда покажите остров Маврикий, — предложил Суслов.

Указка Юрия стала беспомощно рыскать по карте.

— Вот видите, «плавает», — констатировал командир отделения.

— Так это к теме семинара не относится, — попробовал возразить Юрий.

— Эх, Васильев, мелко пашете, — покачал головой старший сержант. — Это я вам как бывший тракторист говорю.

Он немного помолчал, потом добавил:

— Командиру широкий кругозор иметь надо. А что, если вам будущий подчиненный какой-нибудь трудный вопрос подкинет? Как вы поступите?

Юрий молчал.

— Крикнет: «Отделение, выходи строиться», — ехидно сострил кто-то.

— Кто сумеет показать остров Маврикий? — спросил старший сержант. Желающих не было.

— Вот видите, — сказал Вячеслав Суслов. — Смеяться легко, показать трудно. Но нужно. Показываю...

Подчиненные. Сейчас Васильев сам командир отделения. Под началом у него около десятка человек. Разных по характеру, образованию, темпераменту.

Вот они сидят неподалеку: курсант Александр Жупин — вчерашний десятиклассник, курсант Эристул Дабузов до училища закончил ветеринарный институт, Звиад Мчедlishvili, бывший солист Государственного ансамбля Грузии, немного флегматичный Владимир Чернявский работал шофером в Донецкой области.

Юрий прислушался. Николай Буременко и Андрей Лукашук спорят о пульсарах, квазарах. Физики. Ребята с высшим образованием. Немало полезного почерпнул у них Васильев. Но и их за полгода успел кое-чему научить.

Успехи. О них говорят знаки солдатской доблести, что украшают грудь Юрия: отличника, специалиста 1-го класса, спортсмена-перворазрядника. В служебной карточке у старшего сержанта Васильева там, где заносятся поощрения, около трех десятков записей. На той стороне, где записываются взыскания, чисто. Юрий считает, что жить и служить надо без помарок.

И самое главное. Отделение, которым командует старший сержант Васильев, уже три учебных периода подряд является отличным. Лучшим в роте.

Атака. Когда доехали до учебного тактического поля, дождь начал стихать. Потом бежали по раскисшей глине, стреляли на ходу. И все было как обычно. Позиция «противника». Хриплое «ура!». Победа.

Но на этот раз была и щемящая грусть. Знал старший сержант: в атаку свое отделение водил он в последний раз.

...Шла последняя армейская весна Юрия Васильева.

Цитаты архива

Аверичеву не повезло.

И угораздило же его попасть на восхождение! Все по-людски день своего рождения справляют, приглашают друзей, знакомых. Стол накрывают праздничный. Подарки принимают. А тут на тебе, подарочек!

Аверичев глубоко в землю воткнул ледоруб. Потом остановился, поправил страховочную веревку, хотел передохнуть минутку-другую, как услышал:

— Саня, вперед! Отдыхать после будем.

В плечо легонько толкнули. Аверичев хотел было обернуться, сказать пару ласковых шедшему позади него Вячеславу Семерикову. Ишь, раскомандовался! Но сдержался. Славка прав, вперед идти надо. К вершине. Тропинка уперлась в каменистую стену. Скалолазы остановились. Словно по команде задрали головы. Скала была такой громадной, что закрыла солнце.

Аверичев поправил съехавшую на затылок панаму, вздохнул. Если бы не этот выезд в высокогорье, сидеть бы ему сейчас с друзьями в солдатской чайной, уплетать за обе щеки варенье, лакомиться печеньем, конфетами. Из дому наверняка уже пришла посылка. Если бы не восхождение, командир, быть может, даже в увольнение отпустил. Двадцать лет — дата круглая...

— Вот это сложнячок! — радостно потирая руки, пробасил над са-

мым ухом сержант Александр Стрелец.— На такую плиту и взобраться интересно.

Аверичев вздрогнул. Командир отделения подошел бесшумно, как таежник. И откуда у него такой шаг? Он, поди, и тайги не видел, и охотой никогда не занимался. Говорит, здесь, в горном учебном центре, всяким слепопытским премудростям научился.

Сашка поймал себя на мысли, что завидует сержанту Стрельцу. Нет, он, Аверичев, тоже не новичок в высокогорье. И на занятиях по скалолазанию никогда не был в отстающих. Но все же тягаться на равных с командиром отделения пока не мог. Не хватало ему в опасных ситуациях чего-то. Нет, не опыта, не техники скалолазания, а другого. Азарта, увлеченности, любви к горам не доставало. А без этих качеств трудно стать настоящим скалолазом.

Приготовились к штурму скалы. Командир взвода поставил боевую задачу, каждому отделению определил маршруты восхождения. Сержанту Александру Стрельцу и его подчиненным достался наиболее сложный.

Подошли к расщелине. Она, словно гигантский шрам, до половины рассекала лик скалы и обрывалась широкой террасой. Дальше уже шла гладкая, отполированная ветрами плита. Совершенно отвесная. Только перед самой вершиной нависала карнизом.

«Если смотреть с самолета, наша скала, наверное, напоминает распустившийся цветок,— подумал Аверичев.— А мы — муравьев, ползущих по одному из каменных лепестков».

— Приготовить веревки!

Раздумья солдата прервала команда. Аверичев быстро снял веревку. Понятное дело, только в связке можно взобраться на отвесную скалу. Впрочем, первая половина пути была средней трудности. В расщелине

оказалось много выступов, трещин, как вдруг...

Камень, за который ухватился Сашка, вдруг ожил. Он сначала зашатался, потом резко сдвинулся с места. Аверичев, правда, успел оттолкнуть его в сторону, крикнуть идущим внизу товарищам:

— Камень!

И все. На остальное времени больше не осталось. В кровь обдирая об острые зазубрины руки, колени, Аверичев летел со скалы. Летел в пропасть...

Внезапно сильно трянуло, словно парашют над головой раскрылся: он повис над обрывом.

— Приехали,— раздался сверху чей-то голос.

Аверичев задрал голову. На террасе сержант Стрелец крепко держал страховочную веревку. Рядом — Семериков. Он кричал:

— Держись, Санек! Сейчас вытащим.

Веревка поползла вверх. Сашка, несмотря на боль в саднящих ладонях, отталкивался от скалы.

У самого края площадки его подхватили под руки, помогли взобраться. Командир отделения протянул фляжку с крепким чаем. Слава Семериков легонько обнял за плечи, спросил участливо:

— Сильно ушибся?

— А, ерунда,— поморщился Аверичев.— Ладони малость ободрались.

Сашка посмотрел на свои руки, потом вниз, на край террасы, где маленькими пятнышками атели капельки крови. Семериков перехватил его взгляд, быстро разорвал индивидуальный пакет, достал бинт.

— Давай перевяжу.

— Не надо,— отмахнулся Сашка.— Кровь уже не течет.

Семериков ничего не сказал, только уважительно посмотрел на Аверичева.

Снизу на террасу постепенно поднялись остальные. Последним на площадку вскарабкался Сергей Да-

нилов. Он сразу же направился к Аверичеву:

— Все в порядке?

Аверичев лишь рукой махнул. Пустяки, мол. А Данилов не отставал, все жал руку выше локтя (видел, что ладони ободраны) и благодарил:

— Спасибо, что позаботился о камне. А то мог бы и мне панаму помять, и другим. Молодец...

— Да брось ты...— перебил его Сашка и усмехнулся: — Не повезло с камнем... Вот руки поцарапал.

Аверичев немного помолчал, а потом вздохнул:

— Вот такая, брат, невезуха. А ты говоришь... Нет, Сережа...

Сашка не успел досказать. Прервал его восторженный возглас рядового Николая Прохорова:

— Ребята, ребята! Смотрите, какие здесь маки!

Николай стоял на большом валу и показывал рукой в конец террасы. Там, у самого края обрыва, красными кистями горели цветы. Таких громадных и красивых маков Сашка еще нигде не видел.

— Откуда они здесь, на такой высоте? — спросил он Сергея Данилова.

Тот пожал плечами. А стоящий рядом Семериков ответил:

— Из легенды. Хотите расскажу?

— Давай,— отозвался первым Данилов.

— Давным-давно на этих скалах находилось гнездо Арциви,— голос Семерикова стал вдруг не таким, как обычно. Сейчас он говорил не резко и отрывисто, как уже привыкли в армии, а мягко, по-сказочному распевно.— Красивой и гордой была эта птица. Смело парила она в поднебесье. И люди, жившие внизу, еще издали завидев ее, кричали: «Вон летит великий Арциви. Свободный и храбрый Арциви. Так будем и мы похожи на него!»

И сердца их наполнялись доблестью, храбро сражались они за свою свободу. И никакие захватчики не могли покорить народа, что жил ког-

да-то у подножия этих скал. Ведь примером для людей был сам Арциви!

Шли годы. Все реже и реже появлялась в небе гордая птица. Все больше и больше печалились люди. Кто заменит им смелого Арциви?

И вот наконец радостная весть облетела селение. У Арциви появился птенец. И рос он не по дням, а по часам.

Три дня и три ночи пели и танцевали люди. Потом еще тридцать дней и ночей ждали, когда же взлетит наследник могучего Арциви. Но птенец лишь робко выглядывал из гнезда.

Однажды в горы пришли враги. Несчетное множество было их... В первой же битве стали они теснить горцев. И вдруг из своего заоблачного гнезда вылетел Арциви. Увидев его, люди воспрянули духом.

Но недолго парил в небе старый Арциви. Не выдержали изношенные временем крылья, камнем упала гордая птица на дно ущелья.

И тогда птенец вскарабкался на край гнезда и, неловко взмахнув крыльями, ринулся вниз. Он не летел — падал, теряя перья, царапая о камни грудь. Крупными каплями стекла на террасу его кровь и превращалась в алые маки.

Внизу люди с ужасом смотрели на падение птицы. Все считали, что она неминуемо разобьется об острые камни, упадет в пропасть. Но перед самой землей ее крылья вдруг раскрылись в небывалом размахе, и птица взлетела. И воспрянувшие духом люди закричали: «Ура! Победа! Новый Арциви летит!»

Семериков замолчал. А Сашка спросил с любопытством:

— А что значит Арциви?

— Арциви уже не птенец. Это орел, — ответил Славка.— А горные маки — капельки орлиной крови, цветы смелых и храбрых.

...И снова восхождение. Скала вертикально убегает за облака. Аверичев смотрит, как мягко, пружини-

сто уходит вверх Слава, и сам берет-ся за выступ, потом за другой, третий...

Скоро он потерял счет этим выступлениям, трещинам, ступеням. Медленно, по сантиметрам сдавалась плита. Быстро иссякали силы. Казалось, это камни высасывают их.

Аверичев ползком преодолевает очередную расщелину и оказывается на совсем крохотной площадке. Сашка всем телом прижимается к каменной стене. Израненная ладонь шарит в поисках выступа. Хоть бы не выступ — маленькую трещину найти, чтобы вбить крюк. Но ничего подходящего поблизости нет.

Александр робко сделал шаг, второй. Потом глянул вниз и... похолодел. Прямо под ногами скала снова обрывалась пропастью.

Тело словно намертво прилипло к шершавому камню. Казалось, никакие силы не смогут сдвинуть Аверичева с места. И тут страховочная веревка вдруг натянулась. Из-за внешнего скального угла выглянул сержант Стрелец:

— Смелей, Аверичев! Я через выступ страхую.

Голос командира отделения звучал ровно, уверенно. И хотя липкий страх все еще прижимал его к скале, Сашка сумел передвинуть на несколько сантиметров сначала одну ногу, потом другую. Третий шагоч получилась уже более уверенным, четвертый совсем смелым...

Наконец пройден отрицательный угол. Мотострелки на вершине каменного цветка.

Усталые, валяясь на траву скалолазы. И Сашка присел невдалеке от разлапистого дерева. Присел и даже задремал. А когда открыл глаза, увидел вокруг себя все отделение.

— С двадцатилетием тебя, Саша! — протянул букет алых маков Слава Семериков.

— С рождением настоящего скалолаза! — хлопнул по плечу сержант Стрелец.

Аверичев смущенно улыбнулся. А Сергей Данилов с притворной завистью проворчал, глядя на Александра:

— Везет же некоторым. В один день сразу два рождения.

Рядовой Александр Аверичев взглянул на поцарапанные руки, на алый букет и ответил:

— В самом деле везет. Не каждый день орлиные маки получаешь.

Он еще раз посмотрел на цветы. И почему-то подумал об отважном Арциви.

Поединок с громящей водой

«За смелые и самоотверженные действия при спасении товарища объявить благодарность рядовому И. Капанову». Из приказа старшего начальника

Погода словно издевалась над ними. Почти весь месяц, что мотострелки провели в высокогорном учебном центре, щедро светило солнце, было сухо и тепло. А сегодня вечером вдруг все переменялось. Сначала шквалистый ветер беспощадно накинусь на палатку, потом задубасил по брезенту первыми каплями дождь.

— Как из крупнокалиберного пулемета шпарит, — заметил рядовой Игорь Капанов.

В незастегнутом окошке вспыхнула молния, и почти сразу звонко ударил гром.

— Еще б чуть-чуть, и прямое попадание, — с опаской произнес кто-то в самом углу палатки.

— А ты под кровать спрячься, — посоветовал рядовой Коховец. — Самое надежное убежище.

Палатка громыхнула смехом. Но командир отделения сержант Геннадий Лесниченко кашлянул сердито; потом негромко проворчал:

— Кончайте разговоры. Лучше окошко застегните. Успеете еще намочнуть.

— А что, разве переправу не от-

меня? — встревоженно спросил Капранов.

— Отменяй, вон ведь как льет, — уверенно сказал Коховец. — В такую погоду даже футбол переносят. Сам раз свидетелем был, как...

Его перебил рядовой Михаил Черданцев:

— Так мы же не футболисты, а мотострелки.

— Ну и что? — вскинулся Николай. — И у нас перенесут занятие. Ведь такое сумасшедшее течение будет, что никто по бревну не пройдет. Отменяй переправу...

— Не будем гадать на кофейной гуще, — потушил спор сержант Лесниченко. — Отменяй, так отменяй. А прикажут — пойдем. Зря, что ли, столько тренировались?

Командир отделения замолчал. Молчали и остальные. Все сидели серьезные, задумчивые. Каждый мысленно уже был в завтрашнем дне. Там, на переправе.

Утро не принесло солнца. Правда, дождь уже больше не дубасил тугими струями о брезент, а лишь нудно моросил. И гроза давно отгремела. Но ветер по-прежнему был колющим, порывистым.

Рядовой Капранов осторожно ступал по скользким камням. В связке было их четверо. Впереди широко шагал рядовой Радик Файзулин, вслед за ним Николай Дуля, потом Игорь, а замыкающим шел Коховец. Состав привычный. И задача тоже: их взводу приказали переправиться по бревну через горную речку, скрытно подойти к позиции «противника» и смелой атакой захватить ее. Подойти здесь, в горах, им приходилось делать не раз, и всегда удавалось. Но сегодня...

Мотострелки вышли на гребень высоты. Игорь Капранов глянул вниз и от удивления даже отпрянул назад. На дне ущелья грохотал, бесновался бурный поток. Его течение было таким стремительным, что река, казалось, гремела.

Стоящий чуть позади Капранова

Николай Коховец уважительно протянул:

— Как Ниагара.

— Да, гремющая вода, — согласился Игорь. И, перехватив удивленный взгляд Николая, пояснил: — Так переводится слово «ниагара».

— Гремющая вода, — медленно, чуть нараспев повторил Коховец. — Гремющая...

Солдаты стояли, смотрели на вздыбленный дождями поток. Грозная преграда гремела на их пути.

Скрытно спустились в ущелье. Быстро вышли к теснине. Здесь, в самом узком месте долины, была оборудована переправа. Сделали ее очень просто. Через горную речку, в самом мелком месте, перекинули громадное бревно, над ним натянули страховочную веревку. И все. Подцепляясь карабином к канату и беги. Вроде бы несложно, легче легкого. Но это только на первый взгляд. Семь потов пролили мотострелки на тренировках, когда учились переправляться по бревну. Кажется, все отработано до автоматизма, все проверено и отлажено, как в хорошем механизме. Но в горах нередко бывают непредвиденные ситуации. Особенно в ненастье...

По сигналу командира взвода лейтенанта Бориса Пивоварова мотострелки выдвинулись к переправе.

— Первой пойдет связка рядового Файзулина, — приказал офицер.

Радик Файзулин расплылся в безлозубой улыбке. Приятно, когда командир доверяет.

Рядовой Капранов поправил на груди снаряжение. Ответственное дело быть в числе первых.

А вот Коховец засуетился, занервничал. Все-таки страшновато идти в первой связке.

Команда «вперед!» прозвучала, как выстрел.

Раздвинув ветки кустарника, мотострелки рванулись к бурлящей воде. Первая четверка быстро достигла бревна. Теперь нужно прикрепиться к основной веревке. И тогда даже па-

дение в воду не так страшно. Страховочный конец удержит у бревна.

Игорь не может отвести взгляда от разбушевавшегося потока. У ног гремит, пузырится вода. Гулко бьется сердце. От волнения холодной испариной покрывается лоб. Но натереванные пальцы уверенно и четко вяжут страховочный узел. Все. Готово. Капранов взбегает по доске на бревно. В лицо летят брызги, речная волна бьет по ногам. Узкая полоса дерева словно жиром намазана. Один неверный шаг — и соскользнешь в воду. А сколько шагов надо сделать, чтобы очутиться на другом берегу? Тридцать? Сорок?..

Все ближе и ближе берег. До него метров пять, не больше. Вон Файзулин у куста уже отцепляет карабин. Последние шаги по бревну делает Николай Дуля. И ему, Капранову, тоже чуть-чуть осталось. Но что это?

Как будто рука неведомого великана из всех сил рванула за страховочный конец. Скользящая спина бревна ушла из-под ног. Гремящая вода подхватила Капранова, больно ударила о камень, потом о второй...

Но вот страховочная веревка, натянувшись как струна, остановила Игоря. Он уже и сам опомнился, вскочил на ноги. Берег рядом. И глубина, оказывается, не такая большая. Капранов успокоился, огляделся.

Еще ближе к берегу, чем он, у самого бревна стоял в воде Николай Дуля. Он что-то кричал, показывая рукой на середину реки. Игорь повернул ладонь туда. В центре водоворота кто-то барахтался.

«Коховец», — мгновенно понял Капранов. Теперь ему было ясно, отчего произошел рывок за страховочный конец. Это Николай, по-видимому, потерял равновесие и потянул за собой остальных.

Но долго раздумывать некогда. Держась за бревно, Капранов попытался ближе подобраться к Николаю.

Игорь видел, что на выручку Коховцу бросилось уже несколько человек. Смело кинулся в воду лейтенант Борис Пивоваров. Но карабин на страховочной веревке мешал офицеру дотянуться до Николая.

Игорь был ближе всех к Коховцу. Еще немного, совсем чуть-чуть, и он мог бы схватить Николая за руку. Нужно сделать лишь несколько шагов в сторону от бревна. Но тогда опасность еще больше увеличится: трудно, не держась ни за что, противостоять стремительному течению горной реки.

Капранов бросил взгляд на Николая. Коховец беспомощно хватал ртом то воздух, то воду. Держался он из последних сил.

И тогда Игорь решился рискнуть. Он широко расставил ноги, сделал шаг, потом другой. До бревна теперь не дотянуться. Зато Николай вот он, рядом, тянет руку. Капранов крепко схватил ее, попытался подтащить к себе друга. Но гремящая вода цепко держала свою жертву. Игорь почувствовал, что еще немного — и течение уволочет в свой плен и его. Но в этот момент страховочная веревка Коховца дернулась и ослабевшее тело вопреки потоку медленно поплыло к бревну.

— Держитесь! Вытащим! — услышал Игорь голос Файзулина.

На бревне, кроме Радика Файзулина, сидели Николай Дуля, Михаил Черданцев и изю всех сил тянули страховочную веревку.

Капранов подхватил Коховца за голову и тоже стал помогать товарищам. А через несколько минут, когда Николая вытащили на берег и возле него уже хлопотал санинструктор сержант Александр Павлоцкий, мотострелки штурмовали позицию «противника».

Поединок с гремящей водой был выигран. Поединок с горами продолжался.

Алексей СУРКОВ

Привал пехоты

Густого леса черная стена
Белесой дымкой осени одета.
Ночная тишина напряжена
Тревожным ожиданием рассвета.

Перед атакой беспокойным сном
Спят пехотинцы на ночном привале.
Не так ли деды под Бородином
В канун своей бессмертной славы
спали?

Валерий ЧЕРКАШИН

На учении

«Противник»,
Отвергая вводную,
Хитрил,
Заманивал в «мешок»
И вопреки
Конспектам взводного
От рубежа не отошел.

Перемолчал
Упрек за практику,
Один из командиров рот
Шепнул:
— Отход — не наша тактика,
Характер у ребят не тот.

* * *

Десятый класс. Идет урок.
Я — у доски, молчу на двойку.
Учитель наш суров и строг...
— Подъем! — и взвизгивают койки.

Влетаем в брюки, в сапоги.
Гремим по мерзлому бетону.
Теряемся среди пурги,
неясной, как бином Ньютона.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ТЕТРАДЬ

Штыкастой цепью сквозь дымы
и красной скобкою на карте
не /а + b/, а /вы + мы/
идем в указанном квадрате.

Как будто мир на волоске
над непредвиденной судьбою,
огнем, как мелом на доске,
вычерчиваю знаки боя.

И вдруг открылось для меня
в пурге, несущейся над степью:
чем у тревоги выше степень,
тем выше точность у огня.

К утру закончился урок
ракетой над учебным полем.
...Наш лейтенант суров и строг,
но нынче нами
он доволен.

Марш-бросок

Накал июля.
Марш-бросок.
Охватывая строй,
Смешались солнце и песок
С оранжевой жарой.
По голенища в сапоги
Как будто влит свинец.
Еще полсотни метров — и
Не выдержать.
Конец!
Гляжу, сбавляет темп солдат.
Кричу:
— Не отставай! —
Кричу:
— Давай-ка автомат!
И вещмешок давай!
Крепись, браток,
Дыши,
Потей...—
А там, по чести честь,
Я доложу, что нет потерь,
А вот герои — есть!

Николай СТАРШИНОВ

**Я был когда-то
ротным запевалой...**

Я был когда-то ротным запевалой
В давным-давно прошедшие года...
Вот мы с учений топаем, бывало,
А с неба хлещет ведрами вода.

И нет конца раздрызанной дороге.
Густую глину месят сапоги.
И кажется — свинцом налились ноги,
Отяжелели руки и мозги.

А что поделать? Обратиться
к другу,
Но он твердит одно:
— Не отставай!..—
И вдруг наш старшина на всю округу
Как гаркнет:
— Эй, Старшинов, запевай!

А у меня ни голоса, ни слуха
И нет, и не бывало никогда.
Но я упрямо собираюсь с духом,
Пою... А голос слаб мой, вот беда!

Но тишина за мною раскололась
От хриплых баритонов и басов.
О, как могуч и как красив мой голос,
Помноженный на сотню голосов.

И пусть еще не скоро до привала,
Но легче нам шагается в строю...
Я был когда-то ротным запевалой,
Да и теперь я изредка пою.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ТЕТРАДЬ

Евгений ВИНОКУРОВ

От подъема и до отбоя

От подъема и до отбоя
На занятиях мы с тобой.
Затянувши ремни потуже,
Маршируем, или в кустах
Маскируемся, или по лужам
По-пластунски, на животах...
А потом по ночам нам снится,
Утомленным дневным трудом:
Вся в вечерних огнях столица,
В переулочке низкий дом.
Мы бываем с тобою дома
От отбоя и до подъема.

Смятка

Вы умеете скручивать плотные
скатки?
Почему? Это ж труд пустяковый!
Закатайте шинель, придавите
складки
И согните
вот так — подковой.

Завяжите концы, подогнавши
по росту.

Все!

Осталось теперь нарядиться...
Это так интересно, и мудро,
и просто.
Это вам еще пригодится!

Обед

Снял пробу врач и командир полка.
Бушуют щи,
гремит баков железно,
И затекла узластая рука
Вспотевшего до нитки хлебореза.
Дыханьем кухни зимний день согрет.

Взметнулся крик:

— Готовься на обед! —

На лестнице штабной у часовых
От запахов тугие скулы сводит.
Под хряск сапог с занятий полевых
В мощный двор за песней песня
входит.

Но времени для перекура нет.

Гремят казармы:

— Стройся на обед!

Столы клеенкой свежую горят,
В котлах луженых теплятся томаты.
Без шапок полк.

Застыл за рядом ряд
В безмолвном ожидании команды.
Но нетерпенья натянулась нить,
И кончено:

— К обеду приступить! —

И поднимают крышки. В медном
звоне

Тяжелый пар струится по полам.
Обед настал в далеком гарнизоне,
И день переломился пополам.

Владимир ЛАРЧЕНКОВ

Перед атакой

Уже с утра пылила здесь пехота
И рвали землю траки БМП.
Тяжелая солдатская работа
Выдавливала злые пятна пота
На выгоревших добела «хэбэ».

Уже земля была не просто полем
И даль ее не радовала глаз...
Какая, к черту, флора перед боем!
Тут через полчаса пойдет такое...
Он не лиричен, боевой приказ.

Как выстрел затянувшийся, сияло
На небе солнце. Гнула тишина,
Готовая сломаться, и мешала

ПОЭТИЧЕСКАЯ ТЕТРАДЬ

Солдату каска тяжестью металла.
Вот не война, а будто бы война.

Был лейтенант чуть строже,
чем обычно,
И ротный балагур серьезным стал.

Все — как всегда. Все вроде бы
привычно,
И каждый знает дело на «отлично»...
Но бой, конечно, бой, а не привал.

Смотрел в прицел, глаза сощури
узок,
Сержант. Как будто цели выбирал.
И замер умный ПТУР, готовый
к пуску...
Вдруг, как тогда, под жарким небом
Курска,
«Эх, покурить бы...» — кто-то
прошентал.

В атаке есть прекрасное начало:
Подняться над землей и над собой,
И сделать то — ни много
и ни мало,—
Что нужно для победы. Как бывало,
Как деды шли в свой справедливый
бой.

...Москва,
Она всегда была за нами.
И здесь, где день начало льет свое,
В соседстве с океанскими волнами
И гордого Амура берегами,
Любой наш бой — сражение за нее.

Но вот он, миг величья ратной воли,
Когда за норму принят адский труд,
Когда рукою сжат приклад до боли...
Солдатское отчаянное поле!
Атаки первый залп — тебе салют.

Люди, одетые в военную форму, есть и в огромной армии служителей муз. Они рядом с солдатами, вместе с ними переносят тяготы и лишения воинской службы. Начальник клуба, он делает все, чтобы развить таланты своих сослуживцев. Разучивать строевую песню, организовывать смотры художественной самодеятельности, проводить репетиции

кружков и оркестров, выпускать радиогазету, разворачивать походный полевой клуб — многое должен уметь полковой служитель муз. А главное, о чем никогда не забывать и над чем постоянно трудиться, — создавать у мотострелков высокий духовный настрой. Настрой на успех в любом начинании, настрой на победу над любым врагом.

Владимир ДАВЫДОВ

МУЗЫ ЛЕЙТЕНАНТА ЕЛОЧКИНА

Еще несколько часов назад здесь шел «бой». Утопая по пояс в снегу, пехота медленно врезалась в оборону «противника», и тот не выдержал натиска, сдал сначала первую траншею, попытался было удержаться в глубине обороны — и не сумел. Шум «боя» постепенно удалялся на запад. Лейтенант Елочкин раздумывал, как побыстрее добраться в район сосредоточения. Он уже знал, что полк выводится во второй эшелон и что к опушке темнеющего у горизонта леса стягиваются сейчас боевые машины пехоты, полевые кухни, артиллерия, штабные машины.

Стоянку для своей клубной машины лейтенант Елочкин выбрал в неглубоком распадке. Вместе с водителем-киномехаником они замаскировали автоклуб и не успели еще расчистить на снегу площадку для наглядной агитации, как прибежал посыльный: в штабной палатке началось совещание.

Под двойным пологом было тепло. Пахло дымком от краснощечкой печурки. Руководитель учения коротко обрисовал обстановку, уточнил задачи полку на следующий этап.

— Все ли понятно, товарищи? — генерал обвел взглядом присутствующих, — есть ли вопросы?

— Есть просьба, товарищ генерал-

майор, — поднялся лейтенант Елочкин.

Генерал кивнул, и Елочкин сдернул с плеча ремень портативного магнитофона.

— Звуковое письмо. Разрешите включить?

Комдив бросил взгляд на часы.

— Надеюсь, недолго?

Елочкин щелкнул переключателем.

«...Дорогие наши папы, дорогие солдатики, — услышали офицеры ломкий мальчишеский голос. — Участники художественной самодеятельности шлют вам горячий привет! Желаю крепкого здоровья, успехов в боевой и политической подготовке... Для вас поет детская группа хора».

Запись этого концерта Елочкин сделал в музыкальной школе гарнизона незадолго до учений. Под аккомпанемент старенького рояля девочки и мальчишки пели лучшие песни, стихи любимых поэтов. Конечно, можно было записать на пленку несколько популярных певцов и ансамблей и где-нибудь на дневке, в период затишья прокрутить раз-другой через усилитель. Его предшественники, кстати, обычно так и поступали. И люди были признательны начальнику клуба даже за эту заботу. Но Вячеслав Валентинович посчитал,

что ребячьи голоса лучше согреют сердца солдат.

Хор у микрофона сменили солисты: Верочка Тарасова и Тамара Снежко, а их — Сережа Гавриков. Лица офицеров просветлели. Многие улыбались, вспоминая, видимо, своих детей.

Андрей Мартынчук, сын начфина, читал симоновские строки:

Нас пули с тобою пока еще милуют.
Но трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился...

...Во Львовском высшем военно-политическом училище Вячеслав наряду с тактикой общевойскового боя, устройством танка изучал музыкальную грамоту, занимался хореографией, вникал в тонкости системы Станиславского.

Редкостное сочетание предметов, освоенных Елочкиным, в «балетно-пехотном» вузе, как в шутку называли курсанты училище, позволяло ему служить практически в любом роде войск. Он же мечтал вернуться в ПВО, где начинал когда-то срочную службу. Но офицерская судьба распорядилась иначе, и Вячеслава направили в сухопутные войска, в далекую Сибирь.

«Повезет ли мне, найду ли талантливых ребят, — переживал Елочкин. — Ведь без актива начальник клуба — один в поле воин».

Своими сомнениями Вячеслав поделился при первой же встрече с заместителем командира полка по политчасти. Замполит только улыбнулся.

— А вы не спешите с выводами, товарищ лейтенант. Походите по ротам, поговорите с людьми, посоветуйтесь с командирами. Может, и нас бог талантами не обидел...

Неделю спустя в том же самом кабинете Елочкин рассказывал замполиту о своих открытиях.

— Три баяниста, ударник, скульптор-любитель, художник, чтецы, со-

листы. Гитаристов — дюжина, хоть творческий конкурс проводи.

— Кстати, товарищ Елочкин, в декабре смотр художественной самодеятельности, готовьте программу.

Тогда же он привлек в самодеятельность баяниста прапорщика Крохина. Включил в программу стихи рядового Стасовского в исполнении автора, номер оригинального жанра доморощенного фокусника ефрейтора Бондаренко.

Пока Елочкин искал таланты для участия в смотре, познакомился с людьми. В педантичном финансовом работнике капитане Мартынчуке он неожиданно открыл страстного фотолюбителя, в начхиме Селехове — отменного шахматиста, в зампотехе Лобанове — книгочел и заядлого рыболова...

Впрочем, в известном смысле Елочкин и сам был открытием для сослуживцев. Начальник штаба полка подтрунивал над молодым офицером: «Надеюсь, товарищ лейтенант, вам приходилось держать в руках пистолет?» Нет, повода для подобных шуток Елочкин не давал. Просто как-то не вязалось в представлении майора культпросветработы и такое серьезное дело, как дежурство по части. Потому и проверял службу лейтенанта чаще, чем полагалось. И хотя претензий у него к Елочкину не было, не сдерживался майор, шутил в подобном роде. До первых стрельб из личного оружия шутил.

В тире Вячеслав в первом же упражнении выбил 28 очков — «отлично». Не знал тогда начальник штаба, что Елочкин еще курсантом выполнил разряд по стрельбе. Майор посчитал это случайностью, предложил повторить попытку. И снова вошли пули в «яблочко».

Позже начальник штаба, другие офицеры не раз убеждались в том, что ратная наука усвоена Елочкиным не хуже клубной. Бывая на полигоне, Вячеслав непременно принимал предложения провести по трассе БМП или выполнить упражнение из

автомата, пулемета. Во-первых, командирская подготовка, а во-вторых, в «боевой обстановке» прочнее устанавливается контакт с людьми. За год он чуть не всех солдат части знал в лицо, а многих и по фамилиям.

Однажды к нему подошел рядовой Абдуллаев, попросил сделать копию со снимка. Вячеслав репродукцию сделал, поинтересовался, зачем понадобилось размножать фотографию.

— Понимаете, нас у родителей семь сыновей,— Абдуллаев любовно посмотрел на отцовский портрет.— Пятеро старших уже отслужили срочную. Когда настала моя очередь идти на службу, взял с собой это фото. Отец — фронтовик. Вроде семейной реликвии этот снимок. Когда бывает трудно — смотрю на отца, заскучаю по дому — тоже. И думаю, что на войне ему было не легче. А теперь вот и младшего брата призвали. Хочу ему фотографию отослать, а себе копию оставляю.

Рассказ Абдуллаева Елочкин тоже включил в радиопередачу «Бойцов не редает строй», посвященную Дню Победы. О славной семье хлопкоробов из Узбекистана, семье солдат узнали в полку все.

Неутомимый выдумщик, Елочкин ценит инициативу, старание, увлеченность других. Загораясь интересной идеей, он от слов быстро переходит к делу. Будь то тематический вечер о бдительности или выставка

детского рисунка, выезд с агитбригадой в подшефный колхоз или съемка диафильма для политзанятий — он делает все с душой, как делают любимое дело.

Вячеслав постарался, чтобы в клубе было интересно всем: создал шахматную секцию, на общественных началах организовал занятия кружков кройки и шитья, вязания. Для детворы гарнизона была открыта музыкальная школа. И это не считая плановых просмотров кинофильмов, концертов, лекций и прочего, чем богата жизнь полкового солдатского клуба.

...Запись концерта заканчивалась. Елочкин потянулся к магнитофону, выключил его. Он вдруг подумал о том, что сегодня надо еще успеть закончить фотогазету, потом провести политчас в хоззведе. «Да, прав был замполит: подразделение мое маленькое, а задачи действительно большие».

Вячеслав тогда еще пошутил, обещая на учениях, помимо водителя автоклуба, привлечь всех известных ему муз. Замполит шутку принял, коротко напутствовал: действуйте, товарищ лейтенант.

Вот он и действует...

— Ну, молодцом, Елочкин, молодцом,— генерал одобрительно посмотрел на начальника клуба.— Хороший концерт. Ты запись солдатам включи.

— Включу, товарищ генерал-майор. Вот только закончится «бой»...

Нередко в воинских подразделениях можно увидеть юношей, на погонах которых буквы К. Это курсанты, будущие офицеры. В полк они приезжают, чтобы набраться командного опыта, на практике проверить свои знания, укрепиться в правильности избранного пути. Их приезд — немаловажное событие для части. Ибо будущие командиры не только шлифуют тут свое умение, но и широко обмениваются с офицерами полка теоретическими (как говорят, последнее слово науки!) зна-

ниями, которые они получают в военном вузе. Одним словом, курсантские стажировки в полку — дело для всех выгодное и нужное.

Высокая честь быть офицером мотострелковых войск нашей армии. Осознавая это, юноши, пожелавшие всю свою жизнь посвятить защите Родины, терпеливо и настойчиво постигают тайны военного дела. Четыре курсантских года наполнены для них упорным трудом, поисками, удачами и нелегкими победами.

Юрий ТРЕТЬЯКОВ

ПОКОРИ СВОЮ ВЫСОТУ

Первые сутки наступления на исход. Уже позади и изнурительный марш, и скоротечный встречный «бой», и стремительная атака опорного пункта «противника». Все это было каких-нибудь шесть-восемь часов назад, но старшему сержанту Евгению Старкову казалось, будто учения длятся по крайней мере дня три. Он уже не раз замечал, что в бою, хотя и учебном, нередко теряешь ориентировку во времени. Это, наверное, потому, что счет минутам и даже секундам здесь особый: слишком много событий, порой непредсказуемых, спрессовано в них.

«Противник» отступал. Он уходил, то и дело огрызаясь пулеметным огнем, минирруя дороги, цепляясь за каждый выгодный рубеж. Сопротивление все возрастало, и старший сержант Старков, командовавший ротой курсантов, с неосознанной пока до конца тревогой рассматривал в бинокль опушку уже тронутую осенней желтизной леса. Она подковой охватывала высоту с пологими, поросшими мелким кустарником скатами, где предстояло занять оборону. Оставался один бросок, послед-

ний. Но только колонна выскочила на ровное, словно ладонь, поле, как попала под сильный перекрестный огонь.

Старков не растерялся. Он быстро развернул роту и попытался было прощупать «противника» на правом фланге, надеясь с ходу взять хотя бы первую линию траншей. Но третий взвод не сумел преодолеть и половины расстояния до окопов. Силы оказались неравными. О том, чтобы атаковать высоту с ходу, да еще без разведки, не могло быть и речи.

— Закрепиться на занятом рубеже, — приказал руководитель учения, выслушав подробный доклад Старкова. — Жду вашего доклада, как будете брать высоту...

Тем временем стемнело, крупно высыпали звезды. У горизонта, над зубчатой стеной леса зависла холодная долька луны. В вязкой тишине слышалось только звяканье лопат, да с глухим стуком падали в росную траву комья вывороченного грунта.

Рота молча зарывалась в землю.

Отпустив командиров взводов, старший сержант Старков отправил-

ся на правый фланг. Поле было изрезано старыми заросшими траншеями. Видно, их рота не первая постигала здесь грамматику «боя». Евгению приходилось все время глядеть себе под ноги, чтобы случайно не угодить в полужасыпанный окоп. Что-то неуловимо знакомое показалось ему в изгибе траншеи. И эта стайка беззвучно... Ощущение, что когда-то уже бывал здесь, пришло к нему еще раньше, пока не сгустились сумерки, но тогда, в пылу «боя», Евгению было не до воспоминаний. И вдруг как обожгло... Точно... Это было четыре года назад. Он тогда учился в Московском суворовском. Шли тактические занятия. И здесь, на этом самом поле, он впервые самостоятельно повел взвод в наступление.

Память скрупулезно, до мельчайших подробностей восстановила давно, казалось, забытую картину. Будто наяву полыхнула в небе красная ракета. И Старков явственно услышал свой охрипший от волнения, ломящийся юношеский басок:

— Взвод, в атаку! Вперед!

Суворовцы высыпали из траншеи, Старков растянул взвод в цепь и перебежками, прикрываясь кустарником, повел его к высоте. Два отделения наступали по фронту, а третье Евгений послал влево, в обход. Но там, как назло, оказалось топко, и отделение безнадежно застряло в липкой грязи. Старков метнулся туда, кляня на чем свет и лужу, и командира отделения суворовца Молочникова, не догадавшегося взять чуть-чуть левее, и себя самого, но было уже поздно. Отделение сгрудилось у прохода в минное поле, пулеметчик, который должен был прикрывать свертывание и развертывание отделения, отстал. Атака захлебнулась. Майор Кириллов, руководитель занятия, дал отбой.

Сейчас Евгений снова, как и четыре года назад, испытывал жгучее чувство стыда за свою беспомощность, за

растерянность, с которой стоял перед майором Кирилловым на разборе. А тот, не желая щадить мальчишеское самолюбие, жестко выговаривал:

— Плохо вы рассчитали. Молочников должен был вон там, по низинке пройти. Время выиграть. А уж потом развернуться. И медленно наступали. Медленно...

Старков и сам понимал, что по всей логике реального боя взвод должен был понести большие потери.

— Но кто мог знать, что там болото?

— Командир все должен знать. Кстати,— майор слегка прищурился, как делал всегда, когда был чем-то недоволен,— у вас что по математике? Говорят, ваш любимый предмет?

— «Отлично»,— пожал плечами Старков.

— Вот-вот. А она готовых формул, насколько мне известно, не любит. Шаблонных решений, между прочим, тоже.— Он внезапно сменил тон.— Понимаешь, Женя... Ты же в Московское общевойсковое собираешься. Командиром будешь...— Помолчал, потом добавил: — Отныне бой — твоя работа. Тяжелая, прямо скажу, работа. Но в этой работе ты должен быть мастером, а не подмастерьем. Иначе... Иначе зря ты свою первую пару сапог снашиваешь.

Мастер... Евгений хорошо знал цену этому высокому званию. Их семья не дала стране громких имен. Но каждый из Старковых всегда на совесть трудился на своем скромном посту. Дед, Тимофей Николаевич, на всю округу слыл умельцем каких поискать. Резал по дереву, шил обувь. Из двух старых «зингеровских» машинок собрал одну, своей конструкции. Что-то подточил, усовершенствовал, привод сам придумал. И бабушка, Ирина Ильинична, обшивала на ней пол уральского се-

ла, где они жили в трудные тридцатые годы. Шила по ночам, после ежедневных четырех норм на комбинате.

Деда Женя никогда не видел. Знал только от отца, что ушел он в сорок первым на фронт рядовым пехотинцем, три долгих года шагал дорогами войны и погиб где-то на границе. В семейном альбоме сохранилась пожелтевшая любительская фотография: строго и требовательно смотрит с нее нестарый еще мужчина, коротко подстриженный, в солдатской гимнастерке. А рядом другое фото, снятое через добрых два десятка лет. На нем — молодой лейтенант в парадной форме.

Отец и сын... Дед и отец... Эти два портрета существовали для Жени как нерасторжимое целое. И может быть, поэтому он никогда не спрашивал отца, почему тот выбрал профессию офицера. Как-то само собой считалось в семье, что и сын будет военным.

...Старший сержант Старков и не заметил, как дошел до крайнего окопа. Он уже решил, что первый взвод ударит отсюда через лес, выйдет по просеке во фланг и ударит, когда два остальных оттянут на себя силы «противника».

— Ну как, Юра, успеваете? — спросил он вынырнувшего из темноты курсанта Житкова, командира первого взвода.

— На полчаса еще работы.

Житков невесело вздохнул и, горясь, заговорил:

— Сколько земли перекидали, а зачем? Может, в полный профиль не рыть? Все равно поутру нас здесь не будет...

— Да-да... И бой у нас учебный, и руки у нас устали, и снаряды на нас падать не будут, — с иронией подхватил Старков. И уже жестче проговорил, обращаясь не столько к Житкову, сколько, пожалуй, к самому себе:

— Мастером надо быть в бою, понимаешь? Мастером.

...Атака была назначена на рассвете.

Заставь сейчас Старкова вспомнить, что конкретно, какие слова говорил ему начальник политотдела, вручая кандидатскую карточку, и он наверняка не сумел бы. Запомнилось лишь ощущение чего-то важного, неповторимого, что раз и навсегда круто изменило его жизнь, наполнило ее новым содержанием, заставило по-иному смотреть на людей, иначе мерить их поступки и свои собственные. Он будто разом повзрослел в те минуты, и это нахлынувшее совершенно неожиданно состояние, душевный подъем настойчиво требовали выхода.

Такие мгновения однажды и вдруг изменяют масштаб мышления, побуждают подойти к оценке прожитого с особыми мерками. Евгению казалось, что до сих пор он жил как-то не так, вполнакала, успел он сделать лишь малую толику того, что мог. Эта свойственная юности категоричность все больше укрепляла Старкова в мысли, что оказанное ему товарищами по партии доверие — пока лишь аванс, который предстоит еще оправдать.

Оправдать... А что он, собственно, может? Он, старший сержант Старков, чья жизнь прочно уложена в жесткие рамки распорядка дня и расписания занятий? Старков завтрашний должен быть непохожим на Старкова вчерашнего. Но ведь завтра — те же занятия, та же размеренная курсантская жизнь, и он, заместитель командира взвода, будет отдавать много раз произнесенные прежде команды, делать все то, что делал и раньше.

Евгений никак не мог выбраться из этого лабиринта мыслей. Все его сокурсники уже давно видели десятые сны, а ему никак не удавалось за-

снуть. Вспоминались напутственные слова начальника политотдела, внимательный, испытующий взгляд замполита. Как-то по-новому, казалось, смотрели на него и товарищи. Евгений повернулся на другой бок, вздохнул и попытался перестроиться на завтрашние стрельбы.

Все действительно было по-прежнему: язг гусеницы, отрывистые фразы команд, раскаты пушечных выстрелов и скороговорка пулеметных очередей. Все было привычно, знакомо. Воздух на полигоне уже успел, как обычно, пропитаться терпким запахом отработанных газов, перемешанных пополам с пороховой гарью.

— Ну что, поехали... — полувопросительно, полуутвердительно произнес Старков, обращаясь ко всем сразу, когда с вышки донесся знакомый, вызывающий азарт боя сигнал: «По-па-ди! По-па-ди!»

Он оглядел своих подчиненных, пытаясь проникнуть в их мысли. Как всегда, спокоен, уверен в себе сержант Мубаракшин. Сосредоточен курсант Рябков. Что-то шепчет соседу, показывая в глубь стрельбища, Павел Субботин, комсомольский секретарь. За этих ребят Евгений спокоен. Как бы хотелось ему так же быть уверенным и в Драгое. Старков отыскал его взглядом. Вчера они крупно поговорили. Старков задал Александру наугад несколько вопросов по теории стрельбы, и Драгой запутался в простейших формулах.

«Ведь занимались же с ним, а все не в коня корм», — опять подосадовал Евгений.

Прерывая его мысли, прозвучала резкая, как выстрел, команда: «К машинам!»

Отрешенный взгляд Драгой — это было последнее, что отвлекло внимание Старкова. Взираясь на броню боевой машины пехоты, ныряя в люк наводчика-оператора, привычно осматривая приборы, Евгений уже не мог думать ни о чем ином, кроме

стрельбы, он уже жил в другом измерении, где секунда стоила часа.

Чуть позже, уже остыв от возбуждения, но еще не ощутив вкус только что одержанной победы, старший сержант Старков с тревогой следил за каждой уходящей на трассу машиной. И только когда вернулся на исходный рубеж последний его подчиненный и стало ясно, что взвод получил отличную оценку, Старков почувствовал наконец пьянящую радость за своих солдат, за себя самого. Вот только Драгой...

— Почему по последней цели промазал? — отвел его в сторону Старков. — Поправку на ветер не учел? Все очереди правее мишени легли.

— А-а, — отмахнулся Александр. — Все равно уж теперь...

— Вот, значит, как? Тебе все равно? — Евгений, боясь вспылить, подбирал слова. — Слушай, Саша, сюда, как говорят у тебя в Одессе. Две недели тебе сроку. Учи. Тренируйся. Потом спросим.

— Ты?

— Мы. — Старков кивнул на прислушивавшихся к разговору ребят. — А по теории я сам тебя проверю. Кстати, кроме учебников, полезно и еще кое-что почитать. Тем более скоро стажировка. Подойди вечером. Дам несколько книг. Сам ведь до библиотеки не доберешься.

Старков имел право так говорить.

Сам он доставал справочники, брошюры, вырезал понравившиеся статьи из военной периодики. Не то чтобы Евгений насильно заставлял себя заниматься сверх программы. Просто, взрослея, выбирая по крупицам все лучшее от старших товарищей, думая о дне завтрашнем, может быть, больше, чем о сегодняшнем, он открыл для себя простую истину, которую открывали до него и будут открывать после: че-

ловека ценят за его дела. Этот непреложный закон Евгений представил по-своему, придав ему лаконичность математической формулы, в числителе которой — практическая отдача человека, а в знаменателе — его способности. И чем ближе ответ к единице, тем больше человека ценят и тем большего уважения он заслуживает.

Старков хорошо помнит, когда ему впервые пришла эта мысль. Они шли с Тамарой Сергеевной, бывшей классной руководительницей, по гулким коридорам родной школы, что в Кунцевском районе столицы.

— Узнаешь? — Учительница тронула Женю за рукав.

Со стенда на Старкова смотрела фотография мальчишки в курсантской форме. Евгений узнавал и не узнавал себя в этом первокурснике, который, видимо, усиленно старался выглядеть перед фотографом старше своих восемнадцати лет. Три года прошло с тех пор...

Тамара Сергеевна перевела взгляд с фотографии на Старкова. Мягко, по-матерински улыбнулась.

— Я рада, что ты стал таким... — она не сумела подобрать нужного слова, — таким взрослым, что ли? Я не о возрасте. Помнишь, в конце восьмого класса мы с тобой разговаривали... Натура у тебя увлекающаяся. Геометрию, черчение любил — и занимался ими. А физика? Что на уроке услышишь, тем и довольствовался. Благо, что на лету схватывал. А в жизни-то приходится заниматься не только тем, что нравится. Закон простой: чем больше сил отдаешь своему делу, тем больше потом получишь...

Так всегда считал и отец. И майор Кириллов. И капитан Коробков, нынешний командир Старкова. И многие другие, кто порой незаметно для самого Евгения добавлял к его характеру новую грань.

Пройдет еще не один день и, наверное, не один месяц, пока все то,

что старались вложить в Евгения учителя, окончательно переплавится в его собственный душевный опыт. На все нужно время. И оно работает сейчас на Старкова, ибо наполнено напряженными буднями, ежедневными заботами о подчиненных, о завтрашнем дне. Вот за эту неуспокоенность, за растущее день ото дня мастерство, за победные мгновения, когда он, слившись с прицелом, отыскивал на поле грязно-зеленые мишени, чтобы первым же выстрелом их поразить, и оказали ему старшие товарищи доверие, приняв в партию. Потому и были единодушны старшие начальники, назначая Старкова на этих ответственных учениях командиром роты.

Ночь отступала неохотно. Светлел восток, в предрассветной дымке робко проступали очертания деревьев. Медленно таяли в низине островки тумана. Утро, по всему, обещало быть ясным, и Старков счел это добрым предзнаменованием. Впрочем, в приметы он не верил. Гораздо больше обрадовало, что вернувшиеся несколько минут назад разведчики доложили: просека выходит почти в тыл противнику. Курсант Драгой, едва переведя дух, присел на бруствер и попросил карту.

— Вот здесь, — он ткнул карандашом в середину квадрата, — открытого пространства — метров двести, не больше. Но рядом — два танка, укрыты в окопах.

— Спасибо, ребята. А теперь по местам.

Решение созрело у Старкова окончательно.

Через двадцать минут взмыла в небо ракета. Взревели двигатели приданных роте танков. Старший сержант с удовлетворением отметил, как успешно, но без суеты два звзда рассыпались в цепь. По полю замелькали зеленые фигурки.

Теперь Старков мало что мог из-

менить в ходе «боя». Его итог зависел от того, сумеет ли «противник» разгадать замысел. А даже если и разгадает. Все рассчитано по минутам. Им просто не успеть перестроить свою оборону.

Как Старков и предполагал, «противник» бросил основные силы против атакующих с фронта. Все усиливался огонь. Все труднее становилось продвигаться вперед, отвоевывая драгоценные минуты для тех, кто пробирался сейчас через лес. И вот

когда, казалось, ситуация стала критической, откуда-то справа донеслось приглушенное расстоянием «ура!».

«Житков,— понял Евгений.— Успел...»

Он выиграл этот «бой». Но в те счастливые мгновения Старков еще не осознавал, что, победив, он взял и иную высоту, высоту нравственную. Высоту командирскую. Первую, но отнюдь не последнюю в той офицерской жизни, которая у него впереди.

ТВОРЦЫ ОРУЖИЯ

Издавна на Руси воинское оружие окружено почетом и уважением. Миротворительный по своей сути наш народ этим выразил понимание истины: только оружием можно отразить нападения завоевателей, отстоять свою свободу и независимость. А потому хвалил он и лелеял свое оружие, стараясь не посрамить его в сражениях. Еще византийские историки с уважением писали о том, что «сопутницей» русского оружия является ратная слава.

Сквозь века, многочисленные войны и сражения пронесли русские воины эту славу. В пору Петровых побед, на поле Бородинском, в яростных схватках гражданской и в труднейших боях Великой Отечественной закалялась и крепла мощь нашего оружия. Лучшие умы державы упорно трудились над тем, чтобы оснастить нашу армию по последнему слову техники. С. И. Мосин, В. Г. Федоров, В. А. Дегтярев, Ф. В. Токарев и многие другие выдающиеся конструкторы внесли неоценимый вклад в укрепление обороноспособности нашей страны.

Лучшие качества нашего оружия особенно проявились в ходе Великой Отечественной войны. Ветеран войны Григорий Лосев, сдавая при увольнении в запас свой автомат, оставил письмо молодому солдату, в чьи руки оружие должно было перейти. «Товарищ боец,— говорилось в этом письме.— Когда ты получишь

автомат, посмотри на его номер. Может быть, это будет автомат № 500. Знай, это верный друг, я сам проверял его в больших боях — он не подведет. Пусть напомнит тебе это оружие про годы войны, про бои, про нашу солдатскую удачу, и — что самое главное — уважай и береги его. Помни, вместе с ним мы бои вели и победу добывали. К сему твой старший товарищ Григорий Лосев».

Советским воинам вверено лучшее в мире оружие. Разнообразен арсенал современного мотострелкового полка. Есть в нем и артиллерия, зенитное и противотанковое, пулеметное и автоматическое оружие. Есть оружие коллективное, а есть и индивидуальное.

Но вот что нужно отметить. Несмотря на мощь и высокое качество пушек, автоматов и пулеметов, решающая роль на поле боя по-прежнему принадлежит людям. Людям идейно убежденным, грамотным, в совершенстве владеющим оружием. Любая, даже самая умная техника приносит пользу лишь тогда, когда ею управляют умелые руки.

Верными друзьями советских мотострелков стали автомат Калашникова, карабин Симонова, пистолет Макарова. О том, как рождалось это стрелковое, к слову, самое что ни на есть пехотное, оружие, рассказывают прославленные советские конструкторы.

ПИСТОЛЕТ МАКАРОВА

Беседуя с конструктором стрелкового оружия Николаем Федоровичем Макаровым, нетрудно определить, что он человек рабочий.

Родился Николай Федорович МАКАРОВ в небольшом рабочем городке Сасово, в семье машиниста паровоза, где, кроме него, было еще пятеро детей. По примеру отца после окончания шести классов поступил в школу фабрично-заводского ученичества в Рязани. Именно там, будучи подростком, проявил он пылкий ум и способность воплощать задуманное в жизнь. Два его рационализаторских предложения получили одобрение и нашли применение в производстве. От имени Наркомата путей сообщения молодому рационализатору была выдана премия.

Втайне родители надеялись, что сын и без их подсказок купит себе что-нибудь из одежды и обуви. Но Николай разочаровал их, приобретя малокалиберную винтовку. С этих воспоминаний и начинается наша беседа.

— Можно, видимо, считать, что вы с детства решили стать конструктором стрелкового оружия! Ведь не случайной была та покупка!

— Покупка, конечно, не была случайной. Я любил покопаться в сложных деталях и агрегатах, понять принцип их работы. А стрелковое оружие казалось мне верхом совершенства. Тут была ведь не только механика. Но, конечно, о том, чтобы самому стать конструктором, я в то время и не мечтал. Закончил ФЗУ, стал работать слесарем-ремонтником в депо. И дела вроде пошли неплохо. Был назначен даже на должность бригадира. Но тянуло на паровоз, видимо, сказывалось отцовское влияние. Так я стал помощником машиниста.

Казалось, жизнь определилась, и суждено мне водить поезда по бесконечным просторам России. Однако не мог я довольствоваться тем, что уже достигнуто. Тянуло к знаниям. Экстерном сдал экзамены за рабфак и поступил на первый курс механического института.

Учиться было нелегко. Но все же у меня находилось время для научной работы и рационализации. И вполне объяснимо, что многие из нас старались изобрести новое оружие или усовершенствовать старое. Время было тревожное, на Западе громыхла вторая мировая война, каждому хотелось внести свой вклад в оборону страны и укрепление армии. Мы с товарищем, например, решили создать ручную гранату ударного действия. Уже подготовили чертежи, написали обоснования. Однако закончить работу не удалось. Грядущая Великая Отечественная. Учебу пришлось прервать. Учитывая мою

тягу к работе с вооружением, меня назначили сменным мастером на завод, выпускавший автоматы Шпагина.

— Там вы, Николай Федорович, и познакомились с уже известным тогда конструктором стрелкового оружия Шпагиным!

— Да. Георгий Семенович буквально покори́л меня. Он оказался простым и доступным в общении человеком. Его трудно было отличить от рабочих на заводе. Он мало сидел в кабинете или чертежном бюро, больше времени проводил у станка. Высшего образования у него не было, а поэтому чаще шел не от чертежа, изготавливая детали путем подгонки, шлифовки и бесконечных опробований.

Глядя однажды, как Шпагин мучительно и долго подбирает по размерам и по прочности возвратную пружину, я предложил:

«Разрешите мне, Георгий Семенович, рассчитать требуемые параметры?»

«А сумеете?» — спросил он.

«Попробую», — ответил я.

Когда по моим расчетам пружина была изготовлена, Георгий Семенович удивился и обрадовался:

«Надо же, так быстро и как раз то, что требуется».

После этого он все чаще поручал мне делать расчеты, давал задания по отработке технологии, порой обращался за советом. По его рекомендации меня вскоре назначили ведущим конструктором завода, отвечающим за технологию изготовления ППШ.

— А как же с учебой в институте!

— Даже в эти трудные военные годы я не бросал учебы. Работа на заводе со всей очевидностью показала, как трудно без глубоких знаний в конструкторском деле. Были у нас практики, люди талантливые, так называемые самоучки. Они мно-

гого добивались. Но сколько труда уходило у них на постижение тех истин, которые они могли бы узнать из лекций. Вот почему меня тянуло к учебникам.

В 1943 году был объявлен конкурс на изготовление различных видов стрелкового оружия под новый патрон. У меня возникла мысль принять в нем участие. К этому времени подошел срок готовить дипломный проект в институте. И я решил представить комиссии собственный образец автомата. Он вышел простым, довольно надежным и получил одобрение. Правда, до окончательного варианта его требовалось дорабатывать. На вооружение был принят образец другого конструктора.

— Неудача, наверное, огорчила!

— Наоборот, уже то, что первый опыт самостоятельной работы оказался верным, меня окрыляло. К тому же институт был закончен с «красным» дипломом и тоже во многом благодаря этому варианту. Я готов был работать дни и ночи, а поле деятельности открывалось большое. Вскоре пришла весть, что объявлен конкурс на проектирование пистолета взамен знаменитого ТТ.

Тактико-технические требования по условиям конкурса оказались жесткими. Новый пистолет предстояло создать под 9-миллиметровый патрон. Калибр увеличивался, у ТТ он равнялся 7,62 миллиметра. Для того чтобы такое оружие действовало, конструктор должен был укрупнять чуть ли не все детали. Значит, вырос бы вес, увеличились размеры ствола, рукоятки. Но этого делать не позволяли параметры, определенные условиями конкурса. Создавался своего рода заколдованный круг, извечно мучающий всех конструкторов: оружие должно было иметь лучшие огневые качества и в то же время становиться легче и меньше по размерам.

Чтобы найти выход из положения,

требовалось выбрать наиболее эффективный принцип работы автоматики. После долгих раздумий я решил использовать силу отдачи свободного затвора. Ствол при этом оставался неподвижным, что способствовало улучшению прицельных качеств оружия. А это очень важное качество пистолета. Определилась и компоновка деталей. Появилась возможность укоротить ствольную часть. Это позволило поместить в рукоятку магазин той же емкости, что и у ТТ, не увеличивая рукоятку.

Удалось мне найти удачную схему ударно-спускового механизма со самовзводным приспособлением. Благодаря этому можно было производить первый выстрел без предварительного возведения курка, что во фронтовой обстановке играет большую роль.

Одним словом, работать было интересно. Но чем ближе дело подвигалось к окончанию работы, тем тревожнее становилось на душе. Пистолету предстояло пройти конкурсные испытания. А в соревнова-

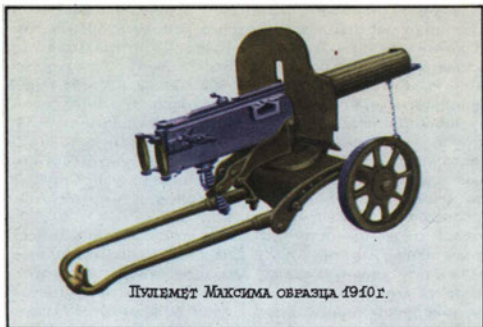
нии принимали участие уже известные конструкторы, в том числе сам Токарев. Я понимал, что Федору Васильевичу будет намного легче, чем мне. У него за плечами огромный опыт. К тому же он мог доработать, улучшить свой ТТ, с успехом прошедший испытание на фронте. Немало преимуществ имели и такие оружейники, как Сергей Гаврилович Симонов и Сергей Александрович Коровин.

И вот экзамен. Комиссия подходила к испытаниям представленных образцов с особой строгостью. Огонь приходилось вести при температуре плюс 60 и минус 40 градусов. Перед этим пистолет то густо смазывали, то насухо протирали бензином, то окунали в грязную болотную воду, то обсыпали песком.

Вот тут-то и сыграла мне добрую службу моя работа на заводе. Создавая свой пистолет, я уделил много внимания вопросам его надежности, безотказности в работе. И многое мне удалось. Один за другим пистолеты других конструкторов выходили

ПМ ОБРАЗЦА 1951 г.

РЕВОЛЬВЕР НАГАНА ОБРАЗЦА 1895г.

ППС ОВРАЗЦА 1941г.

ППС ОВРАЗЦА 1943 г.

СВД ОВРАЗЦА 1940г.

СВД ОВРАЗЦА 1963 г.

ли из строя: у одного ломался боек, у другого заедала автоматика. А мой образец показал удивившую всех живучесть. Государственная комиссия рекомендовала его для серийного производства.

— Не могли бы вы, Николай Федорович, дать краткую характеристику своему пистолету в сравнении с ТТ, на смену которому он поступил в войска!

— Калибр мы уже называли. 9-миллиметровый патрон стал мощнее. Убойная сила пули сохраняется до 350 метров при начальной скорости полета 315 метров в секунду. В магазин входят 8 патронов, пистолет позволяет делать 30 выстрелов в минуту. При этом общий вес его снизился на 124 грамма, а длина уменьшилась на 34 миллиметра. Одним словом, улучшились не только боевые качества оружия, но и технические характеристики.

— И все-таки что позволило вам победить в соревновании с именитыми соперниками!

— Труд. Колоссальный труд. Работая над пистолетом, я не жалел себя. Ежедневно, не зная выходных, с

раннего утра до трех часов ночи я вычерчивал узлы, делал расчеты, точил, сверлил. Трудно сказать, сколько мною было произведено работ, их было несчетное количество. И в тоннах этой руды находились крупинцы золота. Они и позволили сделать конструкцию, отвечающую всем требованиям, предъявляемым к оружию в войсках.

— Вас, Николай Федорович, трудно назвать конструктором узкого профиля!

— Наверное, да. В свое время мне пришлось заниматься повышением темпа стрельбы авиационной пушки. Казалось бы, мало общего между ней и пистолетом, однако свежий глаз сыграл свою роль, и мне удалось по-иному решить этот вопрос. Скорострельность пушки была повышена и стала удовлетворять авиаторов...

Я знаю, что при огромном желании, отдавая любимому делу себя целиком и, конечно, имея нужные знания, а также способности, можно в любой области добиться желаемых успехов. А без повседневного и кропотливого труда даже талантливый человек не сумеет проявить себя, внести достойный вклад в общее дело...

ДЛЯ БОЯ, ДЛЯ ПОБЕДЫ

Автоматическая винтовка, ручной пулемет, противотанковое ружье, карабин. За многие годы конструкторской деятельности Сергей Гаврилович СИМОНОВ (а начинал он еще в годы гражданской) практически в каждый вид стрелкового оружия вложил свой талант и труд. И многие образцы оружия, созданные им в разное время, находились на вооружении сухопутных войск. С его винтовкой АВС-36 бойцы штурмовали линию Маннергейма. Из его противотанкового ружья ПТРС поджигали фашистские танки и самоходки в годы Великой Отечественной войны. С карабином его конструкции заступают сегодня солдаты на Пост №1 у Мавзолея В. И. Ленина и на многие другие посты.

Сельский кузнец, слесарь, мастер, главный конструктор — таков жизненный путь С. Г. Симонова. Сын крестьянина стал создателем оружия, Героем Социалистического Труда, дважды лауреатом Государственной премии, заслуженным изобретателем РСФСР.

— Сергей Гаврилович, что помогло вам стать конструктором, определило вашу судьбу!

— Прежде всего то, что я, как и все мои товарищи, хорошо понимал значение своего труда. Шла гражданская война. Враги наседали со всех сторон. У них было заграничное оружие. Их одевали, обували и кормили капиталисты чуть ли не всего мира. Но наш солдат стойко защищал свою власть, дрался геройски. И этому герою необходимо было оружие, достойное бойца революции. Вот почему мы трудились, не глядя на часы, не делили сутки на рабочее и нерабочее время.

Мне повезло, что я в начале своего жизненного пути встретил таких замечательных конструкторов, как Владимир Григорьевич Федоров и Василий Алексеевич Дегтярев. Это настоящие русские самородки. Создавая оружие, они шли своим путем и находили оригинальные решения. Причем секретов от учеников не таили. Цех, где делался пулемет Федорова, стал настоящей школой оружейников.

Конечно, для того, чтобы при том образовании, которое имел я, научиться читать чертежи, а потом самому переносить на бумагу свои задумки было непросто. Помнится, больше года работал я над ручным пулеметом собственной конструкции. Сделал чертежи. Изготовил деревянный макет. Потом ковал, точил, сверлил, пока не воплотил идею в металле. Получилось вроде неплохо, но на вооружение приняли пулемет конструкции Дегтярева: он оказался лучше. Понятное дело — мне было обидно. Я бы сказал: по-хорошему обидно, появилось желание работать еще лучше, больше.

— Один из пулеметов Дегтярева экспонируется в Центральном музее Вооруженных Сил СССР. Вам, Сергей Гаврилович, ведь тоже пришлось участвовать в его изготовлении!

— Конечно, пришлось. Я тогда работал старшим мастером в цехе, где изготавлилась первая опытная партия ДП, иначе говоря — «дегтяревых пехотных». Все сто штук намечалось послать для полигонных и войсковых испытаний. А в это время страна готовилась к XV съезду ВКП(б). Каждый рабочий коллектив стремился отметить это событие трудовыми успехами. Решили и мы преподнести в подарок делегатам съезда один из своих пулеметов. Сборку его поручили мне и слесарю Александру Ивановичу Голубеву.

Работали с большим вдохновением. И когда пулемет был готов, на нем сделали надпись «XV съезду ВКП(б) от рабочих инструментального завода. Пулеметчики готовы к защите своего социалистического Отечества». Этот наш подарок директор завода отвез в Москву.

Кстати сказать, пулемет Дегтярева много лет был на вооружении нашей армии и завоевал всеобщее признание.

— Когда, Сергей Гаврилович, вы почувствовали себя настоящим конструктором?

— Пожалуй, только в апреле 1933 года, когда Государственная комиссия дала высокую оценку моей автоматической винтовке АВС, я почувствовал себя настоящим конструктором. Конкурс на ее изготовление объявили в 1931 году. В работу включились многие конструкторы, в том числе Дегтярев и Токарев, чьи имена уже знали оружейники. И тут пригодился опыт, приобретенный в цехах завода, когда мы довели федоровский автомат. Созда-

вая свою винтовку, я заботился не только о том, чтобы она отвечала тактико-техническим требованиям, но и о том, чтобы была легче в изготовлении. Газовую камору я расположил не внизу, а сверху. При выстреле винтовку не подбрасывало, увеличивалась точность попадания в цель. Позаботился и о том, чтобы большинство деталей, которые раньше приходилось вытачивать, штамповались. Усовершенствовал спусковой механизм, поставил к нему переводчик на непрерывную и одиночную стрельбу. Даже крепление шомпола сделал по-новому, использовав его же пружинность. Образец получился компактнее, легче и удобнее.

И вот мы на полигоне. Стреляющие на огневом рубеже. Испытывается образец Дегтярева. 8 тысяч выстрелов — все идет хорошо. 8500 — винтовка выходит из строя. По тактико-техническим требованиям она должна выдержать 10 тысяч. Токареву не повезло еще больше: едва перевалило за 4 тысячи выстрелов, испытания пришлось прекратить. Моя АВС перекрыла все установленные нормы: 10 340 — такая цифра появилась в протоколе испытаний. Винтовку решили пустить в производство.

Передо мною открывались все дороги: твори, выдумывай, пробуй. Но все острее чувствовался недостаток образования. Надо учиться. В том же памятном для меня году поступил в промакадемию. С увлечением взялся за книги. Вскоре меня направили на помощь производственникам — начинался серийный выпуск АВС, и производство требовало наладки. Пришлось самому и реконструкцией завода заниматься, и людей учить, и технологию совершенствовать. Время летело быстро, а дела подвигались медленно. И вот в 1935 году нас с директором вызывают в Москву к Орджоникидзе. «Почему нет винтовок?» — спрашивает он.

Выкладываем свои беды и нужды. Орджоникидзе внимательно слушает, делает пометки в календаре, обещает нам помощь, дает целый ряд советов. С того дня работа у нас оживилась. Для выпуска моей винтовки переоборудовали специальный цех. На заводе появились новые молодые и талантливые специалисты. Вместе с ними я налаживал изготовление взаимозаменяемых деталей, а сборка стала напоминать нынешний конвейер.

— Вы и во время войны не прерывали своей работы в конструкторском бюро!

— Конечно, нет. Война сразу же поставила перед нами десятки вопросов для немедленного их разрешения. Взять, например, борьбу с танками. У нас на вооружении не было хорошего противотанкового ружья. А жизнь показывала, что оно крайне необходимо. Помню, летом 1941 года Дегтярева и меня вызвали в Москву. «Нужно противотанковое ружье», — сказали в Наркомате вооружения. — Срок — месяц, не больше».

Времени на поиски каких-то оригинальных решений нет. Решаю просто-напросто «укрупнить» уже испытанный экземпляр винтовки до таких размеров, чтобы можно было стрелять патронами 14,5-мм калибра. Благо, что выпуск этих патронов наша промышленность освоила. Но работали с Дегтяревым не вместе, а параллельно, развернув своеобразное соревнование. Трудились, не выходя из цеха. Тут же делали чертежи, тут и готовили детали, и испытывали их. А из наркомата торопили, требовали ежедневно докладывать, что сделано, из-за чего задержка.

Сейчас, наверное, покажется неправдоподобным, что мы сумели за один месяц изготовить и представить для испытания образцы новых противотанковых ружей. Но это именно так. 29 августа 1941 года

мое пятизарядное и однозарядное ружье Дегтярева пошли на вооружение. По своим тактико-техническим данным оба они отвечали требованиям боя. Отличались простотой конструкции и надежностью, могли с расстояния 300 метров пробивать броню в 35—40 мм.

Ружье моего образца решили выпускать сразу же на двух заводах. На один из них с чертежами вылетел сам нарком вооружения Д. Ф. Устинов, а я получил направление в Тулу. Но враг уже подходил к городу, предприятия эвакуировались. Пришлось и мне вместе с оружейным заводом перебазироваться в тыл и там налаживать выпуск ПТРС. За годы войны на фронт ушло более 200 тысяч противотанковых ружей моей конструкции...

— Вы, конечно, получали отзывы с фронта!

— Уже в середине ноября 1941 года газета «Красная звезда» опубликовала корреспонденцию с Можайского направления Западного фронта. В ней говорилось: «Несколько дней назад ордена Красного Знамени дивизия получила новые противотанковые ружья. На второй день бойцы и командиры сумели убедиться в огромной эффективности этого оружия в борьбе с фашистскими танками.

Недалеко от села Брыкино в 400 метрах от дороги залег красноармеец с противотанковым ружьем. Вскоре показалось несколько фашистских танков. Боец тщательно прицелился и выстрелил. Пуля попала в башню, пробила ее и, очевидно, ударила в снаряд. Раздался взрыв, и башню снесло, словно срезало. Остальные танки немедленно повернули назад.

Красноармейцы и командиры рассказывают восхищение противотанковым ружьем. В танк можно стрелять со значительного расстояния».

Мы все — и конструкторы и рабо-

чие завода — восприняли заметку как радостную для нас оценку.

А в одной из фронтовых листовок рассказывалось о том, как четыре солдата — Болото, Алейников, Самойлов и Блинов — вступили в бой с тридцатью вражескими танками и вышли победителями, подбив пятнадцать из них.

У меня сохранился номер газеты «Известия», где рассказывалось о бронейщике Семене Антипкине, который в одном бою уничтожил из ПТРС три вражеских танка.

— Известны ли случаи, когда в течение одного боя бронейщик уничтожал более трех танков?

— Да, в «Правде» сообщалось о том, как сержант И. Деревянко поджег десять фашистских танков. Этот факт целиком и полностью подтверждает, что идея создания самозарядного ружья оправдала себя. Когда танки идут на большой скорости или когда их много, времени на перезарядку не остается. Да и весило оно не так уж много, всего 21 килограмм. Семен Антипкин, с которым я встретился после войны, рассказывал: «По мне пришлось ружьецо. Я стрелял прямо с плеча».

Одним словом, ПТРС неплохо поработало в боях, и в апреле 1942 года за его разработку я был отмечен Государственной премией.

— Среди экспонатов Центрального музея Вооруженных Сил выставлено более ста типов стрелкового оружия, созданного при вашем непосредственном участии. В годы войны вы работали не только над противотанковым ружьем!

— И противотанковых ружей разрабатывалось несколько. На испытаниях вместе с самозарядным держало экзамен и мое однозарядное ружье. Но на вооружение пошел однострельный образец, разработанный Дегтяревым. В 1942 году я раз-

работал конструкцию станкового пулемета с лентой и прямой подачей патрона в патронник. В 1943 году на его основе сделал ручной пулемет с секторным магазином. Но на вооружение эти образцы не пошли: вскоре появился новый патрон, и нам пришлось снова дорабатывать буквально все виды стрелкового оружия — и карабин, и автомат, и ручной пулемет.

Конструкторская мысль никогда не стоит на месте. Надо учитывать то, что уже достигнуто, что оправдало себя, следить, какие недостатки являются в процессе боевого применения оружия, вносить изменения, а главное — обладать даром предвидения, прогнозировать. Об этом же говорит и опыт войны. Если бы мы заранее учли, что противотанковое ружье нам будет крайне необходимо, нам не пришлось бы создавать его в аварийном порядке.

— Однако лично вы, Сергей Гаврилович, проявили достаточную прозорливость. У вашего карабина СКС оказалась долгая жизнь.

— Еще в 1943 году, когда появился новый патрон, наше конструкторское бюро занялось разработкой самозарядного карабина с постоянным магазином на 10 патронов. Одновременно с нами работали конструкторы В. А. Дегтярев и А. И. Судаев.

Весной 1944 года состоялись полигонные испытания, потом, уже после войны, на вооружение были приняты пулемет Дегтярева и мой карабин. Он имеет постоянный магазин на 10 патронов, заряжается сверху из однорядной обоймы. Многие из того, что было использовано и в автоматической винтовке, и в автомате, что оправдало себя, нашло воплощение в этом карабине.

Приятно сознавать: хорошее мы создали оружие, оно достойно бойца нашей армии.

АВТОМАТ КАЛАШНИКОВА

Американский еженедельник «Ньюсвик», обобщая опыт боевого применения оружия во Вьетнаме, вынужден был признать: «Но еще более надежным, чем ракетные снаряды или минометы, оказался неразлучный спутник вьетконговца — короткий автоматический карабин АК-47 советского производства».

Имя создателя этого оружия широко известно в нашей стране. Полковник Михаил Тимофеевич КАЛАШНИКОВ, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, депутат Верховного Совета СССР, доктор технических наук.

В публикуемой ниже беседе Михаил Тимофеевич рассказал о своем жизненном и творческом пути, о работе над созданием стрелкового оружия.

— Накануне войны вы служили механиком-водителем танка. Изобретали что-нибудь тогда!

— Хорошо помню объявление, которое появилось у нас в казарме. В нем сообщалось, что проводится конкурс на создание счетчика моторесурса для танка. Я решил принять участие в конкурсе, поскольку считал, что на танке такой счетчик просто необходим.

Делать все приходилось самому. И придумывать. И детали подбирать. И точить. И клепать. Но помощь товарищей тоже имела большое значение. Меня поддерживали все — командир роты старший лейтенант Малышев, политрук Золотов, члены нашего экипажа.

И опытный образец прибора готов. Командир полка разрешил смонтировать счетчик на одном из танков. После испытания сказал: «Молодец, Калашников! Все точно. Ровно двенадцать минут работал двигатель, и столько же выходит по счетчику».

Тот день стал поворотным в моей судьбе. Я почувствовал вкус к творчеству. А вскоре началась война, работу над счетчиком пришлось прекратить. Воевал я, как вы уже поняли, в танковых войсках.

В одном из боев я получил серьезное ранение. И вот тогда-то во время перевязки мне пришлось услышать, как один из пехотинцев, весь забинтованный, с простреленными ногами, говорил: «Немцы лезут лавиной, поливают свинцом из автоматов, а у нас только винтовки...»

— Это и натолкнуло вас на мысль создать автомат!

— Да, еще в госпитале я загорелся идеей дать на вооружение пе-

хотинцу автоматическое оружие, превосходящее то, которым располагали гитлеровцы. Времени у меня оказалось много. Рана заживала плохо, и меня направили на шесть месяцев домой, в Казахстан.

Мечтая сделать автомат легким и компактным, я так активно уменьшал его в своих чертежах, что в конце концов пришел к выводу, что это будет пистолет-пулемет. Многие я продумал еще в госпитале, кое-что вычертил в поезде.

До призыва в армию я работал в политотделе железной дороги. У меня было немало знакомых и друзей среди тех, кто занимался ремонтом поездов. В депо меня хорошо знали и помнили, поэтому я без особого труда получил возможность работать в мастерской.

Около трех месяцев мы вместе с одним из моих старых товарищей вытачивали, выпиливали, сверлили, одним словом, изготавливали деталь за деталью. И вот пистолет-пулемет полностью собран. Я нажимаю на спуск, пружина бросает деталь вперед. Но меня не оставляет тревога. Еще неизвестно, что получится, когда боек разобьет капсюль. Выдержит ли конструкция? Произойдет ли перезарядка? Много неясных вопросов, но и сделано немало. В

руке у меня не какой-нибудь игрушечный, а настоящий пистолет-пулемет, хотя и «незаконнорожденный». Чтобы узаконить его и дальнейшую работу над ним, надо было найти организацию, которая заинтересовалась бы моей работой.

И тут мне повезло. В горькоме партии я неожиданно встретил своего старого знакомого Иосифа Николаевича Коптева. Разговорились, и я рассказал ему, почему оказался в Алма-Ате и чем занят. Он внимательно выслушал меня, потом решительно заявил: «С этим делом надо идти в ЦК. Вопрос серьезный, и решать его надо на высоком уровне».

Тут же при мне он позвонил секретарю ЦК Компартии Казахстана Койшегулову, договорился о моей встрече с ним.

Койшегулов расспросил, где воевал, как заживает рана, внимательно выслушал просьбу. Потом поинтересовался:

«Вы танкист, а делаете стрелковое оружие. Почему?»

Пришлось рассказать и о том, что говорили пехотинцы, и о том, что пришлось увидеть самому.

После этого секретарь долго вертел в руках сделанный нами пистолет-пулемет и решил:

«Нужен более совершенный обра-

зец. К нам в Алма-Ату эвакуирован Московский авиационный институт. У них неплохая база, хорошие специалисты. Я напишу им, чтобы вас приняли на работу в мастерские МАИ».

С помощью новых знакомых я уточнил необходимые расчеты, внес небольшие поправки в конструкцию пистолета-пулемета и окончательно подготовил его к испытаниям.

И вот я стою на огневой позиции. Магазин снаряжен. Мишень поставлена. Нажимаю спусковой крючок, и пистолет-автомат словно живой бьется в моих руках. Хочется плясать от радости, но я стараюсь сдерживать волнение, иду к мишени. Она густо изрешечена пулями.

В институте, узнав о моей успешной стрельбе, приняли решение отправить образец и чертежи в Артиллерийскую академию имени Ф. Э. Дзержинского. Пришлось провести еще несколько бессонных ночей, готовя необходимую документацию. Но и после того как бесценная посылка с изобретением ушла в академию, я не находил себе покоя. Каждый день был для меня испытанием. И вот однажды меня вызвал к себе декан. Ответив на мое приветствие, он протянул конверт:

«Читайте. Это отзыв на пистолет-пулемет».

Дрожащей рукой взял письмо, и строки, отпечатанные на машинке, заплескались перед глазами, сделались расплывчатыми: «...рассмотрев описание и произведя отстрел боевыми патронами представленного на отзыв пистолета-пулемета (автор тов. Калашников), комиссия считает, что никакими преимуществами перед состоящими на вооружении автоматами данный образец не обладает. По этой причине рекомендовать пистолет-пулемет для дальнейшей доработки нецелесообразно...»

— И как вы восприняли неудачу, не обескуражила она вас!

— Может быть, и обескуражила бы, если бы вместе с этим отзывом в мой адрес не пришло письмо от профессора, доктора технических наук генерала Благодрава. Он высоко оценил мою работу и посоветовал не отчаиваться. А вскоре меня направили для продолжения службы на испытательный стрелковый полигон. Сначала я готовил для пробных стрельб оружие, созданное другими, получил несколько авторских свиде-

вования. А потом решился принять личное участие в объявленном конкурсе. Автомат, над которым начал работать, делался под патрон образца 1943 года. А патрон, как известно, определяет многое. Прежде всего он был мощнее того, который использовался в автоматах, принятых на вооружение. Сила отдачи при выстреле соответственно увеличивалась. Значит, нужно было и затвор делать более массивным. А это, в свою очередь, заставило бы укрупнять размеры всех остальных деталей, что значительно повысило бы общий вес автомата и его габариты.

Произведя необходимые расчеты, я пришел к выводу, что обычным путем сделать новый автомат и легким, и компактным, и простым по устройству нельзя. Нужно менять принцип его действия, искать кардинальное решение возникших проблем.

Дело в том, что во всех имеющихся пистолетах-пулеметах для перезарядки всегда использовалась сила отдачи свободного затвора. Во время выстрела затвор извлекал из патронника стреляную гильзу и сжимал пружину. Разжимаясь, пружина посылала затвор вперед, а он при этом захватывал новый патрон и досылал его в патронник. При нажатом спусковом крючке боек ударял по капсюлю, следовал очередной выстрел, и все повторялось. Просто. Удобно. Многократно испытано.

А новый патрон менял все устоявшиеся представления. Нужно было куда-то девать лишнюю силу отдачи. Но куда? Появилась мысль использовать лишь часть пороховых газов, возникающих при выстреле. Для этого надо было отвести их через отверстие в стволе в небольшой цилиндр с поршнем. А поршень, в свою очередь, соединить с затворной рамой. Двигаясь при стрельбе, поршень будет управлять затвором, производя все операции по извлечению гильзы и досылке в патронник нового патрона.

Однако и цилиндр с поршнем, и затворная рама были для автомата лишней обузой и, естественно, увеличивали его размеры, а значит, вес. На одном я вроде бы выгадывал, не увеличивая массу затвора и других частей, на другом — терял.

И вдруг пришла простая и оригинальная мысль: оставив раму тяжелой, намного облегчить затвор. И затвор будет короче. И ствольная коробка. И автоматика займет мало места.

Торопливо набрасываю черновую схему и не могу сдержать волнения. Все получается как нельзя лучше. Начинаю детализировать общий вид, разрабатываю схему отдельных механизмов. Вот тут-то и пригодились те мои конструкции, над которыми работал раньше. Им не суждено было войти в серийное производство, но в каждую из них была вложена частица сердца, в каждой были новинки, найденные кропотливым трудом. Многие из этих находок можно было использовать, создавая автомат.

Почти целиком, с небольшими изменениями я перенес в новую схему систему запирания, разработанную мною ранее. Сочетание оказалось весьма удачным. Затворная рама массивная, а сам остов затвора легкий. Это давало возможность добиться плавности в работе автоматики, что обеспечило и прицельность стрельбы, и устойчивость оружия, и удобство использования его в бою.

Потом, когда общая компоновка всех механизмов и деталей была закончена, пришлось основательно потрудиться, до предела уменьшая площадь трущихся частей, увеличивая зазоры там, где это можно, и, таким образом, обеспечивая автоматную наибольшую надежность.

Одних ударников к автомату нами было сделано около 100 образцов. А ведь, кажется, что может быть примитивнее ударника? Но один ломался, другой надо было удлинять, третий, наоборот, укорачивать. Не мень-

ше пришлось повозиться позднее с питанием для пулемета. Пробовали трехрядное, уменьшали количество патронов, увеличивали, пока наконец не принял круглый магазин на 75 патронов.

Стрелковое оружие имеет свои особенности в эксплуатации. Его приходится часто разбирать и собирать. И тут важно, чтобы детали сами просились на свое место, чтобы солдат не ломал голову, откуда эта защелка, а куда эта пружина. Он эти вопросы должен решать даже на ощупь, с закрытыми глазами. Об этом тоже надо заботиться.

— И не только при составлении чертежей, во время испытаний оружия! Наверное, вам приходилось многое дорабатывать и позже, когда автомат был принят на вооружение, направлен в части и подразделения!

— Оружие в процессе создания проходит четыре ступени: чертежи — макет — полигон — войска. На трех первых этапах определяющими являются тактико-технические требования. Они, как правило, очень жесткие, учитывают не только то, в чем нуждаются войска сегодня, но и то, что понадобится завтра. На четвертом этапе оружие оценивают люди. И здесь в силу вступают другие критерии — чисто практического или психологического порядка.

Приезжаю как-то в одну часть, разговорился с солдатами. Все хвалят автомат. И собирать его, мол, легко, и изучить можно быстро, и стреляет точно. А один помялся и говорит: «Только, товарищ сержант, много стрелять из него нельзя —

оглохнуть можно, бабахнет пуще орудия...»

Я был в то время сержантом, и солдаты разговаривали со мной запросто, откровенно высказывали все претензии. А я каждое их замечание принимал близко к сердцу. Как в данном случае. Кажется, мелочь — звук. Но ведь от этого зависит и здоровье и настроение людей, а значит, и качество стрельбы. И пришлось мне снова засесть за расчеты, советоваться с акустиками, проводить опыты. А ларчик, как оказалось, открывался просто. Решено было убрать надульное устройство — звук от выстрела сразу уменьшился.

В другой раз приехал в летний лагерь к мотострелкам и решил посмотреть, как солдаты научены собирать и разбирать автомат.

— В нормативы все укладываются, — заверил командир, — да вот посмотрите сами.

И он почему-то назвал фамилии сразу двух солдат. Те вышли, встали рядом. Один начал разборку, другой держал наготове шапку-ушанку.

— А это для чего? — удивился я.

— Пружина там есть капризная, — ответил командир, — выскакивает. А ее потом всем взводом надо искать.

Вот ведь как бывает. Все, кажется, рассчитал. В целом же автомат получился удачным. Но пришлось вложить немало труда, что-то менять, что-то усовершенствовать, пока наконец оружие не стало целиком и полностью удовлетворять требованиям современного боя.

Такова специфика нашей работы. Каким бы совершенным ни казалось оружие, всегда есть возможность сделать его лучше.

Интернационалист. Это слово близко и понятно советским воинам со дня рождения нашей армии. В труднейшие годы гражданской войны молодая Красная Армия оказывала помощь народам, ведущим освободительную борьбу. В дальнейшем — Испания, Халхин-Гол тоже стали этапами проявления пролетарского интернационализма.

Объединившая воинов различной национальности, Советская Армия защитила мир от фашистской чумы. Разгромив врага на своей территории, она, выполняя высокую освободительную миссию, изгнала гитлеровских захватчиков из Румынии, Болгарии, Чехословакии, Польши, многих других стран Европы.

Когда возникла необходимость, Советская Армия пришла на помощь народу Афганистана. В трудных

условиях несут свою службу солдаты и офицеры ограниченного воинского контингента. Советские воины смело дают отпор напавшим бандитам, проводят разминирование дорог, сооружений, доставляют необходимые грузы в отдаленную местность. Во имя высокой и благородной цели они не жалеют ни сил, ни самой жизни.

Военнослужащий должен с достоинством нести высокое звание гражданина СССР, дорожить честью и боевой славой Вооруженных Сил СССР, своей части и честью своего воинского звания, содействовать укреплению дружбы и боевого содружества с вооруженными силами братских социалистических стран.

Он обязан до конца выполнять в бою свой воинский долг перед Советской Родиной.

Юрий ТЕПЛОВ

ГРАНАТОВЫЙ ЦВЕТ

Батальон выходит на рассвете

Было неправдоподобно тихо, и капитан Гасанов подумал о том, что такие же ночи с крупными, как абрикосы, звездами часто случаются в его родном Азербайджане.

Он только что проводил шестую роту. Старший лейтенант Серик Данияров повел людей в ночь через горы. Им предстояло участвовать в сложном ночном учении, и ближайшая задача состояла в том, чтобы к рассвету закрыть ущелье. Главные же силы батальона должны были начать движение в три ноль-ноль, переправиться через реку и к сроку выйти в заданный район.

Наступил час ужина, но не видно было ни костров, ни дыма полевых кухонь. Не слышно было шума моторов БМП. Они замерли полуколь-

цом, прикрытые бруствером из булыжников, каждая на своей, определенной необходимостью позиции. А впереди затаялось боевое охранение.

Гасанов возвращался на КП батальона, где должны были собраться командиры подразделений. Шел и думал о том, как-то сложится завтрашний день. Как покажет себя новый комбат, потому что, будь ты семи пядей во лбу, но после Руслана Аушева командовать батальоном так трудно. Герой Советского Союза Аушев уехал на учебу в академию и, как выразился один из офицеров, «увез с собой сердца подчиненных». И не было для Гасанова секретом, что к новому командиру приглядываются, сравнивая с прежним, и еще долго, наверное, будут сравнивать.

На отгороженной боевыми маши-

нами площадке стоял выносной стол, над которым была подвешена переноска. На столе расстелена карта, и над ней склонились новый комбат майор Сергей Гузачев и новый начальник штаба капитан Адан Аушев, родной брат Руслана. Увидев своего заместителя по политчасти, Гузачев спросил:

— Как там у бойцов настроение, Рахиль Шахбалович?

— Хорошее настроение, командир,— ответил Гасанов.

Командиры рот и взводов собрались все сразу. От четвертой, родной роты Гасанова, где он до недавнего времени был заместителем командира по политчасти, прибыл прапорщик Сорокопуд. Высокий, голубоглазый, с пышными пшеничными усами, он был строгим старшиной и добрым дядькой-наставником для солдат. За глаза они его так и называли — дядя Леша, выказывая этим безграничное уважение и признательность за ежедневные старшинские заботы.

Докладывали коротко и по-деловому: о расстановке людей, проверке вооружения, наличии боеприпасов и сухого пайка. А несговорчивый командир пятой — капитан Виктор Ревнев вообще обошелся всего двумя фразами.

После постановки задачи Гузачев сказал совсем не по-командирски:

— Все свободные от службы — спать. По часу на каждый глаз.

Лаконичность комбата понравилась Гасанову. Вот так и Аушев: не любил долгих разговоров и пустых слов.

— Пойдете с четвертой,— сказал ему Гузачев.— Я — с пятой. Начштаба — на КП.

И это было правильно, потому что солдат четвертой роты Гасанов знал наперечет. Ему и по долгу службы, по обязанности политработника положено было знать людей, их настроение, нужды. Служба в Афганистане такова, что все солдатские радости и печали на виду, и Гасанову

было давно известно, кто чем дышит, кто от кого ждет писем, кто о чем думает сейчас, в эту теплую звездную ночь.

Четвертая рота располагалась рядом с командным пунктом батальона. Хотя и поступила команда «отбой», однако народ тихо колготился, пристроившись на ночлег, как где. Тоненький и стройный, как лозинка, рядовой Хайдаров, притулясь к башне БМП, бормотал что-то, записывая в тетрадку. Гасанов был одним из первых слушателей и читателей его стихов, сначала на таджикском языке и тут же, в его же переводе, на русском. Хайдаров писал о походах, о белых памирских снегах и черных глазах любимой девушки, которой у него не было.

В ближайшем к БМП окопе устроился снайпер рядовой Бахром Салихов, маленький, жилистый и до предела отчаянный, даже рискованный. В соседнем окопе сидел у пулемета неразговорчивый и сверхскромный Николай Зайцев. В свободное время он подолгу писал кому-то письма, но не отправлял их, а складывал в вещмешке. И только когда в роту приходила почта, тоскливо и безнадежно поглядывал на почтальона...

Обходил Гасанов позиции четвертой роты, заговаривал иногда с людьми и размышлял о том, что служба в Афганистане и есть проверка на крепость. Что как бы ни выглядели внешне молодые люди, какие бы черты характера и замашки ни имели, экстремальные обстоятельства все расставляют по своим местам, обнажают нутро, самую что ни на есть человеческую суть. А суть у всех одна — советская. И слово «традиции» обретает в таких обстоятельствах особый, настоящий на жизни смысл, который ведет при надобности на подвиг и заставляет безоглядно распахнуть душу навстречу другому человеку.

Сегодня днем Гасанов вручал экипажу БМП во главе с сержантом

Александром Поповым выппел имени Сергея Шашева.

Из истории части:

Их было трое разведчиков, вынужденных принять неравный бой. Сержант Шашев был ранен и понимал, что всем оторваться от противника не удастся, а сведения о нем в штабе были нужны позарез. И он отдал свое последнее распоряжение:

— Уходите через зеленую зону. Я прикрою.

Кончились патроны, кончились гранаты. Осталась одна-единственная, которую он берег для себя. И когда с торжествующим воем враги кинулись к раненому русскому бойцу, раздался взрыв...

«Шашеву было столько лет, сколько и сержанту Попову,— подумал политработник, вручая выппел.— Видно, не нашлось фотокарточки Шашева в солдатской форме, не до фотографирования было в сумятице боев. А родные прислали довоенную — в пиджачке и белой рубашке».

Таким и изобразил Шашева на выппеле художник.

Гасанов услышал неторопливый говор сержанта Попова, сетовавшего кому-то на медлительность и ненадежность полевой почты. Откинув на БМП волноотталкивающий щит, он устроил постель из шинели и вещмешка. Сидел на ней, тихо беседуя с прапорщиком Сорокопудом.

Увидев заместителя командира батальона по политчасти, Сорокопуд шагнул к нему, по-уставному приложив руку к головному убору, собираясь официально доложить, чем занимается рота. Гасанов остановил его, и тот пошел рядом с капитаном в сторону, где расположился взвод обеспечения под командованием прапорщика Юрия Антипова, прижимистого, как все снабженцы, и щедрого одновременно.

— Вам тоже не спится? — спросил Сорокопуд Гасанова.

— Какой сон, Алексей Иванович?

— Знаете, о ком я все время вспоминаю? О дочке. Когда я уезжал из дома и садился уже в автобус, она сказала: «Откуда провожаю, здесь и встречу. Понял, папа?» Два дня назад письмо получил от жены. Пишет, что хотела перебраться в город, а Еленка ни в какую: «Обещала папе дожидаться на автобусной остановке и дождусь». Вот ведь какое упрямое дите!

В этом слове «упрямое» Гасанов почувствовал такую любовь и такую благодарность «дитю», что у него защемило сердце. Откровение за откровение, и он признался, что во сне и наяву чаще всего видит одну и ту же картину. Зимний солнечный день, двухлетний Сашка, как медвежонок, в комбинезоне, катится с горы на санках и визжит от радостного страха, а внизу стоит Люба в черной шубке и белой шапке и закатывается в счастливом смехе.

— Помните старшего лейтенанта Лисса? — спросил Сорокопуд.

— Помню.

— А рядового Атаева?

Гасанов кивнул утвердительно.

— У меня, товарищ капитан, такое чувство, что сердце скоро переполнится. Ведь боевой товарищ живет не только рядом, но и в сердце. И даже потом живет, после расставания... Я потому их вспомнил, что последний раз мы виделись в такую же вот ночь. И тоже не спалось...

Вечность поглощала часы и минуты, приближая рассвет и первый шаг в завтрашний день. В половине третьего все пришло в движение. Вполголоса отдавались команды, вполголоса звучали доклады. Наконец взревели двигатели, и переправа через реку началась.

Они ушли в рассвет с верой в свое солдатское дело. С неразлучным своим пулеметом шагал рядовой Андрей Аксютин. Улыбаясь, оглянулся не ведающий своей судьбы сержант Александр Попов. Нес в вещмешке тетрадку с так и не уви-

девшими свет стихами стройный, как лозинка, рядовой Хайдаров.

Никто из них не знал, что в это самое время спускается по тропам одна из душманских банд, которую ведет Пегобородый, чтобы напасть на мирный кишлак в час утреннего намаза. Об этом нападении сообщит им встретившийся на пути оборванный афганский мальчик. Застынет в дверях крайнего дома капитан Гасанов, увидев обезображенный труп женщины. Наткнется у дымящейся мечети на истекающего кровью крестьянина Хайдарчик...

Но все это случится позже, когда взойдет солнце. И вообще много чего произойдет в ближайшее время.

...До встречи с афганским мальчиком осталось два с половиной часа. И три часа — до той минуты, когда Хайдаров, увидев у мечети окровавленного дехканина, скажет Сорокопуду:

— Смотрите, товарищ прапорщик, тут еще один, и как будто еще живой...

Мины на дорогах

Дорога пуста в рассветных сумерках и похожа на серую недвижимую ленту среди объемного декорационного полотна, настолько контрастные краски: зеленая трава и коричневые дувалы, совершенно синее небо и темные горы, отбрасывающие густую тень. Дорога и останется безлюдной, пока не пройдут по ней саперы и не объявят: «Мин нет, путь свободен». И так каждое утро.

Наша колонна в составе четырех машин двинулась в путь с рассветом. До того я уже успел познакомиться и с механиком-водителем бронетранспортера рядовым Иваном Шрамяковым, которому знакомы на дороге каждая заплатка, и с веселым пулеметчиком рядовым Владимиром Куриленком. Они пригласили меня в свою машину. Но я хотел быть все время рядом с лей-

тенантом Андреем Точкиным, чтобы все видеть и слышать. Поэтому устроился с ним на броне разведывательной дозорной машины, которую мастерски вел рядовой Анатолий Куашев.

Миновали последний пост охраны, вышли на трассу, спешились. И до контрольного диспетчерского пункта двигались со скоростью, которую задавали младший сержант Анатолий Пилюгин и восточно-европейская овчарка по кличке Дина. Они шли впереди. За ними — сержант Мердан Магомедов и младший сержант Дмитрий Чумерин с миноискателями. Следом со щупами — младший сержант Кирилл Филиппов и рядовой Максуд Ураков.

Честно говоря, я не очень был уверен в способностях собаки отыскивать замаскированные мины. Да еще пластмассовые, итальянского производства. И даже с сомнением воспринял вчера рассказ старшего лейтенанта Владимира Федорова, знакоmintьего меня со своим «собачьим» хозяйством. А рассказывал он о каждой из своих подопечных — о повадках, о характере, о поведении в той или иной обстановке. Сообщил, что за прошедший месяц собаки минно-розыскной службы обнаружили пять Т-6,1 (такую маркировку имеют итальянские противотанковые мины). А всего за прошлый год — 34.

Старший лейтенант В. Федоров родился и вырос на Волге, в городе Чебоксары. Там сейчас живут его родители — Зинаида Александровна и Александр Никифорович. «Будь осторожен, сынок», — писала ему в последнем письме мать.

А саперу и нельзя без осторожности, он, как известно, может ошибаться только раз. Владимир Федоров ни разу не ошибся, хотя приходилось иметь дело и с английскими, и с итальянскими смертоносными изделиями, и с самоделками, и с неуправляемыми фугасами...

Когда Федоров узнал, что его лучший друг старший лейтенант Александр Меньшиков подорвался на mine, он сказал:

— Не верю. Он жив.

А когда пришло известие, что тот действительно жив, заплакал.

Федорова иногда называют теоретиком, причем без малейшей иронии. Потому что любое практическое дело всегда сначала с присутствием ему спокойствием и рассудительностью пытался обосновать теоретически.

Дружит со старшим лейтенантом Вячеславом Светловым, с которым вместе окончил военное училище в Тюмени, и с лейтенантом Андреем Точкиным. Все трое пишут письма в Краснодар Александру Меньшикову.

— У Федорова талант — работать с собаками, — сказал о нем капитан Валерий Ратько. — Даже свою методику разработал. Вы бы посмотрели, как Дина работает...

А Дина между тем особого беспокойства не проявляла. Рыжая, с черной спиной, она натягивала поводок, рыскала от одной обочины к другой, замедляла поиск возле выбоин и рытвин. Но не задерживалась долго, а тут же снова устремлялась вперед. В особо подозрительных местах притормаживали и саперы.

Наверное, я ожидал, что едва тронемся с места, как тут же дорога преподнесет сюрприз. Но прошли два-три километра, а все было тихо и спокойно, и напряжение первых минут стало ослабевать. Миновали мостик, возле которого находился пост афганской армии. Караульные приветствовали саперов как старых знакомых.

Солнце уже выкатилось из-за гор, огромное и ослепительное. Утро было таким мирным и светлым, что даже забылось на миг, что здесь, на опаленной огнем земле, идет необъявленная война и что на этой обрызганной солнцем дороге мо-

жет подстерегать кого-нибудь железная или пластмассовая смерть.

Дина дернула вправо, но, не дойдя до обочины, потянула по прямой и остановилась возле черной дорожной заплаты, какие попадались чуть ли не на каждом шагу. Уткнулась в нее носом, поскребла осторожно лапой, села, подняла голову и преданно взглянула на младшего сержанта Пилюгина, ожидая награды. Вроде бы ничего не изменилось, по-прежнему все были по-деловому сосредоточены, но в воздухе незримо и неслышно повисло: «Есть»... Подошли саперы с миноискателями, отрицательно покачали головами, что означало: железа не обнаружено. Пилюгин, как и положено, воткнул предупреждающую указку, хотя в данном случае особой нужды в ней, видимо, не было. Достал из брезентовой сумки собачье лакомство. Дина его заработала. Повел ее назад, к остановившемуся на некотором удалении бронетранспортеру. Собакам тоже требуется отдых, и теперь на дорогу должен был выйти рядовой Виктор Панов с овчаркой Тагри.

Лейтенант Точкин дал всем команду: «В укрытие», а сам направился к так похожей на другие дорожной заплате.

Лейтенант А. Точкин. Как и Федоров, он окончил военное училище в Тюмени. Только позже, в 1981 году. И тоже никогда не ошибался в своем деле, требующем ювелирной и выверенной точности. Но тем не менее видел в один короткий и страшный миг своей жизни желтую молнию перед глазами и серый взрыв, кинувший его на землю. Это произошло в тот день, когда к нему обратились дехкане с просьбой выручить домашний скот, попавший на минное поле.

В госпитале ему часто снился один и тот же сон: сухая земля, горячее, как пожар, солнце и он сам на этой земле, опрокинувшийся лицом в небо, не чувствующий боли от мно-

гочисленных осколков. Потом над ним склонялась мать, и солнце переставало жечь. Чувствовал влагу на губах и плыл куда-то... Просыпался, оглядывал непонимающими глазами палатные стены и продолжал видеть сухую землю и лицо матери.

Однажды он вот так же открыл глаза и увидел отца. Еще не осознав, что это уже не сон, спросил:

— А мама где?

— Дома осталась.

На полмесяца раньше срока пришел в свое подразделение. Опираясь на палку, прошел через КПП и сел на скамейку. Здесь и увидел его командир:

— Смотри, Точкин, твои.

Через весь городок бежали прослышавшие о приезде своего командира взвода сержанты Сергей Савко и Андрей Айрапетян. А подбежав, не удержались и совсем не по-уставному обняли лейтенанта.

Вечером в общежитии старший лейтенант Федоров сказал серьезно и раздумчиво:

— Правильно сделал, Андрей.

А старший лейтенант Светлов добавил:

— Молодец, бача.

Бача — значит мальчик. А у «мальчиков» уже растут усы. И веселый Светлов, взяв гитару, запел сочиненную кем-то песню про мужественных усатых мальчиков: «Время медленно шло, только быстро усы отрастали...»

— Храбрый до отчаянности, — сказал о Точкине капитан Александр Лапкович, — и излишне горячий. Есть в нем какая-то пренебрежительность к опасной работе. Наверное, привычка притупляет чувство опасности...

В пятинастом рыже-зеленом маскхалате лейтенант Точкин стоял на коленях и осторожно, одними пальцами расчищал землю. Углубление становилось все больше, но никаких следов мины не обнаруживалось. Удивительно, но никто, как мне ви-

делось, не ощущал ни особого беспокойства, ни тревоги. В том числе и сам невозмутимо-спокойный лейтенант Точкин. Судя по всему, для саперов все было очень буднично. Каждый из них мог проделать работу, какую сейчас делал их командир взвода. Ямка под его пальцами получилась почти правильно круглой и какой-то выпуклой, с углублениями по краям. В этом углублении показался наконец желтый ребристый бок мины, а пальцы Точкина продолжали аккуратно очищать его от земли.

Все остальное заняло несколько минут, пока он распустил шнур с привязанной к нему маленькой «кошкой», зацепил ею желтый пластмассовый бок, отошел на длину шнура к укрытию и дернул. Мина «выковырилась» из своего гнезда. Через две минуты он направился к ней и вывернул взрыватель — беленький штырек в круглой, с красивыми насечками крышке.

Так вот она какая, слепая пластмассовая смерти! Именно слепая, потому что мина не выбирает жертву. Нередко, и о таких случаях мне рассказывали, она срывается под мирным грузовиком, калечит ни в чем не повинных людей.

Так откуда же они все-таки берутся — мины, автоматы, гранатометы, пулеметы, — все то оружие, которым пользуются силы контрреволюции?

Вот что писал голландский журналист Э. ван Линден, который несколько месяцев провел среди душманов в районе пакистано-афганской границы: «Поток оружия из Пакистана в Афганистан все время возрастает. Сегодня только через Парачинар оружия перебрасывается втрое больше, чем год назад. Организуют и координируют переброску оружия США».

Душманы, с которыми мне приходилось встречаться, не скрывали, что получают оружие из Пакистана через свою главную банд-квартиру,

расположенную близ Пешавара. И каждому я задавал вопрос: с какой целью вы минуете дороги?

Один из раскаявшихся, бывший главарь двух тысяч душманов — Абдул Гафар Пахлавани, сказал:

— Мы не минировали. Мины ставил Ахтари. — Я понял, что это главарь другой, соперничавшей с Пахлавани банды. — За каждую сработавшую мину он получал деньги из Пешавара. Танк 100 тысяч афганской стоит. Бронетранспортер — 80 тысяч.

Вот и весь стратегический секрет: деньги. США и их партнеры не жалеют средств, чтобы дестабилизировать положение в ДРА. Даже по сообщениям западной печати, они уже истратили на необъявленную войну более миллиарда долларов. Им глубоко безразлично, в кого летят пули и кого разят осколки на этой истерзанной земле.

На одной из пресс-конференций в Кабуле, отвечая на вопросы журналистов, моулави Рухалла из Джелалабада сказал:

— Кто убьет брата-мусульманина, тому место в аду. Я видел, как в один дом ворвались бандиты. Они отрезали головы мужу, жене, пятерым детям только за то, что они не хотели уйти в Пакистан. Я видел, как бандиты жгли мечеть, как убили шестерых мусульман, совершавших намаз. Это люди не защитники ислама — они его враги.

«Враги ислама» в устах моулави, они же «борцы за свободу», по выражению хозяина Белого дома, сожгли половину всех школ и больниц в стране, взорвали несколько опор линии электропередачи, разрушили ряд гидро- и теплостанций, уничтожили 14 процентов всего государственного автотранспорта, убили и продолжают убивать сотни и тысячи мирных людей, 35 миллионов афганцев — таков ущерб, причиненный республике.

Я держал мину в руках, разглядывал ее, такую изящную и уже безо-

пасную, и вдруг понял, что точно такую уже видел и даже дотрагивался до нее. Хотя точно знал, что этого не было. И вдруг вспомнил: ночь, общежитская палатка в одном из гарнизонов, настольная лампа на тумбочке. Стоп! Вот тогда я и потрогал абажур — точную копию верхней части Т-6,1! Не может быть!

— Точкин, а из корпуса такой мины случайно настольных ламп не делают?

— Делают, — буднично ответил лейтенант. — Отверстие для взрывателя как раз под электрический патрон подходит...

Оставалось лишь тихо подивиться солдатской смекалке и ждать нового дорожного сюрприза. Вперед, между прочим, уже вышел рядовой Виктор Панов с овчаркой по кличке Тагри. Но им отличиться не пришлось. Все было спокойно.

...Через час тронулись в путь скопившиеся поблизости от контрольного диспетчерского пункта частные машины. И вскоре шлагбаум открылся перед нашей военной колонной, выполняющей спецрейс по просьбе афганских товарищей. С ней мне предстояло сегодня отправиться дальше.

Этот сладкий и горький рис

Итак, спецрейс. Сорок «Уралов» были загружены рисом, предназначенным для жителей Кабула и его окрестностей.

— Гвоздь, связь проверьте, — приказал гвардии капитан Масленников. Гвоздь — фамилия радиста, а гвардии капитан Масленников — командир разведроты, прикрывающей колонну.

— Есть связь, — доложил радист.

— «Шхуна»! Я — «Путник». Начиная движение, — сообщил по радиации Масленников и передал сигнал на головную машину, в которой находился начальник колонны гвардии подполковник Валерий Светлов.

И мы двинулись по той самой до-

роге, по которой только что прошли саперы.

— Ноль четвертый приказал ускорить движение,— доложил радист гвардии сержант Виктор Гвоздь, и эта команда тотчас же ушла в колонну.

Наш «броник» с выброшенной вверх антенной, движется в центре колонны, поддерживая двухстороннюю связь. Мне тоже нашлось место в этой машине рядом с гвардии прапорщиком Валерием Кока.

Вперед нас — «Урал», загруженный по самые борта. Только в середине кузова сделано нечто вроде окопа среди мешков, в котором разместились с автоматами гвардии ефрейторы Сергей Курочкин и Александр Борзанов. Асфальтированное, с выбоинами шоссе бежит то в гору, то вниз, петляет по склонам. Справа и слева от дороги попадаются глиняные дувалы заброшенных кишлаков. Поди угадай, за каким из них притаились душманы.

Колонна наша между тем втянулась в небольшое ущелье. Масленников предупредил по радию всех своих разведчиков о том, что нужно повысить бдительность. Он сидел в шлемофоне, весь ушедший в маршевые заботы. Сбоку мне было видно его сосредоточенное лицо, оттененные недосыпанием и пылью строгие глаза. Вчера вечером они были другими, его глаза,— улыбающимися и грустными. Это когда он вспоминал семью, показывал фотографию жены и трехлетней Наташки. Наверное, здесь у каждого фотографии близких. Я перевидел их за время командировки множество: детей, жен, невест.

Холмы расступились, стали попадать абрикосовые деревья. И тут колонна остановилась.

— Я — «Путник»,— слышался голос радиста.— Почему стоим?

Ответил ближайший пост боевого охранения афганской армии: на дороге были замечены подозритель-

ные люди, поэтому на маршрут опять вышли саперы.

Вынужденный привал длился часа полтора. Участок, где колонна остановилась, судя по всему, был безопасным. Справа и слева ровное, не позволяющее устроить засаду место. Я выбрался из машины, пошел вдоль колонны. С некоторыми из водителей успел познакомиться раньше. Даже нашел земляка гвардии сержанта Владимира Пономарева. Он первым спросил, откуда я родом, и, узнав, что из Башкирии, весь просиял. Рассказывал про отца и мать, про двойняшек — сестренку и братишку. Полтора года водит Владимир свой «Урал» по беспокойным дорогам Афганистана. В дверце его кабины две заплатки — память о встрече с бандой. Он вспоминает об этом эпизоде спокойно и буднично: такая, мол, у меня работа...

Прямо в кузове четверо солдат подкреплялись сухим пайком. Пригласили и меня в компанию. А чего отказываться? Придется ли когда еще перекусить? Забрался к ним и тоже с аппетитом начал уплетать из консервных банок гречневую кашу. И разговор вроде бы задался, начавшись с обычного: откуда родом? Гвардии младший сержант Евгений Иванов оказался из Астрахани, гвардии сержант Григорий Ососков с Ровенщины, гвардии рядовой Александр Горюнов с Урала и гвардии рядовой Валерий Лубшев из Пензенской области. Иванов спросил меня:

— Правда, что ли, что душманы объявили по кишлакам, что мы рис в Россию вывозим?

Я тоже слышал об этом.

— Во дают! — воскликнул Иванов.— Мы же с севера на юг идем.

Действительно, не надо большого ума, чтобы сообразить, что колонна движется в глубь страны. В кабине одного из «Уралов» находился экспедитор государственной операции товарищ Бахрам. Я уже успел с ним поговорить и узнать в общих чертах его биографию. Для

Бахрама и его брата Замонуддина не было сомнений, какой жизненный путь выбрать. Бедняки из бедняков, они сразу же встали на сторону Апрельской революции. Три года назад брата зверски убили душманы. С тех пор Бахрам не расстается с автоматом, хотя и не солдат, а государственный служащий.

Он стоит возле машины, стройный и худощавый, похожий со спины на мальчишку. Оборачивается, весело улыбается, потом суровее и быстро-быстро говорит по-афгански, вставляя в речь русские слова:

— Рис... дукан... 350 афгани. Кооператив — 280 афгани...

Все понятно: кооператив хочет поприжать частника, продавая меру риса (7 килограммов) на 70 афгани дешевле. В этом тоже утверждение новой жизни, за которую принял смерть его брат...

Саперы сделали свое дело, и мы двинулись дальше.

Начинался самый беспокойный участок пути — три Баглана: Северный, Центральный и Южный. Так назывались населенные пункты. Даже как-то не верилось, что тут может ожидать засада. Дехкане везли на ишаках свою нехитрую поклажу, навстречу попадались разрисованные картинками частные автомобили. Возле духанов на низеньких и огромных квадратных столах сидели, поджав ноги, молчаливые старики. Вдоль колонн бежали с кулками мандаринов мальчишки:

— Купи, командор.

Но стоило выехать из Северного Баглана, как по нервам ударило безлюдье, напряжение стало нарастать. Опять с обеих сторон пошли темные дувалы и сухие арыки. Казалось, тишина, в которой не воспринимался гул моторов, вот-вот взорвется выстрелом, очередью.

Так и случилось. Впереди длинно прострекотал автомат, затем ближе — короткой очередью.

— Началось,— безо всякого вы-

ражения в голосе сказал мой сосед, гвардии прапорщик Кока.

Следующая очередь ударила совсем рядом. Дважды цокнуло по броне. Колонна продолжала двигаться, только заметно увеличила скорость. Потом стрельба так же резко, как и началась, стихла.

— Неужели все? — удивился Кока.

На сей раз действительно оказалось «все». Не то что три дня назад, когда колонна шла из Кабула в Кундуз. Тогда душманы били по машинам даже из гранатомета. Колонна вынуждена была остановиться.

Из кабин автомобилей выскочили водители Виталий Фадеев, Александр Демин, Геннадий Иванов, Сергей Сечев. Упали за скаты автомобилей. По свободной стороне дороги к ним подобралась бронемашина. От головы и хвоста колонны подошли два бронетранспортера, прикрыли своими бортами «Уралы», которые надо было уводить как можно быстрее. К передней машине быстро подполз Фадеев, вскочил в кабину. Но душманская очередь обожгла его. А за рулем «Урала» оказался гвардии капитан Виктор Масленников. Второй «Урал» вывел из-под огня гвардии лейтенант Михаил Алхимов...

Так было три дня назад. Сегодня этот участок прошли почти спокойно. Впрочем, он и раньше считался тихим. По этой автотрассе грузы постоянно шли в ту и другую сторону и без особых происшествий прибывали на место.

Раздумываю сейчас над тем, почему же именно эта колонна вызывает столь яростную ненависть душманов? И нахожу лишь одно объяснение: рис. Контрреволюции невыгодно, чтобы положение с продовольствием в республике облегчилось, чтобы люди видели, что солдаты с красными звездочками в любой момент готовы оказать им помощь.

...«Шхуна» запросила наши позывные, которые означали, что мы ми-

новали все три Баглана. До Пули-Хумри, где колонна должна была заправиться и переночевать, оставалось совсем немного. Завтра предстояло пройти самый тяжелый перевал.

На диспетчерском пункте товарища Бахрама ожидали представители местных органов власти. Пока он разговаривал с ними, мы прикинули: пути нам осталось еще на два дня. Но жизнь вносит свои коррективы. Подошедший к ним товарищ Бахрам сказал, что разгрузиться колонна будет здесь, на элеваторе, такое принято решение. Что необходимо сделать еще один рейс за рисом, договоренность на этот счет с командованием есть...

Пришлось нам расстаться. Я пересел на вертолет, чтобы еще раз побывать в медицинском батальоне и повидать мальчика по имени Удут. Тем более что туда отправили и Виталия Фадеева из нашей колонны.

Наверное, опасность всегда сближает людей. Потому что, распрощавшись с ребятами, я мысленно продолжал оставаться с ними. Видел, как стоят в солдатском кругу заместитель командира роты по политчасти гвардии старший лейтенант Сергей Шагунов. Видел гвардии рядового Юрия Матвеева, который пунцовел и улыбался, когда вручали ему вымпел «Лучшему водителю». Слышал голос зампотеха гвардии старшего лейтенанта Михаила Железнова, сказавшего: «Рис — он и сладкий, он и горький». Горький в том смысле, что за него приходится платить кровью.

Удут — сын батальона

Старик бежал по дороге, борода его тряслась. Время от времени он непонятно бормотал что-то и всхлипывал, прижимая к себе завернутого в тряпье ребенка.

Впереди него семенил мальчик лет двенадцати. Иногда оборачивался, говорил несколько слов деду.

Тот замолкал, но через минуту-другую снова начинал призывать на помощь все небесные и земные силы. Он совсем забыл, что тропа их ведет к «неверным». Если аллах бесилен спасти маленького Удута, пусть помогут шурави, эти непонятные люди, у которых волосы цвета рисовой соломы и глаза как вода в горном ручье.

— Командор, командор, — заговорил мальчонка, обращаясь к дежурному по КПП. Торопливо начал объяснять, показывая на деда и маленького брата.

Сержант понял все без объяснений. Тут же вызвал дежурную машину и позвонил в медицинский батальон.

Случай оказался сложным. Шестилетний Удут был без левой руки, ступня ноги раздроблена, лицо посечено осколками, живыми на нем казались только огромные безумные глаза. Но самое главное, как показал рентген, проникающее ранение в живот. С операцией нельзя было медлить ни минуты.

Какую дозу наркоза дать истощенному мальчику? И каким образом ее ввести, если нет подходящей по размеру интубационной трубки? И хирургических инструментов тоже.

За операционный стол встали пятеро: ведущий хирург капитан медицинской службы В. Ремез, капитан медицинской службы Е. Дьяченко, операционная сестра Лена Лушниковва, врач-анестезиолог А. Дроздовский и сестра Надя Диденко. Интубационную трубку сделали из подсобного материала: обрезали катетер.

Но едва началась операция, как анестезиолог сообщил, что давление упало до минимума. Срочно понадобилась кровь. Но крови необходимой группы не оказалось.

— Возьмите мою, — предложила медсестра Вера Кондусова...

А дед Удута в это время сидел на полу в приемном покое и шептал молитву. Пусть аллах возьмет его

жизнь, но сохранит внука. Он не знал, да и не мог знать, что в этот самый момент жизнь затеплилась в теле мальчика, что 500 граммов крови русской девушки заставили порозоветь его лицо.

— Гемодинамика стабильная,— сказал анестезиолог.

Операцию можно было продолжать.

Чем измерить нервное напряжение хирурга? Каким микрометром выверить точность движения его чутких, вооруженных режущим инструментом пальцев? Крошечные пластмассовые осколки прорезали кишечник. Опять мина итальянского производства, самая вредная из всех, что применяют душманы. Руки медиков удаляли осколки, обрабатывали раны, зашивали. Еще дважды пришлось переливать кровь Удуту. Ее дали выздоравливающие советские солдаты.

Операция длилась около пяти часов.

— Хоть бы проснулся! — сказала Лена Лушникова.

Она уже знала по опыту: если человек проснется на столе, значит, будет жить.

И вдруг Удут открыл глаза, проворчал несколько слов и вновь уснул. Его отправили в реанимационное отделение.

Мальчик пришел в себя на третий день. С ужасом огляделся вокруг, кричал и смолк.

— Проснулся, маленький,— пошла к нему Лена.

Но стоило ей наклониться над ним, как он опять заверещал, как раненый зайчонок. Она отпрянула, заплакала, хоть и притерпелась к людским страданиям. Такая уж женская натура, жалостливая. Она сама была матерью. В Новосибирске у нее осталась с дедом и бабушкой шестилетняя Наташка. И Лена вдруг с ужасом представила дочь на месте этого афганского мальчика. Прокляла мысленно войну и всех, кто ее добивается.

Но не время было давать волю чувствам. Ее ждала работа, надо было разнести больным лекарства, сделать перевязки, в том числе и этому маленькому человеку с опухшим лицом.

А он ничего не понимал, ничего не хотел, ничего не ел. Ремез посоветовал накормить мальчика привычной для него едой. Девчата, взяв охрану, поехали в духан, купили дыни, арбуз, лепешки. От дыни Удут не отказался. Но разве это пища для ослабленного организма?

И все же было заметно, что мальчик привыкает постепенно к новой обстановке. Из всех он выделил Лену Лушникову. Водил по палате глазами, провожая каждый ее шаг, и, дождавшись, когда она сядет к нему на кровать, слабо улыбался. Ей он, хоть и с плачем, доверялся во время перевязок. Из Лениных рук впервые отхлебнул с ложечки куриный бульон. Это было целое событие.

Вскоре Удута перевели в общую палату, туда, где лежали наши больные солдаты.

— Салям,— приветствовал Удута рядовой Сардаров, таджик по национальности. Мальчик восторженно, услышав родную речь, повел глазами.

— Абдунаим,— назвал себя Сардаров.— Исматон чист бача? (Как тебя зовут?)

— Удут,— прошептал ребенок.

Кроме Абдунаима Сардарова и Удута, в палате лежали еще двое: рядовые Игорь Смирнов и Роберт Мингалеев. Они разговаривали с мальчиком, жестикулируя, старались развеселить его и все, что видел глаз, называли по-русски. Игорь спрашивал:

— Как дела?

И сам отвечал, показывая большой палец: «Хорошо!» После чего начинал тихонько петь: «Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет мама...» — и добавлял: «Лена».

Между тем раны заживали не так

хорошо, как хотелось бы врачам. Началось загноение ноги. В ней еще остались маленькие осколки. Ногу надо было спасать. Вскрывали капсулы, чистили раны. Вводили антибиотики, делали обезболивающие уколы. Удуд терпел, только мычал, когда было невозможно.

Пришел дед проводить внука. Увидел Удута улыбающимся, заулыбался сам, закивал головой. Схватил руку рядом стоящего Ремеза, пытался поцеловать ее.

— Шурави доктор, шурави доктор... — Старик начал что-то объяснять. Сардаров перевел: не мог дед раньше прийти, боялся душманов. Эту ночь просидел в арыке, чтобы не попасться им на глаза. Кланяется советскому доктору и может отблагодарить только своей жизнью.

С этого дня выздоровление пошло полным ходом. Наступил день, когда Удуд впервые встал с кровати и заковылял к Игорю Смирнову. Спросил:

— Как дела, командор? — И сам ответил: — Хорошо, — подняв большой палец.

Лена сшила ему трусики, майку, рубашку, шаровары. Он перебирал обложки, глазенки его сверкали. Показывал жестами, что хочет немедленно надеть все это. Но Лена не соглашалась, смеялась и говорила:

— Вечером.

Вечером девочки взяли его с собой в баню, и в палате он появился преобразенный. После ужина Игорь взял его на руки и понес в летний клуб. На экране пробирались по горам люди. Удуд съезжился, прижался к Игорю. Видно, что-то знакомое почувдилось мальчику. А когда появились басмачи и стали стрелять в красноармейцев, он вцепился рукой в Игоря и зашептал:

— Душман, душман.

Фильм кончился, а Удуд не хотел уходить. Просил по-русски: «Давай, давай!» — и показывал на экран.

Теперь он не пропускал ни одной кинокартины, его нельзя было отта-

щить от телевизора. А когда нога окрепла, исчезал из палаты, наведывался к друзьям, а их — целый батальон. Перезнакомился со всеми водителями санитарных машин, просил: «Прокати, командор». Первым бежал в столовую, помогал разносить посуду. Довольно бегло стал говорить по-русски.

Когда привозили раненых афганских солдат, тут же подходил к ним и начинал разговор. А чтобы окружающим было понятно, о чем он ведет речь, пояснял по-русски:

— Душман стрелял, душман-басмач... Шурави доктор хорошо, борщ хорошо, кино хорошо.

Раненые улыбались ему, глядели веселее.

Настал день выписки. Пришел дед, принес халат. Последний раз позавтракав в солдатской столовой, Удуд побежал прощаться. Прощался долго, чуть ли не целый день. Потом переоделся в свое. Дед упаковал сшитые Леной вещицы. Лицо Удута было грустным, вот-вот расплывается. Перед тем как им уйти, пришел Ремез с фотоаппаратом, сказал: «Встаньте рядом, я вас сфотографирую на память». Наверное, дед не понял, потому что встал на колени и несколько раз поклонился, а Удуд сорвался с места, подбежал к Лене Лушниковой, обхватил ее единственной рукой. Вот тут она не сдержалась, заплакала. И Надя Диденко не сдержалась. Уходил в неизвестную жизнь сын батальона — так стали называть Удута.

Потом он стал рядом с дедом. Тот приложил руку к сердцу. А Удуд поднял свою ручонку, сжатую в кулачок.

Такими и остались на фотографии дед с внуком.

Гранатовый цвет

Ничего розового вокруг не было. Все розовое осталось внизу, где цвели абрикосы и гранаты, где остались асфальтированные дороги и

где на одном из постов началась дружба сарбаза Абдуллы и сержанта Николая.

А тут были снега и внизу, как кипы нечесанной белой шерсти, копились облака.

— Кто такой Николай? Откуда? — тихонько спросил я у старшего лейтенанта Юрия Шлямара.

— Не знаю, — ответил он.

А сержант Леонид Харьков, или просто Леха, продолжал петь:

Гранатовый цвет,
Гранатовый цвет,
Гранатовый цвет
На дороге.
И нас уже нет —
Ушли мы в рассвет,
Ушли мы в рассвет
по тревоге...

Гриф гитары в его ручищах казался узеньким и хрупким. Он наклонил набок свою коротко остриженную лобастую голову, будто прислушивался к словам или вспоминал то, что было с ним самим. Скуластый, сероглазый, светлоусый — он ушел в эти мгновения отсюда, покинул свой временный приют — сложенный из крупного камня домик, где солдаты живут вместе со своим командиром и несут службу по охране важного объекта.

Гранатовый цвет,
Гранатовый цвет...

Я видел их только вчера, цветущие гранаты. Но в этом полудомике-полуземлянке, на высоте почти 2300 метров, песенный рефрен ассоциировался с другим словом. В отгороженной клетушке, «спальне и кабинете» старшего лейтенанта Шлямара, лежали на столе несколько похожих формой и размером на лимоны гранат. На кровати — автомат, на стене — подсумок с дисками рядом с фотографией, на которой тарачил глазенки, прижавшись к матери, крохотуля мужчина по имени Женька. Гранаты, автомат, фотография, а снаружи запорошенные снегом окопы — и вдруг «гранатовый цвет, гранатовый цвет...».

Ну где ж ты бродишь, сержант Леха Харьков? Куда увела тебя твоя песня? Может быть, ты давно уже в своей родимой Воркуте, там, где жил и живет один красивый ненадежный человек? Забудь, сержант! Всякое бывает в жизни. Не дождался тебя тот человек, значит, не хватило чувства, значит, не хватило верности. Считай, что к лучшему, потому что солдату без верности никак нельзя.

А в песне между тем события развивались своим чередом. Подружились сержант Коля с Украины и сарбаз Абдулла из Джелалабада. Несли рядом службу, делились куревом и учили родному языку друг друга.

В Афганистане песни просто так не рождаются. Они выплескиваются, давая волю чувствам. Я слышал их немало, неизвестно, кем и в какой обстановке сочиненных. Вероятно, некоторые из песен несовершенно, если подходить к ним со строго профессиональными мерками. Но в них есть настоящее мужество и то настоящее знание жизни, без которого не бывает подлинного искусства. И в основе их почти всегда лежит что-то реальное, они — отклик на вчерашний и сегодняшний день.

Значит, и в реальности были, дружили Николай и Абдулла. А потом пошла бродить песня из городка в городок. Как я ни пытался, не мог найти ее истока, хотя сплошь и рядом натывался на какие-то похожие события, повествующие о дружбе между советскими и афганскими воинами, о стремлении всегда прийти друг другу на помощь.

Меня тоже увела песня из землянки, вернула на несколько дней назад.

...На небольшой поляне, спускающейся к реке, тесно от многолюдья, шумно и весело. В афганский полк приехали в гости советские воины. Стоял на поляне стол, накрытый красным полотном, развевались на высоких шестах флаги: афганский и советский. Были, как водится, речи, понятные даже без переводчика. По-

том начались соревнования в стрельбе из личного оружия, где победителем всегда становится дружба. В новой кухне варился плов для совместного обеда.

А мы сидели под цветущим гранатом: командир полка полковник Абдул Гафур, подполковник Александр Шапошников и я.

— Вот здесь это было, — сказал Шапошников.

Я невольно огляделся, представляя, как крадется между деревьев в сумерках темная фигура, как, подняв пистолет, ловит на мушку появившегося на крыльце Абдул Гафура. Как, услышав выстрел, выбегает из дома Шапошников. Но, видя, дрогнула рука у бандита, он промахнулся и кинулся прочь от бросившегося вслед русского офицера.

Они живут рядом, Шапошников и Абдул Гафур. Обоих служба заставила покинуть на время семьи. И у того и у другого по трое детей.

У Абдул Гафура в восемьдесят первом году душманы убили брата. Позавчера ему пришлось уже третье письмо с угрозами: не уйдешь отсюда — убьем, как твоего брата.

Мы сидим под розовым деревом и еще не знаем о том, что не доведется нам отвесть плова, что через полчаса на одну из батарей нападут душманы и тревога раньше времени завершит этот веселый праздник дружбы...

Праздник праздником, а будни — вот они: взрывы, выстрелы, протянутые ручонки афганских детишек, заострившиеся лица раненых.

— Спасибо, доктор, — сказал мне в советском медицинском батальоне сарбаз Али-Ахмат, он принял меня за врача, увидев белый халат. — Когда-нибудь у нас будет много своих врачей.

...На другой день я снова был в пути. Нашей колонне предстоял путь через Гиндукушский хребет. Цвели гранаты, и высоко вверху нечесаной белой шерстью бугрились облака.

Красно-дымный факел загородил дорогу. Вот-вот рванет, и тогда пойдут полыхать другие цистерны. И надо что-то предпринимать в эти секунды, потому что беспомощность и ожидание беды самое страшное... И нигде не видно рядового Владимира Крота, водителя полихающего «Урала». Неужели все сидит в кабине? И рядовой Виталий Музыка, укрывшийся за передним колесом ближайшей к дымному факелу машины, бормочет в ярости:

— Ах ты, нечисть душманская! Ах ты, харя бандитская!

Оторвался от колеса и пополз к горящему «Уралу». И никак не может доползти, хотя расстояние всего-то десять метров. Потому что факел вдруг тронулся с места и пошел, забирая вправо, туда, где далеко внизу билась между скал чистая голубая речка.

«Урал» боднул придорожный слабенький столбик, накренился, замерев на мгновение, и, будто решившись, сунулся вперед всей массой. В эту секунду и выскочил Крот из кабины, упал на землю, вытянул шею, провожая в последний путь железного друга...

Вот и все. Дорога была свободна. Она вела в Кабул, где через двое суток Крот и Музыка будут наливать горячее в бидоны и бадейки кабульским жителям, оставшимся без света и без топлива. И Музыка опять подумает: «Ах ты, нечисть душманская! Целый бензовоз угробили. Скольким бы людям хватило!»

— Все! Порулили! — сказал Виталий Музыка. — Теперь до самого Саланга будем вверх вкручиваться.

И колонна стала вкручиваться по серпантину. Впереди был хребет Гиндукуш и самый высокогорный в мире тоннель под названием Саланг. Наверное, если посмотреть

сверху, наша колонна напоминала гармошку: то растягивалась, то сжималась по команде старшего — командира автороты капитана Евгения Тетерева, находящегося с рацией в головном «Урале». Остались внизу цветущие абрикосовые деревья, реже по обочинам попадался тутовник. И совсем, казалось, рядом белел на вершине вечный снег.

Веселый и разговорчивый человек, Виталий Музыка то напевает себе под нос, то рассказывает байки. Причем все в его рассказах происходит запросто и обязательно с юмором. Лишь иногда он сердито бубнит — в те моменты, когда нечетко получается у него с переключением пере-
дач.

Первый рейс совершает рядовой Музыка на новеньком КамАЗе. Недавно отправил «на пенсию» свой заслуженный, побывавший во многих переделках «Урал» и еще не привык к новой машине. Об этом он сказал с такой хвастливой непосредственностью, что поневоле подумалось о нем и о других, таких, как он: совсем еще мальчишки! Не знают себя и не задумываются над тем, что они делают сию вот минуту и на что способны в своей мудрой безоглядности, своем понимании слова «надо». Надо — и поехали, надо — и за руль горячей машины, надо — ну и наплевать на опасность!

Тут и вспомнился недельной давности разговор с опытным политработником Александром Ивановичем Овчинниковым.

— Военные водители, — говорил он, — оказались в условиях Афганистана на самом остром жизни.

В самом деле, от водителей во многом зависит нормальная жизнь тысяч людей. В Афганистане нет железных дорог. А продовольствие, горючее, медикаменты нужны всюду. И уходят колонны в рейсы, которые длятся по нескольку суток и даже недель. Водители не спят там, где их застала ночь, и кабина автомобиля для них — что стены родного дома.

Почти всегда впереди них идут саперы. Не так уж редко поджидает колонну душманская засада, и тогда от военного водителя требуются и самообладание, и шоферское мастерство, и личная храбрость.

Для старшего лейтенанта Вадима Центило на всю жизнь осталось в памяти узкое ущелье. Откуда-то сверху и справа, не переставая, бил пулемет. А Вадим метался от машины к машине, выводя одну за другой в безопасное место. Это единственное стремление заслонило собой в те минуты и реальную опасность, и мысль о том, что и его может зацепить очередь. Восемь машин вывел он из-под огня.

Наш железный караван из наливных машин взбирается все выше. Моторы надрываются из последних сил. А Музыка что-то бодро напевает. Неожиданно я улавливаю старую мелодию — песню нашего военного детства: «Ордена недаром нам страна вручила...» Где он ее услышал, трудно сказать. Только она как нельзя лучше соответствовала обстановке, настроению... Конечно же, награды выбирают достойных. И старший лейтенант Центило, и прапорщик Криваковский, и начальник нашей колонны капитан Тетерев — орденосносцы. И рядовой Крот, и его боевые товарищи по роте рядовые Сенько, Вернидуб, Водько тоже имеют государственные награды.

— А у меня медали нема, — вдруг грустно сказал Музыка. — Отслужу, вернусь, и меня спросят: чего ты так плохо служил? А разве плохо? Больше сорока рейсов сделал...

Близость перевала чувствуется. В скальных нишах замерли дежурные тягачи. Навстречу иногда выскакивают комендантские «уазики», из которых непрерываемо доносится усиленный громкоговорителем голос:

— Держитесь правой стороны.

У одного из диспетчерских пунктов привал, где водители должны «обуть» свои машины: натянуть на колеса цепи, чтобы обезопаситься

от гололеда. Тут мне пришлось, к огорчению моему и рядового Музыки, распрощаться с ним. На подходе была другая колонна, которую вел командир автобата майор Анатолий Павлович Ваньков. С ним мы еще вчера договорились о встрече на Саланге.

Саланг — это перевал, по которому когда-то пролегал караванный путь через Гиндукуш. Тягуче и медленно поднимались нагруженные тюками верблюды, и голоса погонщиков нарушали снежное безмолвие. Несколько дней полз караван среди полного безлюдья, преодолевая заносы и осыпи по скальным тропам.

Автомобильная трасса, которая ведет нас вверх, проложена несколько западнее старого караванного пути. Строили ее советские специалисты по соглашению, подписанному в 1956 году. Это была исключительно сложная техническая задача, решать которую пришлось в невероятных трудных условиях. Снежный покров достигал четырех-пяти метров, камнепады и мощные лавины временами заставляли все начинать с нуля. Чтобы уберечься от них, пришлось построить несколько железобетонных галерей, которые вместе с пробитым в скальной толще тоннелем протянулись почти на пять километров. В сентябре 1964 года новый Саланг пропустил первую автомобильную колонну и с тех пор служит верой и правдой людям.

...Сначала шлагбаум пропустил сухогрузы. Сейчас готов открыть путь колонне, в которой остались неунывающие даже без медали Виталий Музыка, отчаянный Виктор Крот, погруженный в заботы молчаливый командир Евгений Тетерев и все, с кем я ехал раньше. Теперь мое место в кабине КамАЗа рядом со скупым на слова и жесты водителем рядовым Александром Дремовым. Без лишних слов и вроде бы неторопливо он одним из первых «обул» свой КамАЗ, стал помогать товари-

щам. А я прошел вперед — туда, где ту же операцию проделывали афганцы — водители частных «бурубухоек». Такое прозвище получило все, что способно двигаться, что способно для русского глаза эти разрисованные сплошь экзотическими картинками автомобили со шкурками, болтающимися впереди и сзади. Считается, что эти кисти отгоняют злых духов, а значит, и охраняют груз, уложенный в кузова сверх всякой нормы. Один из водителей не стал «обувать» свою «бурубухайку», сверкнул зубами, объясняя что-то коллегам, сел за руль и был таков...

Вскоре трогаемся и мы. Вокруг только снег. И огромные валуны с белыми шапками, нависшие над пропастью. Изредка встретится тонкий, укрепленный камнями прут с цветным, чаще зеленым или красным лоскутом на конце. Это место захоронения...

Но вот и тоннель, знаменитый Саланг, венчающий собой перевал Замистан. 3300 метров над уровнем моря — это надо привыкнуть, чтобы жить здесь и нести службу.

— Привыкли! — сказал старший лейтенант Сергей Лисицын. — Конечно, сначала после Хорошевки было тяжело...

— После какой Хорошевки?

— А я жил в Москве рядом с «Красной звездой»...

Вот так и пересекаются пути людские, так и встречаются знакомые, однокашники, земляки в самых неожиданных местах, куда только может забросить армейская служба. Лисицын и стал нашим провожатым, гидом, кормильцем. Да, да, и кормильцем, потому что поесть в пути горячего — дело совсем даже не простое.

Я перезнакомился с десятком людей, которые обеспечивают прохождение автомобильных колонн, несут патрульную службу, чуть ли не ежедневно расчищают заносы, вывозят из снежного плена засыпанную технику. Капитан Николай

Вялец, майор Петр Пальчиков, старший лейтенант Александр Дробница, лейтенант Василий Ковалев, рядовой Разимурад Джумаев, сержант Юрий Дорохов... Люди в Афганистане и знакомятся и сходятся быстро, потому что всех связывает память о родных краях. И к свежему человеку у каждого первый вопрос:

— Ну как там, на Родине?

А уж потом о житье-бытосе, обязательно о медлительной работе почты, о сюрпризах, которые преподносит высокогорье.

Совсем недавно сошли две лавины. Одна из них накрыла домик — нечто среднее между общежитием и гостиницей. Лавина выдавила окна и двери и, словно насосом, стала настигивать снегом комнаты.

Представляю, как это было неожиданно и опасно для ночевавших там людей, которые выбрались через слуховое окно с другой стороны в белье и побежали босиком по снегу. Но тут же вернулись, сообразив, что в доме мог еще кто-то остаться. Снова полезли в окно майор Игорь Купцов, прапорщики Владимир Мележ и Владимир Косенчук...

На этом самом месте майора Пальчикова прервал телефонный звонок. Кому-то срочно требовалась помощь. Обгоняя колонну, помчался вперед «уазик». Оказалось, легла на бок, загородив дорогу, «бурубухайка», тот самый автомобиль, который не захотел почему-то «обувать» афганец-водитель. Тут же была вызвана спасательная техника, и путь снова свободен...

И опять замелыкали повороты, галереи. Только теперь уже дорога бежала вниз, навстречу траве и деревьям. Вроде бы и речка стала пошире, но буйствовала по-прежнему, падала с базальтовых уступов, разби-

ваясь на тысячи серебряных осколков.

Через час показался первый кишлак, на окраине которого за глиняным дувалом стоял двухэтажный дом с красным флагом. В нем находился сторожевой пост. Перевал остался позади, и началась равнина.

С Дремовым не поговоришь. На все вопросы отвечает односложно и даже вроде бы стеснительно: что, мол, про себя рассказывать? Хотя я знаю, что он один из лучших водителей батальона и, как сказал командир, «со стопроцентным коэффициентом надежности». А путь у нас еще долгий, до самого Кабула. И целая ночь впереди, с ужином, с неторопливыми беседами, с привычным сторожким сном.

Они проходят сейчас перед глазами, все, с кем свела меня дорога, — офицеры Евгений Мацюк, Дмитрий Прохоров, Вячеслав Петров, сержанты Сергей Пермяков, Юрий Попов, рядовые Петр Мурзин, Александр Дементьев и многие другие, которых солдатская судьба оторвала от родимых мест и в которых обостренно живет чувство отчуждения края. Оно, это чувство, вылилось у безымянного самодеятельного поэта в песню под названием «Кукушка». Я слышал ее в тот последний ночной привал:

Я тоскую по родной земле,
По ее рассветам и закатам.
На афганской выжженной земле
Спят тревожно русские солдаты...
Так что ты, кукушка, погоди,
Пережди какую-то минуту.
У солдата вечность впереди,
Ты ее со старостью не путай.

Ждут солдат на Родине рассветы и закаты, ждут матери и жены, русоволосые и чернокобые девчонки. А солдаты ждут писем.

СОДЕРЖАНИЕ

Дела суть — в пехоте! . . . 3

НА СТРАЖЕ МИРА

Основа Сухопутных войск . . . 4
Школа мужества 8

ОГЛЯДЫВАЯСЬ В ПРОШЛОЕ

Пехота античности 14
Жизненная основа войска . . 33
Армии становятся массовыми 62
В эпоху мировых войн . . . 78
«Так пусть же Красная...» . . 90
«Вставай, страна огромная...» 103

ЗАЩИТНИКИ ОТЧИЗНЫ

Сердцем твоим 137
Командовал ротой... . . . 140
Шли товарищи... 143
Ак-Идель — белая дорога . 153
Там, где труднее 157
В ночь перед атакой... . . 164
След метеора 167
Уроки старшины 173
«Особенный» сержант . . . 179
Маршальский жезл 183
Тайфун 189
Завещаю тебе 192
Солдатские весны 196
Поэтическая тетрадь 207
Музы лейтенанта Елочкина 213
Покори свою высоту 216
Творцы оружия 222
Пистолет Макарова 223
Для боя, для победы 229
Автомат Калашникова . . . 233
Гранатовый цвет 238

**Честь и слава пехоты: Сборник / Сост. В. М. Тик-
Ч—51 кыч.— М.: Мол. гвардия, 1986.— 255 с., ил., фо-
тогр.— (Есть статья в строю!)**

1 р. 20 к. 100 000 экз.

В сборнике содержится богатый материал об истории, развитии пехоты — старейшего рода войск. О русской пехоте, покрывшей себя славой на Куликовом поле, под Полтавой, Бородином. О красных стрелках и о мотострелках, составляющих основу Сухопутных войск Советских Вооруженных Сил.
Книга рассчитана на юного читателя.

Ч 1301000000—082 069—86
078(02)—86

ББК. 68.512
355.721

ИБ № 4807
ЧЕСТЬ И СЛАВА ПЕХОТЫ

Редактор С. Ионин
Художник О. Пархаев
Художественный редактор В. Федотов
Технические редакторы Г. Прохорова, З. Ахметова
Корректоры И. Ларина, Т. Крысанова, В. Назарова

Сдано в набор 01.10.85. Подписано в печать 03.03.86. А07659. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,8. Усл. кр.-отт. 84,1. Учетно-изд. л. 20,7. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 20 к. Заказ 1345.

Типография прдена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сушешская, 21.

